

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Вячеслав
Козляков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1089

(889)

Вячеслав Козляков

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

МОСКВА.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2004

УДК 94(47)«17»
ББК 63.3(2)45
К 59

ISBN 5-235-02699-3

© Козляков В. Н., 2004
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Царь и великий князь всея Руси Михаил Федорович — первый царь из династии Романовых, правившей Россией с 1613 года, — пробыл на престоле тридцать лет. Из всей 300-летней истории самодержцев Дома Романовых на его долю выпала десятая часть. Если бы каждому из двадцати царей романовской династии было отпущено столько же времени, династия эта могла бы продержаться у власти и другие триста лет. Однако тридцатилетний рубеж, когда появляется целое поколение, выросшее при одном царе, в России преодолевали немногие правители. Если начинать с московского периода, то это: великий князь Иван III Васильевич (1462—1505), царь Иван IV Васильевич Грозный (1533—1584), Михаил Федорович (1613—1645), его сын царь Алексей Михайлович (1645—1676), император Петр Великий (1689—1725), императрица Екатерина Великая (1762—1796) и Николай I (1825—1855). К этим именам приходится добавить и имя другого, советского самодержца Иосифа Сталина, так или иначе бывшего на вершине власти в СССР те же тридцать лет. Нетрудно заметить, что каждая из эпох, которые обычно персонифицируются с перечисленными властителями, была по-своему переломной в истории России. В каждой из них был свой нерв, своя идея, и время пребывания у власти того или иного государя оказывалось фактором, кардинально влиявшим на судьбы страны. Для эпохи Михаила Федоровича основное направление царствования было задано драматическими обстоятельствами его возведения на престол в 1613 году в разоренной лихолетьем Смутного времени Москве.

России предстояло выйти из кризиса, поразившего до основания все ее государственные институты, сословия и даже умы и души современников. И сделать это должен был 15-летний царь Михаил Романов! Нечего и говорить об иррациональности такого выбора, давшего основания для шу-

ток о том, как московские бояре выбрали Мишу Романова, чтобы самим править при юном царе, и слухов об ограничительной записи, выданной царем Михаилом Федоровичем при вступлении на престол (никакими определенными свидетельствами источников на этот счет историки не располагают). Какими же путями все-таки был преодолен кризис Смуты? Достигнут ли был желаемый итог? В чьих руках действительно была власть? Как сказался период царствования Михаила Федоровича на жизни его подданных и на истории России? На эти и другие вопросы и будет пытаться найти ответы автор. Вопросы эти, естественно, не простые, и поиск ответов на них нелегок. До сих пор, в отличие от других самодержцев-«долгожителей», каждому из которых посвящены десятки книг, полной научной биографии царя Михаила Федоровича не было написано.

Одного долголетия на престоле, конечно, недостаточно, для того чтобы изучать биографию самодержца. Понятно, что нас привлекают эпохальные картины переустройства России при Петре I и Екатерине II. Но чем может быть интересна современному читателю история выбранного периода — 1613—1645 годы? Может быть, справедливо то, что отсутствие ярко выраженной «харизмы» у царя Михаила Федоровича сделало его навсегда аутсайдером исторических хроник и романов? В этой книге делается попытка опровергнуть стереотипы восприятия того далекого царствования. В России никогда не жили скучно и предсказуемо. Просто эпоха Михаила Федоровича оказалась скрытой под позднейшими культурными напластованиями. Время его царствования было переходным, но без его изучения можно не понять что-то важное в действиях его внука Петра I и даже отдаленного потомка Николая II, с размахом отметившего 300-летие Дома Романовых. Царь Михаил Федорович может считаться основателем романовской династии во всех смыслах.

Есть очевидная зависимость исследований историков от общественного интереса к тем или иным историческим эпохам и фигурам. Н. М. Карамзин не успел написать историю царствования Михаила Федоровича, остановившись в своей «Истории государства Российского» на событиях 1611 года. Интерес к истории Московского царства, пробужденный великим историографом, не пропал; у него появились последователи, в частности В. Н. Берх и Н. Г. Устрялов. Но не историки, а композитор М. И. Глинка прославил Михаила Романова в опере «Жизнь за царя». Опера пришлась очень кстати известной официальной доктрине царствования Николая I: «Православие. Самодержавие. Народность».

Уже следующее поколение, современники либеральных преобразований середины XIX века, отвергло эту доктрину. Б. Н. Чичерин углубился в изучение особенностей областного управления Московского государства, во многом заложив традиции научного изучения допетровской эпохи. Н. И. Костомаров пытался не только развенчать легенду об Иване Сусанине, но и написал один из первых биографических очерков о царе Михаиле Федоровиче. История 1613—1645 годов получила освещение в общих курсах С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. На рубеже XIX—XX веков появились замечательные исследования и публикации А. С. Лаппо-Данилевского, С. Б. Веселовского, П. П. Смирнова, Л. М. Сухотина, пролившие свет на сложнейшую и запутанную историю московских финансов, землевладения и центрального и местного управления в Московском государстве первой половины XVII века.

Ушедший двадцатый век начинался в России романовским бумом, в связи с упомянутым юбилеем династии. Тогда царь Михаил Федорович был одним из самых популярных исторических героев, свидетельством чему — многочисленные издания по истории Дома Романовых. Его изображение в шапке Мономаха тиражировалось на памятных монетах вместе с портретом царствующего императора Николая II. Тем самым родоначальник династии царь Михаил Федорович включался в идеологический пантеон, где давно уже были прописаны Петр Великий и Екатерина Великая. К 1913 году относится и всплеск профессиональной активности (частично стимулировавшийся казной) по изучению царствования Михаила Федоровича. Тогда появились исследования П. Г. Васенко, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, Е. Д. Сташевского, Д. В. Цветаева и др.

После 1917 года разрешено было только обличать царскую тиранию, и, как результат, произошло искажение в восприятии царствования Михаила Федоровича. Показательна судьба оперы М. И. Глинки, когда-то утвердившей духовное значение царя Михаила Федоровича в русской истории. Переименованная в «Иван Сусанин», она продолжала утверждать народность, но уже для советских самодержцев. Из нового либретто (С. М. Городецкого) вообще исчезло упоминание о каком-либо царе. Изучение С. Ф. Платоновым в книге «Россия и Запад в XVI—XVII вв.» процесса привлечения иностранцев на русскую службу при Михаиле Федоровиче было инкриминировано ему в вину в рамках «академического дела» в 1929/30 году. Даже в не столь давнем 1983 году в редакции журнала «Вопросы истории» по-

боялись напечатать обнаруженную А. Л. Станиславским «Повесть о земском соборе 1613 года», чтобы избежать упреков в «праздновании» юбилея династии.

В зарубежной историографии России, ангажированной современными политическими темами, мало интересовались XVII веком. Общий очерк царствования Михаила Федоровича вошел в последний том «Истории России» Г. В. Вернадского, вышедший в издательстве Йельского университета в 1960-е годы. Этим временем интересовался также покойный немецкий историк Х.-Й. Торке, изучавший земские соборы XVII века (он называл их московскими собраниями), а также американский исследователь боярской элиты XVII века профессор Р. Крамми.

Наконец, когда рухнуло искажающее влияние советского идеологического диктата, историки мало что смогли предложить своим читателям. разве что репринты лучших работ прошлого и популярные очерки, удовлетворяющие самый общий интерес к исторической фигуре царя Михаила Федоровича. Между тем этого явно недостаточно. История первых лет трехсотлетней династии может оказаться снова интересной читателю. И интересной именно сегодня, потому что опыт людей начала XVII века, переживших Смуту и нашедших выход из нее, может показаться в чем-то знакомым и утешительным. Это не значит, что вся работа наполнена прямыми параллелями. Пусть читатель прочтет приведенные в тексте цитаты из документов и сделает выводы сам. Автор же будет считать цель настоящей книги достигнутой, если у читателя появится свой образ первого русского царя из династии Романовых.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАЧАЛО ДИНАСТИИ

Глава первая РОМАНОВЫ: ПУТЬ К ТРОНУ

**Род Андрея Кобылы. —
Захарьины-Кошкины. —
Романовы-Юрьевы**

В средневековой России принадлежность к той или иной семье или целому клану определяла будущее потомков на многие поколения вперед. Судьба Михаила Федоровича изменила и судьбу его рода, сделав Романовых на триста лет царствующей фамилией. Но если «отлистать» летописи от 1613 года на те же три века назад, мы увидим родоначальника этого клана, Андрея Ивановича Кобылу, на службе у московского великого князя Симеона Гордого, сына Ивана Калиты. Между боярином Андреем Кобылой, жившим в середине XIV века, и царем Михаилом Федоровичем Романовым (1596—1645) всего 7 прямых предков — Федор Андреевич Кошка, Иван Федорович, Захарий Иванович Кошкин, Юрий Захарьич, Роман Юрьевич Захарьин (от его имени пошла самая знаменитая в мире русская фамилия), Никита Романович и Федор Никитич Романов. Фамилии в роду, как это было тогда принято, давались по имени или прозвищу деда. Так Михаил Федорович стал потомком боярского рода, представители которого в разное время именовались Кошкиными, Захарьинными, Юрьевыми и Романовыми. Фамилия Романов утвердилась только в конце XVI века у Федора Никитича и его братьев — «Никитичей», как их еще называли в Москве.

РОД АНДРЕЯ КОБЫЛЫ

Имя Андрея Кобылы встречается в родословных росписях его потомков в XVI—XVII веках. Известно о нем немного, а именно то, что он «выехал из Прус» (представления о выезде предков знатных фамилий из других земель были в

обычае того времени)*. Так, например, Шереметевы, происходившие из того же рода, что и Романовы, подавая 23 мая 1686 года свою роспись в Палату родословных дел, писали: «Род Прусского княжения владетеля Андрея Ивановича, а прозвание ему было Кобыла». В чем заключался «владельческий» статус Андрея Кобылы в Пруссии, никто не знал, но понятно, что он выглядел куда лучше статуса обычного служилого человека. Впрочем, показательно, что составители так называемой «Бархатной книги» не включили в текст сообщенные Шереметевыми сведения об их предке-владельце.

Легенда о высоком статусе Андрея Кобылы поддерживалась представителями старшей ветви рода — Колычевыми. Еще в середине XVI века князь Андрей Михайлович Курбский использовал ее для обличения царя Ивана Грозного, расправившегося с митрополитом Филиппом (Колычевым): «Потом погубил род Колычевых, также мужей светлых и нарочитых в роде, единоплеменных сущих Шереметевым; бо прародитель их, муж светлый и знаменитый, от Немецкия земли выехал, ему же имя было Михаил, глаголют его быти с роду княжат Решских». Курбский приводит совсем другое имя родоначальника Колычевых, Романовых и Шереметевых. Ну а что касается упоминаемых им «княжат Решских», то это место в его «Истории о великом князе московском» представляет собой головоломку, разрешение которой требует не столько знаний, сколько сообразительности. До сих пор самой удачной признается догадка историка середины XIX века Н. Г. Устрялова, посчитавшего слово «решский» синонимом слова «имперский».

Красочными подробностями родословная легенда об Андрее Кобыле обросла в петровское время. В 1722 году герольдмейстер С. А. Колычев, происходивший из того самого рода, о котором князь Андрей Курбский говорил как о погубленном во времена Ивана Грозного, составил записку под названием «Историография, вкратце собранная из разных хроник и летописцев». В этой записке появляется живший в 1283 году «Гландос Камбила Дивонов сын, из дому Недрона Ведевитовича». И хотя сведения С. А. Колычева не выдерживают никакой исторической критики, все же его объяснение возможного искажения благородной прусской фамилии Камбила в неблагозвучное прозвище Кобыла ка-

* Мода на прусское происхождение рода утвердилась со времени создания «Государева родословца» 1555—1556 годов, в котором и сам князь Рюрик считался 14-м коленом от легендарного Пруса. Впрочем, даже генеалоги-практики XVII века не очень-то доверяли таким семейным легендам.

жется достаточно удачным: «А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбилиона стали нарицать Кобыла, и то мню, учинено с недозрения особы его. В том веку нареши иноземческих прозваний многие не умели и с истиною того прозвания знатно распознавать не умели или не хотели; а наипаче древние писари русские, недовольные в грамматических учениях, вельми иноземне прозвания и имена отменяли, недописуя верно, или с прибавкою от незнания писали. Мню посему, что вместо Камбилы или Камбилиона, написано просто Кабыла от древних писцов, с убавлением литеры»¹.

Если же от шатких родословных построений, основанных на преданиях и отражающих коллективную мифологию служилого сословия, перейти к надежным историческим источникам, то окажется, что единственным документальным свидетельством об Андрее Кобыле является упоминание его имени в летописи в связи с одной из свадеб московского великого князя Симеона Гордого в 1347 году. «В лето 6855, — сообщает автор Никоновской летописи, — ...князь велики Семен Ивановичь, внук Данилов, женился втретьи; взял за себя княжну Марью, дочь великого князя Александра Михайловича Тверскаго; а ездил по нее во Тверь Андрей Кобыла да Алексей Босоволков»². Из этого известия можно вполне определенно сделать вывод о высоком, скорее всего, боярском статусе Андрея Кобылы при дворе московского великого князя. О происхождении же его остается только гадать. С. Б. Веселовский, обращая внимание на прозвище, считал Андрея Кобылу представителем очень старого рода, возможно, вышедшего с князьями из Новгорода³. Данные новгородской топонимики, в принципе, подтверждают такую версию. По мнению же А. А. Зимина, род Кобылиных происходил «из коренных московских (и переславских) землевладельцев»⁴. Интересно, что уже внучка Андрея Кобылы Анна станет женой одного из сыновей тверского великого князя. Вероятно, упомянутая служба Андрея Кобылы и знакомство с ним двора тверского великого князя сыграли какую-то роль в судьбе его внучки, свадьба которой с отпрыском великокняжеского дома предвосхитила брак еще одной представительницы рода Андрея Кобылы, Анастасии, с московским царем и великим князем Иваном Васильевичем в середине XVI века.

ЗАХАРЬИНЫ-КОШКИНЫ

Предком Анастасии Романовны, с которой собственно и началось восхождение Романовых на вершину Московского царства, был знаменитый боярин Федор Андреевич Кошка,

младший из пяти сыновей Андрея Кобылы и приближенный московских великих князей Дмитрия Ивановича Донского и Василия Дмитриевича. Подпись Федора Андреевича Кошки стоит под одной из духовных грамот Дмитрия Донского, датированной 1389 годом. Достоверно известно о службах Федора Андреевича Кошки сыну Донского, московскому великому князю Василию Дмитриевичу, который посылал своего боярина во главе посольства в Новгород в 1393 году для «подкрепления мира»⁵. Имя боярина Федора Андреевича Кошки встречается и в грамоте ордынского хана Едигея великому князю Василию Дмитриевичу 1408 года: «Добры нравы и добрыя дума и добрые дела были к Орде от Федора от Кошки — добрый был человек, — которые добрые дела ординские, то и тебе возпоминал, и то ся минуло». На ордынском направлении московской внешней политики боярин Федор Андреевич показал себя осторожным дипломатом: он умело гасил конфликты и придерживался старых традиций дома Ивана Калиты во взаимоотношениях с Ордой.

Умер Федор Андреевич Кошка не позднее 1407 года. Из трех его сыновей ближе всего к великому князю был старший — Иван, подписавший три духовные грамоты великого князя Василия Дмитриевича. Иван Федорович наследовал от отца участие во внешнеполитических делах, хотя его позиция во взаимоотношениях с Ордой диаметрально отличалась от отцовской. Именно этим и была вызвана уже цитированная грамота хана Едигея своему московскому вассалу: «а ныне у тебя сын ево Иван, казначей твой и любовник, старейшина, и ты ныне ис того слова, ис того думы не выступаешь. Ино того думою учинилось твоему улусу пакость и крестьяне изгибли, и ты б опять тако не делал, а молодых не слушал»⁶. Если ордынцы были правы, то предки Романовых в лице боярина Ивана Федоровича Кошкина имели самого близкого советника великих московских князей. Впрочем, линия Ивана Федоровича на конфликт с Ордой оказалась преждевременной. Едигей осуществил свою угрозу и совершил опустошительный набег на Русь.

Формально по своему происхождению Иван Федорович уступал ряду других слуг великого князя. Так, его имя стоит только четвертым в списке московских бояр, подписывавших духовные грамоты Василия Дмитриевича в 1423—1424 годах. Однако исключительность его положения при дворе великого князя, видимо, хорошо была известна современникам и потомкам. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что родовое прозвище боярина Федора Андреевича Кошки закрепилось за сыном Ивана Федоровича Захарием

Ивановичем Кошкиным. Два других сына Федора Андреевича Кошки имели свои прозвища: средний — Федор Голтый и младший — Александр Беззубец (от него пошел род Шереметевых).

Захарий Иванович Кошкин вошел в русские летописи как один из главных участников знаменитой ссоры на свадебном пиру у великого князя Василия II Васильевича в феврале 1433 года. Он был среди тех, кто признал в поясе «на чепех с камением», надетом на князе Василии Юрьевиче Косом, имущество великокняжеской семьи. Бояр поддержала мать великого князя Софья Витовтовна, приказавшая сорвать пояс с Василия Косого. Учитывая, что Захарий Иванович первым схватился («поимался») за этот злополучный пояс, он, наверное, и исполнил распоряжение великой княгини. Надо сказать, что княжеские пояса были одним из символов власти, переходившей по наследству, поэтому суть событий была глубже, чем может показаться на первый взгляд. Не случайно у ссоры на пиру были столь тяжелые последствия: обиженный Василий Косой и его брат Дмитрий Шемяка начали против великого князя войну, результатом которой стало изгнание Василия II из Москвы. Впрочем, вряд ли предок царя Михаила Федоровича играл в этой истории самостоятельную роль. Скорее всего, Захарий Иванович лишь участвовал в инсценировке, разыгранной то ли московским великим князем и его матерью, то ли, по наиболее вероятному предположению С. Б. Веселовского, могущественным боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожским⁷. С именем Захария Ивановича Кошкина связаны также первые пожалования из этого рода в Троице-Сергиев монастырь — переславской деревни и нерехтской соляной варницы.

Боярскую династию Кошкиных продолжили бояре великого князя Ивана III Васильевича Яков и Юрий Захарьичи (об их брате Василии Ляцком мало что известно). Старший брат Яков Захарьич получил боярский чин в 1479 году. Наиболее известна его десятилетняя служба новгородским наместником с 1485 по 1495 год. Именно Якову Захарьичу выпало проводить московскую политику в Великом Новгороде, что в то время было связано прежде всего с погромом прежних новгородских вольностей и переселением знатных новгородцев, бояр и гостей в Москву. Новгородцы ответили на это заговором и попытались убить московского наместника, но боярин Яков Захарьич уцелел. Это покушение и стало поводом для проведения главных новгородских «выводов», когда в центр государства было переселено 7 тысяч

«житиих людей», а на их место сведены жители других уездов, уже находившихся во власти великого князя Ивана Васильевича. Из оставшихся новгородцев, по словам летописи, «и иных думцев много Яков пересек и перевешал»⁸. Еще раз «прославился» боярин Яков Захарьич своим розыском о новгородских еретиках в 1488 году. Вместе с ним в расправе с еретиками участвовал его брат Юрий Захарьич, боярин с 1483/84 года. Братья служили наместниками в Великом Новгороде в 1490-х годах, а затем возглавляли русское войско в войне с Литвой. Участие Якова и Юрия Захарьичей в боях за Смоленск, Брянск, Путивль, Дорогобуж и другие города отзовется долгим эхом в истории романовского рода. В первой половине XVII века, когда старые противоречия двух государств обостряются и начнется новая война с польско-литовским государством, царь Михаил Федорович должен будет вспомнить об этих службах своих предков, особенно о победной для русского войска битве при Ведроше 14 июня 1500 года, в которой участвовали оба его предка.

Старший брат Яков Захарьич продолжил возвышение романовского рода. Его имя пишется уже третьим в духовной великого князя Ивана III от 1503 года. Во время осеннего похода великого князя Василия III в Новгород в 1509 году его оставили управлять Москвой. Яков Захарьич умер 15 марта 1510 года, достигнув преклонного возраста. Он пережил младшего брата на несколько лет. Юрий Захарьич умер в 1503/04 году.

Великий князь Василий III Иванович не слишком жаловал род Захарьичей. Уже дети Якова Захарьича, Петр Злоба и Василий, были пожалованы в Боярскую думу только в чине окольных — в отличие от их предков, сразу начинавших службу с боярского чина. Его внуки умирают один за другим, и об их потомстве родословцы молчат. Из детей Юрия Захарьича и его жены Ирины Ивановны Тучковой-Морозовой — Михаила, Ивана, Романа и Григория — влиянием при дворе московского великого князя пользовался лишь старший, Михаил Юрьевич Захарьин, получивший боярский чин в 1520/21 году. Он был в числе самых доверенных бояр Василия III, служил воеводой в походах под Смоленск и Казань, назначался послом в Литву и Казанское ханство, был дворецким. А. А. Зимин, изучая биографические сведения о Михаиле Юрьевиче Захарьине, предположил, что он «исполнял роль “ока государева” при титулованных военачальниках» и «подвизался преимущественно на дипломатическом поприще»⁹. О близости к великому государю много говорит его роль второго дружки в церемониале

свадьбы Василия III с его второй женой Еленой Глинской в 1526 году. Никоновская летопись, создававшаяся в 1520—1530-х годах, сохранила очень благоприятный для Захарьиных рассказ о роли Михаила Юрьевича в последние дни жизни Василия III. Он вместе с докторами пытался облегчить страдания умирающего великого князя, помогал ему принять постриг и причаститься. Михаил Юрьевич Захарьин был в ряду самых доверенных бояр, с которыми великий князь советовался «о своем сыну о князе Иване и о своем великом княжении и о своей духовной грамоте, понеже сын его еще млад, токмо трех лет на четвертый и како устроится царству после его». По сообщению летописи, Михаил Юрьевич присутствовал при последних минутах великого князя Василия III и был в числе двух-трех бояр, кому была адресована просьба Василия III позаботиться о его малолетнем сыне Иване Васильевиче. Некоторые детали этого рассказа, например сообщение о распоряжении Василия III боярину Михаилу Юрьевичу отнести золотой крест младшему сыну великого князя по его преставлении, заставляют думать, что летопись правилась если не самим боярином, то явно с его слов. О Михаиле Юрьевиче Захарьине, как об одном из главных советников Василия III, писал и имперский посол в России Сигизмунд Герберштейн. Михаил Юрьевич Захарьин ненадолго пережил Василия III и умер около октября 1539 года. Царь Михаил Федорович Романов не мог не вспоминать в синодиках этого своего предка, с которым у них был общий святой ангел.

Со смертью боярина Михаила Юрьевича пришло время для следующего колена рода Захарьиных. Карьера же его братьев явно не сложилась в обстоятельствах разразившегося политического кризиса в малолетство великого князя Ивана IV Васильевича. Отрицательным образом могло сказаться бегство в Литву около 1534 года их двоюродного брата, известного военачальника Ивана Васильевича Ляцкого. Иван Юрьевич, видимо, умер молодым, а Роман Юрьевич Захарьин, пару раз при жизни старшего брата назначавшийся на воеводство, вовсе исчез из разрядных книг и даже не носил боярского чина. Умер Роман Юрьевич 16 февраля 1543 года, не дожив до триумфа своей дочери, породнившейся с царствующим домом. Он был погребен в московском Новоспасском монастыре, с которым Романовых будут связывать особые отношения и позднее, когда его правнук — Михаил Федорович — станет царем. Младший из братьев Григорий Юрьевич достиг боярского чина только в 1546/47 году.

Сыновья Михаила Юрьевича, Иван Большой и Василий, тоже стали боярами около 1546/47 года. Лишь Василий имел потомство, но судьба его сыновей печальна: двое из них погибли в набег Девлет-Гирея на Москву 24 мая 1571 года, а третий был казнен в 1575 году.

С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что «Бархатная книга» «не показывает совершенно рода Кошкиных, начиная с Захария, не желая, очевидно, увековечивать в памяти потомства происхождение царствовавшего дома Романовых от боярского рода Кошкиных»¹⁰.

РОМАНОВЫ-ЮРЬЕВЫ

Как это уже бывало в роду Андрея Кобылы, чины и влияние перешли от старших членов рода к детям младшего брата, которые по имени своего деда получили фамилию Юрьевы — это Даниил Романович, Долмат Романович (умер бездетным в 1545 году) и Никита Романович. Кроме мужского потомства, у Романа Юрьевича и его супруги Юлиании Федоровны были еще две дочери: Анна и Анастасия.

С Анастасии Романовны Юрьевой, ставшей 3 февраля 1547 года женой Ивана IV, начинается «царская» история этого рода. Выборы невесты для царя Ивана Васильевича происходили по всему государству. Боярам и наместникам в декабре 1546 года были даны распоряжения организовать в уездах у князей и детей боярских смотр невест: «смотреть у вас дочерей, девок, нам невесты». Почему выбор пал именно на Анастасию Романовну Юрьеву, сказать трудно. Иван IV и его советники следовали традиции, действуя так же, как и царский отец великий князь Василий Иванович. Помимо привлекательности самой невесты, могли иметь значение наличие у нее старших братьев и большое количество детей в семье, так как от будущей царицы ждали прежде всего рождения наследника престола. Учитывалась, вероятно, лояльность боярской семьи в связи с разводом и вторым браком великого князя Василия Ивановича. У молодого царя должны были остаться самые смутные воспоминания о своем отце, тем дороже были ему те, кто был близок к его родителям и не участвовал в боярских интригах в годы регентства Елены Глинской. Все это более или менее вероятные предположения, но факт остается фактом: первой русской царицей стала племянница боярина Михаила Юрьевича Захарина — Анастасия Романовна.

Внезапное возвышение рода в местнической терминологии того времени называлось «случаем». Мы видели, что род Кошкиных-Захарьиных давно находился в составе первостепенного боярства, но родство с царским домом сразу же возвышало всю семью в иерархии местничества и облегчало членам рода прохождение по чинам. Так, старший брат царицы Даниил Романович Юрьев был пожалован к ее свадьбе чином окольного и очень быстро, в июле того же года, стал боярином и дворецким. По своему положению старшего в роду он получал наиболее заметные назначения, участвовал во взятии Казани, откуда был отправлен с сеунчом (победной вестью) в Москву, был одним из первых воевод в полках русского войска во время Ливонской войны. Быстрая карьера Даниила Романовича и его растущее влияние на царя Ивана IV не остались «безнаказанными» со стороны других бояр. Когда в 1553 году разгорелся кризис вокруг тяжелой болезни царя и присяги его сыну, младенцу Дмитрию, все обиды на царских «шурьев» вышли наружу. В «Царственной книге» сохранились свидетельства, идущие, возможно, от самого Ивана Грозного, что прямо у постели умирающего царя окольный Федор Григорьевич Адашев говорил: «Ведает Бог, да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичю князю Дмитрею крест целуем, а Захарьиным нам Данилу з братиею не служивати; сын твой, государь наш, ещо в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия». По словам князя Андрея Михайловича Курбского, Захарьины-Юрьевы стояли во главе «презлых ласкателей» и «нечестивых губителей» всего царства. Но и братьям царицы досталось от царского гнева, когда они не смогли противостоять дружному наступлению на них бояр в 1553 году. «А вы, Захарьины, чего испужалися? — обращался к ним царь. — Али чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первыя мертвецы будете! И вы б за сына за моего, да и за мать его умерли, а жены моей на поругание бояром не дали»¹¹. Автор «Пискаревского летописца» называл дядю Захарьиных — Василия Михайловича Юрьева — среди «злых людей», по совету которых была учреждена опричнина¹².

История царицы Анастасии Романовны хорошо известна. Она родила трех царских сыновей: царевича Дмитрия Ивановича, погибшего еще в младенчестве, царевича Ивана Ивановича, убитого царем в приступе гнева, и царевича Федора Ивановича, взошедшего на трон после смерти своего отца в 1584 году. Сама царица Анастасия Романовна умерла много раньше, в 1560 году, и ее смерть, несомненно, повлия-

яла на царя Ивана Грозного, мнительность которого по отношению к боярам только усилилась. Своих советников он стал приближать или отдалять в зависимости от того, как они относились к умершей супруге.

Род Захарьиных-Юрьевых сохранял свое высокое положение до учреждения опричнины, а его представители входили в число самых доверенных членов Боярской думы¹³. Даниил Романович умер в 1565 году. Его сыновья не успели занять подобающего им высокого положения при дворе и погибли во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея и пожара Москвы 24 мая 1571 года. Так в мужской линии Андрея Кобылы состоялся новый «переход» старшинства в роде — на этот раз к Никите Романовичу Юрьеву и его сыновьям.

Родной дед царя Михаила Федоровича оставил по себе очень яркую память, дожившую в народных песнях даже до XIX века, когда они были записаны собирателями фольклора П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом. Сюжет одной из таких песен вымышлен, хотя действуют в ней исторические лица — Иван Грозный, Малюта Скуратов, а Никита Романович якобы избавляет от казни царевича Федора Ивановича: «Говорит Грозный царь Иван Васильевич, ты ей же, шурин мой любимый, ты ей же, Никита Романович!» Интересно, что сказитель правильно помнил имя и отчество боярина, степень его родства с царской семьей, хотя царица Анастасия получила в песне крестьянское имя Авдотья. В песне достаточно верно отразилось представление о могуществе боярина Никиты Романовича, в вотчинах которого можно было найти желанную крестьянскую свободу. Все это делалось по особому пожалованию царя:

Он пожаловал Микитиной его вотчиной:
Хоть с петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушел бы в Микитину вотчину, —
Того доброго молодца Бог простит.
Тут век про Микиту старину скажут...¹⁴

Служба Никиты Романовича началась в год свадьбы его сестры, когда он упоминается как «спальник и мыльник» и назначается рындой. Таковы обычно самые первые службы отпрысков знатных семей. Никита Романович был женат дважды. Первая жена его Варвара, дочь Ивана Михайловича Ховрина, умерла рано, в 1544 году. Вторым браком Никита Романович породнился с домом суздальских князей: он женился на княгине Евдокии, дочери князя Александра Борисовича Горбатого. В 1558/59 году Никита Романович получил чин окольного. Интересно, что по времени это сов-

пало с рождением его старшего сына Федора Никитича, будущего патриарха Филарета. Боярский чин Никита Романович получил уже после смерти своей сестры, в 1562/63 году. В 1565/66 году к нему перешел от брата чин дворецкого. Несмотря на близость своего рода к царствующему дому, Никита Романович не избежал царского гнева и опалы. Английский купец и дипломат Джером Горсей вспоминал, как Иван Грозный «послал... грабить Никиту Романовича, нашего соседа, брата доброй царицы Настасии, его первой жены; забрал у него все вооружение, лошадь, утварь и товары ценой в 40 тыс. фунтов, захватил его земли, оставив его самого и его близких... в трудном и плачевном состоянии»¹⁵.

После катастрофического набега на Москву хана Девлет-Гирея в 1571 году, прямо затронувшего род Романовых, Никита Романович руководил укреплением южной границы государства, строительством городов-острожков, организацией сторожевой и станичной службы. Пограничная с Диким полем территория, по которой до того времени беспрепятственно могли проходить татарские отряды, стала активно заселяться. Конечно, угрозу набегов нельзя было ликвидировать в одночасье. Дело своего деда вынужден будет продолжать в 1630-х годах его внук, царь Михаил Федорович, о чем речь еще впереди. Крестьяне хорошо понимали угрозу татарских грабежей и добровольно переселяться на юг не хотели, даже при действовавшем Юрьеве дне. Сюда уходили разве что самые отчаянные да беглые. Видимо, с этим и связаны устойчивые народные представления о «Микитиной вотчине» из исторической песни. Чтобы построить оборону, надо было принимать какие-то неординарные меры, и выход был найден в верстании и «приборе» служилых людей, которые одновременно несли сторожевую и станичную службу и занимались крестьянским хозяйством. Эти принципы, заложенные при Никите Романовиче, на долгие десятилетия определили характер обороны южных рубежей Руси от татарских набегов.

К тому моменту, когда власть после смерти Ивана Грозного перешла в 1584 году к царю Федору Ивановичу, влияние Никиты Романовича было безусловным. Говорили о том, что Иван Грозный перед смертью поручил будто бы своего сына некоему боярскому совету, сделав своих бояр опекунами не слишком здорового и не слишком способного к власти царя Федора Ивановича. Молва приписывала первое место в этом совете Никите Романовичу, родному дяде царя. Однако вскоре покровительство понадобилось уже детям самого Никиты Романовича, так как старый боярин тяжело за-

болел и умер 23 апреля 1586 года¹⁶. Джером Горсей записал, что «Никита Романович, солидный и храбрый князь, почитаемый и любимый всеми, был околдован, внезапно лишился речи и рассудка, хотя и жил еще некоторое время»¹⁷. У него было семь сыновей — Никитичей, как их называли по имени отца: Федор, Александр, Михаил, Никита, Василий, Иван и Лев, а также шесть дочерей: Юлиания (умерла в младенчестве), Анна, Евфимия, Марфа, Ирина и Анастасия.

Клан Романовых казался сильным и разветвленным. Дети Никиты Романовича приходились двоюродными братьями и сестрами царю Федору Ивановичу, что сразу же выделяло их среди другой знати. Брачные союзы дочерей, особенно Марфы, ставшей женой князя Бориса Камбулатовича Черкасского, и Ирины, породнившейся с Годуновыми (она вышла замуж за Ивана Ивановича Годунова), еще более укрепляли положение рода. Старший из сыновей Никиты Романовича, тезка царя Федор Никитич, упоминается в источниках как известный в Москве щеголь, ловкий наездник, любитель охоты; на него перешла всеобщая любовь, которую народ питал к его отцу. Англичанин Джером Горсей вспоминал о том, что он написал для Федора Никитича латинскую азбуку славянскими буквами: «она доставила ему много удовольствия». Ирония судьбы состоит в том, что позднее насильственно принявший постриг патриарх Филарет должен будет забыть о своих светских увлечениях. Пережив польский плен, он прославится как один из самых последовательных гонителей «латинства».

Самым роковым образом на судьбе Никитичей сказались их молодость ко времени смерти отца и наличие такого сильного «правителя», как новый царский шурин Борис Федорович Годунов (брат царицы Ирины — жены царя Федора Ивановича). Видимо, не полагаясь на одну судьбу и желая предупредить возможные неприятности для своих детей, опытный боярин Никита Романович еще при жизни укрепил с Борисом Годуновым «завещательный союз дружбы» (по словам князя С. И. Шаховского). Предание о клятвенном обещании Бориса Годунова соблюдать Никитичей «яко братию и царствия помагателя имети» поддерживалось в семье Романовых и даже вошло в грамоту о возведении Филарета на патриаршество. Первоначально так и было — Федор Никитич получил боярский чин в 1586 году, заместив в Думе умершего отца. С этого времени и до конца царствования Федора Ивановича образуется своеобразный триумvirат, который составили три «великих ближних боярина»: князь Федор Иванович Мстиславский, Борис Федорович Годунов

и Федор Никитич Романов¹⁸. Но покровительство Годунова имело и обратную сторону. Чрезвычайно любопытно сообщение Джерома Горсея, согласно которому Федора Никитича вынудили «жениться на служанке своей сестры, жены князя Бориса Черкасского»¹⁹. Распоряжение о женитьбе, идущее от царя, не новость для московских порядков. Не ошибается Джером Горсей и упоминая Марфу Никитичну, жену князя Бориса Камбулатовича Черкасского. Борис Годунов, будучи правителем государства, мог препятствовать усилению романовского рода за счет новых семейных связей с княжеской аристократией. Правда, жена боярина Федора Никитича (и мать будущего царя Михаила Федоровича), Ксения Ивановна Шестова, все-таки происходила из старомосковского боярского рода Морозовых-Филимоновых²⁰, а потому назвать ее простой служанкой никак нельзя.

Следующий из Никитичей, Александр, служил в кравчич и получил свой боярский чин только в 1598 году, когда Борис Годунов был избран на царство. Третий их брат, Михаил Никитич, также стал окольным только по воцарении Бориса Годунова.

Выборы царя должны были расстроить дружбу Годуновых и Романовых, если она существовала раньше. У Федора Никитича с появлением прецедента избрания на царство представителя боярской фамилии также появлялись определенные права на престол. Более того, некоторые иностранные наблюдатели считали его одним из главных претендентов на царских выборах в 1598 году. Впрочем, и русские, и иностранные авторы того времени легко путают причины и следствия. Бесспорным остается одно — всех Никитичей и даже их ближайших родственников в царствование Бориса Годунова постигает тяжелая опала. Возможно, что начало преследований Романовых относится уже к октябрю-ноябрю 1600 года, когда один из членов польского посольства, находившегося в то время в Москве, оставил запись о приходе нескольких сотен стрельцов на подворье Романовых для ареста опальных²¹.

Непосредственным поводом для опалы Романовых в конце июня 1601 года стало пресловутое «дело о кореньях», найденных по доносу Второго Бартенева, казначея Александра Никитича Романова. Обстоятельства этого дела хорошо известны. «Новый летописец» позднее обвинял Второго Бартенева в том, что тот вступил в сговор с Семеном Годуновым и умышленно подложил «корения» в мешки, а затем донес на своего хозяина. По доводу Бартенева был учинен розыск, но присланный окольный уже знал, что именно

ему искать. Кульминация состоялась на дворе патриарха Иова, где хранитель казны Второй Бартенев публично обличил в злоумышлениях Александра Никитича Романова. При рассмотрении этого подложного дела присутствовали Федор Никитич Романов и его братья, тут же посаженные «за приставы». Документы о ссылке сыновей Никиты Романовича опубликованы в «Актах исторических» еще в 1841 году, но в них отражена уже развязка драмы²². Царь Борис Годунов не случайно поверил в то, что Никитичи хотят «царство достать ведовством и кореньем». Сегодня эта версия кажется нам фантастичной, однако нужно помнить, что для средневекового человека речь шла о вполне реальной угрозе, а представления о влиянии магических действий на жизнь были органически присущи всем — от царя до простолюдина. По версии же самих Романовых, вошедшей в «Новый летописец», царь Борис имел целью «царское последнее сродствие известь». Фактически почти так и произошло. Но доказать злой умысел Бориса Годунова нельзя: многому действия царя только способствовали, а не были прямой причиной. Формально была соблюдена «независимость» духовного суда. Борис Годунов никого из Никитичей не казнил: ему оказалось достаточно удалить их от активной политической жизни, чтобы успеть обеспечить преемственность собственной династии.

Старший из братьев Романовых, Федор Никитич, был насильственно пострижен (с именем Филарет) и отправлен в ссылку «под начал» в Антониево-Сийский монастырь. Постриг обязаны были принять его жена и даже теща, тоже разосланные в отдаленные монастыри: Ксения Ивановна (ставшая инокиней Марфой) — в Заонежские погосты, а ее мать Мария Шестова — в Чебоксары. Детей, Татьяну и Михаила (будущего царя), отправили в ссылку на Белоозеро вместе с семьями брата Александра Никитича, князя Бориса Камбулатовича Черкасского (зятя Никитичей) и теткой, княжной Анастасией Никитичной.

Остальных братьев Романовых разослали по разным местам: «к Стюденому морю к Усолю, рекомаю Луда», в Пермь Великую, «в Сибирской город в Пелым». Судьба большинства из них сложилась трагически. Александр Никитич погиб в Белозерске. В его смерти Романовы обвиняли пристава, выполнявшего приказание Бориса Годунова. Не перенес ссылки Михаил Никитич, умерший в земляной тюрьме в Ныробе. Василия Никитича уморил не в меру ретивый пристав, больше смерти поднадзорного боявшийся его побега, а потому, вопреки наказу, заковавший его железными цепя-

ми во время трудного перехода из Яранска в Пелым. Смерть брата послужила для власти сигналом к некоторому облегчению страданий находившегося вместе с ним в заключении Ивана Никитича, которого тоже держали заключенным в цепях. После получения известия о болезни Ивана Никитича его перевели в Уфу и улучшили ему «корм», затем назначили на службу в Нижний Новгород вместе с племянником князем Иваном Борисовичем Черкасским и наконец 17 сентября 1602 года разрешили вернуться в Москву. И позднее, как сообщает «Новый летописец», Ивана Никитича Романова и князя Ивана Борисовича Черкасского продолжали держать вместе. Их, а также сестру Федора Никитича и его детей отправили в романовскую вотчину — село Клины Юрьев-Польского уезда²³. Все это, вероятно, должно было продемонстрировать, что царь Борис Годунов не хотел смерти братьев Романовых и их родственников. Однако дело было сделано и что-либо исправить в результатах исторической вражды Годуновых и Романовых уже не представлялось возможным.

В том возрасте, в котором Михаил Федорович оказался в Клинах, у ребенка формируются обычно первые, самые ранние воспоминания. Трудно сказать, что именно мог запомнить он от того времени. Ему еще не исполнилось и пяти лет*, когда в конце июня 1601 года он был разлучен сразу с обоими своими родителями и даже бабушкой. Остроту переживаний ребенка могла смягчить забота его тетюшек, с которыми дети Федора Никитича и Ксении Ивановны Романовых поехали в ссылку на Белоозеро. Атмосфера тревоги и неизвестности, в которую попали взрослые, не могла не повлиять на маленького Мишу Романова. Чтобы скорее увидеть своих родителей, он должен был усиленно молиться (ничего другого не оставалось ни взрослым, ни ему). Не к этому ли времени восходит поражавшая современников глубокая религиозность первого царя из династии Романовых? Можно отметить и другое обстоятельство: ставший «сиротой» при живых родителях Михаил Романов вызывал повышенную жалость окружающих, сполна испытав на себе то, что сейчас называют «женским воспитанием».

Пробыв какое-то время на Белоозере, княгиня Марфа Никитична Черкасская, оставшаяся после смерти своего му-

* Михаил Романов родился 12 июля 1596 года (дата его рождения высчитывается из указания на его возраст к моменту кончины). Сестра Татьяна была старше его (ее точный возраст неизвестен).

жа старшей в этом осколке романовской семьи, была в начале сентября 1602 года переведена вместе с племянниками — детьми брата Федора Никитича — и снохой — женой брата Александра Никитича и их детьми — в Клины. Чуть позднее, как уже было сказано, к ним присоединились Иван Никитич Романов и князь Иван Борисович Черкасский. Бывшая вотчина Никиты Романовича в Юрьев-Польском уезде до опалы принадлежала Федору Никитичу. Из-за утраты документов нельзя определенно сказать, кому перешли Клины после этого времени, но вполне возможно, что вотчину наследовал Михаил Романов, которому, как предполагалось, еще предстояло в дальнейшем служить царям династии Годуновых. Если эта догадка верна, то все старшие в роду Романовых и Черкасских, принявшие на себя опеку над детьми Федора Никитича, должны были по-особому относиться к маленькому владельцу того села, в котором вполне могла окончиться жизнь каждого из них по воле Бориса Годунова. Двадцать лет спустя царь Михаил Федорович, жалуя вотчиной своего боярина князя Ивана Борисовича Черкасского, вспоминал «отца его и матери и его многое терпение, что они за нас великих государей мучились и разорены». В жалованной грамоте князю Ивану Борисовичу Черкасскому 1624/25 года упоминались и его ссылка «на Низ, в Казанский пригородок в Малмыж», и сидение в тюрьме, и то, что «поместья и вотчины, и его многие животы и рухледь всякая, и то все при царе Борисе взято и розпродано без остатка». Эта грамота, где впрямую не упоминается о Клинах, все же может служить косвенным свидетельством о тяготах жизни ссыльных, которым приходилось терпеть «всякие нужи и тесноты... лет с пять», пребывая «в великой скудости и долгу»²⁴.

Ссылка Филарета в Антониево-Сийском монастыре продолжалась даже тогда, когда остальных Романовых, Черкасских и Сицких, переживших самый тяжелый год опалы, разослали по своим вотчинам. Бывшему боярину, извергнутому из мира и лишенному семьи, приходилось страдать и за себя, и за жену, и за детей. За Филаретом следили приставы, сообщавшие в Москву о его жизни в монастыре. Им довелось подслушать страшные стенания Филарета, которому легче было услышать о возможной смерти близких, чем переносить разлуку с ними: «А жена де моя бедная, наудачу уже жива ли?.. Мне де уж что надобно? лихо де на меня жена да дети, как де их помянешь, ино де что рогатиной в сердце толкнет; много де иное они мне мешают; дай Господи слышать, чтоб де их ранее Бог прибрал, и яз бы де тому

обрадовался; а чаю де жена моя и сама рада тому, чтобы им Бог дал смерть, а мне б де уж не мешали; я бы де стал промышляти одною своею душею; а братья де уж все, дал Бог, на своих ногах»²⁵. Приставы чутко уловили изменения в настроении Филарета в начале 1605 года, когда он стал вести себя вызывающе в монастыре: «а живет де старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему, и говорит про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил, и к старцам жесток... лаёт их и бить хочет, а говорит де старцом Филарет старец: “увидят они, каков он вперед будет”»²⁶.

Нетрудно связать перемены в поведении Филарета с успешными действиями в пределах Русского государства «царевича» Дмитрия Ивановича — самозванца Григория Отрепьева, Лжедмитрия I, поставившего под угрозу власть царя Бориса Годунова. Очевидно, опальный инок не скрывал радости по поводу поражений своего врага. Надо сказать, что Борис Годунов открыто обвинял Федора Никитича в том, что самозванец Гришка Отрепьев «жил у Романовых во дворе». Позднее правительство царя Василия Шуйского в дипломатических переговорах с Речью Посполитой также подтвердило, что Отрепьев «был в холопех у бояр, у Никитиных детей Романовича». Значит, это был не простой предлог для новых обвинений Филарета со стороны Бориса Годунова, а установленный факт. Но почему же так опрометчиво вел себя Филарет, открыто проявляя свою радость, не дождавшись окончательной победы своего якобы протезе?

Впрочем, для Григория Отрепьева, неслужилого сына боярского, присутствие какое-то время в романовском дворе было рядовым поступком. Так делали карьеру многие дети провинциальных дворян, предпочитавшие сытную службу в холопах на боярских дворах мало обеспеченной помещьями и деньгами службе со своим «городом»*. Десятки таких слуг известны и во дворе бояр Романовых.

Тем не менее после своего воцарения в 1605 году Лжедмитрий I — Григорий Отрепьев — повел себя с Романовыми не как слуга, но как хозяин. Изменилась и судьба Михаила Романова, вплоть до этого времени продолжавшего жить в юрьев-польской глуши. Теперь у него появилась возможность поверить в силу своих детских молитв и снова увидеть родителей. Все выжившие Романовы были возвращены в Москву и щедро пожалованы самозванцем, для ко-

* «Городом» в средневековой России называли дворян и детей боярских одного уезда.

того, как для «сына» Ивана Грозного и «брата» Федора Ивановича, они, в известной мере, считались «родственниками». Филарет был возведен в сан ростовского и ярославского митрополита, а его брат Иван Никитич получил чин боярина. Правда, позднее братья Романовы не почтили своего благодетеля и выступили на стороне его противников. Показательно также, что известие о поставлении Филарета на митрополию «при Ростриге» в «Новом летописце» отсутствует.

С воцарением Василия Шуйского появились планы избрания Филарета московским патриархом. Об этом известно из переговоров бояр с польскими послами. «Нареченный» патриарх Филарет, еще не успевший занять патриарший престол, был отправлен в Углич для перенесения в Москву мощей царевича Дмитрия. Формально это было в его церковной юрисдикции, так как Углич относился к ростовской и ярославской епархии. Однако в то время как митрополит Филарет выполнял свое ответственное поручение (главной целью которого было предотвращение появления новых самозванцев с именем «царевича Дмитрия»), в Москве произошли какие-то беспорядки, в которых был замешан один из его родственников — Петр Никитич Шереметев. Этого оказалось достаточно для мнительного царя Василия Шуйского, чтобы переменить уже почти состоявшееся решение о выборе патриарха и отдать предпочтение казанскому митрополиту Гермогену, избранному на патриарший престол 3 июля 1606 года. Филарету ничего не оставалось, как ехать на свою митрополию. Надо думать, ехал он с чувством затаенной обиды на Василия Шуйского, продолжавшего держать его в отдалении от Москвы.

В начале 1607 года митрополит Филарет наконец-то воссоединился со своей семьей на более или менее продолжительное время. Известие об этом сохранилось в «Кратком Ростовском летописце»: «В лета 7115 (1607) году февраля в 1 день приеха в Ростов митрополит Филарет с сыном своим Михайлом Федоровичем»²⁷. Упоминание имени мальчика Михаила Романова с отчеством выдает позднее происхождение источника. Однако известию летописца можно доверять. В царствование Василия Шуйского имя Михаила Романова впервые появляется и в официальных документах: его в чине стольника записали в боярский список 1606/07 года²⁸. В таком юном возрасте стольники обычно находились на службе вместе с отцами. Старшая сестра Михаила Татьяна Федоровна к тому времени уже вышла замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского.

Десятилетний мальчик должен был заново узнавать своих родителей, с которыми его разлучили в том возрасте, когда у ребенка не могло еще сложиться каких-то прочных воспоминаний. Несомненно, его новая жизнь в кругу семьи отличалась от жизни обычного боярского отрока, поскольку отец Михаила, митрополит Филарет, был скован церемониалом и этикетом, соответствовавшими его сану.

Исследователи давно пытались отыскать следы пребывания семьи Романовых в Ростове. Однако все постройки того времени были снесены или получили новый вид в результате грандиозного строительства в Ростовском кремле во второй половине XVII века. В источниках осталось упоминание о «старом» епископском дворе, «иерарших палатах», также перестроенных и образовавших юго-восточную часть ограды архиерейского дома²⁹. Это — единственное место, достоверно связанное с пребыванием Михаила Романова.

Новый поворот в биографии митрополита Филарета произошел в октябре 1608 года, когда Ростов был захвачен отрядом тушинского войска самозванца Лжедмитрия II. Город и церкви были разграблены, а митрополит Филарет увезен «неволею» в Тушино под Москву, где снова был наречен патриархом — теперь уже врагами царя Василия Шуйского. Известие об этом также осталось в ростовских летописях: «В лета 7117-м (1608) году октября в 14 день литовские люди Ростов высекли и выжгли, а митрополита Филарета взяли в полон, а соборную церковь пограбили... а владычны хоромы и с людьми сожгли»³⁰. Приезд митрополита Филарета в Тушинский стан нельзя назвать добровольным, хотя его последующая служба Лжедмитрию II показывает, что он строил какие-то политические планы и по-прежнему оставался не чуждым событиям в мирской жизни. В Тушине было полно людей, преследовавших свои интересы. Кто-то вынужден был выбирать меньшее «из двух зол» между царем Василием Шуйским и самозванцем, кто-то искал повышения в чинах и богатства. Филарет понемногу собрал в Тушине «партию» из своих родственников и сподвижников с совершенно новой для того времени «программой», в которой не было места самозванцам. Программа эта стала явной после бегства Лжедмитрия II из Тушина в Калугу в январе 1610 года. Именно тогда митрополит Филарет впервые уже по своей воле выступил на политическую авансцену.

Речь идет о договоре, заключенном тушинскими послами 4 февраля 1610 года с королем Речи Посполитой Сигизмундом III, осаждавшим Смоленск. Главным пунктом этого договора должно было стать избрание, при известных усло-

виях, польского королевича Владислава на русский престол. В выработке статей договора, по общему мнению, митрополит Филарет принимал самое непосредственное участие. Дальнейший путь «переговорщиков» лежал из Тушинского стана под Смоленск. Они должны были помочь войску гетмана Станислава Жолкевского в агитации в пользу королевича Владислава. Можно представить, что слово митрополита Филарета значило больше, чем сабли польской шляхты. Однако в мае 1610 года Филарет, находившийся уже на пути в Смоленск, был перехвачен у Иосифо-Волоколамского монастыря отрядом, верным царю Василию Шуйскому.

Последовавшее вскоре низложение царя Василия Шуйского поставило митрополита Филарета в сложную ситуацию. Одним из возможных претендентов на осиротевший трон стали называть уже его сына Михаила. Последний был почти сверстником королевича Владислава, хотя и не дотягивал еще до пятнадцатилетнего возраста, с которого начинали отсчет взрослой жизни. Сведения о кандидатуре Михаила Романова восходят к запискам польского гетмана Станислава Жолкевского, приписавшего главную роль в агитации в его пользу патриарху Гермогену. Но факты говорят о другом: патриарх Гермоген, как и митрополит Филарет, поддержал кандидатуру польского королевича Владислава. Договор о его призвании на престол был заключен 17 августа 1610 года. В Речи Посполитой хорошо понимали значение боярина князя Василия Васильевича Голицына, также фигурировавшего в политическом пасьянсе после свержения царя Василия Шуйского в качестве одного из кандидатов на трон. Поэтому там должны были считать большой дипломатической удачей приезд боярина вместе с митрополитом Филаретом во главе посольства к королю под Смоленск. Посольство отправилось из Москвы 11 сентября 1610 года и ставило своей целью договориться о приглашении королевича Владислава на русский престол при обязательном принятии им православия.

Остается невыясненным, где в этот момент находился Михаил Федорович Романов. Можно предположить, что как только митрополит Филарет снова оказался в Москве, он озаботился тем, чтобы вызвать к себе семью. Филарет лучше всего мог оградить сына от той опасности, которая грозила ему в результате включения в список предполагаемых кандидатов в русские цари. 12 июля 1610 года Михаилу Романову исполнялось четырнадцать лет, и это мог быть еще один повод для встречи всей семьи. Позднее, когда Михаил

Федорович уже был царем, поляки подчеркивали на дипломатических переговорах тот факт, что он, как и другие стольники, целовал крест на верность королевичу Владиславу. Факт этот не отрицали и в Москве, хотя и трактовали его иначе, обвиняя во всем самого короля Сигизмунда III, учинившего кровопролитие, и отказываясь обсуждать дела минувшие. Из этого, между прочим, следует, что по крайней мере с июля-августа 1610 года Михаил Романов и его мать находились в Москве. Там пережили они известие о задержании патриарха Филарета и других московских послов под Смоленском. Там пережили они тяжелые месяцы владычества в столице польского гарнизона, осаду Москвы войсками земских ополчений и разразившийся в столице чудовищный голод.

Это «темная» страница биографии стольника Михаила Романова — темная как по отсутствию источников, так и по смыслу событий. Очевидно, что ему, как сыну главы посольства к королю Сигизмунду III, вряд ли было бы позволено беспрепятственно покинуть Москву. Однако не стоит забывать и другое: в столице Михаил Романов находился под защитой членов Боярской думы («семибоярщины») из романовского круга — бояр Федора Ивановича Шереметева и Ивана Никитича Романова. Некая двойственность в трактовке пребывания Михаила Романова в Москве во время осады 1611—1612 годов все же возникает. Возможно, именно поэтому в документах начала царствования Михаила Федоровича говорилось, что польские и литовские люди «иных бояр и дворян и всяких людей с собою в Москве засадили»³¹, то есть удерживали неволею.

Об опасностях осады и голоде в Москве говорилось в грамотах, рассылавшихся из подмосковного ополчения в конце октября 1612 года: «А сказывают, что в городе московских сиделцов из наряду побивают, и со всякия тесноты и с голоду помирают, и едят литовские люди человечину, а хлеба и иных никаких запасов ни у кого ничего у них не стало»³². Совсем не случайно один из руководителей ополчения князь Дмитрий Михайлович Пожарский не дал расправиться с выходившими из Москвы боярами и их семьями, не вызывавшими уже никаких других чувств, кроме жалости. Так семья стольника Михаила Романова смогла спокойно уехать после освобождения Москвы 25—27 октября 1612 года. Дорога Михаила Романова, в очередной раз отправлявшегося в своей недолгой жизни в неизвестность, лежала в сторону Костромы. Туда же, как оказалось, пролегла и дорога русской истории.

Глава вторая ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО

Земский собор 21 февраля 1613 года. —
Дорога из Костромы в Москву. —
Венчание на царство

Эпоха Михаила Федоровича, как все великие эпохи, началась ничем не примечательным событием: в конце октября — начале ноября 1612 года, сразу после освобождения Москвы от хозяйничавшего в ней польского гарнизона, юного недоросля Мишу Романова, которому едва исполнилось пятнадцать лет (с этого времени молодой дворянин считался годным к государевой службе), увезли из разоренной Москвы в Кострому, где располагались земли неприметных костромских вотчинников Шестовых. Мать Михаила, инокиня Марфа Ивановна, постаралась таким образом оградить сына от возможных опасностей и напастей.

В то время мало кто видел в молодом стольнике будущего царя. После низложения в 1610 году царя Василия Шуйского претендентов на царский трон оказалось слишком много. Кроме королевича Владислава (в пользу которого, как мы помним, выступал и отец Михаила митрополит ростовский и ярославский Филарет), имелся еще шведский королевич Карл-Филипп, поддержанный самим князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и земским «советом всея земли» в Ярославле в 1612 году. Неугомонный вождь казаков Иван Заруцкий действовал от имени сына Марины Мнишек — «царевича» Ивана Дмитриевича, или «Воренка», как его называли в официальных документах. Члены Боярской думы не прочь были повторить попытки воцарения, удавшиеся Борису Годунову и князю Василию Шуйскому. Самым реальным русским кандидатом казался боярин князь Василий Васильевич Голицын, но он был задержан в Речи Посполитой. В его отсутствие шансы на царство появлялись у многих бояр, особенно тех, кто не был скомпрометирован сотрудничеством с представителями польского короля в Москве, — например, у одного из вождей земского ополчения боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Каким же образом возникла в этих обстоятельствах кандидатура стольника Михаила Федоровича Романова на царский престол?

Вероятно, нельзя было повторить ошибки с избранием «первого из равных», как это произошло с царем Василием Шуйским. Но не выглядит ли случайным выбор в качестве претендента шестнадцатилетнего Михаила Романова? Един-

ственным и решающим преимуществом было близкое родство юности с пресекавшейся в 1598 году династией Рюриковичей. Напомним, что Михаил Романов был внучатым племянником первой жены царя Ивана Грозного Анастасии Романовой, а его отец, Федор Никитич Романов, приходился двоюродным братом царю Федору Ивановичу. Для сознания человека начала XVII века принцип престолонаследия, основанный на родстве, был самым главным залогом устойчивости династии. Все это, в конце концов, и определило выбор на трон юного стольника, наследовавшего своему «дяде». Около 1613 года (или чуть позже) возникла даже легенда, согласно которой сам царь Федор Иванович видел в молодом отпрыске рода бояр Романовых своего преемника и тайно распорядился передать ему власть после своей смерти. Такой рассказ записал автор «Повести о победах Московского государства»: «Во 106 (1598) году тогда той благочестивый государь издаляча провидя духом от Бога избраннаго сего благочестиваго царя, еще тогда сушу ему быти во младенчестве, и повеле государь пред себя принести богоизбраннаго сего царя и великаго князя Михаила Феодоровича. Благочестивый же государь царь и великий князь Федор Иванович возложив руце свои на него и рече: “Сей есть наследник царскаго корени нашего о сем бо царство Московское утвердиться, и непоколебимо будет, и многию славою прославится. Сему бо предаю царство и величество свое по своем исходе, своему ближнему сроднику”. Сие же слово тайно рек и отпусти его. Сам же предаде блаженную свою душу в руце Божии»³³.

Для историка иногда не столь важно, существовала ли какая-либо основа того или иного легендарного известия. Главное, что таким рассказам верили. У жителей Московского государства после Смуты велико было стремление возвратиться к прежнему порядку, к «старине», «как при прежних государях бывало». Имя Михаила Романова, хотя и косвенно, но могло олицетворять такую преемственность. Это и была в 1613 году главная объединяющая идея, фундамент компромисса, позволившего достичь относительного замирения после стольких лет междоусобной борьбы.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 21 ФЕВРАЛЯ 1613 ГОДА

История избирательного собора 1613 года, как завершающей страницы Смуты в Московском государстве, обстоятельно изучена в научной литературе еще XIX — начала XX века³⁴. Так уж получилось в русской истории, что расцвет

земского представительства совпадал с тяжелыми временами. Поэтому действовал принцип: чем сложнее было управлять, тем нужнее оказывался земский собор. Вряд ли земские соборы Московского государства XVII века нуждаются в идеализации, а уж тем более во включении в актуальный политический контекст. Между тем историографическая традиция изучения соборного представительства именно такова. Историки постоянно отвечают на вопрос публики о смысле земских соборов и возможностях использования его опыта в настоящем. Так, в 1905 году, когда вопрос о создании представительного учреждения в России был особенно актуален, С. Б. Веселовский в заметке «О земском соборе», опубликованной в газете «Русь» 18 февраля, писал: «Разбирая основы земских соборов, можно прийти лишь к одному заключению: от них мы можем заимствовать только одно название будущего представительства, название “самобытное” и не страшное для лиц напуганных, но не наученных историей»³⁵.

Полное название этого явления — «земский собор» — появилось на свет в 1850-е годы в полемике западника С. М. Соловьева и славянофила К. С. Аксакова. В источниках речь идет просто о «соборах» или «Совете всея земли». На этом основании уже в наши дни покойный немецкий историк Х.-Й. Торке построил целую концепцию, в которой поставил под сомнение саму практику соборного представительства XVI—XVII веков, предложив другое название: «московские собрания»³⁶. Дело в том, что соборы затрагивают еще одну сложную исследовательскую проблему. Понятия «земля», «земский» в Московском государстве — очень широкие и неопределенные, и каждый раз нужно смотреть на контекст, в котором они встречаются. Применительно к соборам «земля» — это представительство «чинов» на совете с царем. Причем возникает закономерный вопрос: можно ли поставить знак равенства между «чином» и «сословием»? В этом споре автору ближе позиция тех исследователей, кто не склонен углубляться в схоластические дебри вокруг терминов. Достаточным основанием для того, чтобы говорить о сословиях в Московском государстве времени царя Михаила Федоровича, является самоидентификация представителей разных чинов: крестьяне никогда не называли себя служилыми людьми и наоборот. Кроме того, в деятельности русских царей, особенно начиная с Бориса Годунова, уже заметна целенаправленная работа по установлению границ между сословиями, утверждению принципа преемственности родства и занятий. Само изживание Смуты было во многом связано с тем, чтобы вернуться к понятному и справед-

ливому порядку существования чинов и принципам движения людей по сословной лестнице.

Среди тех, кто специально занимался общей историей земских соборов, плеяда замечательных историков и юристов XIX—XX веков — И. Д. Беляев, А. П. Шапов, Б. Н. Чичерин, В. Н. Латкин, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, И. А. Стратонов, С. Л. Авалиани и Л. В. Черепнин. В их трудах достаточно хорошо выяснена периодичность земских соборов, изучен характер представительства на них, проведено сравнительно-историческое изучение земских соборов. Собственно говоря, к характеристике, данной земским соборам в труде В. Н. Латкина, опубликованном еще в 1885 году, но сохраняющем свое значение и по сей день, мало что можно добавить. Он писал, что соборы предоставили «возможность непосредственного единения царя с землею, дали возможность правительству собственными глазами видеть истинное положение своего государства, слышать из уст представителей самого народа заявления о нуждах и желаниях своих, которые не всегда совпадали с интересами лиц, непосредственно стоявших вокруг московского престола»³⁷.

Это общее понимание если и подверглось корректировке, то в первую очередь в том, что касается периодизации соборов. Со временем историки обратили внимание, что перед ними не какое-то раз и навсегда сложившееся явление или форма, а постоянно развивавшийся орган земского представительства, просуществовавший около полутора веков от Ивана Грозного до Петра Великого. Царствование Михаила Федоровича в истории земских соборов сыграло важнейшую, хотя и не однозначную роль.

Факт выбора царя на земском соборе показывает, какой важной была их роль в политической системе Московского государства. Обращаясь к выборам царя на земском соборе в 1613 году, основывались на прецеденте, связанном с избранием на царство Бориса Годунова. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют даже текстуальные совпадения двух «Утвержденных грамот» об избрании царей: в 1598 и 1613 годах. Однако в исторической действительности картина собора была сложнее, чем работа компиляторов «Утвержденной грамоты» 1613 года. За пятнадцать лет Россия прошла огромный путь от «контролируемого» избрания Бориса Годунова при «безмолвствии народа», гениально угаданном А. С. Пушкиным, до разгула послесмутной вольницы, для которой не оставалось никаких авторитетов.

Уже в начале XX века историки обратили внимание на то, что инициатива избрания царя Михаила Федоровича ис-

ходила не от бояр, а от казаков. С открытием А. Л. Станиславским в 1980-х годах «Повести о земском соборе 1613 года»³⁸ впервые удалось детально реконструировать предвыборную атмосферу избирательного собора и убедительно подтвердить давние наблюдения исследователей.

«Повесть...» самым красочным образом рисует доминирующее положение казаков в Москве в феврале 1613 года. Именно вольные казаки, во многом составлявшие московское ополчение, заставили Боярскую думу и собор сделать выбор в пользу Михаила Романова. Бояре уже готовы были бросить жребий, «кому Бог подаст», но казаки воспротивились этому. «Повесть...» передает речь атаманов и казаков на соборе, адресованную к знати: «Князи и бояра и все московский велможи, но не по Божей воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавна. Но по Божии воли и по благословению благовернаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царский и державствовать на Росии князю Федору Никитичу Романова. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корени и отрасль добрая, и есть сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по Божии воли тому державствовать». И не столь важно, что в этой речи содержится ссылка на еще одно мифическое благословение на царство, полученное якобы от царя Федора Ивановича Федором Никитичем Романовым, почему-то возведенным в княжеское достоинство, которого у него никогда не было. Главное, что казакам никто не мог воспротивиться («бояра же в то время страхом одержими и трепетни трясущеся»). Только дядя будущего царя Иван Никитич Романов якобы пытался возразить, охраняя то ли свои интересы, то ли бедную голову племянника: «Тот есть князь Михайло Федорович еще млад и не в полне разуме». Но казаки, уже почувствовавшие свою силу, с таким невнятным возражением справились легко и не без ерничества: «Но ты, Иван Никитич, стар верстой, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прироженный, и ты ему крепкий потпор будешь». Все завершилось тем, что бояре «целоваша... крест» новому царю и великому князю Михайлу Федоровичу всея Руси.

21 февраля 1613 года было обнародовано решение земского собора об избрании на царский трон Михаила Романова. Но история его царствования начинается чуть позднее. Завершая свое исследование о нижегородском движении 1611—1612 годов, П. Г. Любомиров назвал дату окончания

юрисдикции земского совета и передачи его функций новому царю — 25 февраля 1613 года. Л. М. Сухотин, изучавший документы первых лет царствования Михаила Федоровича, также обращал внимание, что начиная с 26 февраля 1613 года все раздачи поместий и окладов служилым людям считались уже сделанными «по государеву указу»³⁹. В разрядных книгах, учитывавших важнейшие служебные и придворные назначения, сохранился текст так называемой окружной грамоты об избрании на царство Михаила Федоровича, отправленной во все города и уезды 25 февраля 1613 года⁴⁰. После этой грамоты властью в стране от имени Михаила Федоровича стала распоряжаться Боярская дума.

Один из первых указов Боярской думы 27 февраля 1613 года отменял прежнюю, установленную еще правительством ополчений, практику удовлетворения денежных нужд служилых людей на местах из городских и уездных доходов. Не дожидаясь приезда Михаила Федоровича из Костромы в Москву, новое правительство пыталось организовать централизованный сбор и расход денег из государственной казны. Деньги в условиях разорения кремлевской казны требовались прежде всего на подготовку царского венчания. В конце февраля и начале марта 1613 года грамоты о присылке разных денежных доходов в Москву получили Владимир, Болхов, Боровск, Калуга, Воротынский, Волок Ламский, Зарайск, Переславль-Рязанский, Тверь, Торжок, Тула. В грамотах содержался запрет воеводам использовать собиравшиеся деньги, предназначавшиеся для встречи царя в Москве: «А однолично б есте четвертных денежных доходов сами не имали и никому не давали, и старостам, и целовальникам ни на какие расходы денег давать не велели ж, а сбирая те деньги, присылали к Москве наспех. А дати де деньги государю всяким служивым людем на жалованье для государева царского венчанья и приготовить ко государеву приезду всякие обиходы». В грамотах содержалась и несвойственная официальным документам в обычное время приписка, извиняющая за суровость мер: «а ведаете и сами, что в государеве казне денег и запасов нет»⁴¹.

Согласно существовавшей практике вслед за избранием на царство следовала присяга всего населения и всех сословий государства новому царю. То, что эта присяга не обещала быть простым делом, подтверждают события, разыгравшиеся в Казани, где дьяк Никанор Шульгин попытался едва ли не воссоздать Казанское царство. Однако казанцы свергли его и присягнули Михаилу Федоровичу около 15 марта 1613 года⁴².

В то время, когда по городам рассылали специальных посланников для приведения к присяге жителей Московского государства, сам избранник отсутствовал в столице и его реакция на избрание не была известна. Правда, есть свидетельства о том, что как только выборные на соборе 4 февраля 1613 года остановились на кандидатуре Михаила Федоровича, в Кострому были посланы боярин Борис Михайлович Салтыков и его брат Михаил Михайлович Салтыков, которым предстояло узнать мнение Марфы Ивановны и Михаила. Однако это больше похоже на легенду, сочиненную задним числом Салтыковыми — близкими родственниками нового царя и фаворитами первых лет его царствования. В наказе, выданном 2 марта 1613 года официальному посольству, отправленному от земского собора уговаривать юного Михаила и его мать, говорилось, что «ехать к государю в Ярославль или где он государь будет»⁴³. В таком официальном документе совсем ни к чему было скрывать действительное местонахождение Михаила Романова. Скорее, на соборе было известно, что он выехал вместе с матерью в Ярославль после освобождения Москвы в 1612 году, а дальнейший их маршрут послам предлагалось уточнить на месте.

Не случайно, что даже сегодня историки продолжают спорить о точном местонахождении будущего царя в феврале — марте 1613 года. Достоверно известно только то, что избранный на престол царь Михаил Федорович и его мать встречали посольство земского собора в костромском Ипатьевском монастыре. Дальше можно строить одни предположения. Жил ли Михаил вне пределов Костромы, когда его жизнь спас крестьянин села Домнина Иван Сусанин, не выдавший местонахождение стольника и митрополичьего сына (но еще не царя в представлении крестьян!) отряду поляков и, вероятно, казаков из числа сторонников королевича Владислава? Или, может быть, в это время Михаил находился уже в Костроме? Ведь именно об этом говорится в знаменитой обельной грамоте Богдану Собинину, зятю Ивана Сусанина, выданной 30 ноября 1619 года: «Как мы, великий государь... в прошлом во 121 году были на Костроме и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его Богдашкова Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры мы, великий государь... были, и он Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем

польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти»⁴⁴. Царь Михаил Федорович и инокиня Марфа Ивановна останавливались по дороге на Унжу во время паломничества в 1619 году в Домнине, где могли встретиться с зятем прежнего деревенского старосты. Поэтому подвиг Ивана Сусанина был признан относительно поздно, а детали всего происшествия могли уже сгладиться или даже мифологизироваться.

История Ивана Сусанина стала известна из работ костромских историков XVIII века Н. Сумарокова и И. Васькова и из географического словаря А. Щекатова. По версии Н. Сумарокова, первым рассказавшего о сусанинском подвиге, крестьянина пытали, «где находится Михайло Федорович, но оной крестьянин не объявил, а снискал еще случай его уведомить, что ищут его литовские люди... К тому еще употребил и хитрость, показывая полякам, что он видел его... где оной никогда не бывал»⁴⁵. Как видим, акцент здесь сделан на крестьянской смекалке, позволившей царю избежать опасности. Предупрежденный Иваном Сусаниным, Михаил Федорович «из вотчины своей» уехал в Кострому, чтобы воссоединиться с матерью в Ипатьевском монастыре. Непроходимые леса и болота, куда Сусанин завел поляков, были домыслены уже позже, в результате последующих пересказов этой истории. Следовательно, по версии Н. Сумарокова, Михаил Федорович в конце 1612 года находился где-то в своей вотчине, рядом с Домнино.

Грамота потомкам Ивана Сусанина, казалось бы, прямо говорит о Костроме, как о месте пребывания Михаила Федоровича. Но, возможно, название Кострома употреблено в ней в расширительном, собирательном смысле. С. М. Соловьев возражал Н. И. Костомарову, вообще сомневавшемуся в существовании Ивана Сусанина: «В грамоте говорится, что Михаил был в Костроме, а в рассказах, что в селе Домнине. Но разве мы не употребляем и теперь имен городов вместо имен областей? “Куда он уехал?” — спрашивают. “К себе в Рязань”, — отвечают, тогда как уехавший никогда в городе Рязани не живет, а живет в рязанских деревнях своих»⁴⁶. Так что Михаил Федорович мог проживать как в самой Костроме, так и в других местах Костромского края.

В этой связи можно обратить внимание на обет («обещание») царя Михаила Федоровича посетить Макарьев Унженский монастырь. Паломничество было совершено сразу же по возвращении патриарха Филарета в августе — сентябре 1619 года. Местное монастырское предание, вошедшее в цикл

сказаний о преподобном Макарии Унженском, так рассказывает о посещении обители царем Михаилом Федоровичем. «Егда крываясь от безбожных ляхов в пределех костромских», будущий царь молился «о родителе своем, чудном архиереи Филарете, яко да облобыжет святыя его седины» (святой Макарий считался покровителем пленных)⁴⁷. На месте келий Михаила Федоровича в Макарье Унженском монастыре впоследствии была возведена церковь. Очень похоже, что будущий царь дал обет в связи со своим чудесным спасением.

Кельи царя Михаила Федоровича в Ипатьевском монастыре тоже сохранялись в течение долгого времени. Когда-то это были «келарские» или наместничьи кельи, остававшиеся таковыми еще и в XVII веке. Позднее к ним были добавлены новые пристройки. В начале XIX века в кельях жил префект семинарии, и с этого времени начинается почитание «царских чертогов» и их постепенное превращение в музей. Император Николай I, посетивший Ипатьевский монастырь в 1834 году, распорядился восстановить ветшавшие постройки монастыря. В итоге сначала архитектор К. А. Тон, а позднее в 1850—1860-х годах Ф. Ф. Рихтер провели реставрационные работы, в ходе которых на территории Ипатьевского монастыря был создан музей — «Палаты бояр Романовых».

Местные костромские исследователи больше, чем представители «официальной» исторической науки, интересовались вопросом о месте пребывания Михаила Романова в конце 1612 — начале 1613 года. Одни считали, что путь инокини Марфы Ивановны и Михаила Романова лежал из села Домнина в Кострому, где они жили на осадном дворе (А. Д. Козловский, Л. П. Скворцов). Другие (и их большинство) склонны считать, что Романовы сразу же перебрались из Домнина в Ипатьевский монастырь, как только до них дошли слухи о появлении польско-литовского отряда (П. Подлипский, М. Я. Диев, П. Ф. Островский, И. В. Баженов). Недавно появилась версия, объясняющая приезд Михаила Романова в костромской Ипатьевский монастырь началом Великого поста (Н. А. Зонтиков)⁴⁸. Бесспорно, что именно в этом монастыре состоялось призвание на царство Михаила Федоровича. Но источников, говорящих о том, что именно здесь он и жил все это время, нет. Вообще маловероятно, чтобы настоятель Ипатьевского монастыря предоставил свои апартаменты кому бы то ни было, тем более инокине с сыном, каковой была старица Марфа Ивановна. Во всяком случае, до тех пор, пока Михаил Романов не был избран на русский престол. Более того, кажется, что только

спешкой приготовлений к встрече посольства из Москвы можно объяснить выбор монастыря, прочно связанного с родом Годуновых. В писцовых книгах города Костромы 1620—1630-х годов есть упоминание о дворе инокини Марфы Ивановны на «старом посаде» рядом с другим костромским монастырем — Воздвиженским, разысканное в середине XIX века М. Диевым, а также о ее земельном споре с этим монастырем. Думаю, что правы те историки, кто считает, что стольник Михаил Романов жил с матерью (или другими родственниками) внутри посада на своем дворе, «на Костроме в городе позади Здвиженского монастыря»⁴⁹, а не в Ипатьевском монастыре, куда знатные жители города съезжались только в чрезвычайных обстоятельствах, когда городу грозила осада.

Во главе московского посольства, отправленного в Кострому с целью уговорить Михаила Романова принять шапку Мономаха и царский посох, стояли архиепископ рязанский Феодорит, боярин Федор Иванович Шереметев, а также келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, архимандриты московских Чудова и Новоспасского монастырей, протопопы и ключари кремлевских церковных соборов, боярин князь Владимир Иванович Бахтиаров-Ростовский, окольный Федор Васильевич Головин. Поручение, от которого столь много зависело в судьбе государства, конечно же не могло быть доверено случайным лицам. Обращает на себя внимание выбор в качестве послов тех лиц, которые не были связаны в прошлом с тушинским лагерем, а наоборот, активно проявили себя как защитники царя Василия Шуйского. В наказе московскому посольству, а еще ранее в окружных грамотах от собора по городам об избрании Михаила Федоровича 25 февраля 1613 года, недвусмысленно осуждались переговоры тушинцев во главе с Михаилом Глебовичем Салтыковым о призвании королевича Владислава. Показательно и отсутствие в числе послов героев недавних боев под Москвой — князя Дмитрия Михайловича Пожарского и князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, а также Кузьмы Минина. Состав посольства должен был продемонстрировать стремление к примирению, отчетливо выраженное на избирательном соборе. Но, может быть, еще важнее то, что в составе посольства отсутствовали люди «случая», которых так много появилось в Смутное время. Казаки, добившиеся избрания выгодного, как им казалось, кандидата, легкомысленно устранились от дальнейшего, предпочтя привычное вольное житье церемониальным обязанностям, переданным в руки тех, кто умел это делать лучше и профессиональнее.

Выехавшее 2 марта 1613 года из Москвы посольство проделало свой путь до Костромы за десять дней и прибыло в предместья города вечером 13 марта. Послы везли с собой чтимые иконы московских чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, с заступничеством которых связывалось избавление столицы от иностранного владычества. Можно представить, что на всем пути следования посольства эти иконы, едва ли не впервые покинувшие кремлевские соборы для такой дальней дороги, встречались с особым почитанием, привлекая жителей близлежащих мест. Цель посольства не была ни для кого секретом, поэтому уже с момента его выхода из Москвы к нему присоединялись многочисленные просители и челобитчики, собиравшиеся добиваться у нового царя решения своих дел. Ко времени прибытия посольства в Кострому оно увеличилось также за счет посадских людей Ярославля и Костромы, уездных жителей, собравшихся посмотреть на небывалое зрелище призвания на царство. Такая народная поддержка была отнюдь не лишней для исполнения главной задачи посольства, цель которого была сформулирована в наказе, выданном оставшимся в Москве правительством во главе с митрополитом ростовским и ярославским Кириллом и боярином князем Федором Ивановичем Мстиславским. В этом документе митрополиту Феодориту и другим участникам костромского посольства предлагалось «просити государя», чтобы он «по избранию всех чинов людей Московского государства, и всех городов, был на Владимирском и на Московском государстве»⁵⁰.

Основные события произошли в Костроме 14 марта. В этот день вся процессия с костромской чудотворной иконой Федоровской Божией Матери, с образами московских святителей проследовала в Ипатьевский монастырь, чтобы «бити челом» от «всей земли» и звать Михаила на царство. Согласие Марфы Ивановны и Михаила было получено отнюдь не сразу; уговоры, перемежавшиеся молебнами, длились шесть часов «с третьяго часа дни и до девятого часа неумолчно и неотходно»⁵¹. Описывая по горячим следам в донесении в Москву этот день, митрополит Феодорит и боярин Федор Иванович Шереметев добавляют и другие живые детали, позволяющие думать, что отказ от царского венца не был вызван только необходимостью соблюдения церемониальных условностей, как это было с Борисом Годуновым, трижды «отказывавшимся от царства». Источники не сообщают о том, сколько раз выслушало посольство отказ Марфы Ивановны и Михаила, но прямо говорят о их твердом и искреннем нежелании принимать предложе-

ние земского собора: «Во весь день на всех молениях и прошениях отказывали... с великим гневом и со слезами». Скорее всего причина нерешительности состояла в том, что не было известно мнение отца Михаила — митрополита Филарета. Не случайно вслед за общим аргументом, что «в Московском государстве многие люди по грехом стали шатки», Марфа и Михаил высказали свое беспокойство за судьбу мужа и отца, положение которого в польском плену могло ухудшиться после принятия Михаилом царского венца. Боярское правительство в Москве предвидело такие вопросы и включило в наказ специальный ответ о том, что «бояре и вся земля посылают к литовскому королю, а отцу твоему, государю нашему, дают на обмен литовских многих лучших людей»⁵².

Авторитет митрополита Филарета действительно был непрекращаем в романовской семье. Те «гнев» и «плач», с которыми юный стольник и его мать воспринимали доводы послов, заявления Михаила о том, что он не хочет быть царем, отсутствие благословения Марфы Ивановны — все это было словами и поступками людей, привыкших повиноваться воле старшего в роде. Однако несомненно и другое: Марфа Ивановна и Михаил не могли не воспринять столь явные для православного христианина знаки воздействия на их судьбу Божественного Промысла («во всем положились на праведные и непостижимые судьбы Божии»), вполне реально воспринимаемые ими и всеми другими участниками этого события, и не ответить согласием на все моления и уговоры, вручив себя Провидению. Ведь только сильным потрясением и общей экзальтацией можно объяснить ответы послов Марфе Ивановне и Михаилу о том, что «Московского государства всякие люди в бедах поискусились, и в чувство и в правду пришли...»⁵³. Публичное принятие решения (и какого!), скрепленное целованием креста перед наиболее чтимыми в русской церкви иконами, было действительно трудным и ответственным шагом, выше сил обыкновенного человека.

Как только согласие Михаила было получено, в Москву отправили гонца Ивана Васильевича Усова. Он достиг столицы 23 марта. В Москве был отслужен благодарственный молебен в Успенском соборе в присутствии служилых и посадских людей, живших в Москве, которым прочитали грамоту, привезенную из Костромы. С этого дня начинается оживленная переписка между московским правительством и царем Михаилом Федоровичем, а также посольством митрополита Феодорита и боярина Федора Ивановича Шеремете-

ва. Из царских грамот и ответов Боярской думы мы узнаем все главные детали похода царя Михаила Федоровича из Костромы в Москву и подробности приготовлений к его встрече в столице.

ДОРОГА ИЗ КОСТРОМЫ В МОСКВУ

Сорок два дня понадобилось новому царю Михаилу Федоровичу для того, чтобы добраться из Костромы в Москву, куда он прибыл 2 мая 1613 года. И это при том, что обычная дорога занимала тогда около десяти дней. Путь царского поезда можно проследить буквально по дням. Уже избранный царь Михаил Федорович прожил в Костроме до 19 марта 1613 года. В этот день крестный ход костромичей проводил царя, выехавшего из Ипатьевского монастыря в Ярославль (впоследствии, в 1642—1645 годах в память об этом событии была сооружена мемориальная «Зеленая башня» в новой крепостной стене Ипатьевского монастыря)⁵⁴. Скорее всего свита избранного царя Михаила Федоровича спешила использовать последний санный путь и перебраться вверх по Волге к Ярославлю до начала ледохода. В Ярославле, по свидетельству разрядных книг, царь Михаил Федорович жил вместе с матерью инокиней Марфой Ивановной в Спасском монастыре «до весны до просуху», с 21 марта по 16 апреля⁵⁵. Как только миновала весенняя распутица, царь выехал в Москву. С 16 апреля по 2 мая 1613 года царский поезд ехал через Ростов и Переславль-Залесский, останавливался на неделю в Троице-Сергиевом монастыре, пока, наконец, не достиг Москвы.

Такая неспешность царя, помимо ожидания более удобного летнего пути, имела свои причины. Когда прошли радость и всеобщее ликование от удачного завершения костромского посольства и быстрого выступления царского поезда к Москве, к Михаилу Федоровичу и его матери инокине Марфе Ивановне возвратились прежние сомнения, не позволявшие им сразу принять предложение о занятии престола. Слишком свежи еще были воспоминания о кремлевском разорении и голоде, чтобы поверить в произошедшие изменения. Многочисленные просители, являвшиеся к царю, также подтверждали очевидную картину общего неблагополучия. Следы и отголоски этих страхов отчетливо проявились в переписке царя с правительством в Москве.

26 марта 1613 года в Москву была доставлена вторая грамота от Михаила Федоровича. Ее привез не обычный гонец,

а стольник князь Иван Федорович Троекуров. Главная, очевидная цель его миссии состояла в передаче «государева жаловального слова» и послания с подробностями принятия Михаилом Федоровичем государева посоха из рук митрополита Феодорита, о чем в Москве сразу же был отслужен благодарственный молебен. Но среди прочих поручений, переданных Троекурову новоизбранным царем, было и то, что не предназначалось для огласки. «И после его государева жаловального слова, после речи говорил нам, холопом твоим, князь Иван, — писали в ответной грамоте царю из Москвы в Ярославль, — только твой государев приход будет к Москве вскоре, и на твой государев обиход, к твоему государеву приезду какие во дворце запасы на Москве есть ли, и в которые города запас на твой государев обиход збирать послан ли, и откуда привозу запасом начается, и кому твои государевы села розданы, и чем твоим государевым обиходом вперед полнится, и что дать твоего царьского жалования ружником и всем оброчным». Можно представить, что интерес к этим насущным вопросам возник у Михаила Федоровича или его ближайших советников не на пустом месте. В той же переписке говорилось о «докуке от челобитчиков великой» по делам, связанным как раз с раздачей дворцовых сел (подобные раздачи широко практиковались многочисленными временными правительствами Смутного времени). Другая проблема, о которой царю также доносили челобитчики, состояла в непрекращавшихся грабежах по дорогам от Москвы и к Москве. Обилие просителей, видимо, настолько впечатлило Михаила Федоровича, что князю Ивану Федоровичу Троекурову было велено прямо выяснить: отчего «дворяне и дети боярские и всякие люди с Москвы разъехались» и произошло ли это «по отпуску» или «самовольством».

Полученные ответы никак не могли утешить нового самодержца: запасов в житницах действительно было «не много» и их подвоз еще только ожидался разосланными по городам сборщиками. С разбойниками правительство боярина князя Федора Ивановича Мстиславского боролось «заказами крепкими» о том, чтобы «татей и разбойников» судить «по градческому суду»⁵⁶. Но в сложившихся условиях это вряд ли могло помочь.

В переписке царя и Боярской думы обсуждались и другие важные вопросы, связанные с тем, что послам, отправленным к Михаилу Федоровичу в Кострому, не выдали сразу «подлинный боярский список» и «государеву печать». Полный список Государева двора, скорее всего, просто не-

кому и не по чему было вовремя составить. А государева печать была нужна и в Москве. Еще 27 февраля ее было поручено ведать думному дьяку Ефиму Григорьевичу Телепневу и дьяку Ивану Мизинову. Только за март — апрель 1613 года они смогли собрать около 400 рублей печатных пошлин⁵⁷. Но и из Костромы митрополит Феодорит вынужден был напоминать в отписке в Москву: «а у нас, господа, за государевой печатью многие государевы грамоты стали»⁵⁸.

Как видим, с получением согласия Михаила Федоровича принять царский венец понемногу создавалась ставшая привычной за время Смуты и доставлявшая столько бед и неприятностей ситуация многовластия, неизбежно превращавшегося в безвластие. Хотя имя нового царя уже было известно, сам он в столице отсутствовал и еще не был помазан на царство. В то же время существовала масса неотложных государственных дел, которые требовалось решать немедленно. Прерогативы правительства земского совета во главе с митрополитом Кириллом и боярином князем Федором Ивановичем Мстиславским, особенно после получения 23 марта в Москве известия о согласии Михаила, становились неопределенными. Дворяне и дети боярские, у которых отписывали земли, ехали жаловаться к царю, крестьяне отказывались платить налоги на содержание казаков (как это случилось в Балахне со станицей атамана Степана Ташлыкова), ожидая от царя искоренения разорительных для них казачьих приставств. Наконец, посланные в города новые воеводы от правительства Мстиславского иногда сталкивались с такими же воеводами, отправленными от царя Михаила Федоровича во время его шествия из Костромы в Москву. Усугубляло положение то, что царь Михаил Федорович долгое время, вплоть до 16 апреля, отказывался двигаться дальше Ярославля, пока ему не будет обеспечен безопасный проезд к Москве.

В Москве усиленно готовились к приему царя, советуясь с ним о церемониальных деталях этой встречи: в каком месте встретить, «кому из бояр на встречу быть» «и где его государя, и в котором месте, и в которой день бояром встречати и полкам, дворянам и детям боярским... быть ли». Отдельно требовалось решить, где должны встречать государя атаманы и казаки, столь много сделавшие для избрания Михаила Федоровича, и «в котором месте» должны были встретить государя «с хлебы» гости и торговые люди⁵⁹. По замыслу авторов церемониала должно было быть показано единение сословий в принятии нового царя: представители каждого из них, ранее голосовавшие за Михаила Федорови-

ча на земском соборе, теперь встречали его у стен Москвы. Нужно было также подготовить к приему царя Золотую «государеву палату», которая, несмотря на свое название, оказалась «худа» и стояла без «окончин и дверей». Перспектива у Михаила Федоровича и впрямь казалась незавидной: приехать в свой столичный город, не имея самого важного — безопасного и подходящего царскому чину жилья, а также запасов в царских житницах. Поэтому его вынужденное промедление было оправданным, тем более что новый царь и его окружение не бездействовали, а, наоборот, были очень настойчивы в обеспечении своего будущего.

Быстрому возвращению в столицу мешала также неопределенность в делах обороны государства. Уже во время остановки в Ярославле новый царь должен был отдать немедленные распоряжения о высылке войска в Псков во главе с воеводами князем Семеном Васильевичем Прозоровским и Леонтием Андреевичем Вельяминовым, для того чтобы противостоять дальнейшей экспансии на северо-западе шведов, владевших тогда Новгородом. Еще более серьезной опасностью, угрожавшей непосредственно царю, стал мятеж Ивана Заруцкого, действовавшего во имя царицы Марины Мнишек и ее сына «царевича» Ивана Дмитриевича. Условие «воров никого царским именем не называти, и вором не служить» было включено в крестоцеловальную запись всей земли новому царю⁶⁰. Поэтому так важны были для Михаила Федоровича военные распоряжения, сделанные 19 апреля 1613 года, когда на борьбу с Заруцким и его казаками и черкасами был отправлен воевода князь Иван Никитич Меньшой Одоевский. Главным станом войска князя Одоевского назначалась Коломна, куда должны были идти в сход дворянские корпорации рязанского и приокских служилых «городов». Попытались также собрать на службу дворян замосковных уездов — Владимира, Суздаля, Нижнего Новгорода и других, однако большинство дворян из этих «городов», только что перенесших тяготы московской осады, были не в состоянии выступить в новый поход. Самые тревожные известия о Заруцком были получены, когда царь находился уже на подходе к Москве. 25 апреля 1613 года в столице узнали о разорении Заруцким Епифани, Дедилова и Крапивны, а также о планах похода сторонников Марины Мнишек на Тулу. Захват Тулы — центрального города Украинного разряда — грозил расстройством обороны важнейшего южного рубежа государства, делал его беззащитным перед татарскими набегами. В Туле уже тогда располагались оружейные мастерские и запасы — и попади они в руки Заруцкого, он получил бы

серьезное военное преимущество на будущее. Поэтому воеводе князю Ивану Никитичу Одоевскому было приказано перейти из Коломны в Тулу. Однако Заруцкий и не собирався брать хорошо укрепленную Тулу, а продолжил свой опустошительный набег на другие украинные города и двинулся из Крапивны на Чернь и Новосиль. На какое-то время призрак самозванства отодвинулся от столицы.

2 мая 1613 года состоялся торжественный въезд избранного на русский престол Михаила Романова в Москву. В разрядных книгах сохранилось описание этого события. Навстречу царю Михаилу Федоровичу и его матери Марфе Ивановне вышли за городские стены все, «от мала до велика», жители Москвы, несшие чудотворные иконы. В шествии участвовали представители всех сословий во главе с освященным собором. Затем процессия проследовала в Кремль, где в Успенском соборе состоялся праздничный молебен. Боярская дума, члены Государева двора и «всяких чинов люди» приняли присягу и были допущены к царской руке. По известиям современников, многие в тот момент не могли удержать радостных слез, молясь о здравии нового царя и о том, чтобы его царствование продлилось как можно дольше «в неисчетные лета». Не приходится сомневаться в искренности этих чувств, ибо воцарение Михаила Романова давало последнюю надежду на замирение Московского государства.

Первые месяцы по приезде нового царя в Москву продолжалась эпопея Заруцкого, надо думать, отравившая царю Михаилу радость подготовки к коронационным торжествам. Несмотря на принятые меры по централизации сбора и расхода денег в государстве, казна наполнялась не так быстро, а делопроизводство по учету поступающих доходов оставалось неналаженным. Поэтому самые первые шаги нового правительства царя Михаила Федоровича вынужденно продолжали практику Смутного времени. Особые сборщики были посланы в замосковные служилые «города» собирать дворян и детей боярских на службу против войска Ивана Заруцкого. Но, несмотря на свою присягу Михаилу, дворяне не хотели, а часто и не могли снова идти воевать без жалованья. Чтобы собрать деньги, правительство решилось на отчаянный шаг, организовав займы денег, в том числе у самых богатых «именитых людей» Строгановых. Их просили дать денег, «сколько они могут». К Строгановым в Соль Вычегодскую были посланы два посольства, отдельно из светских и духовных лиц. Первое посольство получило 24 мая 1613 года царскую грамоту, обращенную к Максиму Яковлевичу,

Никите Григорьевичу, Андрею и Петру Семеновичу Строгановым. В ней содержалась ссылка на многочисленные челобитные царю дворян и детей боярских, атаманов и казаков, стрельцов и «всяких ратных людей», «что они будучи под Москвою, от московского разоренья многие нужи и страсти терпели, и кровь проливали, и с польскими и литовскими людьми, с городскими седелцы и которые приходили им в помощь билися, не щадя животов своих, и Московского государства доступали, и от многих служб оскудели»⁶¹. В этом обращении можно различить два запроса к Строгановым: один — официальный — связан с посылкой сборщика Андрея Игнатьевича Вельяминова для денежных доходов «по книгам и по отпискам», другой — неофициальный — скорее походил на мольбу о помощи. «Да у вас же указали есмя, — читаем в грамоте от 24 мая 1613 года, — просити в займ, для крестьянского покою и тишины, денег, и хлеба, и рыбы, и соли, и сукон, и всяких товаров, что дати ратным людям». Однако строгановские деньги могли прийти (и пришли) только осенью, а положение надо было исправлять весной или, в крайнем случае, летом. Об остроте ситуации, кажется, без всякого риторического преувеличения было сказано в той же грамоте Строгановым: «А в нашей казне денег и в житницах хлеба на Москве нет ни сколько». Посольство из Москвы достигло Соли Вычегодской 25 июля и получило от Строгановых 3 тысячи рублей.

Займ у Строгановых носил характер чрезвычайного запроса, к которому прибегали в крайнем случае. Гораздо важнее было наладить приток обычных налогов, заставить менее богатых и известных жителей всего государства платить налоги в царскую казну в Москве. Перечень подобных сборов приводится в грамоте о посылке сборщика Ивана Федоровича Севастьянова в Углич 30 мая 1613 года. Ему было велено «нынешнего 121-го (7121-го от Сотворения мира, то есть 1613-го от Рождества Христова. — В. К.) году с посаду таможенные, и кабатцкие, и полавочные, и банные, и с посаду и с уезду оброчные и данные, и всякие денежные доходы на прошлые годы, чего не взято и на нынешний 121 год взять сполна и привезти к нам к Москве, на жалованье дворянам и детям боярским, и атаманам и казакам, и стрельцам и всяким ратным людям». Таким образом, из Углича изымались все собираемые доходы вместе с недоимками за прошлые годы. При сборе денежных доходов с городов власть обращалась к патриотическим чувствам жителей посадов, побуждая их проявить заботу о воинстве. В условиях борьбы с Заруцким и военной угрозы на северо-западных и западных

рубежах государства действительно было крайне необходимо обеспечить дворян и детей боярских денежным жалованьем. Однако когда деньги начали поступать в казну, новый царский двор не забыл и о своих собственных интересах.

Новая власть сделала также попытку вернуть хотя бы часть имущества из распыленной московской казны. Но никакие распоряжения на этот счет не давали нужного результата. В голодной Москве в 1611—1612 годах получение имущества из казны на пропитание было обычным делом даже для жителей посада. В чрезвычайных условиях жизни в столице, оккупированной польским гарнизоном и осажденной земским ополчением, все-таки соблюдались некоторые правила ведения расходных книг Казенного приказа. В них записывались сведения о том, кто и сколько взял товара «в цену и не в цену». Все участники таких сделок с казной прекрасно понимали формальный характер этих записей и не без основания надеялись, что обстоятельства позволят списать полуприкрытое воровство. Очень скоро стало ясно, что новое правительство Михаила Федоровича ничего не могло поделать с этим. Известно, например, что после отыскания на Казенном дворе приходно-расходных книг, 16 июня 1613 года, к московским дворянам Дмитрию и Александру Чичериным, Сарычу Линеву и Василию Стрешневу был послан стрелец с наказной памятью о возвращении в казну взятых ими вещей. Приписка исполнителей весьма красноречива: «Стрелец принес память, сказал не допытался»⁶².

Из более или менее исправных источников поступления дохода можно выделить только поступление печатных пошлин от жалованных грамот и разных дел. Да и то часто приходилось делать исключения и давать льготы разоренным и бедным людям, не имевшим возможности платить пошлины. Все, кто могли, на последние гроши ехали в столицу, чтобы получить грамоту на вотчину или поместье или подтвердить прежние пожалования. И буквально каждый пытался или воспользоваться своими заслугами в Смуту, или попросту дать взятку приказным, чтобы избежать налога. Характерно, например, что в число льготчиков сразу же попал крупнейший Троице-Сергиев монастырь, вероятно, стараниями его келаря Авраамия Палицына, одного из участников посольства к Михаилу Федоровичу в Кострому. 20 мая 1613 года (почти одновременно с запросом денег у Строгановых!) Троице-Сергиев монастырь был освобожден от уплаты подписных и печатных пошлин «для избавления нынешних настоящих многомятежных бед». Как видно, мо-

настырские власти обратились к царю с просьбой о льготе в вознаграждение за оказанные услуги. Противостоять такой просьбе царь Михаил Федорович не мог, хотя невыгода ее для казны в тех условиях была очевидна и неминуемо отозвалась ухудшением общего положения и невозможностью удовлетворить нужды множества воинских людей. Так в одно и то же время сходились ходатайства «сильных людей», монастырской братии Троице-Сергиева и других монастырей и прошения выдать хоть немного денег на погребение умиравших в Москве от ран героев недавних сражений под Москвой⁶³. От этой несправедливости уже тогда начинали снова тлеть недогоревшие уголья Смуты и зарождались очаги новых конфликтов.

В первые месяцы после избрания на царство Михаила Федоровича власть оставалась слабой и была не в состоянии заставить себя слушаться. Не так легко было переломить ставшие привычными в Смуту настроения вседозволенности и анархии, ниспровержения всех авторитетов, не исключая авторитет царя и патриарха. Отсюда доходившие до Москвы отголоски недовольства и брани в адрес новых московских властей. Из Переславля-Рязанского жаловался сборщик доходов С. Унковский на человека князя Дмитрия Михайловича Пожарского, считавшего своего господина первым на Москве: «Государь де наш Дмитрей Пожарской указывает на Москве государю, и везде он князь Дмитрей Пожарской». Также опасно несдержан на язык был тверской воевода Федор Осипович Янов, выговаривавший сборщику четвертных доходов Д. Овцыну: «Приехал де ты от вора с воровским наказом, а наказ де у тебя воровской»⁶⁴.

Наконец в Москве получили долгожданное известие о победе войска князя Ивана Никитича Одоевского над Заруцким в битве под Воронежем. Битва эта продолжалась несколько дней, с 29 июня по 3 июля. В «Книге сеунчей», где записывались такие радостные известия и давался перечень наград сеунщикам (вестовщикам), была сделана запись, согласно которой полки воеводы Одоевского «сшед вора Ивашка Зарутцково с воры от Воронежа за четыре версты побили и знамена, и языки многие, и наряд, и шатры, и коши все поймали, а Ивашко Зарутцкой с воры побежал через Оскольскую дорогу, а иные многие воры перетонули в реке на Дону, а бились они с воры непрестанно с 29-го числа июня по третье число»⁶⁵. Главного, непримиримого врага нового царя пока еще не поймали, но его войску был нанесен удар, от которого оно уже не смогло оправиться. Впрочем, и царское войско оказалось основательно обескровленным и ус-

тало в боях. Источники сообщают о том, что воевода князь Иван Никитич Одоевский распустил войско, даже не дожидаясь царского указа. В другое время это грозило серьезными последствиями, но вряд ли то была инициатива самого воеводы. Скорее, князь Иван Никитич Одоевский, понимая настроение дворянских сотен, воевавших с Заруцким не за страх, а за совесть, без всякого жалованья, благоразумно решил, что победителей не судят, и, чтобы не дать разгореться страстям, распустил войско. Теперь путь к царскому венцу был окончательно расчищен.

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО

В воскресенье 11 июля 1613 года, на память святой мученицы Евфимии, начались торжества венчания на царство Михаила Федоровича Романова⁶⁶. Этим давно ожидавшимся событием завершался переходный период, длившийся с момента избрания царя на земском соборе 21 февраля 1613 года, и начинался счет лет нового царствования.

Еще вечером 10 июля, накануне праздничного дня, в московских церквях начали служить торжественные молебны. С амвонов объявляли указы о предстоящем празднестве и необходимости являться на торжества в золотом (!) нарядном платье. Странно должно было смотреться это золото нарядов среди московских развалин и пепелищ, которых не избежал даже Кремль. Но то, что золото стало возвращаться в Москву, подтверждает приходно-расходная книга золотых и золоченых денег, бесстрастно зафиксировавшая их появление в Разрядном приказе накануне венчания на царство. Так, 9 июля было получено 2 тысячи московок золоченых — очевидно, для раздачи во время венчания⁶⁷.

Освященный и земский собор, избравший Михаила Романова на царство, представляли во время торжеств казанский митрополит Ефрем и воеводы князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и Дмитрий Михайлович Пожарский. Для воевод земского ополчения настал час триумфа. Они приняли самое непосредственное участие во всей церемонии и исполняли в ней самые ответственные и почетные обязанности. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский и будущий казначей Никифор Васильевич Траханиотов руководили приготовлениями к церемонии, «берегли со страхом» символы царской власти — бармы и царский венец — на Казенном дворе. Затем князь Дмитрий Михайлович участвовал

в препровождении этих регалий в Царскую палату, где передал шапку Мономаха в руки дяди царя Ивана Никитича Романова. После поклонения символам царской власти и целования креста царем Михаилом Федоровичем шапку Мономаха понесли в соборную церковь. Возглавлял эту почетную процессию боярин Василий Петрович Морозов; князь же Дмитрий Михайлович Пожарский нес царский скипетр.

Наконец настали главные события церемонии. Царь Михаил Федорович вышел из своих палат и направился к Успенскому собору. Впереди царя шел успевший вернуться в царские палаты с известием о завершении всех приготовлений боярин Василий Петрович Морозов. Михаила Федоровича сопровождали окольные и десять избранных стольников. Эти молодые люди, начинавшие служить стольниками вместе с Михаилом Романовым, войдут в элиту будущего царствования, поэтому перечислим их имена в том порядке, как они названы в «Чине венчания»: князь Юрий Яншеевич Сулешев, князь Василий Семенович Куракин, князь Иван Федорович Троекуров, князь Петр Иванович Пронский, Иван Васильевич Морозов, князь Василий Петрович Черкасский, Василий Иванович Бутурлин, Лев Афанасьевич Плещеев, Андрей Андреевич Нагой, князь Алексей Михайлович Львов. Далее за царем следовали бояре, дворяне, дьяки, остававшиеся в Москве члены избирательного собора из состава уездного дворянства и другие люди. По словам «Чина венчания», «было же тогда всенародное многое множество православных крестьян, им же несть числа».

В Успенском соборе царь принял шапку Мономаха, скипетр и яблоко (державу) и выслушал поучение казанского митрополита Ефрема, говорившего царю о необходимости «блюсти» и «жаловать» своих подданных: «Боляр же своих, о благочестивый, боголюбивый царю, и вельмож жалуй и береги по их отечеству, ко всем же князьям и княжатам и детям боярским и ко всему христоролюбивому воинству буди приступен и милостив и приветен, по царскому своему чину и сану; всех же православных крестьян блюди и жалуй, и попечение имей о них ото всего сердца, за обидимых же стой царски и мужески, не попускай и не давай обидети не по суду и не по правде». В науке существует давний спор о выдаче царем Михаилом Федоровичем некой ограничительной записи во время своего избрания. Думается, что «программа» нового царствования, содержащаяся в речи митрополита Ефрема, и была таким внутренним императивом царского самоограничения. Только в этом, нравственном,

смысле и можно говорить о принятых тогда Михаилом Федоровичем обязательствах перед подданными.

Кульминация торжеств 11 июля состояла в обряде помазания на царство. В глазах собравшихся это придавало божественный характер власти Михаила Федоровича и окончательно делало законным воцарение вчерашнего боярского недоросля.

В тени всего этого апофеоза остался еще один руководитель земского ополчения — боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Ему доверено было держать царский скипетр (царский венец был передан боярину Ивану Никитичу Романову, а яблоко — боярину князю Борису Михайловичу Лыкову). Но не об этом мечтал честолюбивый тушинский боярин, еще в начале 1613 года безуспешно уговаривавший казаков на «предвыборных» пирах избрать его в цари. Автор «Повести о земском соборе» запомнил, как после объявления царем Михаила Романова «князь же Дмитрий Трубецкой, лице у него ту и почерне, и паде в недуг, и лежа много дней, не выходя из двора своего с кручины, что казны изтощил казаком...». Стоя с царским скипетром в момент помазания царя Михаила Федоровича, боярин князь Дмитрий Тимофеевич должен был переживать сложные чувства.

Уже в царском чине Михаил Федорович прошествовал из Успенского собора в собор Михаила Архангела, где приложился к гробам великих князей, а оттуда — в Благовещенский собор. Только здесь мы видим среди участников торжеств главу московского правительства боярина князя Федора Ивановича Мстиславского, осыпавшего золотыми царя во время его выходов из кремлевских соборов. После завершения всех обрядов оставшиеся на земле золотые были в давке разобраны народом («каждый что взя на честь царского поставления»). По обычаю состоялся званый пир: «и потом вси царской трапезе приемные быша, пиру ж зело честну и велику сотворяеми». На этом царском пиру многие также получили дары из рук самого царя. Но, пожалуй, главный его «подарок» знати состоял в том, что в течение трех праздничных дней участники пира могли забыть о местных счетах, отмененных Михаилом Федоровичем на время торжеств «ради царского обирания».

...Перед царем Михаилом Федоровичем стояло в этот момент множество задач. Одну из них — главную — нужно было решить любым путем: вывести страну из тупика Смуты. Дорога эта была новая и неведомая, а начать свой путь Московскому государству предстояло во главе с 16-летним юношей.

Глава третья КАЗАЧЬИ ВОЙНЫ

Между вольницей и государевой службой. —
Войско Баловня. —
Последние «вольные» казаки

Не раз встреченное в тексте слово «казаки» нуждается в разъяснении. В нашем представлении казачество чаще всего ассоциируется с полувоенными формированиями на окраинах государства или с Запорожской Сечью. Однако чтобы понять судьбы казачества в Смутное время, нужно отрешиться от такого взгляда и вспомнить о другом, исконном значении слова «казак», которым, по «Словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского, называли «наемного работника» в монастырских и частных вотчинах⁶⁸. Главный принцип казачьей службы состоял в личном почине, выборе свободного человека, кому служить. Со временем найм стал толковаться расширительно и включил для «казаков» воинскую службу, ставшую их основным занятием. При этом для людей средневековой Руси существовал большой простор для игры словами: «казание» (наставление, увещевание), «казенный», «казити» (повреждать), «казнь», — в таком окружении жило слово «казак» в русском языке. В. О. Ключевский писал: «В Московской Руси еще в XVI—XVII веках повторялись явления, которые могли возникнуть только при зарождении казачества. В десятнях* конца XVI века встречаем заметки о том или другом захудалом уездном сыне боярском: “Сбрел в степь, шшел в казаки”. Это не значит, что он зачислился в постоянное казацкое общество, например, на Дону; он просто нашел случайных товарищей и с ними, бросив службы и поместье, ушел в степь погулять на воле, заняться временно вольными степными промыслами, особенно над татарами, а потом вернуться на родину и там где-нибудь пристроиться»⁶⁹.

Источники Смутного времени полны упоминаний о казаках, вошедших даже в шуточную стихотворную «Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстого: «Поляки и казаки нас паки бьют и паки». Действительно, в Смуту с казаками были связаны разорение и мучительство; они, по словам С. М. Соловьева, выступали как «разрушители государственного порядка». Какой еще упрек может звучать в России настолько политически серьезно, как этот? На таком отрицательном фоне факты участия казаков в

* Десятни — книги учета состава и служебной годности дворян и детей боярских одного уезда.

освободительном движении ополчений 1611—1612 годов, их влияние на ход избирательного собора 1613 года если не замалчивались, то трактовались тенденциозно, в обвинительном ключе. Казаки убили в июле 1611 года руководителя Первого ополчения думного дворянина Прокопия Петровича Ляпунова; предводитель казаков в этом ополчении Иван Мартынович Заруцкий ушел из-под Москвы со своим войском, не желая соединяться с новым ополчением князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Походы Заруцкого оставались главной угрозой в начале царствования Михаила Федоровича, а борьба с казаками велась в течение нескольких лет, практически до возвращения из Польши патриарха Филарета.

Отход от односторонней трактовки роли казаков в событиях, предшествовавших избранию на царство Михаила Федоровича, произошел сравнительно недавно. В 1958 году в Харькове вышла книга Н. П. Долинина, посвященная истории освободительного движения 1611—1612 годов и роли в нем казачьих полков («таборов»)⁷⁰. Вопреки существующей традиции Н. П. Долинин показал, что казаки фактически осуществляли осаду Москвы до подхода ополчения князя Д. М. Пожарского. Впрочем, книга Н. П. Долинина вышла в издательстве провинциального украинского университета и была обречена на бытование в узком кругу специалистов. Несмотря на это, она действительно оказала влияние на историографию Смуты. Резонанс работ Н. П. Долинина был бы еще сильнее, если бы он успел защитить и опубликовать написанную им в 1960-е годы докторскую диссертацию на тему участия казаков в освободительной борьбе 1608—1614 годов. Остается благодарить предполагавшегося оппонента на защите А. А. Зимина, передавшего после смерти Н. П. Долинина текст его диссертации на хранение в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки⁷¹.

Впервые настоящую роль казаков в событиях первых двух десятилетий XVII века выяснил А. Л. Станиславский, чьи многолетние исследования завершились изданием новаторской книги «Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории» (1990). В основе этого и других его исследований лежат новые комплексы разысканных им архивных материалов. А. Л. Станиславскому удалось уберечься как от традиции огульного обвинения антигосударственных элементов, так и от романтизации казачьей «борьбы» («культовое» слово для историка, жившего в советскую эпоху). Исследователь показал, что в Смутное время действовали не обычные казачьи сообщества, пришедшие с юга, а создававшееся с течением Смуты так называемое «вольное казачество». Источником его пополнения, как об этом убе-

дительно свидетельствуют материалы сыска правительства Михаила Федоровича в ходе подавления казачьих выступлений 1614—1615 годов, были чаще всего не свободные люди, а бывшие крестьяне, холопы, служилые люди по прибору и даже «по отечеству». Из этих-то десоциализировавшихся людей и складывались казачьи станицы, заимствовавшие свою организацию от «классического» донского и запорожского казачества. Поэтому никакие чисто казацкие понятия, типа «круг», «станция» или «атаман», не должны заслонять очевидной самостоятельности и отсутствия легитимности в деятельности таких отрядов. Основной формой их существования стали насилие, страх и организованные грабежи, насаждавшиеся путем «приставств», то есть сбора определенных самими казаками платежей с населения за охранные функции (независимо от того, нужна была или нет населению казачья охрана). В результате казаки получали мобильность, легко передвигались из одной, ограбленной ими территории, в другие, менее разоренные области, объединялись под началом какого-либо атамана. Иногда казаки могли пуститься в самостоятельный поход. Многочисленному казачьему войску легче удавалось держать людей в устрашении.

Казацкая идея была популярна в народе, так как позволяла организовывать круговую поруку для борьбы с многочисленными алчными сборщиками всевозможных доходов. Даже в начале царствования Михаила Федоровича фискальные агенты сталкивались с разделением «мира» на лояльных власти «лучших и средних людей» и «младших» или «молодших». Последние, наиболее бедные, защищали себя по образцу казаков. Так раскололся «мир» в Устюжне из-за сбора первой пятины в 1614 году. «Мелкие люди, — заявляли представители верхушки посада, — завели на Устюжне казачий быт». Это означало, что они «всех черных людей привели к вере, знаменовались образом и учинили заговор на том, что им земских целовальников не слушати, и в те городовые расходы по сыскному верстанью не платить, и на правож друг друга не дати и нашей (государевой. — В. К.) грамоты не слушати»⁷².

Родившееся в подмосковном Тушинском лагере «вольное» казачество, как и многие высокопоставленные тушинцы из Государева двора, смогло утвердить свой новый статус в период «междущарствия», когда оно активно поддержало борьбу народных ополчений. Правда, что И. М. Заруцкий командовал казачьими войсками, но не все казаки подчинялись ему и поддерживали претензии на царство Марины Мнишек и ее сына. Части казаков не был чужд по-своему понятый патриотизм, стремление выступать от имени всего «мира», что и проявилось в избрании Михаила Федоровича.

МЕЖДУ ВОЛЬНИЦЕЙ И ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБОЙ

Уже в первые месяцы царствования Михаила Федоровича казачье войско оказалось расколотым. Участники ополчений, дожившие под Москвой до весны 1613 года, видимо, оказались большими государственниками и продолжили свою службу, воюя против внешних врагов новой династии — поляков и шведов — под Смоленском, Путивлем и Новгородом. Другая часть казачьего войска держалась обветшалых самозванческих знамен, но была обречена. Это стало ясно после того, как сторонники Ивана Заруцкого и Марины Мнишек были разбиты войском боярина князя Ивана Никитича Одоевского в многодневных боях под Воронежем. Тогда же значительная часть казаков (около 2250 человек) «отъехала» от Заруцкого «на государево имя», то есть перешла на службу к царю Михаилу Федоровичу.

За время Смуты современники вынуждены были признать статус казаков и при случае использовали наборы в казачью службу, пополняя «старые» казачьи станицы или прибирая в службу новых «охочих» людей, которых в разоренной стране найти было нетрудно. Еще до приезда избранного царя Михаила Федоровича в Москву был создан специальный Казачий приказ во главе с Иваном Александровичем Колтовским и дьяком Матвеем Сомовым. Предметом ведения нового, ранее никогда не существовавшего приказа стала организация казачьей службы, верстание казаков окладами, распределение приставств. Эта тенденция утверждения прав казачества на службу приходила в противоречие с главной идеей возвращения к старому порядку, к стремлению монастырей и крупных земельных собственников вернуть вышедших из повиновения и контроля крестьян и работников.

Казачи, отправлявшиеся весной 1613 года защищать избранного ими царя под Псков и Новгород, стали в итоге зачинщиками новой Смуты. Иначе и быть не могло, так как государю «добила челом» часть «вольного» казачества, служившего ранее с Иваном Заруцким и ушедшая от него. Именно их поспешили отправить из столицы в Смоленск. Не было спокойствия и в войске боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого под Новгородом. «Бяше же у них в рати нестроение великое и грабеж от казаков и ото всяких людей», — сообщал «Новый летописец». Добавили напряжения и запорожские казаки — «черкасы», как их называли в русских источниках. Они служили шведам под Тихвином и, по обычаю наемников, покинули службу, недовольные жа-

лованьем. Осенью 1613 года черкасы оказались в Белозерском уезде и на Олонце. Все это были предвестники большой казачьей войны, разразившейся уже в 1614 году. Рассказ о ней вошел в «Новый летописец» и был выделен в отдельную статью «О воровстве и о побое на казаков и на черкас»: «Бывшу ж у них старейшиною имянем Баловню, с ним же бывшим многим казаком и боярским людем, и воеваху и предаваху запустению Московского государства. Бывшу ж войне великой на Романове, на Углече, в Пошехонье и в Бежецком верху, в Кашине, на Беле озере, и в Новгородском уезде, и в Каргополе, и на Вологде, и на Ваге, и в иных городах»⁷³.

Казачья война, начавшись на севере государства, не ограничилась им. В стране существовало несколько независимых друг от друга очагов казацкой вольницы, в том числе в северских и украинских городах, а также в Астрахани, где зимовал с войском Иван Заруцкий. Жившие одним днем, казаки не выстраивали стратегию своего поведения. А. Л. Станиславский писал, что «в первой половине 1614 года казацкое движение распалось на десятки походов слабо связанных между собой казачьих отрядов»⁷⁴. И все же понемногу к апрелю 1614 года в Пошехонском уезде сформировалось ядро казачьего войска, собиравшегося воевать с правительством Михаила Федоровича и пробираться к Заруцкому по Шексне и Волге. Московское правительство должно было учитывать опасность казачьего «единачества» и не допустить его.

Сначала Боярская дума действовала осторожно — уговорами и посулами жалованья. Казачество не чуждо было определенным представлениям о собственной службе и заслугах и своим уходом из-под Тихвина в Белозерский уезд добивалось получения кормлений за участие в боях под Тихвином. В том же апреле 1614 года состоялся земский собор, принявший решение о сборе «пятинных денег» для уплаты жалованья войску. Часть казаков поверила обещаниям правительства и вернулась в полки боярина князя Д. Т. Трубецкого, воевавшие летом 1614 года под Новгородом. Однако неудача этого похода лишила казаков последних надежд на получение жалованья за службу в царевых полках. Казаки снова занялись грабежами, не дожидаясь того времени, когда сборщики доставят чрезвычайный пятинный налог в Москву. Казачьи станицы из-под Бронниц, Старой Руссы, Порхова, Торжка опять двинулись «воевать» Вологду и Поморье. Но эти земли уже были разорены до них, поэтому казаки продолжили поход по территории замосковных уездов.

1 сентября 1614 года состоялся земский собор, решавший, что делать с казаками. По словам официального «Нового летописца», «царь же... не хотя их злодейския крови пролити, посла в Ярославль боярина своего князь Бориса Михайловича Лыкова, а с ним властей, и повеле их своим милосердием уговаривати, чтоб обратилися на истинный путь»⁷⁵. В состав посольства, представлявшего собой своего рода земский собор в миниатюре, вошли церковные архиереи — архиепископ Суздальский и Тарусский Герасим, архимандрит кремлевского Чудова монастыря Авраамий. Боярскую думу представлял глава посольства боярин князь Борис Михайлович Лыков; с ним находились четыре московских дворянина, один гость, четыре выборных человека из лучших посадских людей, три атамана, по одному есаулу и казаку. Посольство охраняли 100 человек дворян и детей боярских, 100 стрельцов и 65 казаков с четырьмя атаманами. Наказ земского собора, выданный архиепископу Герасиму и боярину князю Б. М. Лыкову, напоминал непростую предысторию уговоров казаков: «И государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси посылал в города и в уезды к атаманом и казаком с грамотами безпрестани и говорити дворян многих и атаманов и казаков, чтоб они от воровства престали и шли на государеву службу и государю служили»⁷⁶. Чашу царского терпения переполнили невиданные мучительства, которым казаки стали подвергать жителей захваченных ими территорий. Холодящие кровь невыдуманные подробности таких зверств приводит «Новый летописец»: «И многия беды деяху, различными муками мучили, яко ж в древних летех таких мук не бяше: людей же ломаху на древо и в рот зелье сыпаху и зажигаху и на огне жгоша без милости, женскому полу сосцы прорезываху и веревки вдергиваху и вешаху и в тайные уды зелье сыпаху и зажигаху; и многими различными иными муками мучиша и многие грады разориша и многие места запустошиша»⁷⁷. Боярин князь Борис Михайлович Лыков должен был, согласно соборному постановлению, призвать казаков, «пустошивших» государеву землю, одуматься и вспомнить их крестное целование Михаилу Федоровичу: «от воров, которые хотят воровати, отобратися, и имян своих списки прислати к государю, и идти на государеву службу, где государь велит». Повинившимся обещали уплату денежного жалованья; упорствующие же в воровстве и убийстве объявлялись врагами веры и государевыми изменниками, «пуще и грубнее литвы и немец». Запрещалось даже называть их казаками, чтобы не было бесчестья «прямым атаманом, которые

государю служат». И наконец самая серьезная уступка казакам состояла в обещании (хотя и с оговорками) воли тем, кто вернется на службу под Тихвин: «И жалованье им и должным и крепостным людем по приговору слобода будет»⁷⁸.

Намерения московского правительства восстановить «тишину» и «покой» в державе были вполне серьезными. В Москве понимали, что всех казаков уговорить вернуться на службу не удастся, и поэтому боярину князю Борису Михайловичу Лыкову было предложено собирать войско из уездных дворян городов Замосковского края и дополнить его «охочими» и «даточными» людьми, готовыми воевать с казаками. Но война с казаками не могла быть успешной, так как у них не существовало ни единого центра, ни главного атамана, а кроме того, казаки легко переходили от состояния лояльности к неповиновению, и наоборот. Правительство больше воевало с фантомом казачьей угрозы, старательно предупреждая поход казаков на Низ (низовья Волги) и в Дикое поле. Сами же казаки в это время позволяли себя уговаривать, легко пускались на грабежи и активно сопротивлялись в главном, ключевом для них вопросе — о так называемом «разборе», позволившем бы отделить старых казаков от молодых, а тех, кто служил в ополчениях, от тех, кто ушел в казаки с началом царствования Михаила Федоровича. Постепенно московское правительство должно было понять, что «умиротворить» казаков не удастся.

Сами казаки явно демонстрировали свое неповиновение. В конце ноября 1614 года они организовали поход в Костромской уезд. По сведениям очевидцев, приведенным в отписке костромского воеводы Андрея Семеновича Колычева, казачьи станицы пришли в села Зогзино и Молвитино «и крестьян побили и перемучили, а около того учили ставитца в поместьях дворян и детей боярских по селам и по деревням, и в селах и в деревнях крестьян мучат и животы их емлют и жон их и детей позорят»⁷⁹. Не исключалась возможность похода казаков на Кострому, население которой еще недавно было свидетелем избрания Михаила Федоровича на царство. Но казаки двинулись не на укрепленный острог, а в более легкие для приискания добычи дворцовые земли вокруг Юрьевца Поволжского и в Кинешемском уезде. Это давало возможность выхода к Волге, по которой даже зимой можно было передвигаться на дальние расстояния и при желании идти в Астрахань к Заруцкому.

В конце 1614-го — начале 1615 года Михаил Федорович должен был окончательно разочароваться в данных ему при избрании обещаниях Боярской думы унять смуту в Москов-

ском государстве и отправить воевод для преследования мятежных казаков. В Суздаль и Костромской уезд во главе войска, состоявшего из служилых иноземцев, был послан воевода Иван Васильевич Измайлов. Но основная часть казаков в это время находилась севернее — вокруг Белозерска и Вологды, в Чарондской округе и в Пошехонском уезде. Для жившего там населения наступило, пожалуй, самое трудное и опасное время. На Севере имелось не так много поместий дворян и детей боярских, число уездных дворян в Вологде и Пошехонье насчитывало всего около сотни человек, не так развито было и землевладение служилых людей московских чинов. Поэтому казаки искали крепкие в хозяйственном отношении монастырские вотчины, хотя казачьи станицы не останавливались и перед разорением самих монастырей, как это произошло, например, с Ферапонтовым монастырем. Монастырь не имел каменной ограды, а потому стал легкой добычей казаков (в современных путеводителях их обычно путают с польско-литовскими интервентами). Впрочем, ничем особенным поживиться казакам не пришлось, так как монастырская казна оказалась надежно спрятана. Достоверно известно, что казачье войско намеревалось «приступать» с артиллерией и к стенам Кирилло-Белозерского монастыря, который представлял собой настоящую крепость.

Тем временем правительственные войска достаточно последовательно развивали свой успех. Воевода Иван Васильевич Измайлов очистил от казаков Костромской уезд. Войско боярина князя Бориса Михайловича Лыкова разбило 4 января 1615 года под Балахной отряд запорожских и русских казаков под началом Захарьяша Заруцкого (брата Ивана Заруцкого, продвигавшегося к нему на выручку). Это поражение вынудило часть казаков вернуться в правительственное войско, находившееся под Тихвином. Остальные же после неудачной попытки соединиться с Иваном Заруцким в Астрахани вынуждены были снова отступить на Север. Но и там их начал теснить князь Б. М. Лыков, продвигавшийся от Ярославля к Вологде. Он творил расправу с мятежными казаками, одних «милостиво наказываше, а иных и вешаше»⁸⁰. В целом князю Б. М. Лыкову удалось решить задачу, поставленную ему земским собором, и вернуть казаков на государственную службу. Несмотря на то что мятежные казачьи станицы раскинулись на огромной территории от Лапландии до Волги, основные силы казаков в конце января 1615 года согласились снова идти под Тихвин воевать против шведов.

Это, конечно, не означало, что Лыков добился полного и окончательного повиновения казаков. Более того, казаки

укрепились в мысли, что с ними считаются и в их военных услугах по-прежнему нуждаются. Все это еще теснее спланивало их. Не случайно в результате казацкого движения выделились несколько десятков авторитетных атаманов, умевших и прокормить своих казаков, и договориться с другими атаманами, а если надо, то и с правительственными воеводами. Так, в декабре 1614 года под Кирилло-Белозерским монастырем воевали станицы Федота Лабутина, Михаила Титова, Тараса Черного и Безчастного, в Чарондской округе — Василия Булатова и Михаила Баловня. В феврале 1615 года под Каргополом находились станицы того же атамана Василия Булатова, Александра Трусова, Герасима Обухова, Ивана Пестова, Ермолая Терентьева, Федора Ослоповского и Ермолая Поскочина. В марте 1615 года отряд в 500 казаков под предводительством атаманов Беляя и Щура стоял в Андомской волости Белозерского уезда. Численность одной станицы составляла около ста человек, но, видимо, для серьезных сражений они могли объединяться в более многочисленные отряды (сама сотенная и пятисотенная организация, возможно, была заимствована от стрелецкого войска). 12 апреля 1615 года около 500 казаков атаманов Бориса Юмина и Андрея Колышкина были разбиты в Угличском уезде. Многие — но не все — из перечисленных атаманов согласились в итоге вернуться на государеву службу, но то, что последовало затем, стало новым испытанием для власти юного царя.

ВОЙСКО БАЛОВНЯ

Имя «старейшины», главного атамана Михаила Баловнева (как установил А. Л. Станиславский, по происхождению сторожевого казака из Данкова) встречается впервые в качестве предводителя казаков в правительственных документах от 27 января 1615 года, когда он и другие атаманы согласились вернуться на службу под Тихвин. В селе Мегра Белозерского уезда они встретились с приехавшими из Москвы воеводами князем Никитой Андреевичем Волконским и Степаном Васильевичем Чемесовым. По разным источникам, на государеву службу возвратилось не менее двух тысяч человек. (Самую большую цифру «обратившихся» казаков — 15 тысяч — назвали составители записки в Посольском приказе. Как можно думать, эта цифра использовалась для агитации новгородцев.) Казачье войско не только начало военные действия под руководством воеводы князя Никиты

Андреевича Волконского, но и послало своих представителей в Москву во главе с атаманом Михаилом Титовым, чтобы повиниться перед государем. Однако внутренние конфликты в среде казаков продолжались. Наметившемуся переходу казаков на постоянную государственную службу препятствовало несколько обстоятельств: неравенство в самом казачьем войске; боязнь правительственного «разбора», результатом которого для многих казаков могло стать возвращение к подневольному труду у прежних владельцев; и, конечно, осознание того, что московское правительство вряд ли простит их «вины», участие в грабеже дворянских поместий и монастырских вотчин. Раздоры начались сразу же, как только московские воеводы попытались по обычаю провести смотр своего войска, переписав находившихся с ними на службе воинских людей. Как сообщают разрядные книги, «атаманы и казаки к смотру к ним не пошли, а ездят по селам, по деревням и по дорогам, а ездя грабят и побивают, и села и деревни жгут, и крестьян ломают, и воровство от них чинитца пуще прежнего, и на них (воевод. — В. К.) приходят с великим шумом и им угроживают, хотят грабить и побить». Внутри казачьего войска не было никакого единства. Те, кто хотел продолжать действовать по обычаям вольницы, не могли равнодушно смотреть на начавшиеся отступления от традиции. Оставшиеся в войске под Тихвином казаки расправлялись с такими, с их точки зрения, отступниками. Воеводы князь Никита Андреевич Волконский и Степан Васильевич Чемесов писали, что «многих атаманов и казаков, которые от воровства отстали, побили до смерти, а иных поймали в полон»⁸¹.

Конфликты между казаками, начавшиеся под Ладогой и Тихвином, закончились под Москвой. В войске под Тихвином состоялся казачий «круг», на котором казаки решили «идти к Москве»: «...а будет де ты, государь, их не пожалуешь, вины им в их воровстве не отдашь, и они де хотели идти в Северские города». Разговоры у казаков ходили разные, одни готовы были еще послужить правительству под Смоленском, если им заплатят жалованье, у других была «мысль и совет» отъехать в Литву и даже написать об этом предводителю польских отрядов в годы Смуты полковнику Александру Лисовскому. Интересно, что сам Александр Лисовский, как будто почувствовавший, что звезда его вновь может взойти, опять объявился в пределах Московского государства. (Подобные совпадения редко бывают случайными.) 29 июня 1615 года из Москвы воевать с Лисовским отправили войско во главе с боярином князем Дмитрием Михайло-

вичем Пожарским. А всего несколько дней спустя под Москвой объявилась целая казачья армия, сохранявшая лояльность власти, но грозившая ей возможными неприятными эксцессами, если не переворотом.

Сохранившиеся расспросные речи и челобитные казаков, пришедших в начале июля 1615 года под Москву, позволяют установить имена казачьих предводителей. Всего из-под Тихвина, через Устюжну и Бежецкий Верх, подошло к Москве более 30 станиц. Сами казаки называли главными «в заводе» атаманов Михаила Баловня, Ермолая Терентьева (Ермака) и Родиона Корташова (Корташа)⁸². Несмотря на то что устюженский воевода успел предупредить московское правительство о приходе казаков к столице, опасность здесь сразу оценить не смогли. 2 июля 1615 года в Ярославль отправился стольник Прокофий Булгаков Измайлов; он должен был раздать награды в войске боярина князя Б. М. Лыкова, главная цель которого, как мы помним, состояла именно в возвращении казаков на государеву службу. С награждением явно поторопились. Но и сами казаки, пришедшие под Москву с Михаилом Баловнем и другими атаманами, не предпринимали никаких решительных действий, угрожая столице только самим своим присутствием в московских предместьях (первоначальный стан казаков находился «по Троецкой дороге в селе Ростокине»).

Исход казачьего стояния под Москвой зависел от того, как будут решаться два главных вопроса: об их «разборе» и «винах». Восставшие держались в этих вопросах сообща и поначалу вели себя лояльно по отношению к царю Михаилу Федоровичу. Они прислали к нему челобитчиков, «что оне хотят государю служить и воровать вперед не учнут, а на государеву службу, где государь велит, итти готовы». И здесь, как и под Тихвином, камнем преткновения стал казачий смотр. В ответ на челобитную государь велел «атаманов и казаков переписать и розобрать, сколько их пришло под Москву». С этой целью к казакам было направлено «порознь» две комиссии: Ивана Урусова и дьяка Ивана Шевырева — для разбора одной половины, и Федора Челюсткина и Ивана Федорова — для другой. К сожалению, наказы разборщикам не известны, однако само стремление «разобрать» казаков на две половины очень красноречиво. Иван Урусов, возглавлявший первую комиссию, был человек родовитый; Федор же Челюсткий — выходец из выборного дворянства Алексина и Серпейска. Дьяк Иван Шевырев служил в 1614 году в Приказе сбора казачьих кормов, создание которого на короткое время стало одним из завоеваний казаков, а Иван

Федоров в том же 1614 году был сборщиком пятины в Вологде и Белоозере — местах, более всего пострадавших от действий казаков, а потому должен был знать немало историй об их «винах». Косвенным образом эти факты свидетельствуют о намерениях московского правительства разделить казаков — предположительно, на тех, кому разрешался набор в службу, и на тех, кого следовало возвратить в прежнее состояние. Во всяком случае, казаки отказались сразу подчиниться правительственным распоряжениям о разборе: «и атаманы и казаки к дворяном и диаком к смотру не шли долгое время и переписывать себя одва дали, а говорили: что они атаманы ведают сами, сколко у кого в их станицах казак»⁸³.

Когда выяснилось, что казаки в принципе готовы поступить на государеву службу, между ними и московским правительством стало устанавливаться подобие торговых и дипломатических отношений. Казаки выговорили себе право торговать под Москвой. Они посылали челобитчиков к царю, угрожая тем, что «толко им торгу не дадут, и они учнут воевать и в загоны посылать; и с Москвы им по государеву указу с торгом посылаю». Однако эта уступка была сделана им лишь в ожидании подхода к Москве войска боярина князя Бориса Михайловича Лыкова. Ему была направлена грамота с приказом «утоясь» пробираться к столице «проселочными дорогами», чтобы об этом не стало известно в казачьих таборах. Кроме того, за право торговать правительство потребовало от казаков освободить Троицкую дорогу и встать у Донского монастыря. Эти маневры позволили выиграть еще немного времени. Боярин князь Б. М. Лыков вернулся в Москву и 18 июля 1615 года был пожалован «у стола» у государя дорогой шубой «на соболях» и серебряным кубком. То была награда за прежнюю службу. Теперь, с приходом войска, у правительства появилась надежда окончательно избавиться от казаков. Очевидно, что в Москве не желали находиться под угрозой постоянного шантажа и исподволь готовились к военному противостоянию с казачьими станицами, не веря и не нуждаясь больше в их обещаниях идти на государеву службу. В казачьем же войске, напротив, удовлетворение очередного требования справедливо трактовали как свое достижение и слабость власти и пытались достигнуть все новых и новых уступок. Долго так продолжаться не могло. Убаюканные успехами своего «стояния» под Москвой, казаки забыли, что имеют дело с властью уже окрепшей, иной, чем в первые месяцы царствования Михаила Федоровича.

Собрав достаточное войско, правительство Михаила Федоровича получило возможность действовать. Шаткое равновесие было нарушено самой Боярской думой, которая решила выманить главных атаманов казачьего войска в Москву, зная наверняка, что без своих предводителей казаки ничего предпринимать не станут. Атаманам Михаилу Баловневу, Ермолаю Терентьеву и Родиону Корташову пообещали, что «хочет Бог и государь вас жаловати». Позднее, уже после поражения казаков под Москвой, в разрядные книги было включено известие о другом указе: взять из таборов атаманов, есаулов и казаков «для сыску» их преступлений. И действительно, в день своего приезда в Москву 23 июля 1615 года Михаил Баловнев и сопровождавшие его атаманы, есаулы и казаки (всего около восемнадцати человек) оказались в тюрьме, «за приставы», в Разрядном приказе. У них было отобрано за «воровство» 240 рублей (большие деньги, даже если поделить их на общее число колодников).

Посланному из Москвы под Симонов монастырь, где стояли казаки, окольниковому Артемию Васильевичу Измайлову дали наказ остановиться напротив казачьих станиц и посылать уговаривать их, «чтоб оне по государеву указу из табор никуда не ходили, а были б до государева указу в таборах и стояли безо всякого опасенья, а он Ортемей прислан их ото всякого дурна оберегать»⁸⁴. Казаки не должны были знать о том, что одновременно А. В. Измайлову приказали ни в коем случае «не упустить» казачье войско из-под Москвы. То же самое указали и боярину князю Б. М. Лыкову, который должен был «идти на казаков», как «ведомо ему учинится, что казаки учнут подыматца с станова». Зная осторожность молодого царя и его нежелание проливать кровь своих подданных, можно предположить, что правительство, уже чувствуя свою силу, действительно хотело мирно взять под контроль казачьи перемещения, наказать виновных в разных преступлениях и провести разбор казаков по принципам, выгодным Боярской думе.

Но не таковы были сами казаки, разучившиеся за годы Смуты подчиняться кому бы то ни было, кроме своей воли да атамана. Одному из предводителей казачьего войска, Ермаку, удалось уйти от царской стражи. Он и поднял казачьи «таборы» известием о том, что «на Москве атаманов Баловня и Кордаша и лучших козаков подовали за приставы»⁸⁵. До этого времени, напомним, казаки не воевали с царем Михаилом Федоровичем; они более или менее свободно приезжали в Москву, которую часть из них освобождала от поляков во времена ополчений 1611—1612 годов. Но теперь выбор у

них остался небольшой: либо воевать против правительства, либо уходить из-под Москвы. В отличие от казаков царские войска оказались готовы к любому развитию событий и сумели воспользоваться своим преимуществом.

Главные бои произошли 23 июля 1615 года в районе Даниловской и Серпуховской дорог, где казакам противостояло войско боярина князя Бориса Михайловича Лыкова. Хотя Ермолай Терентьев и часть казаков сумели уйти из Москвы, в последующие несколько дней всё было кончено: разрозненные казацкие отряды были разбиты под Боровском и Малоярославцем. По сообщению «Нового летописца», воевода правительственного войска боярин князь Борис Михайлович Лыков «взял» казаков и привел их в Москву «за крестным целованием». Всего воеводы боярин князь Б. М. Лыков и окольный А. В. Измайлов захватили в плен и привели с собой в Москву 3256 человек, «добивших» государю челом. Это означало сдачу на милость победителя.

Судьба казаков, захваченных в Москве или приведенных туда из-под Малоярославца, решалась быстро. Михаил Баловнев и другие главные старейшины казачьего войска были «вершены» — повешены. Некоторым известным атаманам сохранили жизнь: их отправили в тюрьмы по городам. Меньше всего времени провели в тюрьме рядовые казаки. Их ждали тот самый «разбор» и возвращение в прежнее крестьянское или холопское состояние, которого они так долго пытались избежать. Достаточно было, чтобы по бывшему казaku выдали поручную запись: «что ему... не изменить, в Литву, и в Немцы, и в Крым, и в ыные ни в которые государства и в изменничьи города, и к Лисовскому не отъехать, и к воровским казакom к изменником не приставать, и с воры с ыменники не знатца, и грамотками и словесно не ссылатца, и не лазучить и иным никаким воровством не воровать»⁸⁶.

ПОСЛЕДНИЕ «ВОЛЬНЫЕ» КАЗАКИ

Подмосковный казачий погром в конце июля 1615 года продемонстрировал силу московского правительства, перешедшего от практики уговоров к расправе с непокорными казачьими станицами. С самостоятельным движением нескольких десятков или сотен казаков, продолжавших действовать в разных частях государства, стало справляться легче. Но угроза казачьих походов оставалась. Как уже неоднократно бывало, казаки, находившиеся на службе с государевыми воеводами, легко могли покинуть правительственные

войска, посчитав, что им недоплатили положенного жалования. Усвоив за годы Смуты своеобразный кодекс поведения наемников, казаки могли поступить на службу к любому, кто платил и сохранял в неприкосновенности казачий быт, даже если это были их вчерашние враги или враги московского царя.

Казаки, приходившие в 1615 году под Москву, участвовали в боях со шведами на новгородском рубеже и действовали на севере Московского государства. Значительная часть казачьего войска (около 7 тысяч человек, в том числе 2250 казаков, служивших когда-то под знаменами Заруцкого) с 1613 года участвовала в осаде Смоленска, захваченного польскими войсками. Другие казаки (1259 человек) воевали летом 1615 года в войске боярина князя Д. М. Пожарского против полковника Александра Лисовского под Брянском. Поступление в казачью службу для многих оставалось единственной альтернативой голодной смерти или разорению от непомерных налогов. Поэтому традиции «вольного казачества» были живы.

Казаки живо отреагировали на расправу со своими товарищами под Москвой. Поначалу из войска князя Д. М. Пожарского дезертировало всего 15 казаков во главе с избранным ими атаманом Афанасием Кумой. К осени таких набралось уже около 500 человек. Огнем и мечом они прошли по многострадальным уездам к юго-западу от Москвы — Верейскому, Рузскому, Звенигородскому, Боровскому, Можайскому и Медыньскому. Ожесточение, с которым казаки Афанасия Кумы пустились воровать и грабить, вызвало удивление и гнев у прославленного воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского: «он такова вора не видал». Места, где воевали эти казаки, так сказать, «лыковского» призыва, были хорошо знакомы их предводителю Афанасию Куме (по своему статусу до «казачины» звенигородскому дворцовому крестьянину). Убийство верейского воеводы, штурм острогов, приставство в медынской вотчине окольного князя Даниила Ивановича Мезецкого, одного из членов Боярской думы, не оставляют сомнений в направленности действий казаков. Но уже в ноябре 1615 года Кума был арестован, и боярин князь Д. М. Пожарский потребовал для него смерти: «А только государь такова вора пощадит, казнить не велит, и тем городам, которые он разорил и вперед и досталь запустеют»⁸⁷. Другие казаки воевали в 1615—1616 годах во Владимирском, Суздальском и Шуйском уездах (против них был послан воевода князь Дмитрий Петрович Лопата Пожарский). Весной 1616 года взбунтовались казаки, ушед-

шие из войска под Смоленском. Их путь лежал через окрестности Козельска, где они воевали с правительственными войсками; затем казаки ушли в Карачевский и Болховский уезды.

Многие казаки-противники Михаила Федоровича пробирались к юго-западной границе государства, где казачьи станицы брали «приставства» или переходили на службу к польскому королевичу Владиславу. Так, казачий атаман Борис Юмин, разбитый царскими воеводами в Угличском уезде, ездил к Владиславу в 1616 году в составе посольства от донских казаков и предлагал этому реальному кандидату на русский престол свои услуги. Королевич знал, как обращаться с собранным под его хоругвями «великим русским казацким войском». Он не забывал благодарить служивших ему казаков во главе с атаманами Степаном Круговым, Яковом Шишом и Тарасом Черным за поддержку, жаловал их деньгами и сукном, противопоставляя свою политику в отношении казаков ущемлению казачьих вольностей «Филаретовым сыном», как презрительно называли тогда московского царя в Речи Посполитой.

Те же казаки, что готовы были продолжать бороться с польско-литовскими отрядами, но бежали из-под Смоленска, Дорогобужа и других городов, решили сообща добиваться царского жалованья. Они составили в первой половине 1617 года так называемое «заугорское» войско (по его расположению за рекой Угрой, в районе Перемышля, Белева, Мещовска и Козельска). Во главе «заугорских казаков» стояли атаманы Иван Орефьев и Иван Филатьев, когда-то служившие в войске боярина князя Д. М. Пожарского, воевавшим в 1615 году с Александром Лисовским. Всего «заугорское войско» насчитывало 9 атаманов, 14 есаулов, 5 атаманов без станиц и 1940 рядовых казаков. Они отправили челобитчиков к царю, жалуясь, что казакам в тех городах, где они раньше служили, «от насилства и от великих обид в розни быть не мочно; и государь бы вас (казаков. — В. К.) пожаловал, велел вам на своей государевой службе быть, где государь укажет, всем в одном месте, и пожаловал бы государь велел к вам прислати воевод»⁸⁸. Другими словами, казаки справедливо рассудили, что добиваться жалованья и защищаться от упреков дворян и детей боярских, накопивших за годы Смуты немалый счет к казачьей вольнице, легче, если собрать вместе несколько станиц. Лояльность казаков подтверждалась их готовностью служить в полку у государевых воевод, там где им укажут, и воевать «против искони вечных врагов полских и литовских людей». Поверив каза-

чьим обещаниям, правительство царя Михаила Федоровича 20 июня 1617 года направило к казакам воевод князя Никиту Никитича Гагарина и Якова Авксентьевича Дашкова, чтобы вернуть их под Смоленск и Дорогобуж. И вновь камнем преткновения стали две вещи — «разбор» и приставства. Однако теперь наученное горьким опытом правительство действовало осторожнее, увязав «разбор» с выдачей жалованья: «Государь... их за службу пожалует своим государевым жалованьем и приставством, смотря по ним сколько будет». Из Москвы ничего не могли диктовать казакам и лишь расспрашивали их, пытаясь установить хоть какие-то правила для предотвращения новых верстаний. Более того, Боярская дума вынуждена была даже согласиться, что казаки сами подберут себе приставства и лишь уведомят об этом воевод («а в которых городех, oprичь Дорогобужа и Вязмы, приставство им взяти, и они б о том меж себя посоветовали, и положили на мере»). Смотр в войске князя Н. Н. Гагарина и Я. А. Дашкова должны были проводить по тем спискам, которые представляли сами атаманы. «У смотру» атаманы и есаулы казачьего войска исполняли роль своеобразных «окладчиков», которых воеводы расспрашивали о рядовых казаках, «сколь давно хто государю служит, и откуда хто тут в войско пришол». Говорить о возвращении казаков в их прежнее состояние правительство не могло и лишь увещевало атаманов и есаулов, «чтоб они вновь холопей боярских и посадских людей, и с пашен с тягла крестьян в станицы к себе не принимали, и чюр (молодых казаков и слуг. — В. К.) своих с старыми казаки в ряд, которые государю служат старо, в станицы не писали»⁸⁹. Как заметил А. Л. Станиславский в своем исследовании о казачьем движении 1615—1618 годов, «это звучит скорее как просьба об ином поведении в будущем»⁹⁰.

Казаки «заугорского войска», пришедшие с Гагариным и Дашковым сначала под Дорогобуж, а потом, в августе 1617 года, в Вязьму, оказались плохими воинами. Они не стали сражаться за эти города, захваченные в октябре 1617 года войском королевича Владислава, и снова отошли в Козельский и Белевский уезды, требуя жалованья, «кормов» и присылки нового воеводы. Чтобы не допустить соединения этих казаков с казачьими станицами в войске королевича, правительство царя Михаила Федоровича отправило в Калугу отряд боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, пользовавшегося авторитетом у казаков еще со времен ополчений. Ему предстояло раздать 5 тысяч рублей жалованья, организовать сбор поручных записей по казакам, чтобы в

каждом десятке была круговая порука, а также распределить в приставства дворцовые земли. Удовлетворение казачьих требований стало лучшей агитацией в пользу службы царю Михаилу Федоровичу. Часть сторонников Владислава поспешила примкнуть к своим бывшим товарищам в Калуге. (Интересно, что в этот город, в котором долгое время стоял Лжедмитрий II, пришли в 1617 году в основном казаки из прежних станиц Заруцкого.)

Сохранились документы о целой «операции», проведенной для возвращения на службу царю Михаилу Федоровичу атамана Дмитрия Конюхова. В конце 1617-го — начале 1618 года он стоял в Федоровском остроге, передовом форпосте войска польского королевича. Когда стало известно о его намерении отъехать от Владислава, воевода боярин князь Б. М. Лыков, располагавшийся со своими отрядами в Можайске, сделал все, для того чтобы разыскать украденное имущество атамана. В Москву привезли жену Конюхова; ее мольбы должны были повлиять на мужа: «...мы-то жонки, все ведаем его царскую милость, а ты взят неволею от нужи... Умилися на наши слезы, не погуби нас во веки, приедь к государю и, что государю годно, то учини»⁹¹.

Несмотря на принятые меры, казаки оставались ненадежными союзниками царя Михаила Федоровича. Не получая жалованья, они не готовы были терпеть нужду, в отличие от дворянской поместной конницы, опасавшейся потерять свои земли в наказание за «нетство». Самое неприятное для московского правительства состояло в том, что новое бегство казаков со службы началось в критический момент похода королевича Владислава к Москве в июне 1618 года. В это время одни казачьи станицы из войска боярина князя Бориса Михайловича Лыкова воевали под Можайском и Борисовым городищем, а другие, вместе с войском князя Дмитрия Михайловича Пожарского, — под Боровском. Армия царя Михаила Федоровича отступала и несла существенные потери. В таких условиях предотвратить распад собранных отрядов было трудно. По материалам серпуховского смотра войска князя Д. М. Пожарского 20 июля 1618 года, в нем оставалось 1270 казаков, а бежало — 179 казаков (часть — к королевичу Владиславу)⁹².

К сентябрю 1618 года все запуталось окончательно. По договору с королевичем Владиславом в русские земли пришли запорожские казаки («черкасы») под руководством гетмана Петра Сагайдачного. «Заугорские» и «можайские», «донские» и «запорожские» казаки воевали друг с другом, переходили из одного войска в другое, заключали времен-

ные союзы и организовывали собственные «круги», брали самовольные «приставства». Так, в Тульском и Каширском уездах собралось большое войско из казаков, служивших ранее под Смоленском и в Дорогобуже, а также в войске боярина князя Д. М. Пожарского. Их «старшиной» был атаман Караул Чермной, с которым служили еще 11 атаманов со своими станицами. Среди них упоминается Тарас Чорный, один из вождей «великого русского казачьего войска» королевича Владислава. Сюда и направились те казаки, которые боялись вернуться на службу к Михаилу Федоровичу, не забывая подмосковный погром и роль в нем боярина князя Б. М. Лыкова. В октябре 1618 года это войско основательно пограбило территорию Рязанского уезда, дойдя даже до Муром.

Казаки, оставшиеся с воеводой боярином князем Д. М. Пожарским в Серпухове, пытались получить заслуженное жалованье и безуспешно посылали челобитчиков в Москву. К тому же князь Д. М. Пожарский, на которого сильно надеялись казаки, серьезно заболел в Серпухове, и казачьи станицы оказались под началом другого воеводы — окольного князя Григория Константиновича Волконского. С Волконским казаки в конце августа 1618 года перешли из Серпухова в Коломну, защищая столицу от возможного прихода гетмана Сагайдачного с «черкасами». Но князь Г. К. Волконский придерживался в отношении казаков жесткого курса, нещадно наказывая их за малейшие проступки. Не доверяли казакам и находившиеся вместе с ним дворяне. Так, они просто не пустили казаков сидеть в осаде в Коломне против отрядов Сагайдачного, обстреляв казачьих союзников из пушек. 8 сентября 1618 года казачий «круг» под Коломной решил самостоятельно добиваться жалованья. В итоге князь Г. К. Волконский остался без войска. Его покинули в Коломне не только казаки, но и большинство дворян, самовольно возвратившихся в Москву.

Путь же казаков из войска князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и князя Григория Константиновича Волконского лежал в Ярополческую волость. Их «таборы» обосновались в хорошо знакомых им местах — Вязниковской слободке, вотчине руководителя Боярской думы боярина князя Федора Ивановича Мстиславского, которой в 1611 году распоряжались казаки Первого ополчения. Во главе «вязниковских» казаков были авторитетные атаманы «зауторского войска» и даже атаманы из войска Баловня, которые еще недавно находились в тюрьме. По уже установившемуся порядку собравшиеся послали челобитчиков в Москву о жалованье.

В Москве принимали чрезвычайные меры для защиты столицы от войска королевича Владислава. Последний предпринял неудачный штурм столицы в ночь на 1 октября 1618 года. По решению земского собора еще в сентябре 1618 года в Нижний Новгород и Ярославль были посланы для сбора с ратными людьми бояре князь Борис Михайлович Лыков и князь Иван Борисович Черкасский. Едва приехав в Нижний Новгород, Лыков должен был снова унимать казаков от «воровства» в соседних уездах. Но «вязниковские» казаки предпочитали обращаться напрямую в Москву, куда их посланцы приехали 19 октября 1618 года. На следующий день, 20 октября, начинались переговоры о перемирии с королевичем Владиславом, и можно представить себе, как тяжело было Боярской думе одновременно решать еще и казачий вопрос.

Промедление правительства едва не спровоцировало отход из Москвы трех тысяч казаков, которые сидели в осаде «в королевичев приход». В начале ноября 1618 года, ночью, проломив стену Деревянного города, они двинулись по Владимирской дороге — очевидно, в направлении Вязников. В погоню — уговаривать казаков — послали боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, их вождя в земских ополчениях 1611—1612 годов, а также окольного князя Даниила Ивановича Мезецкого. О серьезности происходивших событий свидетельствует то обстоятельство, что описание их было включено в отдельную статью в «Новом летописце». Именно из этого источника мы узнаем о действии воевод и Думы: «Они же их сустигоша пять поприщ от Москвы и едва их поворотиша. И приидоша казаки к острогу и в острог не идут. Государь же всех посла бояр. Бояре ж их едва в острог введоша. Государь же им в вину того не поставил и пожаловал своим государевым жалованием»⁹³.

Против казаков, отстоявших Москву от королевича Владислава, нельзя было действовать так же, как против войска Михаила Баловня несколькими годами ранее. Впервые после избрания царя в 1613 году Боярская дума в полном составе оказалась в своеобразных заложниках казаков. И снова компромисс достигли лишь после удовлетворения казачьих требований. По приговору Боярской думы 9 ноября 1618 года казаков обещали пожаловать и оставить в станицах «всяких людей» (но при этом казакам надо было прислать их списки), а также сохранить их имущество, назначить поместные и денежные оклады. «Вязниковские» казаки получили свободу выбора, куда им идти для смотра — в Нижний Новгород к боярину князю Б. М. Лыкову

или в Ярославль к боярину князю И. Б. Черкасскому. Естественно, что казаки выбрали последний вариант. 2 декабря 1618 года состоялся еще один приговор Боярской думы, согласно которому рассчитывать на верстание окладами (что означало, по сути, уравнивание в правах с поместной дворянской конницей) могли лишь немногие казаки: кого «поверстать доведется»; другим был обещан статус приборных людей, «а иных государь пожалует, велит устроить по городом в беломестные казаки»⁹⁴.

В конце 1618-го — начале 1619 года эпоха «вольного казачества» завершилась. С нею вместе ушла в прошлое целая эпоха гражданской войны, в которой казачество сыграло ключевую роль. «Можайским» и «ярославским» казакам после многолетней вольницы нужно было возвращаться к рутинному крестьянскому и холопскому труду и приборной службе на малозначащих должностях стрельцов, затинщиков, воротников, пушкарей в дальних гарнизонах. Добиться этого удалось универсальным для правителей всех времен и народов способом: «разделяй и властвуй». Верхушка казачества не только смогла удержать свой статус, но в отдельных случаях даже повысила его до уровня дворянства, хотя и не московского, а уездного. Рядовым же казакам пришлось смириться с новым государственным порядком, при котором прежнему «вольному» казачеству не осталось места.

Глава четвертая СТОЛБОВО И ДЕУЛИНО

Новгородское государство. —
Бои за Смоленск. —
«Королевичев приход»

Возвращение Новгорода и Смоленска стало главной внешнеполитической задачей Московского государства в начале царствования Михаила Федоровича.

Обстоятельства, при которых эти города попали в руки врагов, были разными. Сами же противники — шведы и поляки — давно враждовали друг с другом, что и привело к сложной дипломатической игре, а потом и к прямым военным действиям, жертвами которых оказались жители Новгородской и Смоленской земель. Истоки всех бед лежали в противостоянии царя Василия Шуйского и самозванца Лжедмитрия II. Не имея возможности справиться самостоятельно с самозванцем, царь Василий Шуйский обратился за

помощью к шведам. С этой целью он отправил своего племянника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в Новгород набирать, по договору с Швецией, наемное войско. Для шведского короля Карла IX обращение подданных московского царя было подарком, он сам давно предлагал им помощь в борьбе с католической экспансией. Карл никак не мог допустить, чтобы у границ Швеции оказались войска его давнего врага и соперника в борьбе за трон польского короля Сигизмунда III. Так москвичи сами позвали шведского «льва», оказавшего, по точным словам Н. И. Костомарова, «помощь во имя собственного спасения».

Помощь, естественно, не была бескорыстной. Условием отправления в Московское государство пятитысячного «контингента» наемников стала передача шведам по выборгскому договору в феврале 1609 года города Корелы с уездом. Шведы быстро выполнили условия договора, и уже в конце марта 1609 года в Новгороде торжественно встречали главу отряда наемников Якоба Делгарди, упоминающегося в русских источниках под именем «Якова Понтусова» (он был сыном шведского военачальника Понтуса Делгарди и незаконной дочери шведского короля Юхана III). На долгие годы Якоб Делгарди и другой командир наемников из его войска Эверт Горн станут проводниками шведской политики в Новгороде.

Польский король Сигизмунд III не мог спокойно наблюдать, как шведский король вмешивается в русские дела. Он справедливо опасался, что оружие наемников может быть повернуто против Речи Посполитой. Ответный шаг не замедлил себя ждать. Осенью 1609 года уже сам король Сигизмунд III во главе своего войска начал открытую интервенцию в Московское государство, осадив Смоленск.

Таково было начало. Продолжение же последовало в самый критический для Московского государства 1611 год. На арену вышли два претендента на московский престол: шведский принц Карл-Филипп и польский королевич Владислав. И бывшие союзники шведы, и перманентные враги поляки и литовцы действовали одинаково в пользу своих кандидатов и захватили два ключевых русских города. Якоб Делгарди взял штурмом Новгород 16 июля 1611 года и заключил сепаратный договор между шведским королем и Новгородским государством. Новгородцы, по словам авторов «Нового летописца», «от Московского государства и ото всей земли отлучишася»⁹⁵. Однако выработанные Делгарди статьи договора о призвании в Новгород Карла-Филиппа пришли в противоречие с планами нового короля Густава II Адольфа, не считавшегося с новгородской «старинной», как это пытался сде-

лять Делгарди, и видевшего цель пребывания своих войск в Новгородской земле в создании новой шведской провинции. Так шведы завоевали и посадили «воевод немецких» не только в Новгороде, но и в Ивангороде, Яме, Копорье, Ладоге, Тихвинском монастыре, Старой Руссе, Порхове, Гдове и Орешке. Московское государство потеряло побережье Финского залива и земли в бассейне реки Невы. При этом кандидатура Карла-Филиппа продолжала обсуждаться в войсках земского ополчения князя Д. М. Пожарского и рассматривалась на избирательном соборе 1613 года.

С королевичем из Речи Посполитой произошли очень сходные метаморфозы. Гетман Станислав Жолкевский, заключивший с московскими боярами договор о призвании королевича Владислава 17 августа 1610 года, позже безуспешно пытался убедить Сигизмунда III отправить королевича на русский трон. Посольство, во главе которого стоял отец царя Михаила Федоровича патриарх Филарет, оказалось под Смоленском в странной ситуации. Главный вождь смоленской обороны боярин Михаил Борисович Шеин продолжал сопротивляться полякам и литовцам: «Он же им отказываша, что отнюдь Смоленска не здам; а как будет королевич на Московском государстве, и мы все ево будем»⁹⁶. Смоленск держался более полутора лет, пока очередной штурм 2 июня 1611 года не привел к сдаче города.

НОВГОРОДСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Все завоеватели начинают одинаково — с изобретения красивой легенды, прикрывающей истинную цель похода, которая всегда одна: захват и грабеж. Кончатся же завоевания тоже сходно: хаосом и разрухой на завоеванных землях. Действующими лицами этой старой как мир пьесы были в начале XVII века два юных властителя, почти ровесники и по возрасту, и по времени вступления на престол: русский царь Михаил Федорович и шведский король Густав-Адольф. В «массовых сценах» были заняты армии обеих стран, а также жители Новгорода, Пскова и их округи. Впрочем, жертвы и с той, и с другой стороны оказались совсем не театральными.

Новгородское государство, выступившее как самостоятельный субъект дипломатических отношений в 1611 году, с избранием царя Михаила Федоровича попало в двусмысленную ситуацию. Новгород по-прежнему упоминался в царском титуле, но жители его присягнули когда-то на верность Карлу-Филиппу. Если новгородцы хотели и дальше сохранять отдельный статус от Московского государства, то им следовало

перейти в подданство шведского короля. Но и соединиться с Московским государством без внешней помощи Великий Новгород не мог, пока внутри города располагался шведский гарнизон, а весь Новгородский уезд был завоеван шведами.

Инициативу взял в свои руки московский царь. Первым военным назначением нового царствования была посылка в марте 1613 года из Ярославля воевод князя Семена Васильевича Прозоровского и Леонтия Андреевича Вельяминова в Псков, Устрецкие волости и Тихвин «промышлять над неметцкими людьми». В составе их войска находились дворяне и дети боярские Белой, Новгорода и других разоренных уездов по новому «рубежу», а также вольные атаманы и казаки. 30 июля 1613 года в Москве было получено известие о взятии «у неметцких людей» Тихвинского монастыря. Шведы попытались организовать осаду Тихвина, но «тихвинским сиделцам» удалось отстоять город.

Воеводой главного войска, отправленного под Новгород, был недавний глава земского ополчения боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. В сентябре 1613 года он вместе с окольным князем Даниилом Ивановичем Мезецким и Василием Ивановичем Бутурлиным, собиравшим полки в Ярославле, выступил в поход с целью «Великий Новгород от немец очистить». По наряду на службу с ними были назначены 300 стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов, дворяне и дети боярские из замосковных служилых «городов» Владимира, Суздаля, Мурома, Переславля-Залесского, Костромы, Арзамаса, Твери, Торжка, Ржевы Владимировой — всего 3650 человек, и 1045 атаманов и казаков из Москвы. Сначала войско выступило к Торжку, где остановилось зимовать. Тут в войске князя Д. Т. Трубецкого начались старые ссоры между дворянами и казаками. Значительная часть атаманов и казаков ушла из войска, и Трубецкой остался «генералом» без армии. Осведомленный автор «Нового летописца», включивший целую статью о действии рати князя Д. Т. Трубецкого («О походе воевод под Нов город и о отходе»), записал: «Бяше же у них в рати нестроение великое и грабеж от казаков и ото всяких людей; и тут зимоваху». Перед началом Великого поста «на всеедной неделе», когда часть казаков удалось вернуть в состав правительственных войск, Трубецкой наконец-то выступил из Торжка к Новгороду и встал в Бронницах. Там был построен острог «за Мстою рекою», в котором войско стало укрепляться. Потом оказалось, что «место тут неугодно бяше и тесно». К тому же Якоб Делагарди произвел упредительный маневр и сам начал осаду острога с шведским войском, разрушив все

планы московских воевод. Наспех построенные укрепления и шанцы («ямы») отстоять не удалось, шведские войска уже в то время в совершенстве владели техникой осады и управились с помощью одной артиллерии. О дальнейшем в летописи сказано так: «Придоша же из Нова города Яков Пунтусов с немецкими людьми и их осадиша и тесноту им учиниша великую: многих людей побиваху из наряду. Таковую убо зделаху тесноту, что из ямы в яму не даша перейти и гладу бывшу велию. И от такия великия тесноты не можаху стояти, поидоша в отход. И на отходе многих русских людей побиша; едва и сами воеводы отойдоша пеши». Участь защитников острожка «за Мстою рекою» оказалась трагической: они сдались на милость победителю «за крестным целованьем», но Якоб Делгарди слишком долго находился в России, чтобы верить в клятвенные обещания, хоть свои, хоть чужие, и защитников острога «всех побиша». Князь Д. Т. Трубецкой отошел со своим войском из Бронниц к Торжку, а Якоб Делгарди, вернувшись в Новгород, «ноипаче начаша тесноту руским людем делати»⁹⁷.

Оккупационные силы пытались применить в Новгородском государстве наиболее действенную в таких ситуациях политику «кнута и пряника». Кнут всегда был наготове в виде «немецкой» администрации, охранявшей интересы своего короля и преследовавшей сопротивлявшихся новой власти новгородцев, правя с непокорных дополнительные налоги, а то и заключая их в тюрьму. Пряник полагался тем, кто принимал новый порядок и содействовал «немецким» воеводам в его установлении. Начало XVII века в Новгороде поэтому знает как имена героев: митрополита Исидора, архимандрита Киприана, торгового гостя Степана Иголкина, дворян Никифора Мещерского, Якова Бобарыкина, Матвея Муравьева, так и презренные имена «утеснителей» — толмача Ирика Андреева, Гриши Собакина, Томилки Присталцова.

Спор о принадлежности Новгорода вызвал особую остроту с избранием царя Михаила Федоровича. В Москве негодовали на шведов за то, что они признавали Михаила Федоровича только великим князем московским. В свою очередь шведов задевало присутствие в титулатуре московского царя слов «царь... новгородский и лифляндский». Присяга новгородцев Карлу-Филиппу, бывшая предлогом для захвата шведами Новгорода, чем дальше, тем больше становилась анахронизмом. При этом король Густав-Адольф намеревался удержать за собой не только Новгород, но и Псков. В 1613 году он давал следующие инструкции Якобу Делгарди:

«Нам представляется весьма выгодным напасть на Псков и попытаться, если Богу будет угодно, там счастья по той причине, что Псков является большим торговым городом, откуда потом Швеция и ее жители могут вести большую и государственную торговлю, если он перейдет в наши руки; затем это и форпост всех земель, ленов и крепостей, которые мы имеем в России, Лифляндии и Финляндии»⁹⁸. Что же говорить о Великом Новгороде, имевшем еще более значения в тогдашних стратегических планах шведского короля!

В середине 1613 года шведы попытались заключить новый «выборгский договор» — на этот раз не с московским царем, а с представителями новгородцев. Однако создать в Великом Новгороде шведский протекторат под руководством Карла-Филиппа не удалось. Еще один приступ к присяге шведской короне был сделан в январе 1614 года, но и на этот раз новгородцы отказались присягать, тем более что у них было подтверждение намерений царя Михаила Федоровича помочь им в борьбе со шведами. Неудача похода рати боярина князя Д. Т. Трубецкого, казалось бы, дала преимущество шведской администрации, которую возглавил в Новгороде менее склонный к компромиссам, чем Якоб Делагарди, фаворит молодого короля Эверт Горн. В отличие от Якоба Делагарди, вхожего когда-то к московскому царю Василию Шуйскому, Эверт Горн плохо понимал жителей Новгорода. Он попытался навязать им плебисцит, отдав решение о присяге на усмотрение новгородцев. Но даже не искушенным в развитых демократических формах новгородцам было понятно, что все зависит от того, как поставить вопрос. Пятиконецкие старосты спрашивали новгородцев на улицах: «хотят ли жители целовать крест Густаву-Адольфу или хотят остаться в прежней присяге королевичу Карлу-Филиппу». В соответствии с понятиями того времени нарушение присяги рассматривалось как тяжелый грех, поэтому и ответ получился ожидаемым: сохранить прежнюю присягу. Эверт Горн пытался склонить жителей Новгорода к присяге королю Густаву-Адольфу в течение всего 1614 года, но в итоге вынужден был сдаться и написать королю: «С тех самых пор, как прибыл я в Новгород, я изо всех сил стараюсь уговорить новгородцев на то, что желает от них ваше королевское величество, но почти никто из них на это не склоняется, напротив, владычество их земляков так сильно им по душе, что все они сговорились лучше лишиться жизни, чем отделиться от Московского государства»⁹⁹.

Стойкое нежелание новгородцев отделяться от Московского государства вынудило шведов попытаться решить де-

ло дипломатическим путем и организовать обмен посольствами с обеих сторон. С этой целью из Новгорода были отправлены в Москву представители от жителей города и уезда. По поручению новгородского митрополита Исидора посольство в январе 1615 года возглавил архимандрит Хутынского монастыря Киприан; в состав посольства вошли новгородские дворяне Яков Бобарыкин и Матвей Муравьев. С приездом в Москву новгородского посольства наступил «момент истины» для обеих сторон. Если до этого времени у царя Михаила Федоровича и Боярской думы могли быть какие-то подозрения в «шатости» и измене новгородцев, то теперь они удостоверились в твердом желании жителей Новгорода возвратиться в состав Московского государства. По приезде в Москву представителей Новгорода приняли сначала бояре «на Казенном дворе»; когда же оказалось, что приехавшие отнюдь не держатся шведской стороны, а напротив, просят царя Михаила Федоровича простить им их «невольные» вины и вступить за Новгородское государство, царь принял их уже сам и «на милость положи и повеле им быти и даде им свои царския очи у Рожества на сенех видети». Как видим, встреча состоялась в одной из церквей внутри царского дворца, и у шведов не было соблазна трактовать прием государем новгородского посольства в свою пользу. Новгородским представителям было выдано две грамоты. Первая, адресованная «митрополиту и ко всему Новгородскому государству», касалась сути посольства, а вторая, тайная, должна была убедить новгородцев, что в случае возвращения их в Московское государство преследовать никого не будут («государь их пожаловал и вины им все отдал»). Более того, по прошению архимандрита Киприана, прощение и «опасные грамоты» получили и те новгородцы, «кои воровали и посягали на православных крестьян». Распространявшиеся в списке царские грамоты, адресованные одним новгородцам, конечно, не стали тайной для шведской администрации, хотя впоследствии в Москве были уверены в предательстве думного дьяка Петра Третьякова, сообщившего обо всем «немцам».

Обнадеженные царем Михаилом Федоровичем новгородцы в июне 1615 года отказались от присяги не только шведскому королю, но и Карлу-Филиппу. Вести войну на два фронта — с Речью Посполитой и Московским государством — шведам было невыгодно. А потому для продолжения войны с Сигизмундом III, оспаривавшим шведский трон у самого Густава-Адольфа, был взят курс на заключение мира с Московским государством. Но для шведов этот мир дол-

жен был быть заключен с позиции силы, на наиболее выгодных для них условиях. Поэтому, с одной стороны, король Густав-Адольф отпустил послов для переговоров и согласился на посредничество в них представителя английского короля Якова I, купца и дипломата Джона Мерики (Ивана Фабиновича Ульянова в русских источниках). С другой стороны, Густав-Адольф демонстрировал воинственность и жестокость. По его приказу были арестованы и едва не лишены жизни участники посольства от Новгорода в Москву, на город была наложена тяжелая контрибуция. Понимая, что удержать за собой Новгород не удастся, шведы стали откровенно грабить его жителей и переселять тех, кто подчинился их власти, в свои земли. Пока велись переговоры, в Новгороде шли «правежи великие: кто не претерпя правежа, крест поцелует королю, на тех ничего не правят, а ссылают с женами и детьми в Ивангород». Якоб Делагарди получил от короля карт-бланш на полное разорение города, отказавшегося от подданства шведской короне.

Но самым важным «аргументом» в переговорах должен был стать захват шведами Пскова. Король сам возглавил семитысячное войско и 30 июля 1615 года оказался у стен Пскова. Густав-Адольф был молод — ему исполнился 21 год — и действовал быстро и уверенно. Пожалуй, даже самоуверенно, за что тут же и поплатился. Не успел шведский король оценить развернувшуюся перед ним картину псковских укреплений, как на его глазах выстрелом с городских стен был убит один из главных полководцев Эверт Горн. Эта смерть стала дурным предзнаменованием для шведского войска и повлияла на ход всей кампании. Стало ясно, что врасплох псковичей захватить не удастся. Тем не менее король приступил к осаде. Для его ставки выбрали безопасный лагерь в Снетогорском монастыре. Все поля в округе были захвачены, на них сжали хлеб, чтобы сделать запасы для шведского войска и не допустить подвоза продовольствия осажденным. В течение трех недель шведы заняли все дороги вокруг Пскова, а сам город окружили фортами, шанцами и плавучими мостами. В версте от северной стены города построили «город дерновой», откуда король Густав-Адольф должен был руководить осадой. В это время подошли подкрепления и артиллерия. Псковичи, хотя и не были бесстрастными наблюдателями происходившего, но существенного урона своими военными вылазками из-за городских стен противнику нанести не могли. Шведы определили один участок стены, рядом с Варлаамовской башней, и в течение трех дней, 15—17 сентября, целенаправленно бомбили его,

чтобы нанести урон осажденным в этой части города, а потом через сделанный пролом начать штурм крепости. Выручили только мужество и смекалка псковичей, успевавших ночами возводить на месте пролома временные укрепления из дерева и земли. Взять их было так же трудно, как и влезать на каменную стену, а ядра, пущенные артиллерией, пролетали сквозь такую временную стену, не разрушая ее, а лишь оставляя небольшие бреши, которые тут же быстро заделывались сидевшими в осаде псковичами. Устоять перед соблазном быстрого успеха при общем штурме земляной стены король Густав-Адольф не мог, тем более что шведы придумали связывать ядра цепью, чтобы увеличить их разрушительную силу. Но и псковичи успели укрепить заделанную стену дополнительным острогом. 8 октября 1615 года король Густав-Адольф руководил генеральным штурмом Псковской крепости. Посланный им десант сумел захватить часть стены: «взыдоша на стену града и башню угольную». Но в то время, когда шведское войско стало переправляться на плотках к этому месту, осажденным удалось подложить порох и взорвать башню вместе с теми, кто ее удерживал. Псковская «Повесть о приходе свейского крала с немцами под град Псков» описала урон, нанесенный шведам этим взрывом: «И в реку их вметаху; инии же на плотках в реке потоплены быша». Развивая свой успех, псковичи даже попытались организовать ответную вылазку и захватить шведский наряд. Королю пришлось остановить штурм, а вскоре, 17 октября, он бесславно оставил Псков: «пошел с великим стыдом, многих у него людей побили, а иные с нужи померли и побрели врозь»¹⁰⁰. Дальше начинались холода, а с русской зимой не умела справиться ни одна армия в мире.

Успешная псковская оборона дала некоторое преимущество русским послам, князю Даниилу Ивановичу Мезецкому и Алексею Ивановичу Зюзину, вступившим в сентябре 1615 года в переписку с шведскими уполномоченными (в их состав входил и Якоб Деллагарди, отправленный для этого королем Густавом-Адольфом из-под Пскова в Новгород). 4 января 1616 года начались съезды послов в сельце Дедерине, при посредничестве английских и голландских дипломатов. Представители Шведского королевства и Московского государства много спорили о титулах короля Густава-Адольфа и царя Михаила Федоровича, вспоминали время, когда шведские наемные войска служили царю Василию Шуйскому, едва не разругались из-за поднятого Якобом Деллагарди вопроса о присяге королевичу Карлу-Филиппу. Таков был

«зачин». На следующий день представители царя Михаила Федоровича пытались начать обсуждение вопросов по существу: о судьбе Новгорода и его пригородов, удерживавшихся шведами. Но шведская сторона настаивала на продолжении обсуждения вопроса о королевиче Карле-Филиппе, поэтому разошлись, чтобы обсудить дело с посредниками. Голландские дипломаты не очень радели о русских делах и предложили «компромисс»: шведы перестанут говорить о королевиче Карле-Филиппе, а русские уступят им Новгород с пригородами. Посол князь Д. И. Мезецкий на это отвечал с «пенями и вычетом»: действуя в соответствии с наказом, он не мог допустить отторжения Новгорода.

В следующие дни уже русские послы попробовали, насколько поддается другая сторона, и подняли вопрос об уступке царю Лифляндии, которую воевали еще цари Иван Грозный и Федор Иванович. Домашняя заготовка сработала, неприятные для шведов воспоминания об осаде Ругоди-ва (Нарвы) при царе Федоре Ивановиче, когда «немцы ваши все тотчас замахали с города шляпами и били челом» после первых выстрелов, стали лучшим ответом на разговоры о слабости русской рати. «В правде всякому Бог помогает, а не в правде сокрушает», — убежденно говорили послы князь Д. И. Мезецкий с товарищами. Споры о лифляндских городах, конечно, опять заводили переговоры в тупик, но зато отвлекали от опасных разговоров о королевиче.

Так после небольшой дипломатической «разведки боем» началось обсуждение условий возвращения городов Новгородской земли. Для русских послов в достижении этой цели хороши были все средства, и они даже пытались через Джона Мерика сделать выгодное предложение Якобу Делагарди за согласие отдать все города Московскому государству. Однако Джон Мерик благоразумно уклонился от такого поворота в своей третьей миссии. Тактика шведов на переговорах состояла в том, что они сразу же выводили из обсуждения вопрос о Кореле, которую считали своей по Выборгскому договору 1609 года с царем Василием Шуйским, а за уход из остальных городов запрашивали немислимую сумму: «40 бочек золота, а в бочке по 100 000 цесарских ефимков». Делалось это для того, чтобы получить предлог для претензий на целый ряд городов и земель: Ивангород, Орешек, Ям, Копорье и Сумерскую волость. Переговоры продолжались до 22 февраля 1616 года; дальше потребовались консультации, и послы, заключив перемирие до 31 мая, разъехались из Дедерина, чтобы встретиться впоследствии между Тихвином и Ладогой¹⁰¹.

В Москве произошедшее расценили как неудачу. В статье «Нового летописца» об этом съезде представителей Швеции и России «на Песках» говорилось так: «И посольство у них тут не сталося и розъехошася». Возможно, на трактовке этого известия отразились последующие рассказы новгородцев о тех тяготах, которые они вынуждены были переживать во время переговоров о мире, когда после возвращения шведских послов «немецкая» администрация «наипаче начаша чинити новгородцем тесноту велию»¹⁰².

Когда пришло время нового съезда послов, шведская сторона соглашалась начать переговоры, только получив ответ на статьи прежнего посольства. Все лето оставшийся единственным посредником на переговорах Джон Мерик курсировал между Тихвином и Ладогой (сегодня это назвали бы «челночной дипломатией»). Наконец в Москве поняли, что оттягивать дальше решение вопроса о Новгороде невозможно. 11 сентября 1616 года произошло предварительное совещание царя Михаила Федоровича с Боярской думой. На нем решалось, что делать дальше. На следующий день был созван земский собор, которому предложили ответить на единственный вопрос: «На чем с свейскими послы велети делати: на города ль или на деньги?»¹⁰³ Еще в начале 1616 года было принято решение о сборе третьей пятины, но по опыту прошлых лет в Москве понимали, что быстро деньги собрать не удастся, да и возникала проблема, что делать с возвращенными городами, когда даже внутри Московского государства оставалось еще немало разоренных мест. В тот же день, 12 сентября, отправили грамоту послам князю Д. И. Мезецкому с товарищами о соборном решении: «С свейскими послы мир делати на города». 25 сентября 1616 года Джон Мерик выехал в Ладогу, где стояли шведские послы. По наказу ему разрешалось уступить шведам Ивангород, Ям, Копорье и уплатить 100 тысяч рублей денег, но удерживать Орешек или, в крайнем случае, выторговать за него другие города и волости.

Положение московских послов было тяжелым. Существовала угроза окончательного разорения Новгорода или присяги жителей города шведскому королю от «правежей великих толмача Ирика Андреева, Гриши Собакина и Томилки Присталцова». Московским послам дали наказ действовать крайне осторожно: «С шведскими послами никак ни зачем не разрывать, ссылайтесь с ними тайно, царским жалованьем их обнадеживайте, сулите и дайте что-нибудь, чтобы они доброхотали, делайте не мешкая для литовского дела и для истомы ратных людей, ни под каким видом не

разорвите»¹⁰⁴. Шведы приняли условия, переданные им через Джона Мерику, и в декабре 1616 года был назначен съезд послов в Столбово — малоприметном до того времени селении близ Тихвина. Посол князь Д. И. Мезецкий и Джон Мерик прислали своих представителей в Москву, чтобы сообщить о тех уступках, которые они смогли добиться от Швеции. Посольский дьяк Петр Третьяков в присутствии государя, «властей и бояр и всяких чинов людей» рассказал об этих успехах и произнес здравицу царю Михаилу Федоровичу. Хотя на самом деле окончание переговоров со шведами было ничуть не легче их начала. Спор теперь шел о том, чтобы шведы не брали в заклад городов до исполнения договора о размежевании. Новгородцы же отчаянно нуждались в мире и послали своих пятиконецких старост к русским послам, чтобы обрисовать им критическое положение в городе. Ограбленные на правее солдатских кормов и подвод новгородцы просили в долг государевой казны, «хотя на полмесяца», чтобы было чем откупиться от шведов, подбравшихся к церковной Софийской казне, и «поневоле» не перейти на шведскую сторону. Послы всеми силами удерживали новгородцев от присяги королю: «им бы малое время потерпеть и многолетнего своего терпения и мучения одним часом не потерять». Но реально они могли только просить своего посредника удержать шведскую сторону от утеснения Новгорода, да скорее договариваться о технологии передачи городов и судьбе их населения. А как раз эти-то последние месяцы, недели и дни, когда шведы уже понимали, что они оставляют Новгород, и были для новгородцев самыми тяжелыми.

27 февраля 1617 года был подписан первый в царствование Михаила Федоровича договор о вечном мире. Главная цель — возвращение Великого Новгорода с уездом — была достигнута. Вместе с ним возвращались другие города и уезды — Старая Русса, Порхов, Ладога, Гдов, Сумерская волость. Но и потери тоже были чувствительными: в дополнение к Кореле Московское государство лишалось побережья Финского залива с Ивангородом, Ямом, Копорьем и Орешком и уплачивало шведам 20 тысяч рублей. Вот только тогда наступили для новгородцев последние «полмесяца», в которые шведское войско навсегда покинуло Великий Новгород, увозя последнее, что можно было увезти, в том числе оккупационный новгородский архив, до сих пор хранящийся в Швеции¹⁰⁵.

13 марта 1617 года послы князь Даниил Иванович Мезецкий и Алексей Иванович Зюзин со списком чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери подъезжали к Новгоро-

ду. За полторы версты до города в знак уважения к посланцу царя Михаила Федоровича посольство встречали митрополит Исидор и депутация новгородцев. Они сами выбрали свою дальнейшую судьбу и уже знали из присланной незадолго до этого послами грамоты о царских словах: «Мы Великий Новгород от неверных для того освободили, что вас всех православных христиан видеть в нашем царском жалованье по прежнему, а не для того, чтоб наши царские опалы на кого-нибудь класть»¹⁰⁶.

БОИ ЗА СМОЛЕНСК

Спор о Смоленске был намного старше самой Смуты. Город, долгое время находившийся в составе Великого княжества Литовского, был отвоеван московским великим князем Василием III Ивановичем только в 1514 году. В Литве так и не признавали этого давнего поражения, несмотря на то, что за почти сто лет структура населения Смоленска, его боярства и шляхты претерпела кардинальные изменения. В Смоленске великие князья проводили ту же политику, что и в Новгороде: были осуществлены «выводы», смоленское боярство переселено в другие уезды, а рядовая шляхта перешла на положение детей боярских. Смоленская земля пошла в поместную раздачу, а в конце XVI века город получил новые грандиозные фортификационные сооружения, даже сегодня поражающие своим масштабом. Непрístupность Смоленска сыграла на руку Московскому государству в 1609—1611 годах, но потом создала проблему, разрешать которую пришлось уже не Михаилу Федоровичу, а его сыну царю Алексею Михайловичу, в 1654 году окончательно возвратившему Смоленск в состав Русского государства.

В самом начале царствования Михаила Федоровича вся юго-западная и западная граница государства представляла одну сплошную линию фронта. Первый сеунщик (вестовщик) приехал в Москву с победной вестью о «побое литовских людей» 10 июля 1613 года из Карачева, накануне венчания на царство Михаила Федоровича. Его наградили, и с этой записи началась «Книга сеунчей», содержащая целую летопись военных действий 1613—1619 годов¹⁰⁷. В войске Московского государства, распределенном по гарнизонам пограничных городов, существовала целая система оповещения — «вестей», которыми воеводы обязаны были пересылаться друг с другом и с Разрядным приказом. Обычно на один сеунч приходились десятки, а то и сотни рядовых «ве-

стей» о перемещении войск противника, небольших военных столкновениях, взятии пленных и расспросах «языков» (термин из той эпохи). Сеунщиков щедро награждали, поэтому с такими известиями ехали в Москву обычно самые отличившиеся в боях дворяне и дети боярские, ходившие в головах у сотен поместного войска. Правда, бывало, что с сеунчом приезжали и родственники воевод. Рядовых вестовщиков не награждали, но воеводы соревновались друг с другом в скорости доставки вестей и могли даже попридержать чужого гонца.

30 июля 1613 года в Москве получили сведения о приходе черкас и литовских людей «на серпейские места». Призрак Смуты снова оживал, и надо было предпринимать чрезвычайные меры, чтобы ликвидировать угрозу нового нашествия королевских войск, так как в Речи Посполитой не признавали прав «Филаретова сына» на московский престол. В Москве, по сообщению разрядной книги, состоялось соборное совещание «с властями и с бояры» (времени для созыва полноценного земского собора не было), решавшее, как «государю над литовскими людьми и над черкасы промышляти»¹⁰⁸. В «Новом летописце» тоже есть сведения о том, как царь Михаил Федорович «советовав со своими бояры, как бы ему очистити своя государьская вотчина»¹⁰⁹. Тогда и было принято решение о первой посылке воевод князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и Михаила Матвеевича Бутурлина под Смоленск «со многою ратью». В состав этой рати вошли даже три сибирских царевича со своими отрядами, а кроме того, 70 стольников, стряпчих и московских дворян, более 300 смоленских дворян и детей боярских, сотни служилых людей из замосковных и приокских «городов» Костромы, Ярославля, Галича, Вязьмы, Зубцова, Ржевы Владимировой, Мещовска, Алексина, Калуги и др. Численность дворянской части вместе с патриаршими детьми боярскими составляла, по наряду этого похода в разрядных книгах, около 2800 человек. Общая же численность войска, в которое вошли также служилые иноземцы, татары, казаки и стрельцы, достигала 12 375 человек.

Стратегическая цель похода — возвращение Смоленска — была понятна. Но для ее практического осуществления предстояло решить целый ряд задач: очистить дорогу на Смоленск и смоленские города — Вязьму, Дорогобуж, Белую; организовать осаду Смоленска и удержать войско зимой, чтобы оно не разбежалось от холода и бескормицы; нейтрализовать гарнизоны пограничных литовских городов, чтобы не дать возможности польскому королю нанести контрудар.

Поход начался в августе 1613 года и поначалу складывался удачно для Михаила Федоровича. Вязьма целовала крест царю еще до того, как к ней подошло московское войско; затем под руку московского государя перешел и Дорогобуж, где князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и Михаил Матвеевич Бутурлин оставили своих воевод. Вслед за этим пришел черед Белой, гарнизон которой состоял наполовину из наемников «немецких людей». С ними и удалось договориться воеводам. После многих боев «немецкие же люди сослахуся с воеводами: Белую здаша»¹¹⁰. Сеунщик с известием о взятии Белой прибыл в Москву от главного воеводы князя Д. М. Черкасского 13 сентября 1613 года. В дальнейшем жалованье, выданное сеунщикам у государева стола, было положено «в образец»: жилец Никифор Юрьевич Плещеев, например, получил «десять аршин камки, цена девять рублей, сорок соболей, цена пятнадцать рублей, ковш серебрян, в нем весу сорок шесть золотников». Были щедро пожалованы четыре казачьих атамана — Богдан Попов с товарищами, что показывает значительную роль в составе рати князя Д. М. Черкасского тех казаков, которые после освобождения Москвы и избрания царя Михаила Федоровича присягнули ему на верность. Правда, под Белой был тяжело ранен второй воевода стольник Михаил Матвеевич Бутурлин, которому пришлось вернуться в Москву. 8 октября 1613 года он был пожалован «за бельскую службу и за рану» у государева стола. На место Бутурлина под Смоленск отправили воеводу князя Ивана Федоровича Троекурова.

Войску царя Михаила Федоровича предстояло задержаться под Смоленском более чем на три года. В августе 1614 года из Москвы «на прибавку под Смоленск» отправилось еще одно войско во главе с воеводами Василием Петровичем Шереметевым и Иваном Александровичем Колтовским, состоявшее из дворян и детей боярских тех же калужских «городов», что уже воевали под Смоленском, а также стрельцов и казачьих станиц. Вообще главные воеводы войска менялись почти каждый год. В апреле 1615 года на смену воеводам во главе с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским (он был пожалован «за смоленскую службу» у государева стола 18 июля 1615 года, а его товарищ князь Иван Федорович Троекуров — 8 апреля 1615 года) были посланы князь Иван Андреевич Хованский, получивший незадолго перед этим боярство, и Мирон Андреевич Вельяминов¹¹¹. Они в свою очередь были пожалованы за смоленскую службу у государева стола 8 марта 1616 года, а запись об этом внесена в «Книгу сеунчей». В марте 1616 года войско

возглавили боярин князь Алексей Юрьевич Сицкий и окольныйчий Артемий Васильевич Измайлов, незадолго до этого в августе — ноябре 1615 года входившие в состав посольства под Смоленск для встречи с «литовскими послами». В полковых воеводах Сицкий и Измайлов пробыли совсем недолго — до июня 1616 года. Это время оказалось настолько тяжелым, что их даже не пожаловали «за смоленскую службу», как других воевод. В третью смену под Смоленск прибыли герой осады Белой стольник Михаил Матвеевич Бутурлин и воевода Исаак Семенович Погожий.

Три с лишним года стояния под Смоленском (1613—1617) стали тяжелым испытанием для войска и совершенно истощили казну. Все пятины и запросы, новые налоги этого времени оправдывались необходимостью уплаты жалованья и сбора кормов ратным людям. Существенно увеличилось число людей, пожалованных за свою службу четвертным жалованьем («пущены в четь») и прибавками к нему. Военные же успехи были очень незначительными. В «Книге сеунчей» набралось всего лишь несколько таких записей: «что побили в Смоленском уезде в селе Могутове смоленских людей» (10 декабря 1613 года), «что литовских людей за рубежом в Шишелове острошке побили и живых поимали» (3 января 1614 года), «что Олександра Сопегу и Лисовского, и польских и литовских людей, которые было пошли проходить в Смоленск, на рубеже побили и розряд Сопегин взяли, и языков поимали» (19 мая 1614 года), «что генваря в 11 день пошли было из Смоленска польские и литовские многие люди через Московскую дорогу на Бельскую дорогу, на Колодню, стояли, отнимали дороги, и... польских и литовских людей побили наголову и дороги очистили, и полковника, и ротмистров, и хоружего неметцкого, и поручников, и трубачеев, и знамена и литавры поимали, и побивали литовских людей до города Смоленска, а в языцах взяли 200 человек» (16 января 1616 года).

С последним сеунщиком от воеводы Михаила Матвеевича Бутурлина случился неприятный казус, с которым пришлось разбираться Боярской думе. Известие об этом вошло в разрядные книги. 16 октября 1616 года он принес весть, «что побили Гасевского, а взяли 54 человека». Однако вслед за этим приехал другой сеунщик, от второго воеводы Исаака Семеновича Погожего, дезавуировавший это сообщение и рассказавший о своеобразных «приписках» в военном деле: «А писал Исаак на Михайла с ним же, что Михайло прислал с сеунчом от себя, а его Исаака с собою не пишет; а государь велел им быть у одного дела обоим; и он Михайла

сам на бою не был, и сотен не пушал, а которые дворяне, собою урываясь, бились самоволством, и он их бил, и службы их писать не велел; а языков взяли 24 человека, а не столко, что писал Михайло. И государь приказал сидеть бояром об их деле, и бояре указу не учинили ничего»¹¹². Последнее не совсем точно, так как, судя по тексту «Книги сеунчей», бояре приняли соломоново решение: записали вместе имена сеунщиков от обоих воевод, но оставили при этом все, как было написано в победной реляции главного воеводы, «что октября в 9 день пришли из Литвы под смоленские остроги полские и литовские люди Олександро Гасевской с товарищи, не заходя в город в Смоленск, а с ним польских и литовских людей и татар и русских изменников казаков 3000 человек», и далее о том, что воевода М. М. Бутурлин с войском бился «от утра до вечера» и, одержав верх, взял «в языцах» 56 человек.

Как видим, заметные сражения происходили под Смоленском нечасто. В начале войны главной задачей воевод было правильно организовать осаду и не дать городу существенно укрепиться за счет дополнительных сил. Воевода князь Иван Федорович Троекуров был послан «по литовскому рубежу поставить острожки и дороги засеши». После этих превентивных мер, закрывших наглухо дороги к Смоленску со стороны Речи Посполитой, «за неделю ж времени и Смоленск бы здаша». Но, как писал автор «Нового летописца», в «рати» под Смоленском произошло «волнение великое», и правильная стратегия нарушилась. Те, кого направили на «опасную» службу в отдаленные острожки охранять засеки по дорогам в Литву, возвратились обратно под Смоленск, вопреки приказу («не по совету») князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. Все это сыграло на руку осажденным в Смоленске: «литовские ж люди поидоша з запасы под Смоленск и запасы многие пропустиша». Провалилась и идея поставить вместо нескольких слабо связанных между собою острожков один большой острог «в крепком месте». Воеводы, посланные «к рубежу», не смогли противостоять польско-литовским войскам и в ходе сражения потеряли «болши двою тысяч». Виновных нашли в лице Михаила Новосильцева и Якова Тухачевского: «со пьяна пришед и поставиша острог с неразумия не в крепком месте». Задачи, поставленные в начале кампании, были провалены: «Смоленск же с тое поры укрепися»¹¹³.

Впоследствии, уже с конца 1616 года, противник сам начал стремиться к тому, что не удалось русской рати. Главной заслугой воевод под Смоленском в этой ситуации стало

то, что они не давали обойти себя, «отнять» дорогу. Но в конце концов полякам удалось отрезать пути снабжения осаждавших Смоленск русских войск. 22 октября 1616 года воеводы Михаил Матвеевич Бутурлин и Исаак Семенович Погожий, преодолевшие взаимную неприязнь, сообщали о том, «что Гасевской с полскими и с литовскими людьми хочет идти московскою дорогою и их смоленские острожки обойти и стать на московской дороге на большой в Твердилицах». Но было уже поздно: Александру Гасевскому блестяще удался этот маневр, и он отнял «от смоленских табор» дорогу к Дорогобужу. Все происходило по самому худшему сценарию, что не могли не понимать московские стратеги, пытавшиеся когда-то в начале осады действовать таким же образом. Очень скоро воеводы должны были констатировать: «И с запасы приезды к ним ни откуда нет долгое время, и они от литовских людей сидят в осаде, и хлебными запасы и конскими кормы оскудели»¹¹⁴. Не помогло и войско боярина князя Юрия Яншеевича Сулешева, посланное на выручку под Дорогобуж в январе 1617 года. В мае 1617 года осаду Смоленска пришлось снять. В одной из разрядных книг виновником отхода войска из-под Смоленска к Белой был назван Сулешев: «А острог покинули для того, что их боярин не выручил и запасов к ним не прислал»¹¹⁵. Однако виноваты были и воеводы Михаил Матвеевич Бутурлин и Исаак Семенович Погожий, отошедшие без государева указа от Смоленска, за что на них была наложена опала.

«КОРОЛЕВИЧЕВ ПРИХОД»

Пока войско царя Михаила Федоровича осаждало Смоленск, по всей границе с Речью Посполитой разворачивалась «литовская война». Она была тесно связана с боями за Смоленск, но у этой войны были и свои цели: отвоевать другие города и уезды, которые также были потеряны в Смуту, и утвердить там власть царя Михаила Федоровича. На деле с обеих сторон война превратилась в карательные экспедиции, где никто не уступал друг другу в жестокости: ни русские войска, запустошившие, к примеру, посады Гомея (Гомеля), Кричева и Мстиславля в походах 1614—1617 годов, ни так называемые «лисовчики» — польско-литовские отряды Александра Лисовского, страшным рейдом прошедшие во второй половине 1615 года по Северной земле¹¹⁶. Допустивший поход Лисовского в замосковные уезды воевода князь Михаил Петрович Барятинский по указу

царя и приговору Боярской думы был наказан и посажен в тюрьму. В разрядные книги специально внесли запись о жестоком унижении воеводы, которому велено было сказать при аресте, «что ты, князь Михайло вор, жонка, а не слуга, сделал изменою, шел мешкотно, и за твоим многим воровством Лисовской с многими литовскими людьми многие города повоевал и пожег; да велено его бить по щекам, да велено князь Михайла привести к виселице, а от виселицы ворота, послать в тюрьму тотчас»¹¹⁷.

Снятие войсками царя Михаила Федоровича осады со Смоленска снова открыло польским войскам дорогу на Москву. Наступил последний, может быть, один из самых критических этапов Смуты начала XVII века — поход королевича Владислава в Московское государство. Главная опасность для царя Михаила Федоровича состояла в том, что королевич оспаривал права на русский престол, ссылаясь на давнюю присягу 1610 года, а московские послы, ездившие «призывать» королевича Владислава в Москву на царство, по-прежнему удерживались в Речи Посполитой. И Михаил Федорович не мог не учитывать того, как скажется прямое военное столкновение с королевичем на судьбе его отца митрополита Филарета. Не случайно в мае 1617 года в наказе при раздаче золотых за службу под Дорогобужем он вспоминал митрополита Филарета: «То сделалось... отца нашего великого господина преосвященного митрополита Филарета Никитича и матери нашей великие государыни иноки Марфы Ивановны молитвами»¹¹⁸.

Тревожные «литовские вести» о начавшемся походе королевича Владислава пришли в августе 1617 года. Для сбора ратных людей были отправлены в Ярославль князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и в Муром боярин князь Борис Михайлович Лыков. Для своего похода на Москву королевич избрал известный маршрут: Дорогобуж — Вязьма — Можайск. На этот раз военная удача отвернулась от московского войска, и уже в октябре 1617 года были потеряны Дорогобуж и Вязьма. По сообщению разрядных книг, «в Дорогобуже посадские люди и казаки изменили, город Дорогобуж сдали королевичю», а «из Вязмы все побежали, дворяне, и дети боярские, и казаки, а Вязму покинули и пришли в Можаяск»¹¹⁹. Но главная вина была возложена на воевод князя Петра Ивановича Пронского и князя Михаила Васильевича Белосельского: их приказали, сковав, привезти из Можайска в Москву.

Приход польско-литовских войск в Вязьму угрожал целому ряду других городов. Поэтому правительство царя Миха-

ила Федоровича спешно послало воевод боярина князя Бориса Михайловича Лыкова и князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, собиравших летом войска в Ярославле и Муроме, соответственно в Можайск и на Волок. Еще один польский отряд в самом начале кампании пришел под Козельск воевать «калужские места». Пришлось в октябре 1617 года посылать в Калугу боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского с ратными людьми. Головы с сотнями, посланные из Калуги, воевали в конце 1617 года с литовскими людьми в Козельском, Мещовском и Медынском уездах.

Основные же силы поляков во главе с королевичем Владиславом находились под Можайском. Конец 1617-го — первая половина 1618 года заполнены известиями о сражениях с войском королевича. В марте 1618 года начались было приготовления к съезду с польскими послами: Андреем Липским, епископом Луцким, Петром Ополинским и литовским канцлером Львом Сапегой, чтобы «говорити с ними о миру»¹²⁰. Но время для мирных переговоров еще не пришло, и военные действия продолжились.

Летом 1618 года наступил решающий момент войны. Все главные воеводы русского войска были стянуты к Можайску, куда 20 июля 1618 года подошли передовые отряды поляков и литовцев. Сидевшие в городе опасались окружения, а еще более того, что будет «отнята» московская дорога. 22 июля 1618 года «о можайском стоянье говорил государь с бояры и приговорил: можайское стоянье и промысл и отход положить на них». Таким образом, воеводам объединенного войска князю Б. М. Лыкову и князю Д. М. Черкасскому разрешалось, известив князя Д. М. Пожарского, отвести основные войска из Можайска в Москву. Однако оставшийся в осаде воевода Федор Васильевич Волынский сумел на полтора месяца задержать королевича и не сдал город. Сеунщик, посланный от него, принес в Москву обнадеживающую весть: «И стоял королевич и гетман со всеми людьми под Можайском июля з 16 числа 126 (1618) году сентября по 6 число нынешнего 127 (того же 1618-го. — В. К.) году, и приступы были многие, и Божьею милостию, а государевым счастьем у приступу и на выласках многих литовских людей побивали и языки имали, и королевич и гетман со всеми людьми от Можайска отошли прочь сентября в 6 день»¹²¹.

Пока королевич Владислав безуспешно осаждал Можайск, ему на помощь пришли запорожские казаки («черкасы») во главе с гетманом Сагайдачным. Они взяли Ливны и Елец, но в августе 1618 года увязли в безуспешной осаде Михайлова. Отсюда «черкасы» двинулись на Коломну, а за-

тем, повернув на каширскую дорогу, вышли к Москве, где у них едва не состоялся бой с правительственными войсками около Донского монастыря¹²².

Движение королевича Владислава к Москве, начатое от Можайска 6 сентября 1618 года, создало чрезвычайную ситуацию в столице. Сразу же по получении известия об этом был созван земский собор. По его решению бояре князь И. Б. Черкасский и князь Б. М. Лыков отправились для сбора помощи в старые центры земских ополчений: Ярославль и Нижний Новгород. 16 сентября королевич пришел с войском в Звенигород, а 17 сентября бояре, назначенные земским собором, выехали из Москвы. 20 сентября королевич Владислав был уже на подступах к Москве: «встал по Волоцкой дороге, не доходя Москвы 15 верст». Столица оказалась в осаде.

Решающий штурм произошел на праздник Покрова Богородицы — в ночь с 30 сентября на 1 октября 1618 года. Противнику не удалось, как он рассчитывал, использовать фактор внезапности. Два перебежчика («французския немцы два петарщика») предупредили русских о штурме. Царь Михаил Федорович и бояре сначала не поверили их сообщению, но затем, на всякий случай, сделали распоряжения об укреплении ворот. И, как оказалось, не зря. Наступавшие польские войска штурмовали Арбатские ворота Белого города¹²³. Ближе всего к действительности, по-видимому, описания происходивших событий сеунщиками, посланными воеводами стольником князем Василием Семеновичем Куракиным и князем Иваном Петровичем Засекиным, ответственными за этот участок московской обороны: «Октября в 1 день за три часа до света приходили к Арбацким воротам на приступ польские и литовские и немецкие люди с петарды и с лестницами к острошку у Арбацких ворот и приступали жестоким приступом, и ворота острожные выломали петардами, а острог просекли и поломали во многих местех и в острог вошли». Воеводам удалось отбить этот штурм и «поймать» петарды и лестницы противника. Поляки и литовцы понесли ощутимые потери: по некоторым сведениям, было убито 3 тысячи наступавших. С этого дня у королевича Владислава должны были пропасть все иллюзии относительно того, хотели ли в Московском государстве его возведения на трон или нет. Вскоре между русскими и польско-литовскими представителями начались съезды послов «о мирном постановленьи».

С 21 октября съезды послов проходили под Москвой: «а были три съезды за Тверскими вороты, и договор у послов о мирном постановленьи не стался». Затем войско королевича отошло от Москвы «для кормов» по переславской дороге

к Троице-Сергиеву монастырю и остановилось в селе Сваткове. Четвертый съезд послов за Сретенскими воротами также окончился ничем, и послы уехали вслед за войском королевича. Тогда в Троице-Сергиев монастырь отправили бояр Федора Ивановича Шереметева, князя Даниила Ивановича Мезецкого, имевшего опыт переговоров со шведами, а также Артемия Васильевича Измайлова. 1 декабря 1618 года в деревне Деулино было заключено долгожданное перемирие на четырнадцать с половиной лет между Московским государством и Речью Посполитой. Потери по этому договору оказались еще большими, чем по договору со Швецией. В тексте «Нового летописца» приводится перечень утраченных городов: «А отдали к Литве городов Московских: Смоленск, Белую, Невль, Красной, Дорогобуж, Рославль, Почеп, Трубчеськ, Себеж, Серпеяск, Стародуб, Нов городок, Чернигов, Монастыревской»¹²⁴. Единственным радостным событием для царя Михаила Федоровича стали оговоренные в перемирных записях условия размена пленными. Преград для возвращения царского отца митрополита Филарета Романова в Московское государство больше не было.

Глава пятая СБОРЫ, ДОЗОР И СЫСК

Семь сборов. —
Дозорные книги. —
Сыскные приказы

История первых лет царствования Михаила Федоровича обычно связывается с военными сражениями против поляков, литовцев, шведов и казаков. Действительно, каждый год, начиная с 1613 года, в Русском государстве был ознаменован какими-нибудь заметными военными событиями. Уголья Смуты не просто тлели, а время от времени разрастались в большой пожар, справляться с которым приходилось с огромным трудом. Однако за завесой непрекращающихся войн как-то в тени осталась другая, не менее важная, созидательная деятельность московского правительства, не в последнюю очередь благодаря которой и были обеспечены победы на поле боя. Речь идет прежде всего о рутинной канцелярской работе, призванной обеспечить поступление налогов, но не только о ней. Собрать казну в тех условиях означало еще и восстановить управление территориями, привыкшими за годы Смуты к самостоятельным действиям. На всем

пространстве Московского государства уже давно не собирали доходов в Москву, а делили их на месте, в зависимости от того, какой претендент на трон оказывался сильнее. В деле же, а иногда и в простом грабеже, участвовали все: самозванные цари, земская власть, воеводы, пришлые «загонные люди» («лисовчики», казаки и другие разбойники).

Молодому царю Михаилу Федоровичу предстояло понять, какой страной он правит. Понять не в отвлеченном смысле (такие вопросы тогда не возникали), а в узкопрактическом. От нового, назначенного им казначея требовалось собрать рассеянные приказные архивы, восстановить то, что осталось после московского пожара 19 марта 1611 года. Для «сыску и переписку» государевой казны была специально создана комиссия во главе с боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым. Эта комиссия, по словам подьячих, работала «день и ночь безотступна»¹²⁵. Многие нужно было выяснять заново, так как редкие сохранившиеся приходо-расходные книги четвертей (основных финансовых приказов) зафиксировали досмутное состояние уездов и взимавшихся с них доходов в казну. Опирались на них в текущей работе не представлялось возможным; это спровоцировало бы новое неповиновение и недовольство жителей посадов и уездов, чего в тех условиях боялись не меньше, чем казачьих войн.

Именно по этой причине правительство царя Михаила Федоровича вынуждено было начинать с мер, не требовавших большой предварительной проверки налоговой истории и состоятельности плательщиков. Речь идет о попытке сбора так называемых «запросных» денег, добровольных ссуд у наиболее богатых людей. Напомню, что еще по решению избирательного земского собора 1613 года были направлены сборщики к Строгановым, а также в разные города просить деньги «в запрос», то есть займы¹²⁶. Взимание этих денег продолжало практику Смуты и не было связано с введением новых налогов, обязательных для населения всего государства. Для этого, по справедливому замечанию С. Б. Веселовского, должны были созреть два условия: «во-первых, чтобы государственная власть окрепла, и во-вторых, чтобы подданные сознали необходимость и неизбежность жертв»¹²⁷.

СЕМЬ СБОРОВ

Деньги — вот в чем больше всего нуждалось московское правительство, чтобы удержаться у власти в 1613 году. Достигнутое всей «землею» согласие вокруг кандидатуры мос-

ковского царя было очень хрупким и казалось не слишком устойчивым многим современникам как внутри страны, так и особенно за ее пределами. Чтобы начать царствовать и управлять, царю Михаилу Федоровичу надо было платить жалованье войску и кормить его. Как только правительство мешкало, дворяне бежали из войска, превращаясь в «нетчиков», а казаки самовольно принимались искать жалованья, становясь на «приставства» и разоряя возможных плательщиков в казну. Так проявлялась самая очевидная и насущная потребность новой власти в деньгах.

Но было еще то, что сегодня называется представительскими функциями. Уже переписка земского собора с царем во время его похода из Костромы в Москву в марте — апреле 1613 года показывает, сколько внимания уделялось тому, в каких покоях будет жить в Кремле молодой государь, и другим бытовым подробностям. А ведь надо было еще подготовиться к венчанию на царство Михаила Федоровича, подновить царские регалии. Так, 16 мая 1613 года казначею Ефиму Григорьевичу Телепневу велено было «зделати к царьскому поставленью к диодиме крест золот, да две чеши золотые, да три блюда серебряные, да стаянец серебрян под царьское яблоко, да посошок обложить серебром; и те серебряные дела позолотити на красну»¹²⁸. Сохранился интересный документ той эпохи — приходо-расходные книги Казенного приказа 1613—1614 годов, ведшиеся следующим казначеем Никифором Васильевичем Траханиотовым с момента его официального назначения 13 июля 1613 года. Они с документальной точностью позволяют выяснить источники доходов и статьи царских расходов. Книга, начатая в первые дни после венчания Михаила Федоровича на царство, показывает, каким образом начиналось восстановление казны, на что пошли те немногие деньги, которые в ней находились к моменту приезда Михаила Федоровича в Москву. Сведения о первых тратах, связанных еще с церемонией венчания на царство, относятся к 13 июля 1613 года. В эти дни Казенный приказ купил 50 «золотых на золоченье» и выдал деньги за позолоту памятных монет нового царствования, предназначенных для участников церемониальных торжеств. 16 июля 1613 года Казенный приказ оплатил работу скорняков, делавших «соболи на государево одеялцо» (проникновение в делопроизводственный документ уменьшительных наименований предметов — «одеялцо», «тафейка» и т. д. — очень показательны для отношения к юному государю)¹²⁹.

Приходо-расходные книги содержат раннее свидетельство от 24 июля 1613 года об украшении священнических

одежд («делали патрахель да ризы») для Знаменской церкви, «что на государеве старом дворе, пониже Варварского хресца». Начав с украшения домово́й церкви в московских палатах Романовых на Варварке (впоследствии на их месте будет основан Знаменский монастырь), юный царь уже никогда не оставлял заботу о церквях и монастырях, многие из которых получали его щедрые дары. Но пока речь шла в основном о выдаче небольших сумм на самое очередное: «В храм к Сергею чудотворцу на полы и на полатку 10 рублей», на покупку ладана к ружным церквам (их клир получал ругу, то есть жалованье от прихожан), приготовление «государева и митропольево места» для церемонии поставления крутицкого митрополита. 10 августа 1613 года был дан вклад в 100 рублей по царице Марфе (Марии Нагой), матери несчастного царевича Дмитрия, в Вознесенский монастырь княжне старице Софье Голицыной с сестрами.

Самыми существенными статьями расходов в июле — августе 1613 года оставались церемониальные и посольские. Много денег потратили на приготовление одежды «на встречу крымским гонцом». Немало средств ушло на всевозможные ремонтные работы. Одним из первых починили «железный запор» часов у Фроловских ворот, начавших отсчет времени новой власти. Часть средств и украшений, купленных в казну, оказалась у родственников нового царя. 29 июля 1613 года кравчий Михаил Михайлович Салтыков приказал «словом государыни старицы иноки Марфы Ивановны» выдать деньги за предназначавшийся ей «перстень золот, наведен финифтом белым да зеленым, в нем изумруд четвероуголен». 1 августа 1613 года было выдано взаймы 50 рублей постельничему Константину Ивановичу Михалкову. Деньги в срок он не вернул, а в приходо-расходных книгах появилась запись об устном распоряжении царя, простившего долг казне: «А приказал государь, стоя у церкви Рождества Пречистые Богородицы в паперти, перед Троецким походом, диаку Ждану Шипову». Но в целом казна расходовалась экономно. Всего за время, прошедшее с поставления царя Михаила Федоровича до 1 сентября 1613 года, было истрачено 1291 рубль 32 алтына с деньгою. «За казенным расходом» осталась даже еще большая сумма — 1403 рубля 7 денег. Эти цифры дают представление о «первоначальном капитале», находившемся в казне в начале царствования Михаила Федоровича.

Одним из существенных источников пополнения казны стали добровольные пожертвования и подарки царской семье. По приезде Михаила Федоровича с матерью в Москву

им «ударили челом» вятчане «выборные люди три сороки соболей да 50 золотых»¹³⁰. 10 золотых приносных, «что челом ударили государю на его царское поставленье», упоминаются на первых же страницах расходной книги Казенного приказа. У казны складывались особенные отношения с некоторыми поставщиками товаров. Так, в приходе-расходных книгах встречаются сведения о покупке в казну дорогих тканей и других товаров через ярославского гостя Надею Светешникова. Чуть позднее к первым поставщикам казны присоединятся псковский гость Микула Алексеев сын Хозин и гость «Аглинские земли» Фабин Ульянов.

Гости и купцы хорошо понимали, как нужно строить отношения с новой властью. 30 сентября 1613 года во время возвращения государя с богомолья из Троице-Сергиева монастыря «гости и гостиной сотни торговые люди», то есть самая верхушка тогдашнего русского купечества, «в соболей место челом ударили 20 рублей». В декабре 1613 года муромские посадские люди Семен Черкасов с товарищами «челом ударили 15 золотых». Псковичи во главе с земским старостой Клементием Ивановым также били челом золотыми, хлебом и дарами царю и его матери «государыне и великой старице иноке» Марфе Ивановне. Но самые богатые дары (помимо запрошенных у них займы денег) преподнесли братья Максим, Никита, Андрей и Петр Строгановы. 4 мая 1614 года они прислали позолоченный кубок, бархат, алтабас, камки и соболей на сумму в 267 рублей.

Казна в 1613/14 году пополнялась самыми разными средствами. Возобновил деятельность Печатный приказ, взимавший пошлины за печати на документах. Заработали финансовые приказы — четверти, получавшие налоговые поступления с мест. Меры к этому принял еще избирательный земский собор в конце марта — начале апреля 1613 года. Из четвертей были разосланы грамоты по городам с требованием прислать в Москву денежные доходы с оброчных лавок, мельниц, рыбных ловель, а также таможенные и кабацкие деньги. В городах попытались под предлогом утраты необходимых документов задержать отсылку денег, но получили жесткую отповедь: «И то делаетца у вас не гораздо, и вперед хотите делати также, как вы наперед таво при боярех наших делали, посадом и уездом всякими доходы и кабаком владели сами»¹³¹. Деньги, поступавшие в четверти, шли на раздачу служилым людям и воеводам, а также обеспечивали казенный расход и другие нужды новой власти. Так, из Устюжской четверти было взято 1053 рубля «на крымскую посылку» и 50 рублей «в нагайскую посылку». Надо было ото-

слать традиционные «поминки» в Крым, чтобы обезопасить и так плохо защищенные границы Московского государства от татарских набегов. Здесь очень кстати оказалась поступившая на казенный двор из Приказа Казанского дворца «сибирская мягкая рухлядь» (соболи).

Московские казначеи использовали и другие финансовые приемы. Был запущен хорошо известный уже тогда механизм инфляции, так как поступавшие в казну старые деньги переделывались «для прибыли» на новые, более легкие по весу. Чистой прибыли для казны, осуществившей несколько операций с переделкой денег (в ноябре 1613-го, феврале и августе 1614 года), выходило дополнительно 250 рублей к 1000 «старых», переплавленных и отчеканенных заново рублей¹³². То есть стоимость новых денег в 1613—1614 годах была на четверть меньше, чем «старых». Естественно, что тайной это не стало ни для собственного населения, ни для иностранцев. Английский посол Джон Мерик говорил на переговорах в 1620/21 году, «что ныне в Московском государстве делают деньги перед прежними легче, недовесу в четвертую долю». Раньше один рубль стоил 14 шиллингов, а ныне — 10¹³³.

Но все же главным источником доходов в государстве оставались налоги. Как показал С. Б. Веселовский в специальном исследовании налоговой политики первых лет царствования Михаила Федоровича, московские финансисты последовательно перепробовали все рецепты Смуты — чрезвычайные сборы, чеканку облегченных денег и другое, прежде чем прийти к необходимости сбора новых налогов. Старая налоговая система, державшаяся на принципах мирской раскладки, оказалась малоэффективной, так как у правительства не было достоверной информации ни о числе своих подданных, переживших Смуту, ни о «налогооблагаемой базе». В Смутное время все объекты, привлекательные для извлечения денег, такие, например, как кабаки, перевозки, мельницы, много раз переходили из рук в руки или прекращали свое существование. Ездить с товарами по стране было просто опасно, что подрывало таможенную систему. Даже отдав на откуп новым людям прибыльный кабак, четвертные приказы не знали, какой доход он может принести. Трудно было организовать и сбор денег с крестьян, так как многие из них, имевшие ранее статус дворцовых и черносошных, попали в зависимость от частных служилых землевладельцев (так сказать, были «приватизированы»!).

В этих условиях московское правительство попыталось изобрести такой налог, который коснулся бы всех жителей

государства, независимо от их статуса и благосостояния. Были сделаны попытки сбора лошадей или денег за них, а также пушечных запасов. На мирские деньги организовали найм даточных людей для подмоги войску, но все эти сборы остались единичными мероприятиями. Более успешным и значимым для финансовой истории Московского государства оказался сбор хлебных запасов и денег за них на жалование ратным людям. Первые три сбора поступили в Разрядный приказ, с 1616/17 года налог пошел в Казачий приказ, а с 1619/20 года города, относившиеся к ведомству Устюжской (а затем Новгородской) четверти, стали платить их в Стрелецкий приказ. Так появились сборы казачьих и стрелецких денег.

Введение этого сбора диктовалось исключительно политической конъюнктурой, стремлением умиротворить казаков, заставить их служить царю Михаилу Федоровичу. Несмотря на создание Казачьего приказа, казаки предпочитали действовать самостоятельно, используя более привычный и действенный для них институт «приставств» (их-то и заменил со временем сбор казачьего хлеба, но для этого надо было сначала справиться с мятежным казачеством). Хлеб и деньги шли также на раздачу стрельцам, составлявшим основу рядового войска в городах Московского государства. Основная сложность во взимании этого налога состояла в том, что он основывался на разрушенном сошном обложении, земельном и налоговом кадастре, зафиксировавшем досмутное состояние. Никакой налог нельзя было получить с разоренных и опустевших земель; следовательно, надо было искать выход, чтобы построить бюджет государства, выходявшего из Смуты.

В результате в финансовом обиходе первых лет царствования Михаила Федоровича появилось слово «пятина». По аналогии с известной с древних времен церковной десятиной можно понять, что речь шла об уплате государству пятой части. Но пятой части чего? Имущества? Доходов? Понадобилось несколько сборов пятинных денег «с животов и промыслов», чтобы отточить практику взимания этого налога, сделать его более определенным и понятным для плательщиков и выгодным для власти. Самый первый сбор пятинных денег был санкционирован земским собором в начале апреля 1614 года. К сожалению, в распоряжении историков нет самых главных документов — Соборного постановления и наказов сборщикам пятинны, однако их можно восстановить по грамотам, рассылавшимся в города для сведения, так как в них, по обычаю делопроизводственной

практики того времени, содержался пересказ несохранившихся документов. От имени собора говорилось о посылке «по городам для денежных сборов ратным людям на жалованье, которые ныне на нашей службе под Смоленском и под Новым-городом и под иными городами против польских и литовских людей»¹³⁴. Комиссия пятинщиков составлялась по принятому тогда принципу представительства от сословий и включала членов Государева двора («окольничие и дворяне большие»), церковные власти («архимандриты и игумены») и «из приказов дьяков».

Представление о том, как проходил сбор этой пятины, дают отписки сборщиков архимандрита вологодского Спасо-Каменного монастыря Питирима, Семена Жеребцова и дьяка Богдана Губина, описавших свою работу в Сольвычегодске в сентябре 1614 года. Приехав на место, они известили воеводу и собрали в городе местный освященный собор из архимандритов, игуменов, протопопов и попов, а также мирской совет из посадских людей и уездных крестьян, которым и отдали государевы грамоты (отдельно от имени царя и от освященного собора всего государства). «И те грамоты передо всем народом чли. И, выслушав мирские люди грамоты, сказали нам: волен де Бог да государь и с нами что у кого есть живота, ради давати»¹³⁵. После этого очень быстро, в три дня, избрали к денежному сбору представителей от «лутчих», «средних» и «молодших» людей. Но на этом единение народа и власти завершилось. На севере государства, где традиции земского самоуправления были укоренены сильнее, посады с уездами составляли единое целое в налоговом отношении, и население научилось солидарно отстаивать интересы всего «мира», с чем и столкнулись пятинщики. В их отписке содержится яркая формулировка мирской круговой поруки и своеобразной защиты «мира» от московских сборщиков: «И твоему государеву делу мотчанье от непослушников великое, и многие, государь, люди животы свои и промыслы таят и правды не сказывают, окладчики выборные люди лутчие и средние и молотчие люди друг по друге покрывают, лутчие покрывают в животах лутчих людей, а средние средних, а молотчие молотчих, да посадские ж люди покрывают по волостных крестьянех, а волостные покрывают по посадских людех»¹³⁶.

Сопrotивление сбору первой пятины можно объяснить многими неясностями при ее организации. Складывается впечатление, что в Москве сами не знали, каковы перспективы сбора этого налога, поэтому надеялись на пятинщиков, которые на местах должны были определить, с кого и

сколько можно было взять денег. Как замечал В. О. Ключевский, «соборный приговор в разосланном циркуляре изложен был московскими дьяками по однообразной методе всех веков — так, чтобы его можно было понять не менее, как в трех смыслах»¹³⁷. Собственно говоря, первую пятину нельзя даже назвать налогом. Во всяком случае, для некоторых категорий плательщиков она была опять сбором запросных денег, которые обещали зачесть в качестве уплаты недоимок за прошлые годы или при будущих сборах. Известны факты возвращения собранных пятинных денег монастырям и другим тарханщикам, имевшим льготы.

Главными объектами фискального интереса государства при взимании первой пятину должны были стать гости и купцы, занимавшиеся торговлей. Это применительно к ним действовал, прежде всего, принцип взимания пятой части «животов и промыслов». Классический вариант подобного займа — патриотический почин нижегородцев во главе с Кузьмой Мининым, отдававших в 1611—1612 годах треть своего имущества на дело организации ополчения. Здесь важно подчеркнуть, что это было не добровольное пожертвование, а принудительный заем. После того как ополчение перешло из Нижнего Новгорода в Ярославль, Кузьма Минин пришел в ярославскую земскую избу «для денежного збору и для кормов и запасов ратным людям по его нижегородскому окладу», о чем красочно повествовала «Повесть о победах Московского государства». Ярославский купец Григорий Никитников и другие лучшие посадские люди вынуждены были подчиниться под угрозой конфискации всего имущества: «и вся вскоре с покорением приидоша, имение свое принесоша, по его уставу две части в казну ратным людям отдающе, 3-ю же себе оставиша»¹³⁸.

Начало сбора пятой части имущества и доходов в 1614 году исследователи склонны объяснять по-разному. В. О. Ключевский высказал остроумную догадку о связи пятину с общепринятым процентом при отдаче денег в рост: «на пять шестой», или 20%. Но каждый ли человек, у которого просили деньги в запрос, был вовлечен в ростовщические операции и хорошо ли он ориентировался в текущих процентных нормах, чтобы сопоставлять его с правительственным решением? Гораздо более близкой к действительности представляется точка зрения С. Б. Веселовского, который выявил закономерность взимания налогов, кратных пяти и десяти как в России, так и в Западной Европе. Подобный счет был очень прост, потому что его буквально можно объяснить на пальцах рук!

Установить некоторую долю имущества, на которую претендовали царь, собор, московское правительство и ратные люди, было еще недостаточно. Трудности начинались с момента сбора денег, так как надо было еще уговорить торговых людей объявить свои доходы. А здесь даже те из них, кто был готов, по утвердившейся сегодня терминологии, «поделиться» с властью, неизбежно сталкивались со сложностями, обусловленными спецификой ведения дел. Вот некоторые из запутанных вопросов, которые самостоятельно пришлось разрешать пятинщикам: кто должен платить налог с денег, отданных взаймы? как распределить сбор, если часть средств купца вложена в товар? как взимать налог с производителя товара? брать ли деньги в зависимости от его стоимости (и как она определяется?), или изымать и самостоятельно продавать пятую часть? Другими словами, пятинна, по усмотрению ее сборщиков, могла быть всем: налогом на движимое и недвижимое имущество, на оборотный капитал, на валовой или чистый доход. При этом интересы казны и частных лиц, естественно, сталкивались. К тому же для многих плательщиков существовали льготы. Ну и, конечно, непременным спутником подобных мероприятий становилась корысть правительственных агентов.

Пятину пытались распространить не только на торговых людей, но и на другие категории населения, что приводило к серьезным эксцессам. Особенно сложные вопросы возникали там, где сборы затрагивали чувствительную сферу взаимоотношений с нерусским и неправославным населением, которое жило в Московском государстве на условиях уплаты в казну твердо определенного «ясака». Действия пятинщиков, например, едва не спровоцировали совместное выступление чувашей и черемисов, чего не было даже в годы Смуты: «Говорили де чуваша и черемиса меж собою: по ся места де мы заодно не стояли за себя, а ныне де дождались на себя сверх ясаков лишних наметов, велено де на нас ратным людям на жалованье деньги собирать, и чем де нам деньги на ратных людей давать, и мы де разбежимся по лесам или, собрався, станем за себя сами и денег не дадим. А русским де людям ныне и самим до себя»¹³⁹. Дело дошло до Боярской думы, которая распорядилась, чтобы пятинщики «с Казани, и с казанских пригородов и Свяжского уезда с чувашами и с черемисы запросных денег не имали и запросом бы естя на них денег не просили, а собирали б естя деньги по нашему наказу с русских людей».

Эффективность сбора существенно снижалась установлением неопределенного минимума «животов и промыслов» в

10 рублей, ниже которого пятина не взималась. Следовательно, все небогатое население посадов и уездов формально было освобождено от сбора пятинных денег. Но установить точную стоимость имущества разных лиц приехавшим на места сборщикам пятины было очень сложно. Столкнувшись с нежеланием торговых людей «объявлять» свое имущество, пятинщики вынуждены были изобретать способы установления нужной информации. Для этого они посылали грамоты в города, где сосредоточивалась торговля и где находились «карабленные» пристани, и просили выписать имена купцов из тех городов, которые были им поручены для пятинного сбора. В свою очередь, торговые люди отговаривались тем, что будто бы привозили не свои товары, а чужие или взятые в долг. Преодолеть это можно было единственным традиционным способом — установлением твердого оклада и последующей мирской раскладкой податей. Однако правительство повсюду встречало круговую поруку, так как люди не хотели платить дополнительные налоги.

Сбор первой пятины растянулся, ее начали собирать только в конце 1614 года, основные же деньги поступили в казну к февралю 1615 года (в это время началась казачья война в северных уездах, парализовавшая там работу пятинщиков). Практика сбора показала, что решение о сборе пятой деньги, коснувшееся преимущественно движимого имущества, было не слишком удачным. Но цель была достигнута: правительство все-таки получило деньги, в которых так сильно нуждалось. Н. П. Лихачев обнаружил документ земского собора 1616 года, рассматривавшего вопрос об очередном сборе пятинных денег. В нем приводится точный подсчет средств, которые дала первая пятина: всего (вместе с деньгами, полученными от Строгановых) было собрано 113 169 рублей 30 алтын¹⁴⁰.

Только небольшая часть из собранных средств пошла на выдачу жалованья войску под Смоленском и Новгородом. Деньги первой пятины, собиравшиеся в Посольском приказе, были преимущественно отданы в другие приказы и четверти, а также потрачены на нужды внешнеполитического ведомства («на литовское и на швейское посольство и в иные государства»), на жалованье донским казакам, на выдачу денег наемникам, «выезжим немцам», приезжавшим на службу в Московское государство. С помощью пятинных денег поддерживали царского отца, находившегося в польском плену, выдав деньги «Миколаю Струсу в тех денег место, что послала жена его к Филарету митрополиту»¹⁴¹.

Опыт сбора первой пятины был учтен при назначении

ровно через год — в апреле 1615 года — второй пятины. Ее сбор был поручен Приказу Большого дворца во главе с судьей этого приказа боярином Борисом Михайловичем Салтыковым. На этот раз не стали прибегать к помощи церковных властей, но в состав комиссии наряду с дьяком этого приказа Иваном Болотниковым включили еще и дьяка Поместного приказа Николая Новокщенова. Цель пятины была прежней — сбор денег служилым людям, но принципы сбора изменились: «указали есмя собрати ратным людям на жалованье со всех городов, с посадов, с гостей и с торговых, и с черных со всяких людей против сбора 122 года пятую деньгу»¹⁴². Включение в состав плательщиков «черных» людей, низших категорий посадских людей и крестьян, плативших подворную подать (на посадах) или сошные деньги (в уездах), сопровождалось отказом от установления необлагаемого налогом минимума. К этому времени были проведены первые дозоры землевладения в уездах (о них речь впереди), позволившие восстановить хотя бы часть сведений о текущем состоянии городских посадков и земельных владений и установить соответствующие нормы налогообложения. Вторую пятину собирать было легче, так как можно было уже опереться на какой-то опыт, традицию, которую так уважали жители Московского государства. Но все равно сбор затянулся со второй половины 1615-го до первой половины 1616 года. Всего было собрано 53 411 рублей; на этот раз их отправили по адресу — на жалованье служилым людям.

Тем временем, несмотря на относительные успехи в борьбе с казаками и уход войска Александра Лисовского в 1615 году, правительство царя Михаила Федоровича столкнулось с серьезными проблемами на внешних границах. Вопрос стоял о том, сумеет ли государство вернуть себе территории, утраченные в ходе Смуты, или новой власти придется мириться с их потерей. Решить эту проблему можно было только с помощью земского собора, так как собрать боеспособное войско без участия «всей земли» по-прежнему не представлялось возможным. В январе по городам были разосланы грамоты с вызовом выборных на собор «для нашего великого и земского дела». По указу царя Михаила Федоровича велено было «собрать со всех городов Московского государства, з города человек по шти, по пяти, и по четыре умных людей, и прислати к Москве». Широта представительства на соборе была обеспечена вызовом посадских людей и даже волостных крестьян Сольвычегодска, Тотьмы и других северных городов (по два-три человека «лутчим и середним, оприч молотчих»¹⁴³).

Для земских представителей на соборе подготовили подробную финансовую справку, в которой показали, сколько денег можно было собрать «по окладу» и взять «из доимки» (то есть взыскать долги прошлых лет) в Приказе Большого прихода, в Казанском дворце и во всех четвертях. Это была, по словам Н. П. Лихачева, «почти полная и систематическая бюджетная роспись Московского государства». В ней перечислены как источники доходов, так и основные статьи расходов приказов и четвертей. В Приказе Большого прихода собирали деньги с московской таможни и торговых лавок, перевозов на Москве-реке, а также налоги с других городов. Деньги этого приказа (30 030 рублей, 30 алтын, полденьги) платили «ружником и оброчником и Посолсково приказу и по разрядным памятем на жалованье, и послом и посланником и гонцом и иноземцом на корм и на посолские двory на строенье». Особенностью Приказа Казанского дворца был сбор сибирской пушнины («мяхкие рухляди»). О значении пушного налога в государственном бюджете достаточно говорит тот факт, что его сумма (40 092 рубля, 30 алтын, 3 деньги) превышала все расходные статьи Приказа Большого прихода, а Казанский дворец оказался самым «богатым» ведомством с доходами в 100 139 рублей и 3 алтына с полуденьгю. Из четвертей больше всего доходов собиралось в Нижегородской — 71 341 рубль, 12 алтын с полуденьгю. Деньги Устюжской четверти, управлявшей богатым Поморьем, шли, по указу царя Михаила Федоровича, «в розход в Крым к царю и к царевичам поминков ко князем и к мурзам государева жалованья и на свейское посолство на посолские кормы послом и посланником и гонцом государева жалованья и подмоги». Трудности выхода из Смуты сказались на кормленщиках, получавших жалованье из четвертей в соответствии с пожалованными им окладами, например, при назначении на службу в полки, городовые воеводы или в другие посылки. Устюжская, Костромская, Галицкая и Владимирская четверти задолжали кормленщикам в 1615/16 году огромную сумму — около 100 тысяч рублей. Вместе с самыми необходимыми военными расходами в Стрелецком, Панском, Разрядном и Пушкарском приказах дефицит составлял около 350 тысяч рублей. «Оприч того толко по литовским и по немецким вестям болшая рать надобе», — докладывали выборным представителям¹⁴⁴.

В марте 1616 года собор принял решение о третьей пятине, которая должна была хотя бы отчасти восполнить образовавшийся дефицит средств, необходимых для продолжения войны под Смоленском. По приговору земского собора

с посадов и уездов взимали сошные деньги, а с торговых и других людей, «которые сверх своих пашен торгуют», предлагалось взять дополнительно пятую деньгу. Складывалась определенная тенденция назначать пятину каждый раз в весенние месяцы, чтобы успеть организовать сбор до начала осенней распутицы или, для отдаленных уездов, использовать зимний путь. Третья пятина продолжала использовать принципы, найденные для сбора пятины предыдущего года, все более превращаясь в обязательный налог. Только торговые люди по-прежнему платили больше всех; с них взимали пятую деньгу дополнительно к участию в платеже, наложенном на «мир».

Сбор третьей пятины был отдан в руки авторитетной соборной комиссии во главе с соборным старцем Дионисием Голицыным, боярином князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и дьяком Семеном Головиным. В деятельности комиссии принимали участие и архимандриты московских Чудова и Богоявленского монастырей. Чтобы пресечь возможные злоупотребления на местах, от сбора были полностью отстранены городовые воеводы. Для присылки пятинных денег был обозначен точный срок — третье воскресенье после Пасхи. На этот раз московское правительство не собиралось затягивать сбор, а ждало денег немедленно, уже в мае, когда начиналась служба ратных людей. Однако дело опять растянулось до начала следующего года.

Торговые люди, участвовавшие в заседаниях Собора 1616 года, добились внесения некоторых изменений в практику сбора пятины. Налог стали взимать только в денежной, а не в товарной форме, и в тех городах, к которым были приписаны гости и купцы. Это позволяло избежать двойных сборов, так как часто торговые люди ездили с товаром по разным городам или имели там свои конторы и приказчиков.

Застарелая проблема несовершенства сошного письма, мучившая подданных царя Михаила Федоровича, заставляла отступать от четких принципов сбора и оперировать в одном случае твердыми окладами сборов (5 тысяч рублей с Соли Вычегодской, по тысяче рублей с Тотьмы, Каргополя и Турчасова), а в другом — взимать деньги в соответствии с размерами тягла. Но и в том и в другом случае уже не оставалось послаблений бедным и незащищенным. Цифры назначенного пятинного оклада должны были примерно соответствовать уровню платежеспособности, выявленному предыдущими пятинами. Но если раньше сбор этих денег целиком и полностью ложился на плечи пятинщиков, то теперь он коснулся всех в соответствии с мирской раскладкой.

В городах, например, выбирали окладчиков, которые должны были разложить суммы сбора.

В этих условиях снова обострились социальные противоречия между различными категориями населения: между «лучшими», «средними» и «молодыми» людьми на посадах, а также между крестьянами, составлявшими волостные «миры». Как правило, богатые находили возможность смягчить для себя тяжесть налога, часто перекладывая сбор на беднейших посадских людей: «изо многих городов нам молодые люди на прожиточных людей и на окладчиков... бьют челом, что собирают в наши во всякие доходы деньги и меж себя окладываются не прямо, многих молодых людей теснят, а себя прожиточные люди во всем легчат»¹⁴⁵. С другой стороны, у «лучших» людей, которые своими капиталами должны были отвечать в случае недобора налога, тоже были основания жаловаться на «непослушание» их антагонистов из низших слоев посада.

Третья пятина, назначенная земским собором 1616 года, оказалась самой тяжелой, хотя и ее удалось собрать в намеченные сроки до начала 1617 года. Как и раньше, пятинные деньги выполнили свою функцию чрезвычайного сбора для самых неотложных нужд. Но они были лишь дополнением к обычным, постоянным налогам, из которых наиболее значительными считались таможенные и кабацкие сборы. Очень скоро правительство Михаила Федоровича должно было почувствовать неожиданное следствие пятинных сборов: они самым отрицательным образом сказывались на наполнении казны от постоянных налогов. Из разных городов жители писали в Москву, прося сложить ставшие непомерными кабацкие и таможенные сборы. Кабаки опустели, так как их завсегдатаи стояли на правее пятинных денег, а купцы «для пятины» перестали ездить с товаром и объявлять его в таможах, чтобы пятинщики не вычислили точное количество их «животов и товара». Тем самым не просто сильно снижался эффект пятины, она начинала попросту вредить казне и восстанавливавшемуся хозяйству.

Может быть, этим объясняется то, что уже на новом соборе в 1617 году было решено немного облегчить бремя сборов и объявить не о пятине, а о новом «запросе» денег. Хотя население уже свыкло к новому налогу и продолжало называть его «пятинными деньгами», сборы трех последующих лет, строго говоря, были уже «запросными». Сбор 1617 года опять обосновывался необходимостью уплаты жалования ратным людям, находившимся под Смоленском. На соборных заседаниях, где решался вопрос «служилым людям

на жалованье денег откуда взять», рисовали картину катастрофического положения русского войска: «А которые были под Смоленском в острожках в осаде, с голода ели кобылятину и собак и стали бедны же без службы и без всех животных»¹⁴⁶. Собор установил твердую сумму — 51 395 рублей, которую следовало взять «в запрос» у гостей, торговых людей, «тарханщиков» и «льготчиков», а также назвал примерный оклад городов, ориентируясь на пятины прошлых лет (назначенная сумма общего сбора была сопоставима с полученным результатом первой пятины). Взимание запросных денег происходило «гораздо с убавкою... чтоб вам было в силу»: от сбора устранялись все правительственные агенты и даже воеводы на местах. Избавляя население от дополнительных расходов на постоянную и подводную повинности, московское правительство рассматривало как свое «пожалование» даже то, что жителям Московского государства не придется больше тратиться на взятки («посулы и кормы»), видимо, признавая неизбежность этого зла.

В апреле 1618 года целевой сбор запросных денег повторили для того, чтобы выдать жалованье тем, кто находился на службе «на литовском рубеже» вместе с послами боярами Федором Ивановичем Шереметевым и князем Даниилом Ивановичем Мезецким. Для этого сбора остались твердый оклад, назначенный городам, и взимание его по размерам сошного письма. Только эксперимент с устранением от сбора воевод оказался, видимо, неудачным, и городским воеводам снова поручили сбор запросных денег, как и других налогов.

Последний раз решение о сборе запросных денег было принято в чрезвычайных условиях «королевичева прихода» в сентябре 1618 года. Боярам князю Борису Михайловичу Лыкову и князю Ивану Борисовичу Черкасскому, посланным для сбора ратных людей соответственно в Нижний Новгород и Ярославль, были даны чрезвычайные полномочия. Нижегородцы, подсказавшие когда-то идею эффективного займа, как и поддержавший их земский Север, снова должны были уплатить запросные деньги, но уже в последний раз и не по чрезвычайной шкале, а по твердому окладу, как обычный налог. Эти деньги действительно пошли на жалованье, которое едва ли не впервые за все время начала царствования Михаила Федоровича получили уездные дворяне и дети боярские ряда служилых «городов».

Завершая рассказ о семи сборах запросных и пятинных денег, подчеркнем, что это была лишь часть повседневной работы по восстановлению финансов. В своем специальном

исследовании на эту тему С. Б. Веселовский убедительно показал изменения в отношении прямых и косвенных налогов, которые он рассматривал «как два плеча коромысла весов; когда правое поднимается, то левое опускается», и наоборот. В начале 1619 года прямые долевые налоги, какими являлись пятины, себя изжили. Пришло время более действенного косвенного обложения.

ДОЗОРНЫЕ КНИГИ

Слова «дозор» и «сыск» лучше всего определяют внутреннюю политику первых лет царствования Михаила Федоровича. Составление дозорных книг стало важным мероприятием, исподволь готовившим изменения в налоговой политике Московского государства.

Практика дозоров началась еще в царствование Ивана Грозного и Федора Ивановича. Цель их состояла в проверке и корректировке сведений о размерах сошного оклада и состоянии земель посадков, уездов или отдельных владений монастырей, дворцового ведомства и частных лиц. Со времени Смуты количество дозоров существенно увеличилось, так как разрушение хозяйства, особенно на территориях, затронутых военными действиями, было стремительным. Дозорщики посылались земскими ополчениями, что должно было еще больше подчинить население уездов, контролировавшихся земской властью.

Эта практика продолжалась и после избрания на царство Михаила Федоровича. Инициатива дозора принадлежала самим владельцам земли, неспособным платить деньги по старым окладам. Правда, новыми дозорами пользовались и те, кто сумел «договориться» с дозорщиками, по своему усмотрению решавшими, как записать земли: в «живущем» или в «пусте». Наказов у дозорщиков не было, часто воеводы в городах сами посылали их, что создавало почву для злоупотреблений. На местах дозорщики просто физически не могли осмотреть за короткое время описываемую территорию, поэтому полагались на «сказки», подаваемые приказчиками и старостами. А те, естественно, радели об интересах своего патрона, а не государства.

Однако выбора у московского правительства не было. В 1614—1615 годах дозорные книги стали составлять целенаправленно, не дожидаясь ничьих обращений. Это было необходимо для сбора нового налога — хлебных запасов на жалованье ратным людям. Упоминание о новых дозорах

содержится в самом указе о введении этого налога в феврале 1614 года. По подсчетам С. Б. Веселовского, первоначально дозорные книги были составлены не менее чем по 40 посадкам и 35 уездам. Самые большие работы, охватившие все разоренные уезды государства, были проведены в 1616 году. В последующие годы, до перемирия с Речью Посполитой и возвращения патриарха Филарета, успели «дозреть» остальные уезды, за исключением севера государства, где большинство уездов не было затронуто напрямую военными действиями и где существовал институт мирского самоуправления, успешно справлявшийся с раскладкой налогов по старым окладам.

Начав взимать налоги с одних уездов по старым писцовым книгам, а с других — по новым дозорам, правительство царя Михаила Федоровича посеяло рознь между землевладельцами разных уездов. Кроме того, дозорные книги, при отсутствии других документов, закрепляли права незаконных владельцев, использовавших «безгосударное» время Смуты, чтобы захватить себе куски чужой собственности. О «вкладе» таких служилых людей во всеобщее разорение впоследствии прямо говорили на земском соборе 1619/20 года: «Поимали государевы дворцовыя села и черныя волости в поместья и в вотчины неправдою, мимо старых писцовых книг по новым дозорным книгам, и владеют великими месты за малыя чети. А иные, утая прежняя писцовыя и дозорныя книги, имали на те свои дачи особных дозорщиков и велели за собою те земли в поместья и в вотчины писать так, как им годно»¹⁴⁷.

Впрочем, дозоры первых послесмутных лет обычно недолго использовались в приказной практике. Картина разорения уездов менялась почти каждый год из-за действий «воровских казаков», войск Александра Лисовского и, наконец, особенно тяжелого по своим последствиям «прихода» королевича Владислава в 1618 году вместе с запорожскими казаками гетмана Петра Сагайдачного.

СЫСКНЫЕ ПРИКАЗЫ

С. Ф. Платонов; автор классического труда о Смутном времени, впервые изданного в 1899 году, считал победителями в Смуте рядовое дворянство и посадских людей¹⁴⁸. Что касается последних, то в разделе о сборе пятинных и запросных денег мы уже видели, чем и как посадки оплатили свою изменившуюся роль в Московском государстве. Не меньшего напряжения требовала и служба рядовых дворян в первые

годы царствования Михаила Федоровича; их «тяготы и лишения» были вполне сопоставимы с тем, что претерпели другие условные «победители» в Смуту. Существенно изменилось, пожалуй, лишь отношение московского правительства к уездным дворянам и посадским людям, силу и политическую активность которых столь ярко высветила Смута.

Важной мерой, призванной успокоить «средние слои» государства, и должен был стать «сыск». Речь идет не о политическом сыске, а о простом поиске информации, восстановлении учета важных в фискальном смысле сведений о людях Московского государства, их местонахождении, льготах и окладах жалованья. В частности, это означало проверку статуса многих посадских людей, порвавших в годы Смуты с посадом, ушедших служить в казаки и стрельцы. Особенно важно было вернуть на посад тех людей, кто, по терминологии документов, «заложился», перешел жить на земли монастырей, и других «беломестцев» на посаде (в отличие от «черных», тягловых посадских людей).

Как и дозоры, «сыск» тяглецов, сбежавших с посада и дворцовых сел, представлял собой возвращение к практике, принятой еще в царствование Федора Ивановича. Называлось это «строенье» посадов, и суть явления первоначально состояла в свозе беглых тяглецов из уездов на посад, записи в тягло «дворников» в дворах служилых людей и монастырей. При царе Борисе Годунове «строенье» означало вообще запись в посадское тягло годных людей, которых «саживали» в черные слободы, в зависимости от их торгов, промысла, места проживания¹⁴⁹.

Исторически города развивались по-разному. К первому типу принадлежали те из них, которые некогда являлись столицами самостоятельных княжеств. Помимо самой Москвы, в этом ряду могут быть названы старинные города Северо-Восточной Руси — Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Тверь, Ростов, Ярославль, Углич и Галич. Особое историческое развитие было, как известно, у древних Новгорода и Пскова, в которых князь являлся номинальной фигурой, а реальная власть принадлежала посадникам, княжеским боярам и вечу. Историческим своеобразием обладали и города Рязанского княжества. С созданием единого Русского государства на рубеже XV—XVI веков в его состав влились новые города, такие, как Чернигов, Брянск, Смоленск и другие, воспринявшие традиции городского развития Великого княжества Литовского. Реформы Ивана Грозного во многом унифицировали управление городами, но не смогли за несколько десятилетий полностью нивелировать их админист-

ративные особенности. В последней четверти XVI века были основаны многие новые города-крепости, своеобразные форпосты в Поволжье и на юге государства для охраны от татарских набегов. Их население состояло целиком из служилых людей, и о развитом посадском самоуправлении, подобном тому, что было в северных торговых городах типа Устюга и Соли Вычегодской, там и не помышляли. Служилые люди были первопоселенцами и в сибирских городах. Таким образом, проблема сыска посадских людей-закладчиков затронула прежде всего те города, где были крупные посадские общины, пострадавшие в Смуту от действий польско-литовских войск и «воровских» казаков.

Обычно к городам, составлявшим в Московском государстве небольшие острова в уездном крестьянском «мире», подходят с унифицированной меркой, считая достаточным определить их административный статус центра округа или уезда. Между тем существовали посады, сумевшие добиться «особности» от уездов; и наоборот, ряд городов был единым целым со своими уездами. В Смутное время объектом «разхватывания» стали не только дворцовые и черносошные земли, но и лакомые куски городской собственности, остававшиеся без присмотра. Весьма показателен случай, произошедший с тверским архиепископом Феоктистом, плененным в Смуту тушинцами в 1608 году. Узнав об этом, тверские посадские люди тут же захватили Спасскую архиерейскую слободу и заставили слобожан тянуть с ними тягло: «спасских келейных бобылей содиначили с собою вместе во всякое тягло и в дела сажали, и в писцовые книги их писали посадцкими людьми, потому что в Спасове дому архиепископа и приказных людей не было, стоять было за них некому». Во Владимире застроили двор самого боярина Ивана Никитича Романова. Лишь в сентябре 1613 года, уже после избрания его племянника на трон, ему удалось добиться грамоты о возвращении дворового места «для моих людишек и крестьянишек приезду» и сносе всех новых построек¹⁵⁰. И наоборот, выбылые посадские дворы тотчас занимались дворянами и детьми боярскими, спасавшимися за городскими стенами от разбойничьих отрядов, а также служилыми людьми «по прибору» — пушкарями, затынщиками, воротниками, стрельцами и казаками. В ход шла любая остававшаяся без хозяина земля: выгоны, огороды, торговые площади и места.

В первые годы правления царя Михаила Федоровича какой-то целенаправленной политики в отношении таких дел не существовало. Все зависело от поступающих челобитных и от государственных нужд. Например, когда царь Михаил

Федорович находился на пути в Москву в апреле 1613 года, Боярская дума приняла решение о возвращении в тягло разбежавшихся москвичей (не спешивших тогда возвращаться в разоренную столицу). Тяглецов искали в других городах, а тех, кто поселился на посаде в «смутные» годы, пытались удержать в тягле. Иногда возвратить людей, получивших льготы от тягла, можно было только под страхом смертной казни. 28 марта 1616 года в грамоте из Устюжской четверти воеводе Устюжны Железопольской грозили собрать с закладчиков «вчетверо» больше пятинных денег, если они не возвратятся на посад: «а будет вы закладчиков всех тотчас не сыщете и на поруки их подавати не велите, поноровите в том которому нашему боярину или ближнему нашему человеку, и вам за то от нас быти в смертной казни»¹⁵¹.

Правительство царя Михаила Федоровича попыталось также отменить многочисленные льготы «тарханщиков», освобожденных от уплаты податей в казну. В 1617 году было принято решение о сборе в казну всех таких жалованных грамот, даже подтвержденных уже при новой власти. Для отобрания жалованных грамот монастырям, гостям и другим торговым людям, имевшим льготы в уплате таможенных платежей, в Москве был создан особый приказ князя Ивана Борисовича Черкасского и дьяка Петра Третьякова: «указали есмя и бояре наши приговорили... жаловальныя тарханские грамоты у всех тарханщиков взяти в нашу казну»¹⁵².

Деятельность этого приказа оказалась малоэффективной. У Московского государства, ведшего военные действия, не оставалось сил пристально следить за внутренним обустройством «земли». Неудачей закончилась организация еще одного сыскного приказа — «что на сильных челом бьют». Сведения о его создании сохранились в грамоте Приказа сыскных дел в Казань, датированной 22 августа 1618 года: «И мы по челобитью розных городов дворян и детей боярских, и мурз, и татар указали во всяких обидных делех на вас бояр и на окольных, и на дворян, и на приказных людей управу давать и сыскивать без суда бояром нашим князю Ивану Борисовичю Черкасскому, да князь Данилу Ивановичю Мезетцкому, да дьяком нашим Ивану Болотникову, да Добрыне Семенову безо всякие волокиты тотчас»¹⁵³. Еще в сентябре 1618 года приказ затребовал документы о спорах посадских людей Галича с крестьянами «сильных людей» князя Ивана Андреевича Голицына, Бориса Ивановича и Глеба Ивановича Морозовых. Однако деятельность его была приостановлена в связи с чрезвычайными обстоятельствами «королевичева прихода».

Наконец, можно упомянуть еще об одном важном сыске, коснувшемся не тяглых, а служилых людей. Речь идет о восстановлении сведений о денежных окладах и придачах жалованья дворян и детей боярских, которые они получили за свою службу «при царе Василье» (Василии Шуйском) и «при боярах» в 1611—1612 годах. Иначе, выходя на службу в полках Михаила Федоровича, они не могли получать заслуженное жалованье, так как не было десятен и списков, в которых бы значились их имена с новыми окладами. Сыск их окладов был организован сразу же по воцарении Михаила Федоровича. В условиях «московского разоренья», затронувшего приказную документацию, сделать это оказалось очень трудно. Первоначально было решено собрать («сыскать») все сохранившиеся десятни и списки дворян и детей боярских. Вне архива Разрядного приказа эти документы можно было найти в приказных избах в городах и у воевод-«генеалогов», которые иногда оставляли черновики десятен и списков для доказательства своих служб или в местнических целях. Проведение разборов служилых «городов» или исполнение воеводской должности ставило служилого человека московского чина выше каждого члена уездной корпорации. Поэтому были посланы грамоты городovým воеводам с тем, чтобы они искали такие списки у себя «на местах». В случаях, когда нельзя было документально доказать размеры окладов, в Разрядный приказ приглашали дворян и детей боярских. Все вместе это называлось «сыском» поместных и денежных окладов.

«Сыскные» десятни и списки прежних лет стали поступать в Разрядный приказ начиная с 1613 года, как, например, десятни по Владимиру и Юрьев-Польскому. Но большинство документов датировано следующими годами, когда (примерно с августа 1614 года) был организован специальный сыск с участием окладчиков непосредственно в уездных городах. На этот раз Боярскую думу интересовали не только оклады дворян и детей боярских, но и списки вдов, недорослей и отставных дворян. В первую очередь для того, чтобы собирать с них даточных людей или деньги за те поместья, которыми они пользовались, вдовы — до нового замужества или смерти, а недоросли — до выхода на службу. Представление о производившемся сыске дают сведения о деятельности сборщика Бориса Волошенинова, составившего 27 ноября 1614 года «сыскную» десятню в Романове, а затем, уже в феврале 1615 года, доправившего по городам с воевод и дьяков прогонные деньги за неисполнение предшествующих распоряжений о сыске списков: «За то, что они

дворян и детей боярских списков с поместными и 3 денежными окладами, и вдов, и недорослей, и неслуживых отставных дворян и детей боярских государю не присылали». Поиск списков «городов» продолжался и позднее. В частности, еще в сентябре 1616 года аналогичные документы были «доставлены» с костромского воеводы, задержавшегося с их высылкой. Благодаря этому в архивах сохранился список костромских дворян 1612 года, то есть того времени, когда их отряд влился в ополчение князя Дмитрия Михайловича Пожарского и Кузьмы Минина. Последней по времени составления стала новгородская сыскная десятина, датированная маем 1619 года.

Дополнением к «сыскным» документам были десяти раздачи денежного жалованья за службы 1613—1619 годов. Обычно раздача денег оформлялась особыми десятинами, сдававшимися в Разрядный приказ. При отсутствии других документов эти десятины становились для разрядных дьяков последним по времени составления источником сведений об окладах уездных служилых людей. Но десятины денежной раздачи сохранились так же плохо, как и «сыскная» документация: в основном эти документы фиксировали выдачу жалованья служилым людям под Смоленском, Дорогобужем и Тихвином.

Однако все эти документы не могли дать полного представления о составе служилых «городов», учесть все изменения, произошедшие с окладами уездных дворян и детей боярских в Смутное время. Они не удовлетворяли ни служилых людей, которые не всегда могли подтвердить заслуженные ими придачи окладов за службы, ни правительство, имевшее основания сомневаться в обоснованности иных претензий городского дворянства на обладание высокими окладами и земельными пожалованиями. Поэтому все решения первых лет царствования Михаила Федоровича о «сыске» носили предварительный характер. Правительство готовилось к «большому», то есть общему «сыску»¹⁵⁴.

Завершались первые годы царствования Михаила Федоровича. Впрочем, это профессиональный удел историков — делить единое историческое время на периоды и эпохи, хотя, как известно, любая периодизация — относительна. Счет современников переломного 1618/19 года был другим. Их, например, гораздо больше интересовала комета, появившаяся на небе — «знамение велие». Отдельная статья о появлении новой звезды — «величиною ж она бяше, как и прот-

чие звезды, светлостью ж она тех звезд светлее» — содержится в «Новом летописце». Поначалу, рассмотрев на небе положение кометы — «она ж стояше над Москвою, хвост же у нее бяше велик. И стояше на Польскую и на Немецкие земли хвостом», — царь Михаил Федорович «и людие все» «вельми ужасошася». Действительно, в ситуации осады Москвы войском польского королевича Владислава можно было двояко толковать послание небес. Но в конце концов победила точка зрения «мудрых людей философов», предсказавших, что это знамение «не к погибели Московскому государству, но к радости и к тишине». И действительно, летописец, писавший двенадцать лет спустя, мог с удовлетворением записать: «Також толкование и збысться»¹⁵⁵.

За пять-шесть лет, начиная с 1613 года, царю Михаилу Федоровичу и его правительству удалось справиться с главным — удержать Московское государство от реально грозившего ему распада. Не только недавние, по историческим меркам, приобретения царя Ивана Грозного — Казанское и Астраханское царства могли в 1613—1614 годах снова стать самостоятельными государственными образованиями. Угроза подпасть под польский и шведский протекторат грозила многим городам и уездам на западной границе государства. Трудно поэтому переоценить значение возвращения Новгорода Великого под руку русского царя при явно выраженной воле новгородцев, хорошо понимавших то подчиненное, колониальное положение, которое было уготовано им в Шведском королевстве. Не удалось в это короткое историческое время вернуть Смоленск, но позиция московского царя, державшего под Смоленском свое войско в самые тяжелые времена борьбы с Иваном Заруцким и казачьей вольницей, предельно ясно обозначила это направление внешней политики Михаила Федоровича.

В первые годы царствования Михаила Федоровича были сделаны важные шаги к международному признанию нового русского государя. Сказывалось наследие Смуты, поэтому глав иностранных государств нужно было еще убедить, что перед ними не посланники очередного самозванца, а представители русского царя, поддержанного всеми своими подданными. Труднее всего опять-таки было с Речью Посполитой, где не только не признавали, но и всячески умаляли и оскорбляли царское достоинство Михаила Федоровича, считая, что он перешел дорогу польскому королевичу Владиславу. Делать это, держа у себя в плену царского отца — митрополита Филарета, можно было почти безнаказанно. И, несмотря на риск ухудшить положение отца, царь

Михаил Федорович все-таки вмешивался в пограничные раздоры.

Не менее, если не более сложной была задача восстановления внутреннего управления в Московском государстве. Напомню, что 2 мая 1613 года царь Михаил Федорович приехал в сгоревшую, обезлюдевшую столицу, в наспех отстроенные деревянные покои. Царская казна отсутствовала, архивы большей частью сгорели, у царя не было под рукой достаточного количества людей, которые бы хорошо знали порядок управления в приказах. Люди в государстве отвыкли от бессловесного подчинения, утверждавшегося прежде единоначалия и единообразия в управлении. Годы Смуты, с их новыми навыками самостоятельной организации в деятельности городских советов и земских ополчений, а также распоряжения собственными доходами, приучили людей к оппозиции интересов, с одной стороны, менявших друг друга царей, а с другой — земских сил. И теперь царю Михаилу Федоровичу предстояло снова заставить подданных поступиться и своей свободой, и своей собственностью.

В целом в стране это удалось сделать с помощью чрезвычайных сборов запросных и пятинных денег, повсеместного введения воеводского управления и подчинения деятельности местных чиновников центральным приказам. Но при этом оставался и функционировал механизм земских соборов, освящавших своим авторитетом ведение тяжелых и обременительных для населения военных действий. Впрочем, как бы ни была велика их роль, земские соборы 1613—1619 годов не претендовали, да и не могли претендовать на противовес власти царя Михаила Федоровича. Новому царю сложнее было сломать психологические стереотипы людей, привыкших приспосабливаться к ситуации неопределенности, умевших «корыстоваться» и извлекать выгоду из текущего положения, не считаясь с прежними критериями заслуг в движении по чинам и получении должностей. Увы, не избежали этого и самые близкие люди в окружении царя Михаила Федоровича, как, например, выдвинутые им в состав элиты нового царствования братья Б. М. и М. М. Салтыковы, постельничий К. Михалков. Это поистине ахиллесова пята царей романовской династии — неумение решать проблемы, создававшиеся их родственниками и допущенными в ближний круг людьми, — проявилась уже у царя Михаила Федоровича.

Московское царство изначально строилось на идее богоизбранности власти государя, и царю Михаилу Федоровичу предстояло доказывать это каждым своим шагом. Все, что

ни делал правитель, приобретало еще один, дополнительный смысл — исполнения воли Божией. Новая власть нуждалась в новых символах и знаках. Избрание царя Михаила Федоровича на царство в 1613 году было связано в сознании современников с прославлением двух икон Божией Матери — Казанской — главной иконы земского ополчения Минина и Пожарского, освободившего Москву, и Костромской Федоровской, которой благословили избрание Михаила Федоровича. 1 октября 1618 года, когда Москва была спасена от штурма полков королевича Владислава, царствование Михаила Федоровича стало символически связанным еще с одним важным церковным событием — праздником «Пречистые Богородицы славнаго Ея Покрова». По сообщению «Нового летописца», царь Михаил Федорович «постави храм каменной по обету своему во имя Покрова Пречистые Богородицы в дворцовом селе Рубцове»¹⁵⁶. Счастливо сохранившийся до наших дней, этот памятник остается зримым воплощением идей и чувств утвердившегося на троне первого царя романовской династии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ДВА ВЕЛИКИХ ГОСУДАРЯ

Глава шестая «ПРОГРАММА» ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА

Возвращение в Москву. —
«Покой и строенье». —
Дела церковные

Одна из давних историографических проблем, мимо которой не проходит ни один исследователь, интересующийся эпохой царя Михаила Федоровича, — оценка периода соправления царя со своим отцом патриархом Филаретом в 1619—1633 годах. Представление о Филарете, мощном временщике, подавлявшем волю молодого царя и присвоившем себе титул великого государя, очень устойчиво. Оно освящено авторитетом всей классической русской историографии. «С возвращением Филарета Никитича в Москву начинается здесь двоевластие», — писал С. М. Соловьев¹. Близок в оценках Н. И. Костомаров: «...Филарет, человек с твердым характером, тотчас захватил в свои руки власть и имел большое влияние, не только на духовные, но и на светские дела»². Дальше всех пошел В. О. Ключевский, высказавшийся, как всегда, определенно и хлестко: «...патриарх Филарет титулом второго великого государя прикрывал в себе самого обыкновенного временщика»³.

Не стоит, однако, торопиться с окончательным приговором, не разобравшись в том, на чем же основаны столь категоричные оценки. Как подметил Е. Д. Сташевский, проанализировавший литературу о патриархе Филарете на 1913 год, «во-первых, им занимались или как деятелем Смутного времени, или как соправителем Михаила Федоровича, или как патриархом; во-вторых, большинство исследователей не шло далее выяснения характера этой бесспорно выдающейся личности, и лишь немногие останавливались на оценке его государственной деятельности». Но при этом, пишет историк, последняя «чаще описывается, чем характеризуется, чаще говорят об ее конечных результатах, чем о ее идеях и приемах, способах управления»⁴. Известно, например, что Федор

Никитич Романов начал службу при дворе Ивана Грозного, — значит, полагают его биографы, он не мог не использовать уроки, полученные в молодости при дворе царя-тирана. Но правдоподобие не лучший аргумент в спорах историков, точнее сказать, вовсе не аргумент. Столь же голословно утверждение, что патриарх Филарет взял все бразды правления в собственные руки, отстранив от власти безвольного сына. Для такого смелого утверждения совершенно недостаточно ссылки на слова самого царя Михаила Федоровича: «Каков он государь, таков и отец его государев, великий государь святейший патриарх... и их государское величество неразделно»⁵. Это не формулировка установившегося равенства двух «ветвей власти», а отповедь конкретному лицу — князю Петру Александровичу Репнину, задумавшему спорить о местах службы в свите царя и патриарха при приеме «турского посла» в 1621 году. В этих царских словах надо прежде всего обратить внимание на понятие «нераздельности» власти и понять, что оно означало на самом деле.

Таким же дискуссионным является вопрос о наличии у патриарха Филарета особенной «программы», с которой он возвратился в Россию. Автор «Нового летописца» поставил в заслугу патриарху Филарету исправление земских дел: «Всех убо крестьяху, и под началом все быша у него государя на патриарше дворе. Да не токмо что слово Божие исправляше, но и земская вся правляше, от насилья многи отня; ни от ково ж в Московском государстве сильников не бысть опричь их государей. И кои служаху государю и в безгосударное время, а быша не пожалованы, он же государь тех всех взысках и пожаловал и держаше у себя их в милости, никому ж не выдаваху»⁶. «Сильные люди» потеряли свою власть, так как над ними появилась власть «сильных» государей; именно патриарх наградил тех, кто после окончания Смуты не мог доказать своих заслуг, а также защитил их от каких-то неясных преследований («никому ж не выдаваху»). Ученые убеждены едва ли не в официальном характере «Нового летописца», к редактированию которого мог быть причастен сам патриарх Филарет. Но весь процитированный фрагмент с общей характеристикой деятельности патриарха, кажется, содержит отголоски личных переживаний автора летописи.

Программа «устроенья земли» была предложена на земском соборе в конце июня 1619 года. Но насколько велика роль патриарха Филарета в ее выработке? А. Е. Пресняков в обзоре истории Московского государства первой половины XVII века писал: «Сколько-нибудь существенных изменений... в том, что можно назвать наметившейся программой

внутренней политики, не произошло»⁷. То же отмечал Е. Д. Сташевский: «Филарет не предложил на Соборе 1619 года готовый план или проект реформ», а обсуждавшиеся мероприятия «не являлись чем-то неожиданным»⁸. А. Л. Станиславский обратил внимание на то, что важный указ о частичном переводе в вотчины поместий участников обороны Москвы, сильно повлиявший на земельные отношения, был принят еще до возвращения патриарха Филарета из плена⁹. Современный биограф патриарха Филарета В. Г. Вовина также считает, что он «делал шаги под давлением обстоятельств и поэтому не выработал, да и не мог выработать, какого-то нового курса, отличного от предыдущего»¹⁰. Приведенные оценки корректируют прямолинейный взгляд на Филарета как на чуть ли не единовластного правителя. Но чтобы всесторонне оценить значение патриарха Филарета в истории царствования его сына, надо попытаться проанализировать всю внутреннюю политику 1620-х — начала 1630-х годов. Об этом и пойдет речь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Отец царя, «нареченный» патриарх Филарет, возвращался в Московское государство после почти девятилетнего отсутствия. Сомнений в том, что он должен занять пустовавшую с 1612 года патриаршую кафедру, не было. Вряд ли этому способствовало «наречение» митрополита ростовского и ярославского патриархом в Тушине: тогда, в 1608 году, при действовавшем патриархе Гермогене это не имело никакого значения, да и в Речь Посполитую Филарет отправился в сане митрополита. Однако же в Московском государстве все первые годы царствования Михаила Федоровича не избирали патриарха, а управлял патриархией крутицкий митрополит Иона, хиротонисанный в 1613 году. Митрополита же Филарета называли в официальных документах «митрополитом всея Руси», как это было, например, в несудимой грамоте вятскому протопопу Стефану и другим священникам церкви Николая Великорецкого 17 марта 1615 года¹¹. Формуляр этой грамоты должен был повторить выдававшуюся ранее грамоту Ивана Грозного, поэтому весьма показательно, что составитель ее текста, дьяк Новгородской чети Андрей Иванов, поставил вместо имени прежнего митрополита имя Филарета. Еще более интересно, что этот дьяк имел опыт службы в Посольском приказе, участвуя в русско-литовских внешних сношениях, входил в состав делегации к царю Ми-

хаилу Федоровичу в 1613 году. Поэтому упоминание Филарета с титулом «митрополита всея Руси» даже в тексте вполне рядовой грамоты имело определенный смысл поддержки его прав на верховенство в делах церкви.

Для легитимных выборов патриарха осталось дожидаться, когда в них смогут принять участие двое из четырех митрополитов русской церкви — Исидор, находившийся в Великом Новгороде под властью шведов до 1617 года, и сам Филарет, задержанный в Речи Посполитой. Как только удалось договориться о размене пленных, стали готовиться и к патриаршим выборам. В марте 1619 года в Вязьму было отправлено посольство боярина Федора Ивановича Шереметева для начавшейся «розмены», а 19 апреля в Москве в Золотой палате принимали иерусалимского патриарха Феофана. Ему предстояло сыграть важную роль в церемонии избрания Филарета на московское патриаршество. Феофан подписал специальную ставленную грамоту (хотя, как подметил А. В. Карташев, избрание русского патриарха было бы легитимным и без участия иерусалимского патриарха¹²). 28 апреля царь Михаил Федорович отправился на богомолье «к Спасу на Новое», где был совершен молебен у «родительских гробов» — также очевидное свидетельство шедших в Москве приготовлений к избранию Филарета в патриархи.

Последние дни перед возвращением Филарета должны были тянуться особенно мучительно для молодого царя. Послы увязли в согласовании деталей размена, в обсуждении старых земельных счетов, но у них был твердый наказ: сделать все так, чтобы не помешать возвращению царского отца. Наконец, 2 июня 1619 года исторический размен в Вязьме состоялся. Новую границу Московского государства вместе с Филаретом пересекли руководитель Смоленской обороны в 1609—1611 годах боярин Михаил Борисович Шеин, думный дьяк Томило Луговской и дворяне, бывшие в составе посольства. Другой руководитель «Великого» посольства, боярин князь Василий Васильевич Голицын, не дожидаясь этого момента совсем немного, скончавшись на пути в Россию.

Торжественное шествие бывших пленников продолжалось двенадцать дней. В Можайске Филарета и его спутников встречали от освященного собора рязанский архиепископ Иосиф, преемник архиепископа Феодорита, участвовавшего в призвании на царство царя Михаила Федоровича, и от Боярской думы боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский — освободитель Москвы в 1612 году. Следующие встречи проходили в звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре и под Москвой. Автор «Нового летописца»

говорит о второй встрече в Вязьме, но это недоразумение. На самом деле, митрополита Филарета предполагалось встретить в Вяземах — селении под Москвой, но он изменил маршрут и пошел в Звенигород («другой было быть встрече на Веземе, и митрополит пошел на Звенигород»)¹³. В сопровождении крутицкого митрополита Ионы, архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия, а также еще одного руководителя подмосковного ополчения — боярина князя Дмитрия Тимофеевич Трубецкого митрополит Филарет пришел под Москву «на подхожей стан» в Хорошево 13 июня. О нетерпении, с каким Михаил Федорович ждал встречи с отцом, свидетельствует посылка к бывшим пленным с «государевым жаловальным словом» стольника князя Степана Ивановича Великого-Гагина. 10 июня ему был дан наказ ехать по звенигородской дороге и, встретив вышедших из Литвы, «доложа» митрополиту Филарету, говорить им речь и спрашивать, в знак особой царской милости, «о здоровье» боярина Михаила Борисовича Шеина и думного дьяка Томилу Луговского¹⁴.

14 июня, на память святого пророка Елисея, состоялся въезд митрополита Филарета в Москву. «По Волоцкой дороге, на речке на Ходыньке», его встречала вся Боярская дума во главе с боярином князем Федором Ивановичем Мстиславским и Государев двор. Встреча царя Михаила Федоровича с отцом произошла, по известиям разрядных книг, «за Тверскими вороты по Волоцкой дороге, за речкою за Пресною». Составители делопроизводственных бумаг XVII века не умели передавать тонкости человеческих переживаний, зато давали очень точные формулы при описании событий, выделяя самое главное: «И принял государь от его святительской руки благословение и сердечное целование»¹⁵. Остальное историку приходится домысливать. Как сумел выдержать протокол встречи царь Михаил Федорович? И кто бы посмел осудить его за возможные нарушения? Автор «Нового летописца» записал: «Многия бо слезы быша тогда от радости у государя царя и у всево народу Московского государства». Реакция митрополита Филарета была сдержаннее, но и у него, наверное, дрогнуло сердце, когда вместо оставленного им в 1610 году четырнадцатилетнего мальчика он увидел молодого царя. Отец не дал воли чувствам — иначе встреча царя и будущего патриарха, происходившая на глазах многих людей, обросла бы соответствующими легендами. Известно лишь, что Филарет изменил установленный ранее порядок встречи и отверг предлагавшийся ему для поста патриарший двор. Он остановился на Троицком подво-

рье¹⁶, подчеркнув тем самым свое желание следовать обычаю и не торопить события.

И еще несколько красноречивых штрихов. По сообщению «Нового летописца», в память о возвращении митрополита Филарета царь Михаил Федорович повелел построить в Москве храм во имя пророка Елисея «меж Никитския улицы и Тверския» и «уставиша празднество большое». Кроме того, была объявлена амнистия: «Для приходу отца своего кои были в ево государевой опале за приставы и кои были сосланы по городом по темницам, и тех государь пожаловал, велел освободить»¹⁷. Несомненно, царь Михаил Федорович хотел, чтобы эту весть в его правлении запомнили на долгие годы.

Первое, что предстояло сделать по возвращении митрополита Филарета, — избрать патриарха. Известие об этом внутрицерковном событии вошло даже в разрядные книги, что не совсем обычно. Сначала последовало обращение непосредственно к царю Михаилу Федоровичу от иерусалимского патриарха Феофана, освященного собора и Государева двора, совместно с «всяких чинов людьми», чтобы избрать патриархом Филарета: «А на Москве на великом святительском престоле, опричь его государя патриархом быти некому»¹⁸. Царя просили, чтобы он лично «печаловался» и просил у митрополита Филарета Никитича, «чтоб он великий государь, по смотренью Божью, наипаче ж по своему достоинству, принял святительской престол патриаршеский, чтоб им великим святителем апостольская Восточная церковь в первобытную красоту украсилась»¹⁹. Совсем не случаен здесь мотив ответственности московского патриархата за весь православный мир: имперская идея, пришедшая в Россию с первым самозванцем, крепко засела в умах москвичей. Теперь и вселенская православная церковь должна была обрести оплот в новом московском патриархе Филарете, и именно это должно было подчеркнуть участие в его хиротонисании иерусалимского патриарха Феофана.

Следующий шаг — обращение к Филарету царя Михаила Федоровича с освященным собором и представителями всех чинов. Государь «говорил и просил с великим молением» своего отца принять патриарший сан, а представители сословий «били челом». Митрополит Филарет поступил так, как было в обычае: «многими словесы себя унижал и недостойна себя быти пастырем того великого престола нарицал». Когда-то такое поведение не простили Борису Годунову, посчитав его — трудно сказать, справедливо или нет — лицемерным. Так же вел себя и сам царь Михаил Федоро-

вич и его мать великая старица инокиня Марфа Ивановна в Костроме в 1613 году. Отказываясь от патриаршества, Филарет, конечно же, понимал, что это было лишь частью церемониала: необходимо было убедить всех в освящении человеческого выбора Божьим промыслом. Как свидетельствуют разрядные книги, Филарет, уже став патриархом, так говорил о собственном выборе, «что такое великое и неизреченное дело по смотрению Божию, а не по его самохотному стремлению» свершилось²⁰. В Московском государстве, чтобы не ошибиться, всегда нужно было действовать так, как принято.

24 июня 1619 года состоялся обряд хиротонисания святейшего патриарха «Филарета Никитича Московского и всеа Руси». Так непривычно для черного духовенства — с отчеством — стали величать царского отца в Московском государстве.

Разрядные книги, в которых содержится целое сказание об избрании патриарха Филарета, сообщают также о последовавших затем деяниях земского собора об «устроенье» земли. Подготовка и проведение собора, а также обсуждавшиеся на нем вопросы и дали больше всего оснований говорить об особой «программе» патриарха Филарета. Однако изучение разрядов показывает, что помещенный в них текст приговора собора 1619 года содержит позднейшую правку. Если же прочитать изложение текста соборного приговора в окружной грамоте по городам, то можно увидеть, что речь идет об обращении патриарха Филарета и всего освященного собора к царю Михаилу Федоровичу как об общем совете: «приходили к нам и советовали с нами»²¹. Это совсем не означало, что именно патриарх проявил инициативу в обсуждении самых животрепещущих вопросов государственного управления. В источнике подчеркнуто другое: царь и патриарх вместе «советовали» о том, как «разорилось и запустело» Московское государство и что нужно сделать, чтобы это поправить. Трудно предположить, что за столь короткое время пребывания на родине патриарх Филарет сумел подробно вникнуть в детали накапливавшихся годами нестроений. Очевидно, заблаговременно была подготовлена приказная справка с прицелом на рассмотрение на соборе. Благодаря этим соборным заседаниям мы и узнаем о том, что больше всего волновало людей в середине 1619 года, когда только-только закончились все военные столкновения Московского государства и начиналось мирное строительство.

Легко убедиться, что на совместное обсуждение с патриархом были вынесены самые трудные проблемы, в самосто-

ятельном решении которых московское правительство не преуспело. Во-первых, это проблема неравномерного взимания налогов из-за нового «дозора»: «а подати всякие и ямским охотником подмоги емлют с иных по писцовым книгам, а с иных по дозорным книгам, и иным тяжело, а другим легко». Следующая тема — расстроенное состояние посадов; она тоже обсуждалась в правительстве сразу же после избрания Михаила Федоровича на царство. Но как вернуть посадских людей в тягло, как ликвидировать закладчиков и многочисленные льготы, было неизвестно: «а где кто жил наперед сего ехати не хотят». Последний пункт, ставший особенно актуальным при царе Михаиле Федоровиче: челобитные об «обороне» от бояр и других «сильных людей».

Не было новым и решение, выработанное в результате общего совета царя и патриарха: учинить собор, на который и вынести вопрос: «Как бы то исправить и земля устроить»?²² Приговор первого земского собора, состоявшегося при участии патриарха Филарета, сохранился как в разрядных книгах, так и в современных грамотах, рассылавшихся по городам и излагавших суть решений, принятых земскими представителями. Именно грамоты позволяют назвать срок созыва собора — не позднее 3 июля 1619 года²³. На нем действительно была принята целая «программа», которую попытались осуществить в начале 1620-х годов. Но полагая, что инициатором обсуждения всех перечисленных вопросов был патриарх Филарет, мы совершаем известную логическую ошибку: ведь из того, что они были рассмотрены *после* его возвращения в Россию, не следует, что они рассматривались *вследствие* этого. Приезд Филарета Никитича заставил московское правительство действовать энергичнее, но поиск решений был общим и логично вытекал из предшествующей практики.

Итак, согласно соборному приговору 1619 года, царь, патриарх и «вся земля» договорились о следующем: 1) снова послать писцов и дозорщиков, первых — в неразоренные города, а вторых — в пострадавшие от литовских, казачьих, татарских и прочих войн Смутного времени; 2) вернуть в свои города посадских людей и закладчиков, давая льготы только тем, кто их действительно заслуживает; 3) поручить сыск по делам «на сильных людей во всяких обидах» боярам князю Ивану Борисовичу Черкасскому и князю Даниилу Ивановичу Мезецкому; 4) собрать из городов сведения о сборе денежных и хлебных запасов и 5) созвать новый земский собор из людей, «которые бы умели розказать обиды, и насилства, и разоренья, и чем Московскому государству

полнитца, и ратных людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, чтоб пришли все в достоинство».

Собор наметил самый общий путь выхода из кризиса, используя уже найденные когда-то рецепты. В его решениях нет ничего нового, что бы в той или иной мере не было опробовано в приказной практике первых лет царствования Михаила Федоровича. Разве что заметен поиск общей «идеологии», необходимой для обоснования существенного новшества — совместного правления царя и патриарха. Собор, начавшийся словами об «устроенье земли», завершился пожеланием, «чтоб пришли все в достоинство». Именно такое чтение — «пришли», дается в академическом издании законодательных актов 1986 года, а не «пришло», как в тексте разрядных книг, опубликованных в середине XIX века. Разница в одну букву дает существенное изменение смысла пожеланий собора и заслуживает того, чтобы быть отмеченной. В первом случае речь идет о деятельности, направленной на улучшение положения разных «чинов», что прежде всего могло найти отклик на соборе; в другом говорится об общем пожелании изменения порядка вещей в Московском государстве по усмотрению царя и патриарха.

Решения, принятые на чрезвычайном соборе 1619 года, не оказались ни действенными, ни долговечными. Их еще выполняли в следующем 1620 году, когда по городам и уездам разъехалась очередная партия дозорщиков. Однако она лишь подтвердила необходимость перехода к какой-либо одной форме земельного кадастра. По обычной практике тех лет был создан чрезвычайный Сыскной приказ окольникового князя Григория Константиновича Волконского. Но запомнился он разве что неординарным рецептом для борьбы с чиновничьей медлительностью. Окольничий запирает дозорщиков в одной комнате, оставляя их без шапок и сапог, и держал до тех пор, пока они не изготовят значительную часть своих книг. Конечно, это не могло не сказаться на итоговом результате. После новых неудач с дозорами правительство царя Михаила Федоровича стало готовиться к общему, валовому земельному описанию, разработав в 1622/23 году валовый наказ для писцов²⁴. С этого года начинается посылка писцов в отдельные уезды Московского государства из Поместного приказа. Одновременно в Москве действовал Сыскной приказ князя Алексея Юрьевича Сицкого по пересмотру жалованных грамот монастырям. Это должно было способствовать как упорядочению землевладения, так и возвращению на посады людей, записавшихся служить в монастырские дворы в городах. Сыск посадских людей и за-

Патриарх Филарет. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

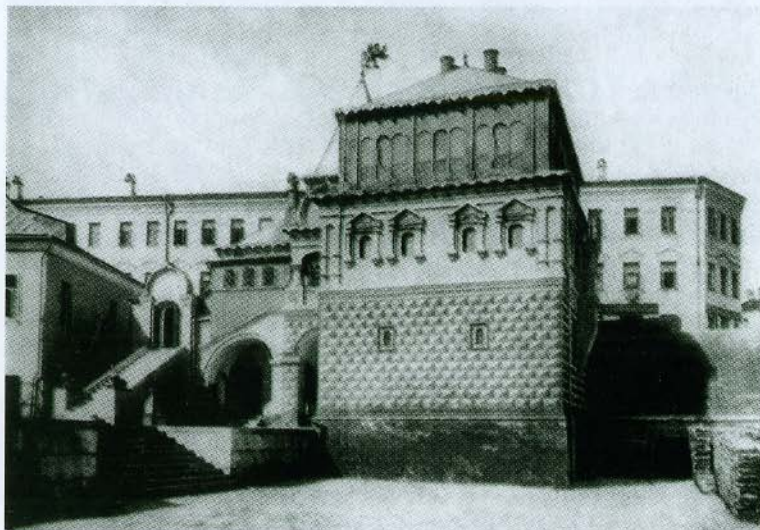

Боярин Федор Никитич Романов
(будущий патриарх Филарет).

Старица Марфа
(Ксения Ивановна Романова).
*С портрета из Романовской
галереи.*

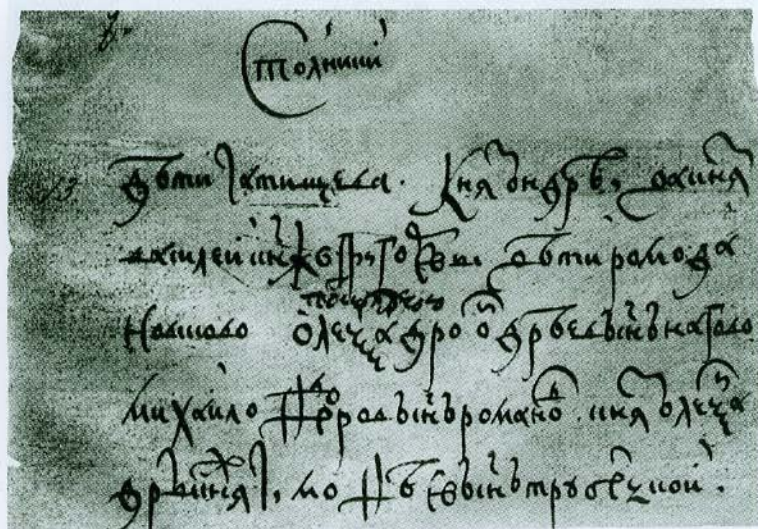
Палаты бояр Романовых. *Фото 1880-х гг.*

Детские вещи и игрушки Михаила Романова. Экспозиция конца XIX в.

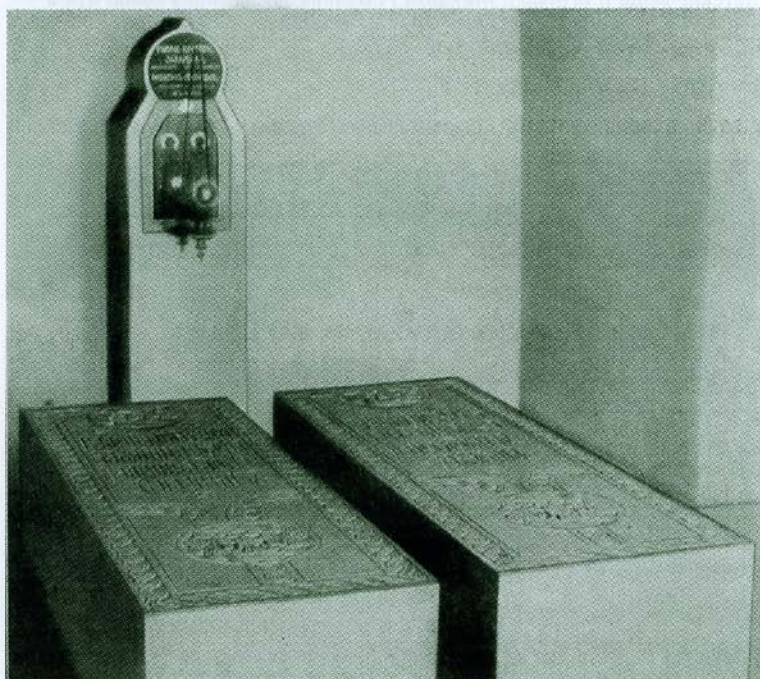
Боярский список 1606/07 г. с упоминанием стольника Михаила Романова.

Икона св. Михаила
Малеина — небесного
покровителя царя
Михаила Федоровича.

Гробницы
Романа Юрьевича
и Никиты Романовича
Захарьиных.

Герб бояр Романовых.
И. Билибин. Нач. XX в.

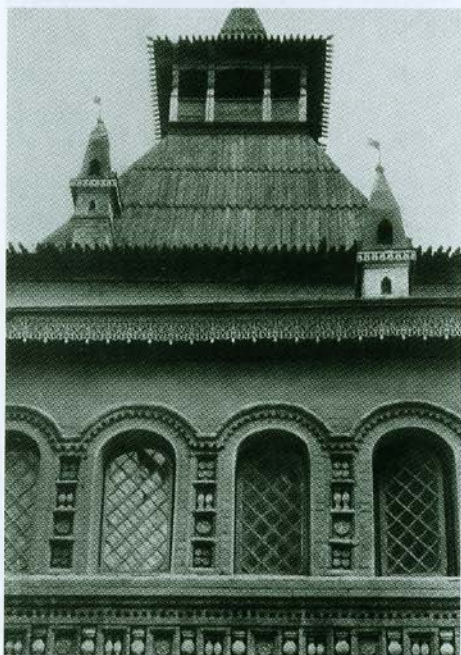
Дозорная книга Бежецкого уезда
за 1612 г. с упоминанием вотчины
Михаила Романова — села Хабацкого.

Вид на село Клины. Фото нач. XX в.

Возду́хи (покрыв)
работы инокини
Марфы Ивановны.

Иераршая палата
в Ростовском кремле.

Первое изображение
Ивана Сусанина, созданное
крепостным художником
С. Ф. Худояровым (Федоровым)
после оперы «Смерть за царя».

Грамота Екатерины II
потомкам Ивана Сусанина.

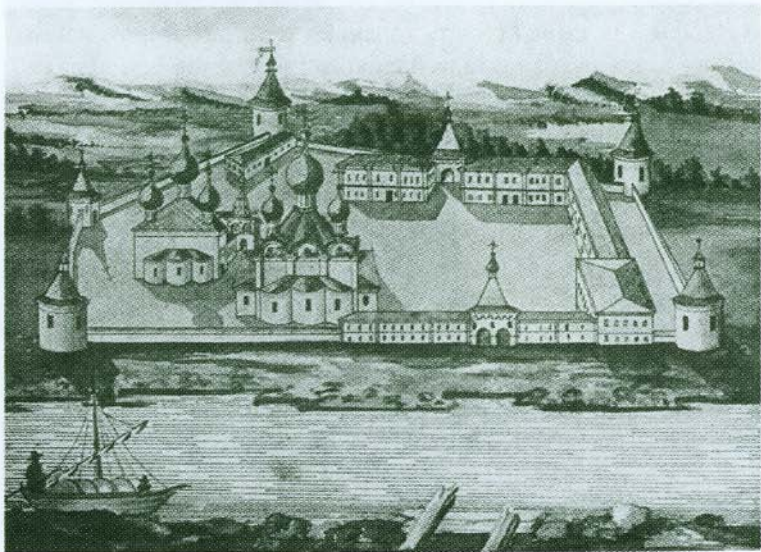
Село Домнино. Фото нач. XX в.

Троицкий келарь Авраамий Палицын возвещает Освященному собору о царском избрании. Миниатора из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича».

Вид Ипатьевского монастыря в 1613 г. С рисунка нач. XX в.

Бояре упрасивают Михаила Федоровича вступить на царство.
А. Кившенко. 1880.

Палаты бояр Романовых в Ипатьевском монастыре.

Большой и малый процессионные фонари
Великого московского посольства.

Стены Ипатьевского монастыря.

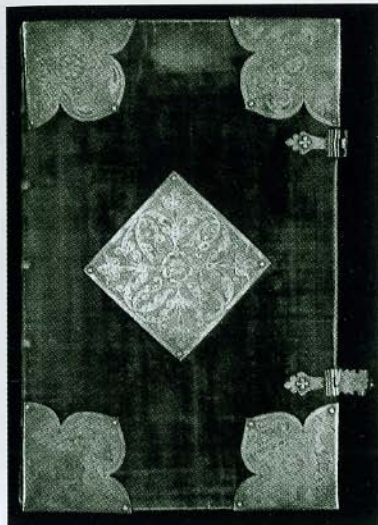

Чудотворная Федоровская икона Божией Матери.

Михаил Федорович. Фреска церкви Ильи Пророка в Ярославле. XVII в.
Фото автора.

Утвержденная грамота Земского собора об избрании на царский престол Михаила Федоровича.

Царь Михаил Федорович.
Портрет XVIII в.

Ярославль. Вид на Спасо-Преображенский монастырь.

Успенский собор
Московского Кремля.

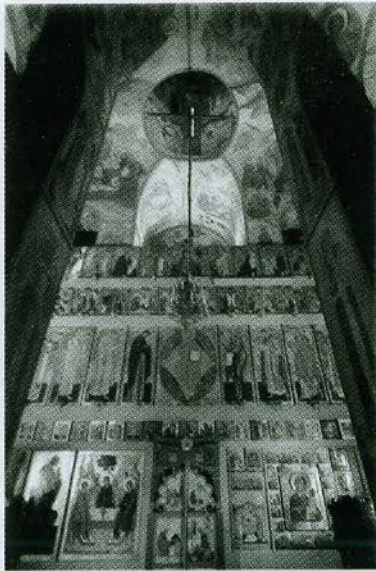
Архангельский собор
Московского Кремля.

Вынос царских регалий. *Миниатюра из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича».*

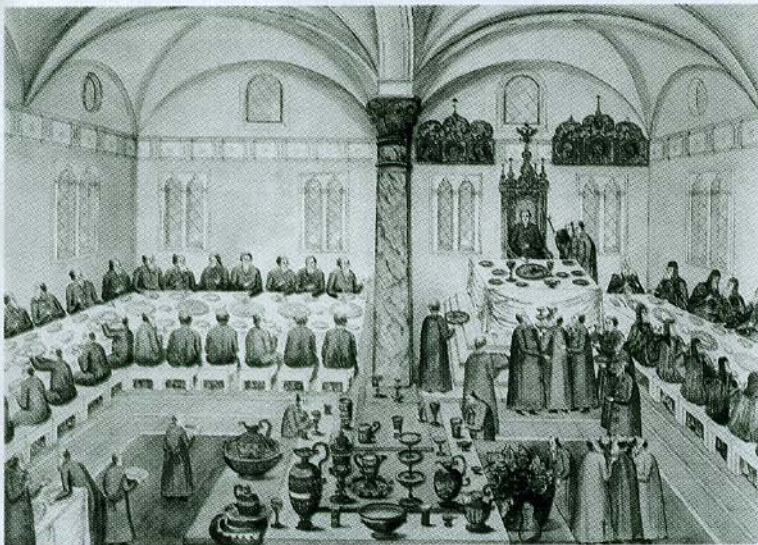

Благовещенский собор
Московского Кремля.

Иконостас Ризоположенской
церкви Московского Кремля.

Трапеза в Грановитой палате. Миниатюра из «Книги об избрании
на царство Михаила Федоровича».

Михаил Федорович.
Конный портрет.
Неизвестный
художник. 1670-е гг.

Встреча царя
Михаила Федоровича
с преосв. митрополитом
Филаретом Никитичем.
Миниатюра из «Книги
об избрании на царство
Михаила Федоровича».

кладчиков, порученный 27 июля 1619 года специальному приказу боярина князя Юрия Яншеевича Сулешева и окольничего Федора Васильевича Головина, не мог быть успешным без решения первого вопроса: составления писцовых книг по общим принципам для всего государства. Ибо искоренить «избывание» от тягла можно было только уменьшением его или хотя бы установлением понятных всем правил. Как выяснил П. П. Смирнов, глава нового приказа сам «отличился» в приеме закладчиков, иными словами, исправлять положение на посадах было поручено тому, кто в этом как раз и не был заинтересован. Стоит ли удивляться, что, выработав ряд «странных» и намеренно запутанных решений, этот приказ через пару лет приказал долго жить²⁵. Второе «издание» Приказа, «что на сильных людей челом бьют», тоже оказалось недолговечным, хотя и запомнилось служилым людям. Двадцать лет спустя, в 1641 году, об успешной деятельности этого приказа вспоминали: «А как де бояре по сто дватцать осмой год (1620-й. — В. К.) в полате сидели, и им о своих обидах и о всяких делех бити челом было незаборонно»²⁶. Неизвестно, была ли организована ревизия доходов по городам, дублировавшая сметные списки, которые воеводы должны были собирать на местах и сообщать в четверти для контроля. В любом случае такая мера проверки не могла быть эффективной, поскольку преследовала исключительно статистические цели. И, наконец, относительно планов созыва нового земского собора. Показательно, что такой внимательный исследователь истории земских соборов XVI—XVII веков, как Л. В. Черепнин, нашедший документы о выборах на земский собор во второй половине 1619 года, вынужден был констатировать: «По сохранившимся источникам так и остается пока неясным, созывался ли тот собор, который намечали в Москве на декабрь 1619 года и который должен был заняться внутренними делами Русского государства»²⁷.

«ПОКОЙ И СТРОЕНЬЕ»

Итак, решения земского собора 1619 года во многом оказались не более чем декларацией. Какие же реальные изменения произошли в финансовой и земельной политике московского правительства в первые два-три года после возвращения Филарета?

Служилые люди «по отечеству», принявшие на себя основные тяготы военных походов первых лет царствования

Михаила Федоровича, слишком долго ждали разрешения своих нужд. Они уже отказывались выходить на службу без жалованья, и все основные походы 1617—1618 годов сопровождались единовременными выплатами их участникам, а иногда верстанием новиков. Совершенно запутанными оставались земельные отношения, не налажена была как следует система учета поместных и денежных окладов служилых людей. Поэтому одновременно с соборами 1619—1621 годов было немало сделано, чтобы навести чаемый многими порядок, при котором только и наступил «покой».

Подготовленные к печати С. Б. Веселовским приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621 годов (Новгородской и Устюжской четвертей, а также Разрядного приказа) не только дают ясное представление о методике сбора налогов в двух важнейших финансовых приказах-четвертях, но и показывают, какие приоритеты внутренней жизни формировались в это время. Во-первых, большие средства стали выплачиваться из казны служилым людям пограничных и разоренных в Смуту городов: Новгорода, Пскова, Путивля, Брянска. Посадские люди также получали льготы, которые способствовали возвращению населения в покинутые города и поддерживали тех, кто в них оставался. Так, Новгород Великий и Новгородский уезд получили льготы на три-четыре года: «И на нынешней на 128-й (1619/20) год те деньги не взяты для того: по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу новгородским посадцким и уездным всяким людям для их разоренья во всяких податех дана льгота, посадцким людям до лета 7131 (1623) году, а уездным всяким людям до 130 (1622) году, и никаких податей, опричь ямского строенья, в те льготные годы имати не велено»²⁸. Следовательно, в 1619 году не только состоялся «сыск» окладов новгородских дворян и детей боярских, служивших еще в 1606 году под Москвой против войска Ивана Болотникова²⁹, но и их крестьянам дана была особая льгота. В Пскове продолжали собирать денежные доходы, но не требовали их присылки в Москву, «потому что выходят за псковские расходы»; более того, псковским служилым людям было прислано дополнительно «на жалованье и на хлебную покупку» три тысячи рублей³⁰. Согласно приходо-расходной книге Разрядного приказа 1619/20 года большие суммы денег на жалованье ратным людям отправлялись в Вязьму, Дорогобуж (7 сентября 1619), Луки Великие (7 февраля 1620), в Северские города — Путивль, Рыльск, Брянск (8 февраля 1620), Новгород и Псков (20 марта 1620), Новгород-Северский, Чернигов

(25 марта 1620)³¹. Такие выдачи жалованья должны были показать, что правительство царя Михаила Федоровича помнит о заслугах в годы Смуты. Во многом благодаря твердой позиции именно этих людей Московское государство сумело сохранить за собой ряд городов и уездов. С другой стороны, деньги, которые стали платить ежегодно ратным людям, позволяли надеяться на их службу на границе в случае военного противостояния с Речью Посполитой.

Новым явлением стало облегчение налогового бремени. Еще при сборах запросных денег правительство царя Михаила Федоровича обещало учесть их в счет будущих сборов. Теперь настало время выполнять обещания, что и было сделано. Но не огульно для всего государства, а очень избирательно. Так, в 128 (1619/20) году по указу царя Михаила Федоровича и по боярскому «приговору» были убавлены сборы казачьих хлебных запасов с городов Новгородской четверти: «для крестьянские легости 128 году велено взяти перед прежними годы с убавкою — с сохи по девяносту рублев, для того, что с них в прошлых годах от 122-го году по нынешней 128-й год иманы многие деньги, сверх четвертных доходов»³². Не забудем, что казачья проблема была в этот момент решена, и такие сборы вообще становились анахронизмом. Важнее другое: правительство признало, что только с помощью населения страна смогла выйти из кризиса и теперь пришло время компенсировать жителям многочисленные лишения. Вот еще один пример. 4 февраля 1620 года царь Михаил Федорович «для отца своего», то есть по просьбе патриарха Филарета Никитича, пожаловал игумена Соловецкого монастыря Ириарха с братьею и дал им льготу на уплату части податей («двинских пошлин») на пять лет. Делалось это «для монастырского строенья и для того, что вотчину их воевали литовские люди, чем бы вперед монастырю постройца»³³.

Изучение налоговой политики начала 1620-х годов показывает последовательное уменьшение окладов разных сборов, облегчение государственных повинностей. В поморских городах с конца XVI века (не позднее 1588 года) одной из самых серьезных и обременительных служб стала закупка и перевоз сибирских хлебных запасов в Верхотурье на своих подводах. Со 128 (1619/20) года стало возможным часть этого сбора оплачивать деньгами, в 132—133 (1624—1625) годах вместо хлебных запасов платили только деньги, а в 134 (1625/26) году повинность была прекращена и возобновилась только в год начала Смоленской войны в 1632 году. Одновременно были приняты меры к развитию сибирской

пашни³⁴. В других частях страны в самом начале царствования Михаила Федоровича были приняты меры к восстановлению ямской гоньбы. Грамоты о взимании новых ямских денег известны с декабря 1613 года. В 1618—1620 годах оклад ямских денег был в 800 рублей с большой сохи (в одной сохе — 800 четвертей), потом он стал последовательно понижаться и в 1621 году составил 584 рубля, а в 1622 году достиг 484 рублей, то есть снизился почти наполовину. Такой и даже несколько меньший оклад в 400 рублей с сохи продержался опять только до начала Смоленской войны, когда сборы снова стали расти³⁵. Похожая эволюция происходила еще с одним налогом, введенным при Михаиле Федоровиче, — хлебными запасами ратным людям на жалованье. Около 1619—1620 годов устанавливается порядок его уплаты в виде юфтей (двух четвертей, одна — ржи, другая — овса). Одновременно оклад этого налога был уменьшен вдвое, с сохи взималось 200 четвертей ржи и овса или по 2 рубля за юфть. С 1621 года плательщики этого налога стали чаще получать разрешение на уплату его деньгами, а не хлебом, крупами и толокном, как это было раньше, когда уплатить налог в денежной, а не натуральной форме можно было только по особым подписным челобитным. Новый оклад увеличивался только один раз за 20 лет, в 1621/22 году, когда была велика вероятность новой войны с Речью Посполитой. Его резкое повышение произошло уже в конце царствования Михаила Федоровича в 1641—1642 годах³⁶.

Впрочем, обольщаться относительно понижения окладов не стоит. Даже уменьшенные оклады ямских денег и стрелецкого хлеба были несопоставимы по своей тяжести со старыми повинностями. По словам С. Б. Веселовского, «эти два новые налога раз в десять превосходили старое посадское обложение и раз в двадцать-тридцать — уездное»³⁷. По-настоящему новым в экономической жизни Московского государства после возвращения патриарха Филарета стало изменение структуры налогов и повинностей, переход от прямого обложения к косвенному. Произошло замещение двух новых налогов — на содержание ямской гоньбы, а также стрелецкого и казачьего хлеба таможенными и кабацкими сборами. В 1619 году первые занимали около 62% всех сборов, тогда как в 1626 году их доля снизилась до 18%. Динамика сборов с таможен и кабаков была противоположной: с 25% они выросли до 77%³⁸.

Таким образом, становится понятнее, за счет чего государство стало «приходить в достоинство», а население богатеть уже в первые несколько лет, а возможно, даже месяцев

после возвращения патриарха Филарета. Это отмечали и посторонние наблюдатели. Так, татары, побывавшие около этого времени в Москве, сообщали в Крым, «что ныне богаче люди старово на Москве»³⁹.

На земском соборе 1619 года была продемонстрирована готовность московского правительства решать самые насущные вопросы, накопившиеся ко времени окончания Смуты. А дальше была проявлена определенная воля в том, чтобы отказаться от своеобразной «запросной» практики, сложившейся в первые годы царствования Михаила Федоровича. Государство стало использовать деньги не как раньше, «для латания дыр» или для предотвращения еще больших военных и территориальных потерь, а как инструмент своей политики и строительства. Цель была проста и очевидна: подготовиться к реваншу в новой войне с Речью Посполитой. Но при этом московское правительство понимало, что населению нужна передышка, и готово было потрудиться, чтобы такую передышку предоставить.

Этому, казалось бы, противоречит решение земского собора 1621 года о подготовке к войне с Речью Посполитой. Но на самом деле война тогда так и не состоялась. Решение собора во многом носило декларативный характер. Заключение перемирия между Московским государством и Польшей вызвало активное неприятие крымского хана, обвинившего царя Михаила Федоровича в нарушении договоренностей и в «недружбе». Царь и патриарх совместно искали выход из создавшегося положения, пытались убедить крымских дипломатов в том, что примирение «ненадолго» и заключено лишь для того, чтобы возвратить из плена царского отца («а учинил государь с королем перемирья не надолго для высвобождения отца своего, преосвященного митрополита, и бояр, которые были в Польше ото всего государства в послех... а высвободя государь отца своего и бояр, с королем велит опять войну всчать»)⁴⁰. Во многом это соответствовало действительности. Но ведь сил на новую войну у Московского государства в тот момент явно не было! Чтобы предотвратить угрозу татарского похода на Русь, нужно было подтвердить слова делом, и одних «поминков» (подарков) крымскому царю могло не хватить. Потому-то, едва заключив перемирие с Речью Посполитой, Московское государство уже на соборах 1620—1621 годов обсуждало возможность вступления в новую войну с нею.

Еще в 1620 году, видимо, состоялся первый собор, посвященный проблемам русско-польских отношений. Земский же собор 12 октября 1621 года едва не подвел Московское

государство к началу военных действий. Собор этот проходил под «присмотром» турецкого посла Фомы Кантакузина, приехавшего для создания коалиции Турции, Крыма и России против Речи Посполитой. Заключение такого союза было и в интересах Швеции, дипломаты которой действовали по известному принципу: враг моего врага — мой друг.

На соборе от имени царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича была произнесена речь «о неправдах и о крестопреступленьи искони вечного врага Московскому государству, полского и литовского Жигимонта короля и сына его Владислава и полских и литовских людей»⁴¹. Перечисляя проблемы, накопившиеся со времени Деулинского перемирия, говорили о «задорах с литовские стороны» и претензиях соседей на «государевы земли». Новая граница давала широкий простор для всевозможных махинаций: каждая сторона стремилась поставить на спорной земле свои слободы, обещая людям различные льготы. Споры возникали при заведении будных станов и выделке селитры, рыбной ловле на пограничных реках и угодьях в Путивльском, Брянском, Великолукском и Торопецком уездах. По-прежнему, несмотря на возвращение наиболее известных пленников, оставалась нерешенной проблема людей, задержанных в Польше и Литве: «а держат их в неволе и в поруганье».

Но как самую большую обиду царю Михаилу Федоровичу в Москве расценили пропуск его царского титула послами Речи Посполитой Александром Слизнем и Николаем Анфоровичем, приехавшими в октябре 1620 года, а также «урядниками» и «державцами» литовских городов, по-прежнему писавшими московским царем королевича Владислава. К тому же послы вместе с панами рады покусились на то, чтобы оспорить степень родства царя Михаила Федоровича с царями Иваном Грозным и Федором Ивановичем. А это был ключевой пункт, дававший неоспоримую уверенность в полноте прав на престол новой московской династии. С легкой руки патриарха Филарета Никитича в Московском государстве стали называть бывшего царя Федора Ивановича «дядей» царя Михаила Федоровича, а царя Ивана Грозного — его «дедом». Хотя на самом деле царь Михаил Федорович приходился внучатым племянником первой жене Ивана Грозного Анастасии Романовне, а царь Федор Иванович был его двоюродным дядей по матери. Польские и литовские дипломаты решили последовать выгодному для них буквальному счету родства, задев тем самым родственные чувства царя Михаила Федоровича. Как было сказано на со-

боре, в посольских документах Александра Слизня и Николая Анфоровича «от царского сродства его государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии отчитают, деда его государева царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии дедом, а сына его дяди годсударева царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии дядею писать не велят»⁴².

Выборным на соборе было предложено поддержать поход турецкого султана Османа в Речь Посполитую, начатый в апреле 1621 года. Как полагали, настало самое подходящее время для того, чтобы вернуть потерянные города: «и города б Московского государства, что взял полской король, от него поотбирали как тому ныне время настоит; а толко ныне то время минует, и вперед будет того отыскивать не мочно». Не были скрыты и тяжелые дипломатические последствия отказа от такой поддержки: «большая недружба» с турецким султаном, крымским царем и шведским королем. Это предопределило решение собора. Представители сословий «били челом» царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу, чтобы они «стояли крепко» против Сигизмунда III. Служилые люди клялись, что они «ради битися, не щадя голов своих», а гости обещали помощь государственной казне, «ради с себя давати денги, как кому мочно, смотря по их прожитком».

Единственное, о чем просили служилые люди на соборе, так это о проведении разбора в городах, «кому мочно их государева служба служити, чтоб дворяне и дети боярские, никаков человек в избылых не был». Это соответствовало обоюдным интересам власти и служилого сословия. Уездному дворянству, как мы знаем, давно уже был обещан большой «сыск» окладов, в ходе которого можно было бы решить массу вопросов, и прежде всего о статусе уездных дворян, которые, как и посадские люди, находили возможность избывать службу, уходя в холопы к боярам и «сильным людям» или просто не записываясь в службу, когда приходило время верстания новиков. Разборные десятни могли помочь разобраться с окладами поместного и денежного жалованья, учесть действительные пожалования и отсечь мнимые прибавки, полученные от нелегитимных правительств Смутного времени. Запись в разборной десятне для уездного служилого дворянина становилась своеобразным пропуском в местную элиту, в число служилых людей «по отечеству», как их самих, так и их детей. Такой разбор был очень полезен перед войною, поскольку позволял лучше узнать состав поместной конницы будущего войска и заранее заготовить

полковые списки, по которым потом проводить смотры и сыскивать нетчиков. Правда, на организацию такого разбора требовалось немало времени, но зато он мог стать хорошей отговоркой в случае, если бы союзники начали упрекать Москву в невыполнении своих обещаний вступить в войну на их стороне.

О решении, принятом на соборе, сообщают разрядные книги: «Они государи (то есть царь и патриарх. — В. К.) приговорили за злые неправды стояти на литовского короля, и в городех бы дворяне и дети боярские и всякие служивые люди на государеву службу были готовы»⁴³. Во исполнение этого приговора по замосковным и украинным городам были посланы специально «для розбору» пять бояр, пять дворян и стольников, в комиссии с дьяками: во Владимир и Муром — князь Иван Федорович Хованский, в Ярославль — боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, в Кострому и Галич — боярин князь Григорий Петрович Ромодановский, в Тверь и Кашин — стольник князь Федор Семенович Куракин, в Нижний Новгород — боярин князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский, в Вологду — стольник Иван Иванович Салтыков, в Рязань и Шацк — боярин князь Юрий Яншеевич Сулешев, в Тулу — князь Федор Иванович Лыков, в Калугу — боярин Борис Михайлович Салтыков, в Белев и Мценск — князь Иван Михайлович Барятинский. Кроме того, часть дворян и детей боярских было «велено розбирати бояром, и воеводам, и диаком», которые находились в городах «по службам». Эти назначения коснулись воевод городов «от Немецкой украины» — Новгорода, Пскова, Великих Лук, Торопца, а также северских и польских городов — Брянска, Путивля, Курска, Белгорода, Оскола, Воронежа, Ельца и Ливен. Служилых людей низовых городов разбирали в Казани. Несмотря на то, что война с Польшей так и не состоялась, этот разбор остался своеобразной вехой в развитии служилого сословия, а уездные дворяне и дети боярские могли в полной мере связывать его с возвращением в Москву патриарха Филарета.

Между тем прения о титулах продолжились и после земского собора 1621 года. Из Москвы в Литву прямо с собора был отправлен гонец Григорий Борняков, которому поручили последний раз предупредить «панов рады» о недопустимости умаления царского титула. Миссия Григория Борнякова свидетельствует о том, что в Москве продолжали тянуть время, демонстрируя воинственность и настойчивость в отстаивании своих интересов, но все-таки не разрывая отношений, а напротив, предпринимая дипломатичес-

кие усилия для нормализации отношений. Татарская война, обрушившаяся на Речь Посполитую, имела тяжелейшие последствия для страны, и все же в Речи Посполитой, видимо, были уверены в том, что Москва не скоро оправится и не сможет угрожать польскому королю. Во всяком случае, в дипломатических отношениях с Московским государством поляки продолжали вести себя с позиции силы и совершенно не считались с чувствами царя Михаила Федоровича и его подданных. В ответ на ультиматум, посланный с Григорием Борняковым, в Речи Посполитой даже не послали своего гонца, как того требовал дипломатический этикет. Русскому гонцу была вручена грамота с новыми «задорами»: королевича написали с титулом, который когда-то присвоил себе Лжедмитрий I, «многих государств государем и обладателем»; вновь вспомнили, что королевича избрали московским царем «бояре и вся земля», «и вперед того у королевича отняти не мочно», а потому предлагали московским боярам обращаться напрямую к королевичу со своими нуждами, а царя Михаила Федоровича писали «просто без нашего государьского именованья». Содержались в грамоте и прежние оскорбления по поводу родства царя Михаила Федоровича с пресекшейся династией Рюриковичей («и нас от государьского сродства отчитают и царским сродичем писать не велят»), но теперь они дополнялись новым обидным генеалогическим аргументом. На этот раз от панов рады досталось Ивану Грозному: «что он государь родился от Глинские княжны, а Глинской де князь полскому королю изменник, а Глинские де князи служат полскому королю и ныне». Это был тупик...

После того как 2 февраля 1622 года гонец Григорий Борняков возвратился, прошло еще одно соборное заседание, на котором было подтверждено старое решение о царском походе против польского короля «с Божьею помочью за свою государьскую честь и за свое государство». 23 февраля 1622 года был принят указ о большом сыске поместных и денежных окладов всех чинов служилых людей, от Государева двора до последних дворцовых служителей. С этой целью создавался особый Сыскной приказ в составе окольного Семена Васильевича Головина, Юрия Игнатьевича Татищева и дьяков Алексея Шапилова и Петра Микулина⁴⁴. 14 марта 1622 года служилым людям было велено готовиться и ожидать грамот о выходе на службу: «и указали есмя с собору бояром нашим и воеводам и дворянам и детям боярским всех городов и всяким служилым людем быти на нашу службу готовым тотчас, а ожидати о службе наших грамот»⁴⁵.

Так состоялось последнее решение последнего земского собора в славной череде подобных собраний, традиция которых шла от подмосковных ополчений 1611—1612 годов. По иронии судьбы служилые люди не дождались ни обещанных грамот о выступлении в поход, ни продолжения земских соборов до смерти патриарха Филарета Никитича. Но вряд ли патриарх целенаправленно стремился к прекращению практики соборных заседаний. Скорее сказалось другое. Соборы хорошо проявили себя как удобная форма совета царя и «всей земли» в чрезвычайных условиях. И дело не в том, что рядом с царем встал еще один «великий государь» — патриарх Филарет Никитич. Главная причина прекращения деятельности земских соборов состоит в том, что начиная с 1622 года война и чрезвычайщина ушли на какое-то время в прошлое, позволив заняться повседневным обустройством Московского государства.

ДЕЛА ЦЕРКОВНЫЕ

Далеко в прошлое ушли и те времена, когда будущий патриарх Филарет тяготился иноческим клобуком, вспоминая о былой мирской жизни в заточении в Антониевом-Сийском монастыре. Когда Филарет Никитич оказался отлучен от активных дел и находился под домашним арестом в Мариенбурге, у него оставалось много времени для раздумий, и вряд ли можно ошибиться, предположив, что именно чтение книг Священного писания составляло его основной досуг.

Возвратившись в Москву, патриарх Филарет легко вмешался в споры современных ему московских богословов, и не только по должности, как глава русской православной церкви, но и по глубокой убежденности в божественном освящении его знания церковных текстов. В то время в Москве уже в течение нескольких лет продолжалась очень нехорошая история с исправлением книг, в которую оказался втянут архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий. Все началось 24 октября 1615 года с того, что знаменитый келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын вызвал «государевым словом» троицкого канонарха старца Арсения Глухого и библиотекаря Антония «для государева дела, что правити книга Потребник в печатное дело». К ним примкнул оказавшийся в то время в Москве поп Иван Наседка: сам он служил в селе Клементьево, но семья его жила «у Троицы». Иван, по словам старца Арсения Глухого,

«сам на государево дело набился», выхлопотав грамоту у боярина Бориса Михайловича Салтыкова.

Все эти люди были «самоуки». Но они обладали уже достаточными знаниями греческого языка и хорошо разбирались в приемах работы с текстами русских церковных книг, чтобы увидеть, как много накопилось разночтений и ошибок по сравнению с греческими оригиналами. Понимая, что самим им сложно будет внести исправления в устоявшийся текст богослужебных книг, они попытались опереться на авторитет своего архимандрита, прославившегося в дни обороны Лавры и организации земских ополчений. В ноябре 1616 года по новому царскому указу исправление Потребника было поручено архимандриту Дионисию, Арсению Глухому и Ивану Наседке (библиотекарь Антоний заболел); разрешалось привлекать к работе и других грамотных старцев Троице-Сергиева монастыря. Впоследствии Дионисий скажет о своей работе так, как мог бы сказать только настоящий ученый: «Безо всякия хитрости сидели полтора года день и ночь». Начинатель всего дела, Арсений Глухой, напротив, рассуждал как политик и, надо сказать, политик прозорливый, убеждая архимандрита Дионисия: «Откажи дело государю. Не сделати нам того дела в монастыре, без митрополичьего совета. А привезем книгу, исчерняя, к Москве, и простым людям будет смутно».

Своей ученой работой архимандрит Дионисий невольно задел двух старцев: головщика Логина и уставщика Филарета. Их авторитет утверждался иначе, чем авторитет кроткого архимандрита Дионисия. Логин прославился среди монастырской братии сильным голосом и умением красиво читать тексты, иногда даже с искажением смысла; к любой критике окружающих, в том числе и монастырских властей, он относился с обычной агрессивностью невежества. В пользу Филарета свидетельствовал почтенный срок его пребывания в Троице-Сергиевом монастыре и сорокалетняя служба уставщиком. В смутные времена оба участвовали в издании книг, в том числе напечатанного в 1610 году Типикона, ошибки в котором и обнаружил архимандрит Дионисий.

В отсутствие патриарха духовную цензуру осуществлял крутицкий митрополит Иона. В 1618 году при участии матери царя, великой старицы инокини Марфы Ивановны, он организовал церковный суд для рассмотрения дела книжных справщиков. Обвинителями на нем выступили те же Логин и Филарет, которые лично были заинтересованы в том, чтобы опорочить ученую работу архимандрита Дионисия. Как всегда бывает в таких случаях, в дело шли любые аргумен-

ты, лишь бы достичь главной цели — обвинить врагов в ерестичестве. Так, комиссия архимандрита Дионисия сделала рядовое исправление в молитве водоосвящения: во фразе из Потребника: «Прииди, Господи, и освяти воду сию духом своим святым и огнем!» были изъяты слова «и огнем». Это и стало предлогом для травли и последующего заточения правщиков: «Духа святого не исповедуют, яко огонь есть». Более того, был распушен нелепый слух, что в Московском государстве появились некие люди, которые хотят «огонь из мира вывести». Чему только не верили тогда москвичи, готовые дрекольем побить умствующего архимандрита! Дионисий же с христианским смирением воспринял обрушившиеся на него несправедливые обвинения: «Денег у меня нет, да и дать не за что; плохо чернецу, когда его расстричь велют, а достричь — то ему венец и радость. Сибирью и Соловками грозите мне: но я этому и рад, это мне и жизнь».

Едва ли не первое, за что взялся патриарх Филарет Никитич после своего возвращения из плена и поставления на патриаршество, был пересмотр дела об обвинениях архимандрита Дионисия. 2 июля 1619 года в присутствии царя Михаила Федоровича и двух патриархов состоялся ученый спор, длившийся более восьми часов. Правота архимандрита Дионисия была доказана, а сам он удостоился царской похвалы. Дионисия возвратили на игуменство в Троице-Сергиев монастырь. Изменения произошли и в судьбе старца Арсения Глухого, взятого из темницы к книжной справе на Печатный двор. Иван Наседка стал ключарем кремлевского Успенского собора. Но пресловутое добавление («прилог»): «и огнем» было исключено из чина Богоявленского водоосвящения только 9 декабря 1625 года, когда в Москве получили авторитетное заключение от иерусалимского и александрийского патриархов⁴⁶.

Другая проблема, вынесенная патриархом на рассмотрение освященного собора 16 октября 1620 года, была связана с крещением в православие христиан других исповеданий — католиков и униатов. Патриарх Филарет Никитич требовал перекрещивания всех, кто крестился не в три погружения, не принимая никаких компромиссов в виде миропомазания (так было, например, с Мариной Мнишек, помазанной миром патриархом Игнатием в Успенском соборе в день бракосочетания с Лжедмитрием I) или наложения епитимьи. Богословская логика патриарха Филарета Никитича была проста: опираясь на правила Шестого Вселенского собора, он требовал от «латинян» самого радикального способа воссоединения с «истинной» православной церковью, считая их

главными еретиками. Строгости применялись даже к православным выходцам из Речи Посполитой («белорусцам»): все они должны были перекрещиваться в три погружения, если только не могли доказать, что уже проходили такой обряд. Несомненно, что столь жесткая позиция патриарха повлияла на последующие отношения между Московским государством и Речью Посполитой⁴⁷.

Внутренняя неприязнь ко всему связанному с «латинством» и Литвой отразилась и на отношении патриарха Филарета к книгопечатному делу. Правда, поначалу он допустил бытование печатной продукции православных Львовской, Виленской и Киево-Печерской типографий в пределах Московского государства. Но только до тех пор, пока не была в полной мере возобновлена деятельность Приказа книгопечатного дела. В 1620-е годы его продукция была разнообразной и многочисленной. При патриархе Филарете Никитиче напечатали весь цикл богослужебных книг (некоторые не по одному разу): Евангелие, Псалтырь, Апостол, Требник, Служебник, Часослов, Минея общая и минейный «круг» из 12 томов, Октоих, Канонник, Триодь Постная и Цветная, Шестоднев, Учительное Евангелие. Патриарх лично «досматривал» книги и однажды сурово наказал наборщика, пропустившего некоторые статьи в Потребнике, заставив допечатать необходимые листы и вставить их в книгу⁴⁸. С 1627 года началось изъятие некоторых книг «литовской печати», в частности Учительного евангелия Кирилла Транквиллиона (впрочем, осужденного до этого на соборе в Киеве). Изъять же полностью книги не «московской печати» тогда еще не могли, справедливо опасаясь оставить церковь «без пения».

В первые годы патриаршества Филарета состоялась канонизация двух святых — Макария Унженского (его память празднуется 25 июля) и Авраамия Чухломского и Галицкого (20 июля). Получивший в 1621 году по царскому повелению и благословению патриарха назначение в Сибирь архиепископ Тобольский Киприан организовал прославление еще и «атамана Ермака Тимофеева сына Поволсково и дружини его, храбравших в Сибири над нечестивыми агарани». Киприан прославился ранее в Новгороде организацией сопротивления шведам. Теперь он распорядился записать в синодики имена казаков и почитать их «со протчиими, пострадавшими за провославие»⁴⁹. Но, пожалуй, наибольший резонанс вызвало и наибольшее значение для Московского государства в царствование Михаила Федоровича имело другое событие — присылка персидским шахом Аббасом I в Москву в подарок части Ризы Господней. Кизылбашский

посланник «грузинец» Урусамбек (Русамбек, то есть Русинбек) после передачи обычного дипломатического поклона на приеме 11 марта 1625 года поднес патриарху Филарету «ковчег золот с камением, с лалами и с бирюзами, а в нем великаго и славнаго Иисуса Христа срачица (риза. — *В. К.*)»⁵⁰. Об этом даре в Москве, конечно же, знали заранее — из переписки со своими посланниками в «Кизылбашах», и даже организовали предварительное расследование, чтобы удостовериться в подлинности Ризы. Обретение одной из величайших христианских святынь подтверждало высокое духовное значение Московского царства, давало сильный аргумент сторонникам идеи о «Москве — новом Иерусалиме», утверждавшейся тогда московскими книжниками⁵¹. Удача казалась настолько невероятной, что даже по прибытии святыни в Москву патриарх Филарет проявил осторожность и указал провести церковное освидетельствование «той святыни, что называют Христовою срачицею», не доверяя тому, что она «прислана от иноверного царя Аббаса Шаха».

По «досмотру», произведенному на патриаршем дворе самим патриархом Филаретом, крутицким митрополитом Киприаном и оказавшимся в тот момент в Москве греческим архиепископом Нектарием, оказалось, что «в том ковчезце часть некая полотняная, кабы красновата, походила на мели (льняная ткань. — *В. К.*), или будет от давних лет лице изменила, а ткана во лну». Это была, собственно, не вся Риза, а ее фрагмент «в длину и поперег пяди», то есть размерами примерно 19x19 сантиметров. 18 марта 1625 года, спустя неделю после получения дара шаха Аббаса I, о святыне было объявлено царю Михаилу Федоровичу. Только тогда выяснилось, что именно смущало патриарха Филарета, помимо происхождения святыни: под «частью некой», как осторожно называли фрагмент Ризы, «писаны распятие и иные страсти Спасовы лытынским писмом, а латыняне еретики». Церковная комиссия вместе с царем Михаилом Федоровичем «уложили» «тое святыню свидетелствовати чудесы, и с молебным пением полагаати на болящих, и извествовати чудесы, яко же хоцет святая воля Божия, тако и сотворит, понеже истиннаго свидетелства о той святыне несть, а неверных слово без испытания во свидетелство не приемлется». Миссия эта была возложена на доверенного архимандрита Новоспасского монастыря Иосифа и крестовых дьяков Ивана Семенова и Михаила Устинова, которые «по повелению царя и святителя к болящим хождаху, и молебная совершающе, и святыню оную на когождо болящих полагаху». Уже с 23 марта 1625 года до патриарха стали

доходить сведения об исцелениях и облегчении болезней, полученных у Ризы. Все такие случаи тщательно протоколировались, до 3 сентября 1625 года было записано 67 чудес. Исцеления продолжались и впоследствии, когда было принято решение об установлении нового праздника Ризы Господней 27 марта.

Ризу торжественно поместили сначала у церкви Благовещения, а потом внесли в соборную Успенскую церковь, где, как сообщает «Новый летописец», «положиша в ковчег злат и постави на гробе Господни и отрезаша у ней две части. Едину убо положиша в ковчеге и тое ношаху ис Соборной церкви по всем болящим, а другую в крест. Той же крест бысть у государя в верху»⁵².

Помещение креста с частью Ризы в домашних покоях царя Михаила Федоровича свидетельствовало о том, что этот дар воспринимался им как символ небесного покровительства царским делам. Связь обретения Ризы Христовой в православной стране с именем царя Михаила Федоровича была подчеркнута посылкой частиц Ризы в Костромской Ипатьевский монастырь, откуда началась романовская династия, а также в храм Ильи Пророка с Ризоположенским приделом в Ярославле, где царь Михаил Федорович останавливался после избрания на русский престол в 1613 году. (Совсем недавно ярославский фрагмент Ризы был вновь обретен в хранилище музея-заповедника.)

Глава седьмая ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Царские свадьбы. —
«Жедательный елень». —
Два правителя

Обстоятельства жизни научили Михаила Федоровича ценить родственную преданность. В самое тяжелое время опал и гонений на Романовых он выжил только благодаря семейной солидарности и навсегда остался в долгу у своих тетушек — княгини Марфы Никитичны Черкасской и Анастасии Никитичны Романовой, воспитавших мальчика и его сестру. Он не забыл и тех своих родственников, с кем совсем маленьким ребенком провел несколько лет в Клинах. Иван Никитич Романов и князь Иван Борисович Черкасский были главными его советниками во все время царствования. Как известно, Михаил Федорович приблизил к себе

и родственников матери, братьев Салтыковых и Константина Михалкова — надо думать, также в воспоминание о поддержке, оказанной старице Марфе Ивановне и ее детям в трудные годы. И не его вина была в том, что эти «ближние люди» первых лет его царствования не всегда могли соответствовать царской благодарности. Михаил Федорович питал теплые родственные чувства и к сестре Татьяне, о чем свидетельствует приближение ко двору ее мужа, князя Ивана Михайловича Катывева-Ростовского.

Выше уже говорилось, что насильственное отлучение Михаила от родителей должно было привести новые оттенки чувств в его сыновнюю любовь, истоки которой нужно искать, конечно, не в приписываемом царю безволию, а в этике христианской добродетели. Если другие могли не ценить возможность находиться рядом со своими отцом и матерью, то Михаил Федорович должен был воспринимать это не иначе как Божий дар. Вот почему ему так тяжело было идти против воли своих родителей, когда это стало необходимым в годы царствования.

ЦАРСКИЕ СВАДЬБЫ

Неудачная попытка первой женитьбы царя на Марии Хлоповой уже давно рассматривается как своеобразная «модель» для понимания первых лет царствования Михаила Федоровича. Эта традиция идет от С. М. Соловьева, написавшего в своей «Истории России»: «Дело Хлоповой всего лучше показывает, что делалось без Филарета во дворце, и кто были люди, осыпанные царскими милостями и не хотевшие никого другого видеть у царя в приближении». Действительно, эта неудача стала главным поражением молодого царя, не сумевшего воспротивиться воле матери и отстоять свое право жениться на той, кого и в самом деле полюбил. Но такая трактовка событий была бы слишком легковесным вторжением в этот деликатный сюжет. Ведь дело было не просто в отношениях двух молодых людей. Речь шла о продолжении только что появившейся династии, и никаких ошибок здесь не должно было быть.

Дело о первой царской свадьбе началось в 1616 году. Царю Михаилу Федоровичу исполнялось двадцать лет. В Московском государстве больше не имелось опасных претендентов на трон, главные враги царя — казаки — потерпели поражение под Москвой. Конечно, внешнеполитические проблемы оставались, да и внутри государства было полно

неустройств, но восстановление страны уже шло. Михаил Федорович, старавшийся во всех своих делах примериваться к тому, «как при прежних прирожденных государях бывало», в деле собственной женитьбы поступил по-другому. Сведения о смотре царских невест, как это было при Иване Грозном, в источниках начала XVII века не сохранилось. Где мог увидеть царь Марию Ивановну Хлопову, почему такой прочной оказалась его привязанность к ней, неизвестно. Обычно, за неимением источников, историки даже не пытаются ответить на эти вопросы. Но некоторые соображения все же можно высказать.

Известно, что Хлоповы принадлежали к рядовому дворянству. Следовательно, царь действовал как частный человек, не имея в виду какие-либо политические расчеты. В противном случае он остановил бы свой выбор на дочери какого-нибудь князя или боярина, не говоря уже об иностранке, что редко, но бывало в практике московских государей. Между тем «Новый летописец» приводит сведения о самом неожиданном и совсем не подходящем пересечении судеб представителей рода Романовых (причем самого Михаила Федоровича) и Хлоповых. Когда семья Романовых и их родственников была переведена в село Клины, то приставами у них оказались Давыд Жеребцов и Василий Хлопов. К этому времени преследование Романовых было ослаблено, от приставов требовались только осторожность и точное следование наказу. Если бы приставы отличались излишним рвением в отношении ссыльных, летописец, надо думать, не преминул бы упомянуть об этом. Позднее представители этих родов продолжали служить по «московскому списку». История с Иваном Сусаниным показывает, что Романовы никогда не забывали о людях, оказавших им услуги во время ссылки. Поэтому кажется возможным предположить, что знакомство будущего царя Михаила Федоровича со своей невестой произошло еще в детстве. Впрочем, с тем же успехом можно посчитать, что старица Марфа Ивановна не приняла выбор сына из-за своих неприятных воспоминаний, связанных с приставством Василия Хлопова.

Почти ничего не знаем мы и о том, как и что происходило во дворце в 1616 году, кроме самого факта наречения Марии Ивановны Хлоповой царской невестой и того, что она была взята во дворец, где ей дали новое имя — Анастасия (вполне прозрачный намек на имя первой русской царицы Анастасии Романовны, сестры деда Михаила Федоровича). Известно и то, что свадьба не состоялась. Детали выяснились позднее, когда из польского плена вернулся па-

триарх Филарет, взявший устройство свадьбы сына в свои руки. В 1623 году он провел розыск дела о Марии Хлоповой. Возможно, это было сделано по желанию сына, чтобы понять, может ли Хлопова снова стать царской невестой. Проводили розыск ближайшие родственники царя бояре Иван Никитич Романов, князь Иван Борисович Черкасский (когда-то находившиеся под началом у пристава Василия Хлопова), а также Федор Иванович Шереметев. Тогда-то и всплыла неприглядная роль во всем произошедшем родственников матери царя братьев Салтыковых.

По словам дяди несостоявшейся царицы Гаврилы Хлопова, все началось с ничтожного случая, который можно было посчитать обычной ссорой между ним и оружничим Михаилом Салтыковым. Царь Михаил Федорович, как и его предшественники в XVI веке, любил показывать приближенным Оружейную палату. На этот раз гостями стали родственники невесты, а своеобразным «гидом» выступил глава Оружейного приказа Михаил Михайлович Салтыков. Когда царю поднесли турецкую саблю и все кругом стали нахваливаться иноземную работу, Салтыков вступился за собственных оружейников, заявив: «Вот невидаль, и на Москве государевы мастера такую саблю сделают». И надо ж такому было случиться, что государь передал саблю Гавриле Хлопову и задал ему ни к чему не обязывающий вопрос: а как он думает, и в самом ли деле сделают? Гаврила Хлопов, еще не искушенный в дворцовых интригах, ответил по-простому: «Сделать-то сделают, только не такую», и тем самым словно рубанул этой турецкой саблей по престижу оружничего. Но что-то, а уж «встречу» себе не терпели никогда не только государи, но и временщики. Салтыков вырвал злополучную саблю из рук Гаврилы Хлопова и обвинил его в том, что он ничего не смыслит в оружии; оба поговорили «гораздо в разговор».

Для Салтыковых это столкновение значило нечто большее, чем для Гаврилы Хлопова, «спроста» озвучившего, надо думать, весьма распространенное мнение, бытовавшее в служилой среде. Если еще не став царскими родственниками, Хлоповы проявили самостоятельность, то что же будет потом? И удастся ли Салтыковым и дальше сохранять свое влияние? Из-за этого и началась интрига против Анастасии-Марии Хлоповой. Спустя некоторое время после ее прибытия во дворец у нее открылась рвота, и Салтыковы тут же объявили, что болезнь неизлечима. А к их мнению должны были прислушаться, так как один из братьев возглавлял в 1616 году Аптекарский приказ и все доктора подчинялись ему. В 1623 году доктор Валентин Билыц и лекарь Балцер свидетельствовали

уже по-другому: причиной недомогания Марии Хлоповой было обычное желудочное расстройство. Гаврила Хлопов даже придумал ему «умное», по выражению С. М. Соловьева, объяснение: племянница будто бы переела невиданных ею раньше сладостей. Это действительно выглядит правдоподобным, тем более что и духовник, которому должны были поверить больше, чем докторам, также подтвердил, что болезнь у Марии скоро прошла и больше не возобновлялась.

Однако дело было сделано. Марию Хлопову от двора отстранили. Более она уже не рассматривалась в качестве возможной невесты государя.

Гнев патриарха, когда вскрылись все обстоятельства этого дела, был страшен. Салтыковых обвинили в том, что они «государской радости и женитьбе учинили помешку», лишили всего и отослали в дальние города. В указе об их ссылке за «измену» прорвалось то, о чем тайно судачили в Московском государстве: «А государская милость к вам и к матери вашей не по вашей мере; пожалованы вы были честью и приближеньем больше всех братья своей, и вы то поставили ни во что, ходили не за государевым здоровьем, только и делали, что себя богатели, дома свои и племя свои полнили, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтоб вам при государской милости, кроме себя, никого не видеть (явный намек на дело Хлоповой. — В. К.), а добротства и службы к государю не показали».

Памятником всем этим событиям остались два дела из царского архива, хранившиеся рядом друг с другом: «Столпик и дело сыскное и ссылка Бориса да Михаила Салтыковых 132-го году» и «Дело 132-го, как был собор о Марье Хлопове»⁵³.

С приездом патриарха Филарета грядущий брак царя Михаила Федоровича попытались устроить уже не в соответствии со старыми московскими обычаями, а с учетом возможных внешнеполитических выгод. В династических расчетах полностью исключались католички (хватило одной Марины Мнишек), и взор дипломатов обратился в сторону протестантских стран, из которых самой подходящей казалась Дания. Еще царь Борис Годунов получил согласие датского двора на женитьбу «королевича Егана» (Иоанна) на Ксении Борисовне Годуновой. Однако по приезде в Россию королевич неожиданно заболел и умер, и тело его, по свидетельству «Нового летописца», было погребено «в слободе в Кукуе у ропаты немецкой»⁵⁴. К датскому двору решили обратиться и на этот раз. В 1621 году к королю Дании Христиану отправились послы князь Алексей Михайлович Львов и дьяк Ждан Шипов. В наказе им была сформулирована цель по-

сольства: «По милости Божией великий государь царь Михаил Федорович приходит в лета мужского возраста, и время ему государю приспело сочетаться законным браком; а ведомо его царскому величеству, что у королевского величества есть две девицы, родные племянницы». Одну из них послы Михаила Федоровича и просили от имени царя выдать за него замуж «которая к тому великому делу годна».

В датской королевской семье, конечно же, не забыли о судьбе несчастного королевича, а потому боялись далекой страны, тем более что непременным требованием русской стороны была смена веры невестой (в наказе послам давались подробные инструкции на этот счет). Не отличалось рыцарским политесом и само предложение сразу к двум племянницам: с одной стороны, короля просили дать согласие, а с другой, послам наказывали сделать свой выбор, не заботясь о личных симпатиях и антипатиях девиц как в отношении жениха, так и вообще в отношении смотрин. Но то, что считалось само собой разумеющимся в Московском государстве, в Европе могло вызвать и отторжение. Очень любопытны в этом документе указания на поиск требуемых добродетелей для идеальной кандидатуры в царицы: «смотреть девиц издалека внимательно, какова возрастом, лицом, белизною, глазами, волосами и во всяком приращенье и нет ли какова увечья». «Годной» признавалась та невеста, которая «была здорова, собою добра, не увечна и в разуме добра». Под предлогом «дипломатической» «болезни» датский король благоразумно уклонился от переговоров, а с ближними королевскими людьми не захотел разговаривать сам московский посол. Так сватовство к датским принцессам расстроилось.

В 1623 году в Московском государстве вновь взглянули в сторону Скандинавии в поисках возможной царской невесты. Предтечей будущих союзных отношений со Швецией в Тридцатилетней войне могло стать сватовство к Екатерине, сестре бранденбургского курфюрста и одновременно сестре жены короля Густава-Адольфа. Острие такого союза, скрепленного родственными узами, естественно было направлено против общего врага — Речи Посполитой. Но и в этом случае вопрос смены веры оказался непреодолимым.

Оставалось выбирать жену по старинке, из своего отечества. И снова не видно, чтобы для Михаила Федоровича был организован какой-то смотр невест. Да этого и не требовалось. Приглашая племянницу датского короля в Московское царство, послы говорили, что «у великого государя на дворе честных и старых боярынь и девиц отеческих дочерей много». Можно думать, что будущий имперский институт фрей-

лин в зачатке существовал уже в кремлевских теремах. Выбор царя пал на дочь боярина князя Владимира Тимофеевича Долгорукова — Марью. Вряд ли тут имелись в виду какие-то особенные заслуги князей Долгоруковых, младшей ветви князей Оболенских, выдвинувшейся в опричнину. Скорее наоборот. «Новый летописец», который не мог пройти мимо служб отца царской жены, вынужден был сообщать не о ратных победах, а о том, как воевода князь Владимир Тимофеевич оставлял города или попадал в плен. Еще при царе Федоре Ивановиче в 1593/94 году он был послан на Кавказ ставить города Койсу и Терки (Терек): в первом из них он оставался воеводой несколько лет, пока уже в начале царствования Бориса Годунова горцы, обратившиеся за поддержкой к Турции, не выбили русские войска из обоих городов. Терки храбро защищали; «все воеводы и ратные люди на том стаща, что ни единому человеку живу в руки не датися». В итоге почти все погибли, а в плен взяли лишь немногих, которые «от ран изнемогоша». По другому было с Койсой. Узнав о поражении, воеводы «град Койсу сожгоша, а сами отойдоша на Терек». Затем уже в Смутное время князь Владимир Тимофеевич Долгоруков был захвачен в плен отрядом Александра Лисовского в Коломне в 1608 году. И, наконец, самая известная и самая неудачная служба боярина: именно князь Владимир Тимофеевич Долгоруков был послан проводить семью сандомирского воеводы Юрия Мнишка из Московского государства в Речь Посполитую. И именно он позволил тушинскому отряду перехватить Марину Мнишек и отвезти ее к Лжедмитрию II, создав проблему, с которой вынуждены были справляться еще в начале царствования Михаила Федоровича. Как записал автор «Нового летописца», «ратные ж люди, кои проводили, розъехались по себе, а князь Володимер не с великими людьми прииде к Москве»⁵⁵. Вот уж, действительно, ирония судьбы. Будущий отец царской жены сопровождает жену самозванца!

Царь Михаил Федорович, «поговоря с отцем своим... и с своею матерью... и похотясь сочтатись законному браку», взял княжну Марью Владимировну Долгорукову в жены. Это произошло 18 сентября 1624 года. Был разработан подробный церемониал, показывающий, кто был тогда ближе всего молодому царю. Роль тысяцкого исполнял боярин князь Иван Борисович Черкасский, царскими друзьями были бояре князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и князь Дмитрий Михайлович Пожарский «со княгинями». Друзьями «з царицыну сторону» были: боярин Михаил Борисович Шеин и князь Роман Петрович Пожарский «з женами».

Судя по некоторым спискам свадебного разряда, старая боярская гвардия как будто ждала этого момента, чтобы выяснить старые споры. Их перессорило назначение первым «сидячим боярином» у царя князя Ивана Ивановича Шуйского. С ним местничался князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, первый «сидячий боярин» у государыни. Дальше всех в местническом споре пошел неудовлетворенный своей ролью на свадьбе князь Иван Васильевич Голицын, имя которого было написано следующим в списке «сидячих бояр» после князя Ивана Ивановича Шуйского. Князь Иван Васильевич Голицын местничался и с князем Иваном Ивановичем Шуйским, и с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, а в итоге вообще не явился на свадьбу. За этот неслыханный по дерзости поступок «его отдали за пристава... и после свадбы его сослали в Пермь Великую, там и умер»⁵⁶. Князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому местничество на свадьбе тоже принесло несчастье. Он был назначен на воеводство в Тобольск, где умер в 1625 году. Наконец, всего тяжелее были старые счеты («недружба») бояр Федора Ивановича Шереметева с отцом царицы боярином князем Владимиром Тимофеевичем Долгоруковым. Последний хоть и исполнил все, что требовалось, согласно свадебному разряду, но подал челобитную государю «о местах», которая оказалась плохим предвестником.

Свадебные торжества («радость велия») продолжались только один день. Что случилось с царицей — неизвестно, но на завтра она уже заболела. По терминологии того времени, царицу «испортили»: «И бысть государыня больна от радости до Крещения Господня». 7 января 1625 года, «в самое Крешенье», царица Мария Владимировна умерла и была похоронена с подобающими почестями в кремлевском Вознесенском монастыре.

В течение года царь соблюдал траур, а затем состоялась его вторая свадьба — с Евдокией Лукьяновной Стрешневой.

Отец царицы Лукьян Степанович Стрешнев и его предки происходили из рядового провинциального дворянства. В годы Смуты лишь Иван Филиппович Стрешнев добился существенного повышения местнической чести своего рода: в царствование Василия Шуйского он служил в думных дворянах. К началу царствования Михаила Федоровича из всех Стрешневых получил известность лишь Василий Иванович, служивший в стольниках. Другие Стрешневы заметны мало; так, например, жилец Степан Стрешнев в 1619 году возил царскую грамоту патриарху из костромского села Домнина.

Появление во дворце представителей младшей ветви

Стрешневых, в отличие от истории с Хлоповыми, не могло никого задеть. После 1616 года прошло целых десять лет, и за это время многое в обществе изменилось. Вернулась привычная и понятная людям иерархия. Да и трудно представить себе последствия царского гнева, если бы и в третий раз невеста по какой-либо причине оказалась «испорчена».

Как подчеркивал автор «Нового летописца», был повторен, без всяких изменений, чин царской свадьбы с Марией Владимировной Долгоруковой. Это касалось и назначенных на первой свадьбе тысяцких, дружек и свах. Но жизнь, как мы видели, сама внесла коррективы: князь Иван Иванович Шуйский остался первым среди «сидячих» бояр, остальные писались вместе с ним «с товарищи». Были приняты меры, чтобы пресечь челобитные, доставившие столько неприятностей на прежней свадьбе. Поэтому всем, кто участвовал в церемонии, «велено быти без мест». Специальный указ об этом должны были запечатать думные дьяки государственной печатью «для того, что вперед теми случаи никому в отечестве не считаться, и случаев ни у кого не приимати, и в место того никого не ставити»⁵⁷.

Церемония свадьбы царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны подробно расписана в «Дворцовых разрядах». Такие источники давно интересовали читателя. Еще в XVIII веке описания старинных царских свадеб были опубликованы в «Древней Российской вивлиофике» Н. И. Новикова. В 1785 году они выходили в отдельном издании, составленном М. Комаровым. П. П. Бекетов в 1810 году издал «лицевую» (иллюстрированную) рукопись разряда свадьбы царя Михаила Федоровича: «Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году, февраля 5 дня, при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государынею царицею Евдокиею Лукьяновною, из рода Стрешневых». Эти документы служили также историкам русского быта И. Сахарову, Н. И. Костомарову, М. Забылину и другим как источник для изучения свадебных обычаев.

Основные этапы царского свадебного церемониала не отличались от обычных свадеб, как одинаков был сам чин свадебного венчания. Хотя церемонии, происходившие во Дворце и в кремлевском Успенском соборе, с участием царя и всей боярской знати, несомненно, выглядели особенно пышно и великолепно. Главное было показать, что свадьба совершается «по их государскому чину, как бывало у прежних великих государей». 29 января 1626 года царь Михаил Федорович просил благословения своих родителей, «чтоб

ему государю сочтатися законному браку, в наследие рода его государскаго». За три дня до свадьбы невесту ввели во дворец и с этого времени стали называть царевною. Торжества начались в воскресенье 5 февраля 1626 года, когда «в неделю... после ранние обедни» царь Михаил Федорович приехал к своему отцу патриарху Филарету. Источники приводят слова, с которыми патриарх обратился к молодым: «И да узриши сына сынов своих и дщери дщерей твоих, и благочестивое ваше царство соблюдет ото всех ваших врагов ненаветно, распространит и умножит от моря и до моря и от рек до конец вселенная». Патриарх благословил царя Михаила Федоровича и его невесту образом Корсунской Божьей Матери, «обложен сребром сканью», а мать инокиня Марфа Ивановна даровала им «образ Спасов, обложен сребром чеканом, да образ Пречистыя Богородицы Одегитрия, обложен чеканом с камнем». Царь Михаил Федорович и его двор сначала объехали кремлевские Чудов и Вознесенский монастыри и Архангельский собор. Затем торжества начались в Золотой палате (средней), куда царь пришел из своих хором в сопровождении бояр и стольников, «нарядився в кожух золотой аксамитной на соболях, да в шубу рускую соболью, крыта бархатом золотным, заметав полы назад за плеча, а пояс на государе был кованой золотой». Под стать жениху нарядили невесту: «в платье и в венец золотой с дорогим камнем и жемчугом». Когда царь Михаил Федорович пришел в Золотую палату, невесту в сопровождении дружек провели «постельным крыльцом» в Грановитую палату. С этой процессией шли «свещники, коровайники, фонарники» и несли «богоявленскую и обручальные свечи». Думный дьяк Федор Лихачев нес «осыпало, на золотой мисе... а положено было на мису на три углы хмелю, да тридеветь соболей, да тридеветь платков золотных участковых... да тридеветь белок, да осмнадцать пенезей золоченых чеканены, да деветь золотых угорских». Во все время свадебной церемонии самое большое внимание уделялось тому, чтобы никто «не переходил» царю и царице пути. Показательна и ремарка составителя разрядных книг, которую мог включить только очевидец: «А с свечами, пришед в палату, стали направе, против государева места у лавки; а короваи с фонари стали по левой стороне, поотодвинувся подале, подле поставца». Дьяки позаботились и о том, чтобы их собственные имена не были забыты, записав в разрядах: «А чины свадебные урежал думной дьяк Иван Курбатов сын Грамотин, да Михайла Данилов».

Наступил один из самых торжественных моментов. К царю Михаилу Федоровичу в Золотую палату пришел послан-

ный от посаженного отца Ивана Никитича Романова со словами: «Время тебе итти к своему делу». Царь, получив благословение от протопопа Благовещенского собора Максима, двинулся с поезжанами и дружками в Грановитую палату, ведомый под руки тысяцким князем Иваном Борисовичем Черкасским. В Грановитой Михаила Федоровича и Евдокию Лукьяновну посадили рядом друг с другом. Состоялся обряд причесывания голов, и на царицу одели кичу — головной убор замужней женщины, «и покров положили, и покрыли убрусом; а убрусец был низон жемчюгом с дробницами золотыми». Молодых осыпали золотыми деньгами, материями, мехами и хмелем из принесенного осыпала. По благословению царского отца и матери резали калач («перепечю») и сыр; невеста отсылала дары царю — «убрусец», «ширинку» и каравай, и царским родителям — убрусец и сыр. Такие же дары отсылались жившей на покое в Тихвине вдове царя Ивана Грозного царице Дарье (Анне Алексеевне Колтовской) и другим участникам свадебных торжеств.

После этого царь и царица отправились в Успенский собор, где должно было происходить собственно венчание. Спустившись «сенми да лесницею, что у Грановитой палаты», царь сел верхом на специально приведенного из государственной конюшни аргамака — дорогого коня, а государыня устроилась в сани. Аргамака подводили к царю боярин и конюший (главный дворцовый чин) князь Борис Михайлович Лыков, и ясельничий Богдан Матвеевич Глебов. Впереди царя ехали поезжане во главе с кравчим Василием Яншеевичем Сулешевым; всего поезжан было сорок человек, в основном молодые стольники, дети знати, в том числе Борис Иванович и Глеб Иванович Морозовы, а также «дворяне большие». За поезжанами шли дружки и тысяцкий князь Иван Борисович Черкасский «мало поперед государя». Боярин князь Борис Михайлович Лыков во время следования процессии «площадью» шел пешком рядом с царем. За санями, «царевны» назначены были идти «дворяне московские сверсные»; из двадцати трех человек шестеро принадлежали к роду Стрешневых — это были дядя и другие родственники царицы, сумевшие в будущем извлечь достаточно выгоды из родства с государем. Царицыны дети боярские (чин служилых людей) в это время смотрели, «чтоб никто меж государя и государыни пути не переходил».

В Успенский собор царь и царица вошли «в сторонные двери, что от Архангела» (то есть в ближние к Архангельскому собору). В самом соборе царские шатерничие приготовили места, на которые царь и царица должны были сесть по-

сле совершения обряда: «а у левого у столба поставлено было скамейка, на скамье послан был ковер кизылбаской золотой, да положены два зголовья, бархат червчет с золотом в один цвет». Михаил Федорович и Евдокия Лукьяновна встали «близко царских дверей, на том месте, где стоял анбон (амвон. — В. К.), а анбона в то время не было». Наконец, благовещенский протопоп Максим «обручал государя и царицу и венчал по священному преданию». Молодым трижды, переменяясь, дали выпить «фрязского вина», после чего скляницу отдали в алтарь. Затем царь и царица сели на заранее приготовленные места и приготовились слушать речь протопопа. Максим прочел поучение «и им государем здравствовал». Вслед за протопопом, под торжественное пение певчих дьяков («демесвом большое»), тысяцкий, дружки и все бояре, которые были в церкви, тоже «здоровали государю и царице». Совершив обряд, вся процессия двинулась в Грановитую палату, где начался пир. Не пришлось присутствовать на нем боярину князю Борису Михайловичу Лыкову: у него была в это время особенная роль — разъезжая на царском аргамаче с обнаженным мечом, он должен был охранять сенник от злых сил.

В «Дворцовых разрядах» содержится масса разных деталей обряда царской свадьбы, последовавшей за венчанием. В частности, подробно расписано в них убранство сенника, в котором молодые провели первую брачную ночь. За всеми деталями устройства царской постели («тридевять снопов ржаных, на верх того семь перин...» и т. д.) наблюдали боярин Федор Иванович Шереметев, окольный Лев Иванович Долматов-Карпов (тоже из ближней родни Романовых) и отец царицы Лукьян Степанович Стрешнев. На этой свадьбе у Федора Ивановича Шереметева уже не было разговоров о «недружбе», как с отцом несчастной Марии Долгоруковой.

Когда для новобрачных закончился праздничный стол, большой царский дружка приготовил для царя и царицы «куря верченое», то есть завернул в скатерть курицу «с блюдом и с перепечью и с солонкою» и отнес в сенник. От составителя разрядов не ускользнула и такая деталь: царь Михаил Федорович, «из-за стола встав, шел к сеннику... взяв ее государыню за руку». Молодых провожали до дверей сенника боярин Иван Никитич Романов, произнесший им напутственное слово, а также боярин и боярыни сидячие, князь Иван Иванович Шуйский с товарищами. После того как царь Михаил и царица Евдокия остались в сеннике, пир в Грановитой палате продолжился.

Свадьба продолжалась четыре дня. Следующий день был

посвящен царскому выходу в «мылну». Тогда же должен был совершиться и известный обычай, когда присутствовавшие впервые могли увидеть лицо невесты: «и раскрывал государыню царицу боярин Иван Никитич Романов, покров под-
нял стрелою». Царь пожаловал всех членов Боярской думы: «велел свои государские и государынины очи видети». Молодых кормили кашею, причем горшки для каши были не обычные, а «фарфурные» (фарфоровые). Далее царь проследовал в «мылну» со своими ближними и поезжанами. Начи-
налось всеобщее веселье: «а в то время, как государь пошел в мылню, во весь день и до вечера и в ночи на дворце игра-
ли в сурны и в трубы и били по накром (нечто среднее между барабаном и литаврами. — В. К.)». У царя также были «ествы» со своими ближними людьми в «мыльне», а бояр и
окольных царь жаловал, «подавал раманею в кубках». И во второй и третий дни царские «столы» накрывали в Гранови-
той палате. На четвертый день, «в среду, в третьем часу дни», царь принимал отца, патриарха Филарета, и высшее духовен-
ство в малой Золотой палате. Знаком особого внимания к от-
цу была встреча патриарха «в сенех». Патриарх Филарет бла-
гословил сына и невестку иконою и крестом, после чего бы-
ли объявлены дары, «по росписи, а что было даров и тому за-
писка на казенном дворе». Следом свои дары приносили ми-
трополиты, епископы, архимандриты и игумены «по чину»: «кубки сребрены, и стопы, отласы золотые, и соболи». За ни-
ми шли с дарами гости и торговые люди, свои подарки да-
рили в этот день государыне бояре. Для встречи патриарха у
царя был стол в Грановитой палате, «по обычею», свадебный
чин соблюдался только при подаче «взваров и овощей».

Так царь Михаил Федорович, подходивший к почтенно-
му, по московским понятиям, тридцатилетнему возрасту,
наконец-то мог успокоиться и вполне предаться радостям
семейной жизни, которой больше не угрожали непонятные
болезни его избранниц. В мае 1626 года царская семья со-
вершила паломничество в Троице-Сергиев монастырь, и,
надо думать, что одной из его целей была молитва о дарова-
нии наследника. 22 апреля 1627 года у Евдокии Лукьяновны
родилась дочь Ирина (день ее ангела приходился на 5 мая).
Через год, почти день в день, 20 апреля 1628 года родилась
дочь Пелагея, но она прожила недолго и умерла, когда Ев-
докия Лукьяновна Стрешнева ждала третьего ребенка. Им
оказался мальчик, наследник престола царевич Алексей Ми-
хайлович, родившийся 17 марта 1629 года.

Рождения, крестины, именины царских детей стали за-
нимать большое место в придворном церемониале. Первых

детей царя Михаила Федоровича крестил сам патриарх Филарет Никитич, а их крестным отцом был келарь Троице-Сергиева монастыря Александр Булатников. Всего же из десяти царских детей до взрослого возраста дожили только четверо: Ирина (1627—1679), Алексей, будущий царь (1629—1676), Анна (1630—1692) и Татьяна (1636—1706/07). Тяжелые испытания выпали на царскую семью в 1639 году, когда один за другим умерли пятилетний царевич Иван и только что родившийся царевич Василий. В тот год Панихидный приказ работал, не переставая. Больше братьев у наследника престола царевича Алексея Михайловича не было.

«ЖЕДАТЕЛЬНЫЙ ЕЛЕНЬ»

Для описания частной жизни царской семьи в первой половине XVII века в распоряжении историка почти нет никаких данных. Повседневность вообще плохо поддается описанию, если только счастливый биограф не обретет дневников или переписки своего героя. Но здесь явное преимущество у тех, кто изучает жизнь русских людей начиная с петровского времени.

Находясь на троне первые годы, царь Михаил Федорович не имел никакой возможности вести переписку с отцом. Он лишь облегчал, как мог, материальное положение ссыльного отца, задержанного в Речи Посполитой. В 1615 году русский посол Федор Желябужский добился встречи с митрополитом Филаретом, чтобы на словах передать ему послание сына. Правда, сказать многого было нельзя, так как встреча происходила в присутствии враждебно настроенного литовского канцлера Льва Сапегы.

Поэтому в нашем распоряжении лишь грамоты, датированные временем после возвращения патриарха Филарета в Москву. Царь и патриарх обменивались ими, когда кто-нибудь из них оставлял столицу и возникала необходимость совета или ускорения дела: во время поездок Михаила Федоровича на богомолье — в Макарьев-Унженский монастырь (1619), Николо-Угрешский монастырь (1620), Троице-Сергиеву Лавру (1620-е), и патриарха Филарета — в Саввино-Сторожевский, Пафнутьев-Боровский и владимирские монастыри (1630). Обычно послания писали под диктовку дьяки, иногда грамоты готовили по уже установленному образцу, и их текст лишь правился царем или патриархом.

Первые письма царя Михаила Федоровича отцу написаны в конце августа 1619 года, когда он с матерью, «по обе-

щанию» (то есть по обету), отправился в Макарьевский на Унже монастырь и оставил патриарха Филарета управлять в столице. Именно в этих письмах формировался особый стиль в обращении между сыном-царем и отцом-патриархом. Выработывая его (ибо никакого прецедента не имелось), Михаил Федорович использует торжественные, высокопарные формулы, которые для лучшего восприятия можно записать подобно стихотворным строфам:

Честнейшему и всесвятейшему о Бозе,
отцу отцем и учителю православных велений,
истинному столпу благочестия,
недремательну оку церковному благолепию,
евангельския проповеди рачителю изрядному и достохвалному,
преж убо по плоти благородному нашему отцу,
ныне ж по превосходящему херувимскаго Владыки
со ангелы равностоятелю и ходатаю
ко всемогущему и вся содержащему,
в Троице славимому Богу нашему,
и Того повеления и человеколюбия на нас проливающу
великому господину и государю,
святейшему Филарету Никитичю,
Божьею милостию патриарху Московскому и всеа Русии,
сын ваш, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии,
равноангельному вашему лицу сердечными очима и главою,
целуя вашего святительства руку и касаяся стопам вашего
преподобия, челом бью⁵⁸.

Это начало самого первого письма, отправленного царем Михаилом Федоровичем патриарху Филарету 25 августа 1619 года. В дальнейшем в обращениях к патриарху встретятся новые оттенки: «равноангельному жизнию», «вселенскому пастырю», но особенно торжественным выглядит обращение в письме по случаю встречи новолетия 1 сентября 1619 года:

Превысочайшему во архиереех,
Подражателю Христовых велений,
Святых апостол приемнику,
Церковных кормил правителю,
Карабль православия неблаженно направляюще
во пристание благоверия...⁵⁹

Царь Михаил Федорович называет отца в грамотах «ваше святительство», «драгий отче и государь мой», «святый владыко и государь мой» и просто «государь». Когда он пишет о себе, то не довольствуется сухим «сын ваш», а все время добавляет, как он скучает вдали от отца и как снова стремится воссоединиться с ним «равноангельному вашему лицу сердечными очима и главою, целуя вашего святительства руку и касаяся стопам вашего преподобия, челом бью». В одном из писем царь Михаил Федорович уподобил себя оле-

ню, жаждущему напиться: «желаем бо, святой владыко и государь мой, предобрый твой глас слышати, яко жедательный елень напаятися»⁶⁰. Упоминание о духовной жажде лучше всего передавало состояние царя во все время поездки. Он еще раз повторил свое сравнение с «жедательным еленем» и составил целое рассуждение об отце и сыне: «Обычай есть человеком, дражайший отче государь и владыко наш, егда во уме любезнаго восприимет, тогда от радости в слезы производится. Что же ли в человеческом естестве любезнейши рожшаго и что сладчайши рожденнаго»⁶¹.

Царь и его мать посылают патриарху Филарету с дороги маленькие подарки — из Троице-Сергиева монастыря «220 яблук» от царя и «15 калачиков» от великой старицы и инокини Марфы Ивановны. В ответ Филарет Никитич отправляет с кравчим М. М. Салтыковым «часы воротные, боевые». С Волги патриарху отослали рыбу, пойманную государем: «царских трудов рыбные ловитвы... пять осетров, да колушку, да шевригу».

Путешествие в Макариев-Унженский монастырь затянулось, царский кортеж попал на обратной дороге в осеннюю распутицу. В довершение ко всему начались болезни. Великая старица и инокиня Марфа Ивановна почувствовала себя плохо по прибытии в село Великое под Ярославлем 20 октября 1619 года. «Припомянулася мне прежняя болезнь портежная (вероятно, от слова «порча». — В. К.), как писала она патриарху Филарету, не упоминая, в отличие от сына, о более серьезных симптомах, что «к тому кабы лихоратка». Одновременно заболел патриарх Филарет. «И яз, государь, призрением Божиим понемог, — писал он царю Михаилу Федоровичу, — к моим старым болезнем прикинулася лихорадка и конечно меня затруднила». Понимая, как тяжело будет сыну узнать об одновременной болезни обоих родителей, патриарх стремится утешить его и даже шутит: «А о том благодарю Господа Бога моего Иисуса Христа, что нас обоих посетил болезнью: а вам бы, великому государю, об наших старческих болезнях не кручинитися; то наше старческое веселие, что болезни с радостью терпети». Однако убедить сына в том, что ничего серьезного в его хворях нет, патриарх Филарет не смог. В ответной грамоте 29 октября 1619 года царь Михаил Федорович писал: «Точию малу утеху совнесе нам твоя государская грамота, что ты, государь, писал к нам, что болезни вашей есть мало полехче, и тому мало веры емлем; а чаем того, что ты, государь, пишешь о том, обলেখчая нам нашу о тебе, государе отце нашем, плачевную скорбь»⁶². Действительно, болезнь патриарха Филарета напугала царя

и его мать, которые не видели своего отца и супруга больше двух месяцев. Великая старица и инокиня Марфа Ивановна даже забыла о собственной болезни: «Сугубо скорбю уязвляюся и в плаче низвождуся и, свою скорбь забыв, и яко не имев, о тебе, свете и государе нашем, конечною скорбю сокрушаюся». Патриарх Филарет сообщил новые подробности о своей болезни, а главное о том, что началось облегчение: «Совершенные легости нет, а от старого от лихоратки есть немного полегче; а камчюгом (подагрой. — В. К.), государь, изнемогаю и выйти ис кельи не могу». Он должен был также попросить сына, чтобы тот успокоил великую старицу Марфу и позаботился о ней, «чтоб она к немощи болезни не прикладывала, с разсуждением бы о нас скорбела». Когда царь прислал проведать о здоровье своего отца боярина Бориса Михайловича Салтыкова, патриарх Филарет явно растрогался и просил сына: «Молю вас, вселюбезнейшего сына нашего и государя, света очию моею, подпор старости моей, утешение души моей, да не даси себя в кручину о моей немощи»⁶³.

В свою очередь, и царь Михаил Федорович искал у родителей поддержки в болезнях. Во время летнего путешествия в Троице-Сергиев монастырь в 1627 году царь делился с патриархом Филаретом Никитичем: «Болезнь, государь, ногам моим от ездов и тяжеле стало, до воска и из воска в креслах носят». Рядом была мать — инокиня Марфа Ивановна, которая также извещала Филарета о болезни сына, о том, что царь Михаил Федорович «скорбел ножками»⁶⁴. Все это немногие крупницы обычных человеческих отношений, которые сохранила переписка царской семьи. Хотя и они при внимательном прочтении могут пролить какой-то свет не только на частную жизнь, но и на обстоятельства совместного правления царя Михаила Федоровича и его отца.

ДВА ПРАВИТЕЛЯ

Переписка двух «великих государей» носила официальный характер и составлялась при участии дьяков. Немало места отведено в ней решению неотложных государственных дел. Сам характер этих дел, которые всегда сообщали царю во время его ежегодных отлучек из Москвы, весьма показателен. Прежде всего они были связаны с проблемами на самых острых внешнеполитических направлениях — крымском и литовском.

31 августа 1619 года в Москве были получены отписки о крымских делах от посланника Абросима Лодыженского. В

русско-крымских отношениях назревал кризис, так как крымский царь, раздраженный заключением Деулинского перемирия, нарушившего существовавшие договоренности между Московским государством и Крымом, стал готовиться к походу на своих врагов в Литву через русские земли. Дело можно было уладить с помощью «поминков», но их не привезли в положенный срок, чем поставили Московское государство под угрозу татарского набега. Сначала с полученными в Москве грамотами ознакомились патриарх и Боярская дума. «И я, государь, отец твой и богомолец, — писал патриарх Филарет царю Михаилу Федоровичу, — те отписки чел и бояром чести велел». Затем патриарх спрашивал государева совета: «А о крымском, государь, деле как вы, великий государь, укажете?»

Между прочим, переписка царя и патриарха дает возможность проверить распространенные взгляды о «безвольном царе», находившемся в полном подчинении у своего родителя. Кто же в итоге принимал решения по вопросам, действительно жизненным для Русского государства? Быть может, патриарх, задавая свой вопрос, всего лишь следовал этикету, а царь только одобрял его решения? Именно так должно было бы быть, если правы те, кто говорит о слабом царе Михаиле Федоровиче, так и не вышедшем из власти своего отца.

Действительно, патриарх Филарет очень настойчив в крымском деле: «А мне, государь, кажетца, чтоб крымским послом и гонцом сказать, что вы, великий государь, с братом своим, з государем их царем в дружбе и братстве стоишь крепко, и посланника с поминки и з запросом посылаешь и их всех отпускаешь вскоре». Однако несколько слов могут насторожить скептика. Во-первых, употребление патриархом слова «кажетца», не слишком подходящего к какому-либо распоряжению. Во-вторых, патриарх Филарет вполне допускал, что его совет может быть не принят, и просил тогда сохранить его в тайне: «А будет, государь, наперед в Крым гонцов не отпускаи, и того б, государь, и не объявляти, что от нас писано»⁶⁵. А что же царь Михаил Федорович? Он пишет патриарху Филарету в ответном письме 3 сентября 1619 года: «И яз, государь, вашего святительства грамоту вразумел и Обросима Лодыженского отписки слушел и бояром чести велел». Дальше, по обычной практике Боярской думы, на обороте этих документов писали распоряжение со слов царя и отсылали в приказ по ведомственной принадлежности: «И те отписки посланы от нас в Посолской приказ, и указ на них подписан». В указе царя Михаила Федоровича, в целом

последовавшего совету патриарха Филарета и доверившего ему последующую переписку, содержатся некоторые нюансы, которые царь не мог почерпнуть из письма отца. Царь Михаил Федорович заботится, чтобы грамоты были отправлены, «примерясь к прежнему», и чтобы уверения в дружбе, кроме крымского царя, получили его ближайшие военачальники и советники — калга и нурадын.

Царь Михаил Федорович отсылал и прямые просьбы-распоряжения патриарху Филарету, например, когда до него дошло челобитье стрельцов, сидевших в московской осаде в 1618 году, относительно задержки им в выдаче денег за службу. Патриарх, получив царское письмо, обратился к производившему выдачу денег князю Ивану Никитичу Одоевскому и подробно выяснил причину неуплаты денег. Оказалось, что в Новую четверть с момента отъезда царя на богомолье не поступило никаких сборов, а все, что имелось, распределили по приказанию патриарха «на нужные розходы, без которых быти нельзя». Получалось, что сам патриарх косвенным образом повинен в задержке выплат стрельцам. К грамоте патриарха Филарета приложена роспись всех расходов, сделанных в Новой четверти с 24 августа по 15 сентября 1619 года. Было показано, что деньги в основном пошли на жалованье ратным людям, отправлявшимся на службу в Вязьму, а также городовым воеводам. Патриарх обещал, что стрельцы обязательно получают деньги из новых доходов, и заступался за боярина князя Ивана Никитича Одоевского: «А князь Иван, государь, Никитич о твоём государеве деле радеет».

В той же грамоте патриарх рассказывает о сделанных им распоряжениях по коллективным челобитным дворян разоренных Путивля, Чернигова, Рославля, Почепа, Торопца, Холма и Ржевы Пустой, также искавших свои деньги (15 тысяч рублей), о которых было «помечено». Но патриарх Филарет «велел отказывати до вашего царского приходу», хотя и сам писал царю, что «не дати, государь, тем городом твоего государева жалованья никакими мерами нельзя». Пришлось патриарху решать вопрос о сохранении поместий новгородских дворян и детей боярских, получивших в возмещение земли в центре государства. Их отправляли на службу в Великий Новгород, и патриарх обнадежил их тем, что данные им новые поместья пока останутся за ними. В грамоте царю Михаилу Федоровичу патриарх Филарет подчеркивал, что он велел «подписать» их челобитную «по прежнему вашему государеву указу». Более того, он сам бил челом за новгородских дворян: «А я вам, великому государю, о том, Бога моля, челом бью»⁶⁶. Конечно, в этом случае новгородские

дворяне должны были посчитать своим благодетелем патриарха Филарета, а не царя Михаила Федоровича, хотя очевидно, что все распоряжения делались с его ведома.

Конечно, эти примеры, датированные 1619 годом, немало говорят о менявшейся с течением лет системе высшего управления. Но и из них видно, что с самого начала не было диктата патриарха Филарета, самовольного его вмешательства в царские указы. Даже в тех случаях, когда патриарх Филарет оказывался единственным советчиком и информатором государя, все равно требовался государев указ. Рассказывая о том, как встречали царский поезд, возвращавшийся с богомолья, «при дяде твоём» царе Федоре Ивановиче, патриарх Филарет все-таки спрашивал сына: «А ныне, как вы, великий государь, укажете?»⁶⁷

То, как обсуждаются дела в переписке, показывает, что патриарх был для царя Михаила Федоровича первым советником и самым большим авторитетом. Царь мог поручить ему любые дела и быть уверенным в том, что они будут выполнены так, как это делалось бы по его собственному распоряжению. Роль патриарха Филарета в этом смысле действительно была исключительной. Со временем Боярская дума все больше становилась исполнительницей решений, принятых совместно двумя великим государями. По той же переписке заметно, что если обмен отписками во время первых путешествий царя подразумевал знакомство с ними членов Боярской думы, остававшихся в Москве и ездивших на богомолье с царем, то впоследствии ее обсуждение уже не требовалось. Патриарх, получив отписки «с мест», в Москве слушал их, запечатывал и отсылал царю. Точно так же царь самостоятельно издавал указы. В некоторых делах это могло означать дополнительные распоряжения Боярской думе, в других — поручение патриарху Филарету решить все по своему усмотрению: «о том о всем, как ты, государь, укажешь»⁶⁸.

Последняя формула отнюдь не свидетельствует, что царь Михаил Федорович безвольно отдал свою власть патриарху Филарету. Можно привести еще один яркий пример, убеждающий, что за этими словами стояло прежде всего взаимное доверие. Когда в мае 1630 года патриарх Филарет возвращался с богомолья из Владимира, царь Михаил Федорович, заботясь о здоровье отца, советовал ему вернуться в Москву позднее Троицына дня, «потому что день торжественной великой, а тебе, государю, служить невозможно, в дороге порострясло в возку, а не служить от людей будет осудно». Поэтому царь приглашал патриарха Филарета приехать на праздник и «отслушоть литоргеи» в село

Тайнинское, а уж на следующий день въехать в Москву, впрочем, отдавая все на усмотрение отца: «и в том твоя, великого государя отца нашего и богомольца, воля, как ты, государь, изволишь, так и добро»⁶⁹. Патриарх Филарет с благодарностью последовал царскому совету.

Напомним, что царь Михаил Федорович еще в 1621 году с полной убежденностью выговорил зарвавшемуся местнику, что «честь» государя и патриарха «неразделна». Это было его глубокое убеждение, которому он следовал с тех пор, как по возвращении патриарха семья воссоединилась. Без участия патриарха и без его благословения более ничего в царском дворце не происходило. При общем стремлении возвратиться к порядкам, «как при прежних государях бывало», Филарет Никитич лучше всех мог рассказать сыну о царствовании его «дяди» Федора Ивановича. Царю легко было согласиться с тем, что предлагал отец, еще и потому, что патриарх Филарет всегда соблюдал этикет во взаимоотношениях царя и патриарха, а не просто отца и сына. Не стоит забывать, что именно в 1619—1633 годах дела в Московском государстве наконец-то пошли хорошо, и в этом нельзя было не увидеть положительные результаты правления двух «великих государей». Как не вспомнить еще раз слова самого царя: «Что же ли в человеческом естестве любезнейши рожшаго и что сладчайши рожденнаго»? Это простое и даже простодушное убеждение было, видимо, достаточно действенным. Оно может объяснить феномен власти в Московском государстве при царе Михаиле Федоровиче лучше, чем самые изоощренные исследовательские конструкции.

Глава восьмая

ОДИН ГОД ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

134-й год, май — август. —

135-й год, осень. —

135-й год, зима. —

135-й год, весна

До сих пор в этой книге автор пытался придерживаться канонов традиционного биографического жанра и следовать классической русской историографии в освещении эпохи царя Михаила Федоровича. Связать мозаику жизни 1620-х годов в единую картину очень сложно, если не невозможно. Поэтому историкам неизбежно приходится выделять что-то главное, жертвуя второстепенным, обыденным. Изначально читатель исторических трудов принимает такую традицию

повествования, отдавая предпочтение широким обобщениям, ярким сенсациям и интересным подробностям из жизни знаменитых людей. Сейчас же автору хочется попробовать отвлечься от описаний и трактовок и предложить читателю самому погрузиться в источники той эпохи. Благодаря сохранившимся «Записным книгам Московского стола» Разрядного приказа, у нас появляется уникальная возможность изучить делопроизводственную кухню важнейшего ведомства по управлению государством с помощью первичных документов, еще не рассредоточенных по отдельным архивным делам⁷⁰. Это, конечно, государственная рутина, и утешить искателя сенсаций и авантюрных приключений в исторических трудах будет нечем. Но что можно рассказать о жизни без знания ее рутинной стороны?

Представим себе, как все это происходило. В Кремле, в Разрядном приказе, сидит дьяк, которому поручено ведение записных книг. Столов Разрядного приказа несколько — Московский, Владимирский, Новгородский, Белгородский, Севский, Приказной, Поместный, Денежный. В каждом или управляют территориально подведомственными городами, или ведут определенного рода дела, например, о доходах и расходах. Из них Московский стол стоит по праву на первом месте, в нем собраны дела о людях «московского списка», то есть о членах Государева двора. По аналогии существует Московский судный приказ, в котором судят не жителей Москвы — они ведомы в Земском приказе, — а бояр, окольных, стольников, стряпчих и московских дворян. Повсюду ведутся «записные книги», это текущий архив поступающих царских указов или документов за каждый год. Судя по тому, что в книгах несколько почерков, ведавший ими дьяк приказывал подьячим переписывать документы и записывать сведения о важных распоряжениях. Когда документы хранились в сундуках и коробьях, а не на архивных полках, подшитые в дела, описанные и пронумерованные, найти нужную справку бывало сложно. В этом случае все зависело от памяти и опытности дьяка, «сидевшего» в приказе. Легче было запомнить дату указа и затем справиться в отдельной «записной» книге, куда они были переписаны по мере их поступления. Кроме того, эти источники использовались впоследствии для составления разрядных книг и других приказных документов. Так складывался комплекс «Записных книг Московского стола», сохранившийся, к сожалению, с большими лакунами.

Все источники такого типа, составленные до известного майского пожара 1626 года, сгорели. В разрядных книгах сохранилась запись об этом пожаре, названном впоследствии М. Н. Тихомировым «катастрофой для наших приказных

дел»⁷¹. Пожар произошел в отсутствие царя Михаила Федоровича, уехавшего из Москвы на богомолье в Троице-Сергиев монастырь 26 апреля. Патриарх Филарет Никитич, чей двор тоже располагался в Кремле, «выехал за город в Новинской монастырь»⁷². Можно сказать, что им повезло, поскольку существовала реальная угроза гибели царской семьи вместе с патриархом. «И мая в 3-й день, на Препловленьев день, в среду, в десятом часу дни, на Москве в Китае (Китай-городе. — В. К.) загорелся двор Ивановы жены Третьякова, — говорится в разрядных книгах, — и учал в то время быти ветр великой к Кремлю городу, и от ветру занялися в Китае церкви и многие дворы и в рядах лавки, и учал в Китае пожар быти великой». Дальше пламя, затронув храм Василия Блаженного, перебросилось в Кремль: «и от того большого пожару у Покрова святых Богородицы на рву, на всех церквах занялися верхи, и во Фроловской башне учало гореть, и на Кремле городовая кровля, и от того в Кремле городе монастыри и всяких чинов людей дворы почали гореть, и многие церкви Божьи в Китае и в Кремле городе погорели со всем церковным строеньем опричь болших соборов». От пожара пострадали даже постройки на дворах царя и патриарха, не говоря уже о приказах, лишившихся своих архивов: «и на государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и отца его государева великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича московского и всеа Руси дворех деревянные хоромы погорели, и в полатех во многих горело, и во многих приказах многие государевы дела и многая государева казна погорела»⁷³. Так образовалась своеобразная точка отсчета в истории русских архивов. Конечно, полностью архивы не исчезли, что-то удалось восстановить позднее, благодаря целенаправленным усилиям по сбору и реконструкции документов, но в основном всю работу приходилось начинать заново.

За интересующее нас время «соправления» царя и патриарха имеется только одна книга за 7134 год (или 134-й, как писали в делопроизводственной практике того времени), то есть за 1626—1627 годы, начатая сразу же после пожара⁷⁴. Отдельные выписки из книг следующих годов были сделаны Г.-Ф. Миллером в XVIII веке, а сами подлинники были утрачены уже в другом печально знаменитом пожаре — 1812 года, за исключением записных книг 1633/34 года и начала 1640-х годов. Текст «записных книг» представляет собой своеобразную повседневную летопись делопроизводства Разрядного приказа. Попытаемся выделить те записи, которые непосредственно касаются указов и решений, принятых царем Михаилом Федоровичем.

9 мая 1626 года «были у государя у руки» Иван Васильевич Волынский и Семен Васильевич Усов, «а были они на Воронеже в воеводах» (здесь и далее, в случае указания точной даты, цитируются записные книги Московского стола). Можно представить себе чувства царя, возвратившегося в сожженную Москву. По известию «дворцовых разрядов», царь вернулся в столицу «того ж дни», когда произошел пожар, то есть 3 мая. Побывав у патриарха, оставшегося в Новинском монастыре, Михаил Федорович пошел в село Покровское «в третьем часу ночи». Дворцовые разряды сообщают также, что в селе Покровском царь Михаил Федорович оставался, «покамест в Москве полаты государевы и патриарховы очистили, и до тех мест государь жил и с царицею, и с матерью великою старицею инокою Марфою Ивановною, в селе Покровском, а государь патриарх жил в Новинском монастыре»⁷⁵.

Вернемся к воронежским воеводам. На 9 мая приходится большой праздник — память святого Николая Чудотворца, «Никола вешний». В этот день обычного приема в царском дворце быть не могло. Однако не принять приехавших воевод тоже было нельзя, это могло быть истолковано ими как наказание или опала. Царь должен был отправлять и встречать городских воевод, давая им личную аудиенцию. Когда в опалу попали боярин Борис Михайлович Салтыков и окольный Михайл Михайлович Салтыков, отосланные на воеводство в Самару и Чебоксары, то в разрядных книгах записали, что они «посланы из деревень, государских очей не видали»⁷⁶.

Следующие майские записи 1626 года говорят о назначении по государеву указу воеводою в Казань боярина Василия Петровича Морозова, о посылке нового воеводы в Ржеву Владимирову, взамен умершего. Тогда же были сделаны распоряжения об отпуске некоторых членов Государева двора на две недели, на месяц или «до болших вестей». 27 мая дьяками в Великий Новгород назначили ярославского дворянина Григория Михайловича Волкова и подьячего Рахманина Болдырева, пожалованного в новый чин «за крымскую службу». 28 мая сменили писца «заретцкой стороны» Московского уезда, назначив на это место Федора Федоровича Пушкина, так как прежний писец умер, а книги его сгорели в Поместном приказе.

В июне снова встречаются записи о назначении «по государеву указу» воевод в города Арзамас, Суздаль, Пере-

славль-Рязанский, в Брянск (на место умершего Александра Михайловича Нагого). Всего в Московском государстве назначались воеводы примерно в 140—150 больших и малых городов; каждые два-три года они менялись, поэтому-то так часто в записных книгах можно встретить упоминания об их службе.

Записные книги содержат сведения также о перемещениях служилых людей в московских приказах, назначения в которые также требовали участия царя. Так, 26 июня новый судья Иван Нелюбов Огарев был назначен в Холопий приказ, на место Андрея Ивановича Баскакова, просившего отпустить его со службы. Запись об этом войдет и в разрядные книги, которые также упомянут об отставке Андрея Ивановича Баскакова «по его челобитью»⁷⁷. Еще царь Михаил Федорович назначал сыщиков, которых затем отсылали в соответствующие приказы. Например, 28 июня к Разбойному приказу были приписаны князь Никита Петрович Барятинский и Борис Бутиков, которых затем отправили в Вологду «для государева дела». Одновременно в Казанский приказ был послан Иван Матвеевич Бутурлин, «для сыску про бояр и воевод про Семена Головина да про Перфирия Секирина», но по каким-то причинам 1 июля это решение было изменено и в Казань разбираться с воеводским делом был отослан князь Алексей Григорьевич Долгорукий.

Другие часто встречающиеся записи посвящены переменам в статусе служилых людей, их назначениям в стольники, дворяне, жильцы. Например, 25 июня в записных книгах Московского стола отметили «пожалованье в житье» Назария Никитича Коротнева и братьев Артемия и Герасима Степановичей Боборыкиных, «будет они у розбору не были», то есть если они раньше не были поверстаны в службу с «городом» в уездных детях боярских. 28 июня «в московский список» был пожалован князь Федор Петрович Збарецкий.

В июньских записях содержатся сведения о переписке Разрядного приказа с воеводами Украйного разряда: большого полка в Туле, передового полка в Дедилове, сторожевого полка в Крапивне, прибылого полка в Мценске, а также полков в Рязани, Михайлове и Пронске. Отметим, что назначения на эту службу как раз считались «государевым и земским делом»⁷⁸. 27 июня «по государеву указу» посланы грамоты: «Будет вестей не будет и приходу воинских людей на Украйну не чает, и им велено дворян и детей боярских украйных городов первых половин отпустить по домом июля с 1 числа, а в полкех велено быть июля с 1 числа дво-

ряном и детем боярским украинских городов других половин до осени и до отпуска, будет вестей не будет». Суть этого распоряжения — в рутинной смене служилых людей в поместной коннице, охранявшей южные рубежи государства от татарских набегов.

5—6 июля царю Михаилу Федоровичу пришлось решать проблемы, возникшие с намерением отставных запорожских казаков поставить новое городище «для селитбы» на реке Псел в Путивльском уезде. Царь не мог принимать подданных чужого государства и тем более давать им основывать новые поселения на границе. Но тут речь шла о запорожских казаках — черкасах, имевших собственную организацию и служивших тем, кто платил за их службу. Решение, принятое царем, вполне соответствовало его отнюдь не воинственному характеру и стремлению решать споры миром. К этому новому городищу были посланы головы с детьми боярскими из Путивля, Чернигова, Курска и с казаками. Им был дан наказ: «тех литовских людей с государевы земли сослать без бою и без задору».

7 июля государь «пожаловал»: отпустил на богомолье Илью и Богдана Милославских с братьями Иваном Большим и Иваном Меньшим Апухтиными. Их путь лежал вместе с думным дьяком Иваном Тарасьевичем Грамотиным в Макарьев-Унженский монастырь. Отпуск царем на богомолье служилых людей по их челобитным был обычным делом. Самое интересное в этой записи то, что речь идет об обители Макария Унженского, куда ходил на богомолье сам царь в 1619 году, и то, что эта запись зафиксировала тесные, возможно, родственные взаимоотношения известного дьяка Ивана Грамотина с семьей будущих царских родственников Милославских.

С 12 июля, дня ангела царя Михаила Федоровича, в «Записные книги» (как и в разрядные книги) возвращаются сведения о «столах» у государя. В источнике указывается дата праздничного «стола», чему он посвящен и кто присутствовал на званом обеде. В 1626 году свое тридцатилетие царь Михаил Федорович отмечал вместе с отцом патриархом Филаретом и «властями», то есть с архиереями и настоятелями монастырей. Из членов Боярской думы присутствовали бояре князь Иван Борисович Черкасский, Михаил Борисович Шеин, князь Григорий Петрович Ромодановский, окольничий Федор Леонтьевич Бутурлин, а также думные дьяки Иван Грамотин и Федор Лихачев. Из дворян первым, как всегда, указан князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, муж царской сестры Татьяны Федоровны, а кроме то-

го, многие первостепенные дворяне: Трубецкие, Шереметевы, Сицкие, Буйносовы-Ростовские. Сразу вслед за ними на очень почетном месте назван царский тесть — Лукьян Степанович Стрешнев. Чести присутствовать во Дворце «в государев ангел» удостоились также сибирские воеводы князь Михаил Борисович Долгорукий, князь Федор Андреевич Козловский и другие, вернувшиеся в Москву со службы в Тюмени, Березове, Нерымском остроге. Интересно, что сначала были перечислены имена первых воевод, а затем — вторых. Даже здесь надо было строго соблюдать местническую очередность.

К государеву столу 12 июля был приглашен воронежский сеунщик, а это значит, что «стол» «в государев ангел» не мог считаться только личным праздником царя Михаила Федоровича. Обычно в этот день сразу несколько служилых людей получали повышение в «московском списке» и жаловались новыми чинами. Так было и на этот раз: кого-то перевели в стольники из стряпчих, патриарших стольников (чин, появившийся в боярских списках с возвращением патриарха Филарета Никитича) и жильцов, трех человек, пожаловали в стряпчие. Все эти переводы из чина в чин обязательно сопровождалось новым крестоцелованием.

18 июля последовало новое распоряжение относительно брянских воевод князя Романа Петровича Пожарского и Никиты Парамоновича Лихарева, назначенных на службу еще в конце июня. В записной книге сделана помета: «А государево жалованье князю Роману и Миките на 135 год для брянские службы дано вполы их окладов, а подводы даны по указу. Наказ дан за приписью диака Михайла Данилова». Это прямое указание о выдаче вперед жалованья воеводам показывает, что воеводская служба не держалась одними кормами и подношениями. Регламентировано и количество подвод, на которых должны были отправиться на службу воеводы. По существующему порядку воеводы получали наказ, по которому и исполняли свою должность на местах. Упоминание о выдаче наказа было важным еще и потому, что часто приходилось менять уже назначенных на воеводскую должность людей, получение же наказа гарантировало выезд на службу.

27—28 июля состоялся царский поход в Новодевичий монастырь на праздник Смоленской иконы Пресвятой Богородицы. Книги сохранили подробную роспись тех членов Государева двора, кто был назначен охранять Москву и государев двор, а также тех, кто сопровождал царя Михаила Федоровича на богомолье. Боярина Федора Ивановича Ше-

реметева, допустившего страшный пожар в Москве в мае, заменили боярином князем Андреем Васильевичем Сицким и окольным князем Григорием Константиновичем Волконским. Впрочем, не исключено, что Шереметев еще не оправился после пережитого потрясения в Кремле. 27 июля вместе с боярином князем Андреем Васильевичем Сицким и окольным Григорием Константиновичем Волконским «на государеве дворе начевали и назавтрея дневали» 39 дворян и 7 дьяков. 31 июля царь Михаил Федорович совершил еще один поход на богомолье в Симонов монастырь на праздник Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня. Опять часть бояр и дворян была оставлена в Москве, а другие были с царем Михаилом Федоровичем у «стола» в Симонове монастыре 1 августа. В этот раз Москву охраняли бояре князь Иван Никитич Одоевский и князь Андрей Васильевич Сицкий (окольный князь Григорий Константинович Волконский был у государева «стола»). Сам праздник Происхождения креста, по указу патриарха Филарета, обогатился новым чином водосвятия. С него начинался Успенский пост.

В августе продолжают записи о пожаловании в чины, об отпуске служилых людей «московского списка» на богомолье и в свои деревни. В записной книге отмечаются и нюансы таких распоряжений, например: «...приказал государевым словом диак Михайло Данилов». Речь шла об отпуске в деревню стольника Ивана Васильевича Алферьева, и для этого было достаточно устного разрешения царя. В то время как стряпчего Ивана Ивановича Плещеева отпустили тоже в деревню, но «до Покрова», видимо, на более длительный срок, по подписной челобитной, помеченной думным дьяком Федором Лихачевым.

Два больших «двунадесятых» церковных праздника: 6 августа — Преображение Господне и 15 августа — Успение Пресвятой Богородицы, тоже отмечались государевыми «столами», соответственно у царя и патриарха. К царю был приглашен боярин Федор Иванович Шереметев. Его, конечно же, всерьез никто не мог обвинять в случившемся майском пожаре. Ради праздника было сделано несколько пожалований. При этом в «Записной книге» московского стола отмечаются пожалования в чин патриарших стольников, сделанные по отдельным распоряжениям патриарха. Около этого времени, 8 августа 1626 года, был принят указ принципиальной важности, приравнявший патриарших стольников к служилым людям «московского списка» в правах на подмосковные поместья⁷⁹.

18 августа совместным указом царя и патриарха были посланы в Можайск боярин князь Борис Михайлович Лыков и окольничий князь Григорий Константинович Волконский «город смотреть нового каменного города». Им предстояло оценить, что было сделано по строительству Можайской крепости с 1618 года, когда боярин князь Борис Михайлович Лыков оборонял этот город от войска королевича Владислава и вынужден был оставить его. В течение всех 1620-х годов выполнялась большая и сложная программа по укреплению городов, начиная с Великого Новгорода. В первую очередь было обращено внимание на города «от Литовской украины» и «от Немецкой украины». Были укреплены Можайск, Вязьма, Великие Луки и Псков. Укреплялись города Рязанского разряда, в частности Пронск. Каменное строительство и возведение острогов затронуло и города внутри страны — Ростов, Ярославль, Переславль-Залесский и Вологду. Впрочем, для этих городов укрепления оказались лишними.

135-Й ГОД, ОСЕНЬ

1 сентября начинался следующий, 135-й год, или, точнее, 7135-й по эре от Сотворения мира. Мы, живя по январскому новолетию и эре от Рождества Христова, должны до 1 января продолжать считать этот год 1626-м. Таким образом, до 1 сентября наш 1626 год был для современников царя Михаила Федоровича 134-м, а после — 135-м. Главным событием начала года был еще один двенадцатый праздник — 8 сентября, Рождество Пресвятой Богородицы. В этот день у государева стола были бояре Михаил Борисович Шеин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский с дворянами и дьяками. А 17 сентября случился незапланированный праздник «новоселье в его государевых хором», на котором присутствовали самые близкие бояре: князь Иван Борисович Черкасский, Федор Иванович Шереметев и князь Дмитрий Михайлович Пожарский, окольничий Федор Леонтьевич Бутурлин, думные дьяки Иван Грамотин, Федор Лихачев, ясельничий Богдан Матвеевич Глебов, 32 дворянина и 13 дьяков. В записных книгах не упомянуто только имя дворцового плотничного старосты Первуши Исаева, отстроившего новые Постельные хоромы государю летом 1626 года⁸⁰. Время славы дворцовых архитекторов придет позднее, в XVIII веке.

21 сентября царь Михаил Федорович отправился в традиционный осенний поход в Троице-Сергиев монастырь «для празднества». Москву снова был оставлен оберегать боярин

Федор Иванович Шереметев вместе с другим боярином князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и окольным князем Григорием Константиновичем Волконским. Одновременно, и это тоже была традиция, принималось решение об отпуске воевод и служилых людей из полков Украинного разряда. Их было велено «роспустить по домом; а на осень в полках указал государь быть меньшим воеводам, а с ними дворяном и детем боярским и всяким служилым людем по новой росписи». Царские грамоты об отпуске служилых людей со службы были посланы 25 сентября. Суть этих распоряжений состояла в том, что летом на службу в полки Украинного разряда обычно выходили служилые люди замосковных и украинских городов, чтобы защитить государство от татарских набегов, а зимой, когда угроза таких походов была минимальной, в городах Украинного разряда оставались только сторожевые гарнизоны. С такой службой вполне справлялись дворяне и дети боярские близлежащих городов: Тулы, Каширы, Епифани, Соловы, Одоева, Мценска, Рязани.

11 октября «для государева дела» в Пушкарский приказ было отправлено несколько дворян. Они разъехались по городам, примыкавшим к местам расположения полков Украинного разряда и по другим небольшим острогам, нуждавшимся в укреплении. Несмотря на начинавшуюся распутицу, осень и начало зимы были временем для решения множества дел. 17 октября по указу царя Михаила Федоровича из Москвы были посланы в Нижний Новгород, Рязань и Шацк «для сыску розбойников» князь Алексей Васильевич Приемков-Ростовский, Федор Иванович Пушкин, Никита Федорович Панин. Эти сыщики отправлялись из Разбойного приказа.

19 октября пришло время сменить служилых людей, находившихся с весны «на Волуйке для посолские розмены». Через Валуйки пролегал путь турецких и крымских послов, откуда их под охраной специально назначенных людей проводили в Москву. Точно так же русских послов и гонцов в Крым и Турцию провожали до Валуйков, поскольку часто они везли с собой дорогостоящую казну на подарки турецкому султану и крымскому царю и взятки их приближенным. В октябре была составлена роспись, а сама высылка служилых людей на службу была проведена по зимнему пути, уже в январе 1627 года.

29 октября состоялся царский поход на освящение церкви Покрова в Рубцово. С 1 октября 1618 года, когда войска королевича Владислава неудачно пытались взять приступом Москву, к празднику Покрова у царя Михаила Федоровича

было особое отношение. В Москве «на государеве дворе» остались «дневать и начевать» бояре Михаил Борисович Шейн, князь Андрей Васильевич Сицкий и окольный князь Григорий Константинович Волконский. В Рубцове у государя был стол, на котором присутствовали бояре князь Иван Борисович Черкасский, князь Алексей Юрьевич Сицкий и окольный Федор Леонтьевич Бутурлин. Новым для росписей у «государева стола» было то, что специально перечислялись «дворяня ж, которые были за государынею да за царицею», всего 33 человека. Для создания прецедента нужны были значимые обстоятельства, и они, похоже, нашлись, если учесть, что в апреле следующего 1627 года в царской семье родился первый ребенок. Значит, царице Евдокии Лукьяновне, учитывая ее положение, были выказаны особый почет и уважение.

Следующий «стол» у государя состоялся 8 ноября. Записные книги не отметили повода, по которому он собирался. Впрочем, повод был слишком очевиден. «Дворцовые разряды» не только называют его — празднество святого архистратига Михаила, но и сообщают о присутствии на приеме патриарха Филарета Никитича «в передней избе» в Кремле. Помимо прочего, это был храмовый праздник для кремлевского Архангельского собора, царской усыпальницы, и можно предположить, что в этот день и царь, и патриарх молились в нем.

Из очередных дел, возникших в ноябре и потребовавших участия царя Михаила Федоровича, можно упомянуть пожалование «выезжего литвина» Андрея Бермацкого с семьей. Он удостоился приема «у государя у руки» и «благословенья у патриарха». Была удовлетворена челобитная о переписке дел в Московском судном приказе, назначены сыщики по делу о прощтрафившихся вяземских воеводах князе Федоре Андреевиче Телятевском и Юрии Игнатьевиче Татищеве. Одно из сыщиков пришлось отставить, поскольку выяснилось, что тот «Юрю Татищеву свой» (так говорилось о родстве или дружбе). 18 ноября были отпущены «меньшие» воеводы Украинного разряда, «которые оставлены были на осень».

Но главное, что занимало царя Михаила Федоровича в те дни в государевых делах, был приезд шведского посла Александра Рубца и королевского дворянина Юрия Бенгарта. В записных книгах помещены росписи посольских встреч 22, 25, 30 ноября и отпуска послов в Швецию 3 декабря. По ним выясняется подробный посольский церемониал, включавший встречу за Тверскими воротами Александра Рубца, который оказался русским и православным, а также прием

посла «в Золотой в меньшей полате». На встрече в Кремле царя Михаила Федоровича сопровождали «рынды в белом платье с топоры». Эту должность обычно исполняли молодые стольники. Окольничий князь Григорий Константинович Волконский встречал посла и королевского дворянина «перед Золотою полатою в сенных дверех», а окольничий Федор Леонтьевич Бутурлин «объявлял» его. Далее послы отправляли посольство, отдавали королевские грамоты и были у царской «руки»: «и у государя у руки посол и дворянин королевской были, и думной дьяк Иван Грамотин, по государеву указу, послу и королевскому дворянину сказал, что царское величество жалует их, велел сести». Нет необходимости пересказывать полностью все посольские церемонии, тем более что в «дворцовых разрядах» и особенно дипломатических делах о взаимоотношениях со Швецией можно найти их более подробное описание. Обратим внимание, что 30 ноября царь Михаил Федорович «указал быти у себя государя и у бояр в ответе свейским послом». Эта формула показывает, что Боярская дума сохраняла определенное значение во внешнеполитических делах, с ее стороны «в ответе» шведским послам были князь Иван Борисович Черкасский, Михаил Борисович Шеин и участник заключения Столбовского мира князь Даниил Иванович Мезецкий. Суть посольства Александра Рубца прояснил еще С. М. Соловьев. Шведы просили о проезде в Белую Русь и к запорожским казакам, на что московское правительство ответило отказом. Выбор послом человека, который пострадал за православную веру в плену в Мариенбурге («Мальборке») на глазах у патриарха Филарета, оказался очень удачным. Патриарх Филарет Никитич вспомнил всю историю Рубца и не мог не проникнуться к нему симпатией. В общем, стороны должны были остаться довольны друг другом, так как увидели взаимное стремление к сближению своих стран⁸¹. Однако шведам не удалось склонить царя Михаила Федоровича к немедленным совместным действиям против Речи Посполитой. В Московском государстве справедливо полагали, что время для этого еще не пришло.

Между встречами шведских послов состоялся еще один стол у государя на праздник Знамения Пресвятой Богородицы 27 ноября. Опять записные книги более скупко сообщают об этом событии, чем разрядные книги. По сведению последних, это был торжественный стол «в Золотой подписной палате», а кроме бояр, в этот день «ел у государя отец его государев, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич московский и всеа Русии».

До начала января было еще три традиционных «стола»: 6 декабря «на праздник великого чудотворца Николы», 21 декабря «на праздник великого чудотворца Петра митрополита» у патриарха Филарета Никитича и, конечно, 25 декабря на Рождество Христово.

В декабре царь Михаил Федорович по-прежнему решал дела о назначении в новые чины, отпуске городских воевод и об отсылке московских дворян в приказы. Но главным декабрьским делом стали перемены в Посольском приказе и опала Ивана Грамотина, отправленного в ссылку в Алатырь. На его место был назначен Ефим Телепнев, брат посольского думного дьяка времен царя Василия Шуйского Василия Телепнева. Причиной опалы стала попытка Ивана Грамотина самостоятельно вести посольские дела: «...и будучи у государева дела... указу не слушал, делал их государские дела без их государского указа, самоволством, и их государей своим самоволством и упрямством прогневил, и за то на Ивана Грамотина положена их государская опала». Сопровождать Ивана Грамотина в ссылку для «береженья» был отправлен Яков Авксентьевич Дашков, которого щедро наградили, выдав ему полностью оклад четвертного жалованья, новое поместье и обеспечили казенными подводками. Неделшево, оказывается, стоил гнев патриарха, к которому для «благословенья на отпуске» приходил пристав Яков Дашков!

В те же дни в Москве находился украинский священник Лаврентий Зизаний Густановский, корецкий протопоп, привезший с собой «тетради», отданные в Посольский приказ для перевода. Это был составленный им катехизис, или книга «Оглашение», которую Лаврентий Зизаний привез для исправления в Москву. Эту книгу смотрел и переводил патриарх Филарет, переименовавший ее в «Беседословие», чтобы не путать с книгой Кирилла Иерусалимского. На казенном дворе в присутствии боярина князя Ивана Борисовича Черкасского и думного дьяка Федора Лихачева состоялся диспут Лаврентия Зизания с игуменом Богоявленского монастыря Ильей и книжным справщиком Григорием. Несмотря на то что московским цензорам предлагалось говорить «любовным обычаем и со смирением нрава», их позиция была агрессивной и обвинительной, в то время как Лаврентий Зизаний, напротив, выказывал готовность к исправлению своего труда, зачем он, собственно, и приехал в Москву. В этих диспутах отражалось нараставшее недоверие к православной образованности греческой церкви, нуждавшейся в своем

Возрождении, обновлении через использование опыта античной философии и западной образованности. Так, игумен Илья и Гришка говорили Лаврентию Зизанию: «У тебя в книге написано о кругах небесных, о планетах, зодиах, о затмении солнца, о громе и молнии, о тресновении, шибании и перуне, о кометах и о прочих звездах, но эти статьи взяты из книги Астрологии, а эта книга Астрология взята от волхвов еллинских и от идолослужителей, а потому к нашему православию несходна». Зизаний отвечал им со спокойным достоинством: «Почему же не сходна? Я не написал колеса счастья и рождения человеческого, не говорил, что звезды управляют нашей жизнью; я написал только для знания: пусть человек знает, что все это тварь Божия»⁸².

Хотя Лаврентий Зизаний и находился на положении почетного гостя, его содержание в Москве легко можно было спутать с почетным пленом. Тем не менее очень показательным для московских порядков того времени отношение к «выезжим» людям, попадавшим обычно под опеку царя и патриарха. Например, накануне праздника Богоявления, когда протопоп Лаврентий бил челом, чтобы ему позволили быть «у ердани», царь Михаил Федорович пожаловал его «с дворца блюдо яблок свежих, блюдо грушей в патоке, блюдо вишней в патоке же». На следующий день, в праздник Богоявления, Зизаний получил «в стола место корм». В другой раз «в запрос», то есть по своей просьбе, он получил из Дворцового приказа кроме яблок и вишен, «десять лимонов», а вместо «алив» (оливок) ему было послано «сто слив добрых», да еще две кружки «малвазеи». Православный богослов из Великого княжества Литовского все-таки был допущен на Печатный двор. В феврале, отпуская корецкого протопопа в Литовскую землю, его щедро наградили.

6 января царь Михаил Федорович, по обыкновению, праздновал двенадесятый праздник Богоявления в Кремле. 7 января 1627 года у царя Михаила Федоровича «у руки на отпуске» был окольник Лев Иванович Долматов-Карпов, назначенный на службу на Волуйки «для посолские розмены». Ему был выдан царский наказ: «А как про крымских мурз, которым быти на Волуйке для посолские розмены, околничему Лву Карпову ведомо учинитца, что они идут к Волуйке, и Лву Карпову с государевою казною и с посланники и с крымскими посланники с Ельца велено идти на Волуйку наспех, чтоб ему притти на Волуйку до приходу крымских мурз заранее».

В январе 1627 года были сменены также сибирские воеводы. Обычно их меняли сразу же во всех городах Сибири раз в три года. Дорога в сибирские города занимала по пол-

года и больше, поэтому если бы смена воевод происходила традиционно, то Сибирь годами могла бы оставаться без воеводской власти. Существенной была и экономия средств на прогонах ямских подвод. Значение Сибири и собиравшейся там пушной казны было очень велико, это подчеркивается особым совместным приговором царя, патриарха и Боярской думы (государь «указали и бояре приговорили») о посылке воевод и голов в Сибирские города. С этого года была сделана попытка «оптимизации» управления, потому что главный воевода Тобольского разряда боярин князь Юрий Яншевич Сулешев, побывавший на службе в 1623—1625 годах, посоветовал царю Михаилу Федоровичу несколько изменить структуру воеводских назначений: «сказал государю боярин князь Юрья Яншеевич Сулешов, что на Верхотурье другому воеводе быти нечево для, толко в том государеве казне в жалованье и в подводах убыток».

2 февраля «на праздник Сретение Господне» был государев стол в «Золотой подписной полате». На нем присутствовал патриарх Филарет Никитич. 12 февраля «по памяти из Розбойново приказу, посланы государевы грамоты в города о губных старостах». Это известие записной книги — свидетельство целой реформы губного дела 1627 года, которую Н. И. Костомаров считал важнейшей из законодательных мер конца 1620-х годов. Была предпринята попытка восстановить принцип выборности губных старост, введенных в Московском государстве еще в первой половине XVI века. Губные старосты времени царя Михаила Федоровича уже были далеко не те губные старосты, которые служили при Иване Грозном. Еще дед боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского служил в губных старостах, что ему неизменно поминали как местническую «потерю». Со временем население уездов перестало участвовать в выборах губных старост, и эти должности стали замещаться отставными или увечными дворянами и детьми боярскими, не имевшими никакого влияния ни на воевод, ни на приказы. Хотя по-прежнему на них было возложено немало важных дел, связанных с судом по мелким преступлениям и разделом земли в уездах. Губной староста мог даже замещать воеводу в случае его отсутствия. С 1627 года попытались уничтожить специальных сыщиков, посылавшихся по крупным разбойным делам из Москвы. Это было обременительно и для казны, и особенно для местного населения. Но доверить такое дело можно было только авторитетным, а не случайным людям. Поэтому в городах требовали избирать в губные старосты людей, «которым бы можно в государевых делах верить»⁸³

16 февраля «по государеву указу» в дьяки Нижегородской чети был назначен Баим Болтин, на следующий день он был приведен «ко кресту», что одновременно означало и вступление в должность. Эта рядовая запись может быть и не заслуживала бы упоминания, если бы не исследование С. Ф. Платонова об авторе так называемого Хронографа Столяра или «Карамзинского хронографа», рукописью которого пользовался Н. М. Карамзин при освещении событий Смутного времени. Баим Болтин и был, по авторитетному заключению С. Ф. Платонова, автором этой уникальной рукописи. Записные книги, помимо прочего, сообщают нам крестильное имя Болтина — Сидор, тогда как во всех других источниках он упоминается под некалендарным именем — Баим.

25 февраля состоялся дебют посольского дьяка Ефима Телепнева на приеме «кызылбасково шаха купчин». В этот день был стол в Золотой меньшей палате. Персидские подданные приехали к царю Михаилу Федоровичу «с грамотами и с дарами»⁸⁴. Нигде так не умели делать подарки, как на Востоке. В Москве еще не забыли дара Ризы Господней от шаха Аббаса I и процессию со слонами и арапами, сопровождавшими прежнее персидское посольство. Поэтому «купчин» могла ждать только самая радушная встреча.

135-Й ГОД, ВЕСНА

1 марта в Золотой подписной палате праздновали день ангела царицы Евдокии Лукьяновны. К государеву столу были приглашены патриарх и бояре Михаил Борисович Шейн, князь Даниил Иванович Мезецкий и окольник Артемий Васильевич Измайлов. В тот же день «выезжий литвин» Андрей Бермацкий был назначен в приказные люди к архиепископу суздальскому и тарусскому Иосифу. Тем самым решались сразу две проблемы: помимо того, что был устроен Андрей Бермацкий, получил отставку прежний приказной человек Иван Петрович Ленин, не пожелавший служить у епископа владимирского и берестейского Иосифа, назначенного в Суздаль. В октябре 1626 года Ленина даже посадили в тюрьму на неделю за то, что он поехал в Суздаль только «после архиепискупа, чрез государев указ», о чем была сделана запись в книгах Московского стола. Поведение Ивана Петровича, послушавшегося государева указа, отражало нежелание русского служилого человека быть в приказных людях у «иноземцев», которыми в Московском государ-

стве считали киевское духовенство. Хотя, может быть, сказались и некоторые личные особенности характера архиепископа Иосифа Курцевича, «прославившегося» впоследствии многочисленными ссорами со своею паствою и в конце концов, отлученного от суздальской кафедры.

В марте каждого года приходила пора расписывать по местам службы воевод Украинного разряда. Обычно Боярская дума подбирала кандидатуры, наблюдая за тем, чтобы не ущемить чью-нибудь местническую честь. На самом деле очень редко обходилось без споров. Так случилось и на этот раз, когда 7 марта были расписаны воеводы князь Федор Семенович Куракин и князь Иван Федорович Шаховской в большой полк в Тулу, князь Иван Федорович Татев и Степан Лукьянович Хрущов в передовой полк в Дедилов, Андрей Осипович Плещеев и Иван Владимирович Благово в сторожевой полк в Крапивну, князь Фома Дмитриевич Мезецкий и Максим Петрович Крюков в прибылый полк в Мценск, князь Федор Борисович Татев и представитель рязанского «выбора» Василий Петрович Чевкин в Переславль-Рязанский, князь Иван Петрович Засекин и выборный рязанский дворянин Федор Злобин Лихарев в Михайлов, Василий Никитич Пушкин и мещерянин Алексей Смирнов Чубаров в Пронск. Уже «у сказки» начались челобитные о местах: первый рязанский воевода князь Федор Борисович Татев бил челом на первого воеводу Большого полка в Туле князя Федора Семеновича Куракина. В свою очередь на князей Татевых бил челом первый воевода сторожевого полка Андрей Осипович Плещеев, вызвав ответное челобитное от них на Плещеевых. Князьям Татевым вообще не повезло в этот раз, потому что оскорбленным посчитал себя и ярославский князь Иван Петрович Засекин, назначенный в Михайлов. Второй воевода Большого полка в Туле князь Иван Федорович Шаховской просил защитить его от возможных претензий первых воевод передового и сторожевого полков, ссылаясь на прежнее «уложение». К этому для полноты картины надо добавить челобитную Василия Никитича Пушкина на Андрея Осиповича Плещеева, которому теперь приходилось искать «случаи» и на князей Татевых, и на Пушкиных, челобитную второго воеводы сторожевого полка Ивана Владимировича Благово, других вторых воевод Тульского разряда и, наконец, споры рязанских воевод (и рязанских дворян) Федора Злобина Лихарева и Василия Петровича Чевкина. Всего, таким образом, на имя царя и патриарха поступило шесть челобитных, по которым боярами был дан суд.

Некоторые челобитные прямо нарушали изданные указы и давно разработанное «уложение» о службе. В разрядных книгах содержится известие о том, как 21 марта царь Михаил Федорович «велел воевод послати к сказке». Обычно такие «сказки» — решения царя и Боярской думы давать или нет суд по местническим делам, объявлялись на Постельном крыльце. Думный дьяк Федор Лихачев выкликивал имя челобитчика, стоявшего в толпе собиравшихся в Кремле свободных от дел членов Государева двора и жильцов, и обращался лично к нему. Кто-то получал разрешение на суд после того, как служба «минется», другим отказывали, иногда грубо, случалось и с рукоприкладством, отправляя докучливых челобитчиков, явно нарушавших местнический порядок, в тюрьму⁸⁵. На этот раз не повезло Андрею Осиповичу Плещееву. «Андрей Плещеев, — говорил ему думный дьяк, — Государь тебе велел сказать, бил ты челом на князя Ивана Татева, что ему указано быть в передовом полку, а тебе в сторожевом полку; и государево уложение давано с собору, что сторожевому полку до передового полку дела нет, ни чести, ни безчестья; а хотя б тебе велели с родным его братом быти или хуже тебя, кто в передовом полку, и ты б, ведая государев указ, государева указа не нарушивал, и государя тем не кручинил»⁸⁶.

С такими сложностями происходило назначение воевод, которым был указан срок «стати по местом» 1 апреля. К этому дню на службе должны были уже находиться дворяне и дети боярские украинских городов, расположенных рядом с центрами сбора полков Тульского и Рязанского разрядов. Дворянам и детям боярским замосковных городов, чья дорога к месту службы вместе с вооружением и запасами не была такой простой, был назначен традиционный срок выхода на службу — 23 апреля, «Егорьев день». Пока служилые люди находились на службе в полках, у них была льгота — отсрочка в любых судных делах. В записных книгах Московского стола отметили, что 13 марта «посланы памяти по приказом, а велено для службы в судных во всяких делах отсрочить дворяном и детем боярским, и князем, и мурзам, и татаром, и атаманом, и казаком украинских и северских и полских и замосковных городов обеих половин».

После решений, связанных с организацией службы в Украинном разряде, наступало время больших праздников. Традиционно во дворце был стол 14 марта, «на праздник Пречистые Богородицы Федоровские». Это день, когда царь Михаил Федорович в Костроме дал свое согласие занять престол. Не случайно в числе приглашенных были те люди,

которые много сделали для царского избрания: боярин Федор Иванович Шереметев, возглавлявший в 1613 году посольство земского собора к Михаилу Федоровичу в Кострому, и боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский. На 18 марта пришлось Вербное воскресенье, а на 25 марта — Пасха. Оба эти дня праздновались столами у царя и патриарха, а также многочисленными пожалованиями. В Вербное воскресенье в московские дворяне было пожаловано 23 человека; почти всех, кто перешел в новый чин из стольников, пригласили на праздничный «стол» к царю Михаилу Федоровичу. Кроме того, еще 6 человек получили чин стольников и 10 человек — стряпчих. На Пасху пожалования продолжались, и Государев двор пополнился десятью стольниками и семью стряпчими. Возможно, на такую щедрость в пожалованиях повлияло совпадение праздников Пасхи и Благовещения — так называемая Кириопасха, случавшаяся крайне редко и потому отмечаемая с особенной пышностью. 25 марта в виде особой милости было допущено 40 человек дворян московских, которые «государю челом ударили в комнате», то есть поздравляли царя Михаила Федоровича с Пасхой и обменивались с ним подарками. Завершал череду этих праздничных столов прием по случаю нового праздника «Ризы Господней», приходившегося на «вторник на Светлой неделе».

Перечисление праздничных «столов» может создать иллюзию, что вся записная книга наполнена только одними перечнями приглашенных на них членов Государева двора. На самом деле продолжались рутинные отсылки в приказы служилых людей «московского списка», их назначения на воеводства и по другим службам. К 11 апреля относится еще одно «опальное дело»: по указу царя и патриарха подьячий Алексей Шахов был послан с приставом в Уржум. Правда, это была «мягкая» опала, потому что Шахова посылали служить подьячим воеводской избы, но при этом «без своего государева указа переменять и ни в которой город переводить ево не велели». Все обстоятельства этого дела изложены туманно и остаются неизвестными: подьячий сидел «за вину», а «то дело, по государеву указу, ведают боярин князь Иван Борисович Черкасской да думной дьяк Федор Лихачев». Скорее всего, речь идет о «слове и деле государевом». В этом случае разбирательство поручалось одному из бояр, который докладывал царю о серьезности объявленного дела.

16 апреля царь Михаил Федорович поддержал коллективную челобитную, поданную архимандритами и игуменами и

«всякими служилыми и жилецкими» людьми Дмитрова. Этот город оказался одним из немногих, где с функцией воеводы успешно справлялся губной староста дмитровский дворянин Федор Васильевич Чаплин. Его и просили оставить управлять в городе, на что царь Михаил Федорович ответил согласием и «указал» ему «быти в Дмитрове и ведати губные и татинные и всякие государевы дела и четвертные доходы собирать и посадских людей судить». Все перечисленное было шире функций губного старосты, поэтому Федора Васильевича Чаплина отправляли как воеводу из Устюжской четверти, а не из Разбойного приказа, если бы он оставался на прежней должности губного старосты.

18 апреля, с наступлением сухого весеннего времени, были приняты меры к защите Москвы от пожаров. Эта традиционная мера состояла в назначении «объезжих голов», в задачи которых входило «береженье от огня и от всякого воровства». Объезжие головы назначались «в старом в Кремле городе», «в Китае городе», «в Белом городе», «за Яузою в остроге», «за Москвою рекою в остроге», «за Каменным городом в слободах». Московские улицы — Никитская, Покровская, Пятницкая, Тверская, Сретенская, а также городские ворота должны были постоянно «патрулироваться» объезжими головами, ездившими в сопровождении назначенных с ними людей, решеточных приказчиков с Земского двора и выборных, взятых «в тех местех, где ездят, с 10 дворов по человеку». То, что такие охранные меры были излишними, должны были напоминать остававшиеся пепелища от пожара 3 мая 1626 года.

Но в эти дни у царя Михаила Федоровича оставалось немного времени для плохих воспоминаний. В Кремле готовились к появлению первенца в царской семье. 22 апреля, как мы уже знаем, родилась царевна Ирина Михайловна. Единственный раз в связи с этим в записной книге появляется имя «великой государыни, иноки Марфы Ивановны», которая уже на следующий день после родов приказала с царицыным истопничим «прислать в верх» к Федору Стрешневу какого-нибудь «дворянина московского или из города сына боярсково». Зачем он понадобился на двор царицы Евдокии Лукьяновны именно в этот момент, можно только догадываться; скорее всего, ему было поручено распоряжаться всем, что необходимо для родившейся царевны. 25 апреля 1627 года был стол «в Золотой болшой в Гроновитой полате на ево государскую радость, на роженье царевны и великие княжны Ирины Михайловны», куда, конечно, был приглашен отец царя и самые приближенные бояре: князь Иван

Борисович Черкасский, Михаил Борисович Шеин, князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Имя девочке выбрали со смыслом — «имянины ее и празнуют ангелу ее мая в 5 день, святыя мученицы Ирины»⁸⁷ — это напоминало имя другой царицы, Ирины Годуновой, жены «дяди» царя Федора Ивановича. 6 мая, в воскресенье, царевну крестили в Чудовом монастыре, и в этот день был еще один «стол» «в Золотой в меньшей палате».

Таким образом, мы «прожили» один год с царем Михаилом Федоровичем, вникая в подробности тех дел и событий, в которые последовательно пришлось вникать и ему, от страшного разорительного пожара 3 мая 1626 года, до рождения и крещения царевны Ирины Михайловны 6 мая 1627 года. Конечно, никакой, пусть даже очень важный и подробный, документ не может служить исключительным пособием для составления летописи царских занятий. Не случайно сведения записных книг московского стола приходилось постоянно перепроверять записями разрядных книг и другими источниками. Удалось или нет такое летописное хронологическое повествование, — судить читателю, но теперь он по крайней мере введен в курс повседневных государственных забот царя Михаила Федоровича.

Глава девятая «ГОСУДАРЕВЫ ДЕЛА И ЗЕМСКИЕ»

Писцовые описания. —
Торговые люди. —
Смета русского войска

После прекращения деятельности земских соборов в 1622 году «государевы дела и земские», ранее решаемые царем Михаилом Федоровичем вместе со «всею землею», стали прерогативой двух великих государей — царя и патриарха, а также Боярской думы. Люди Московского государства, занятые собственным обустройством, легко отдали возможность участия в делах управления в руки центральной власти, освященной избранием ее представителями всех сословий. Но и власть действовала не вопреки земскому «миру», а с оглядкой на его интересы. Что это означало на деле, можно понять, проанализировав внутреннюю и внешнюю политику России накануне Смоленской войны 1632—1634 годов. Ибо почти все, что делалось во второй половине 1620-х годов, имело дальний прицел — новую войну с Речью Посполитой.

ПИСЦОВЫЕ ОПИСАНИЯ

Вокруг земли в прямом, да и в переносном смысле вращалась жизнь государства и общества XVII века. Все важнейшие решения, все исторические события имели еще одно — земельное — измерение. Земля была не только условием существования многомиллионного крестьянства, но и источником главных богатств в стране, основой служебной и налоговой системы. Знакомясь с дозорами первых лет царствования Михаила Федоровича, мы уже называли две основные проблемы, которые принесло с собой Смутное время в области земельных отношений. Первая была связана с подтверждением прав на поместную и вотчинную землю, а вторая — с устранением неравномерности в налогообложении, существовавшей как анахронизм из-за отсутствия общего описания земель в Московском государстве. Толчком к разрешению земельных проблем, как ни странно, послужило чисто внешнее событие — тот самый московский пожар 1626 года, который уничтожил архив Поместного приказа. К тому времени были испробованы все паллиативные меры, чтобы наладить земельный учет и подготовиться к новому общему описанию: дозорные книги, сыскные приказы, подтверждение жалованных грамот. И все же для решения даже самого рядового дела о спорных пустошах и пожнях требовались челобитные и хождения по приказам в Москве.

Дела по описанию земель хранились в тех ведомствах, которые занимались судом и собирали налоги в уездах и посадах Московского государства. Это финансовые четверти — Устюжская, Новгородская, Владимирская, Галицкая и Костромская, а также приказы Большого прихода, Казанского дворца, Посольский и Разрядный. Такое рассредоточение описаний тормозило деятельность тех приказов, которые уже перешли на новые, общегосударственные основания управления, таких, как Ямской и Стрелецкий, взимавших одноименные налоги по сошному письму. Их значимость подчеркивалась назначением в эти ведомства в конце 1620-х годов первостепенных бояр князя Бориса Михайловича Лыкова и князя Ивана Борисовича Черкасского. Ямской и Стрелецкий приказы не вникали в особенности форм собственности, тягла, ведомственной и территориальной подчиненности, а брали налог со всех, кто обязан был его платить. Но чтобы добиться составления необходимых платежниц по новым писцовым и дозорным книгам, нужно было преодолеть немало сложностей. Особенно это касалось тех территорий, которые существенно поменяли состав

владельцев в Смутное время и формы собственности, когда масса дворцовых и черносошных земель попали в частные руки. Получить информацию об окладах для сбора налогов с этих территорий можно было только после их дозора или описания.

Примерно с 1622 года была сделана попытка сосредоточить дело описания частновладельческих имений в Поместном приказе. Это решение было следствием поставленной еще перед земским собором 1619 года задачи обновления сведений о земле: «Указали есмя наше государство все обновити писцами и дозорщиками»⁸⁸. Но быстрого результата тогда достичь не удалось, сделанные наспех дозоры вызвали слишком много нареканий, а посылки писцов, начавшиеся с 1623 года, затронули немного городов. С. Б. Веселовский, осветивший в своем исследовании «Сошное письмо» весь ход описательных работ 1620-х годов, насчитал за это время 5—6 описаний, среди которых главной, конечно, была посылка писцов в Московский уезд. Выбор остальных «малых» уездов — Звенигорода, Клина, Перемышля, Ржевы Владимировой, Старицы, мог диктоваться их разорением в Смуту. В это же время еще продолжались отсылки писцов в уезды из других ведомств; так, например, Новгородская четь начала описание Псковского уезда, а Казанский дворец — Алатыря и Курмыша. В следующие годы отсылка писцов продолжилась и затронула в общей сложности около 20 городов и уездов, что составляло «едва четвертую часть всех городов ведомства Поместного приказа»⁸⁹. К моменту пожара 1626 года в Поместном приказе находились только писцовые книги части Московского и Клинского уездов.

Сразу после пожара в ведомстве Поместного приказа предприняли работу по учету и описанию оставшихся документов и по сбору тех материалов, которые могли помочь восстановить утраченную документацию: приправочных книг с прежних описаний уездов, выдававшихся для справки писцам, черновых дозорных и писцовых книг. Так были восстановлены, например, клинские писцовые книги, причем подьячему, по его собственным словам, приходилось самому покупать бумагу для этих целей. Общие описательные работы были отложены почти на год, и только в конце апреля 1627 года Поместный приказ взялся за подготовку приправочных книг⁹⁰. О размахе работ свидетельствует тот факт, что приправочные книги изготовлялись сразу же по 42 городам, в большинство из которых писцы были посланы в том же 1627 году. В течение 1628—1629 годов было начато описание почти всех земель ведомства Поместного приказа.

Не без связи с планировавшимся составлением общего писцового описания 26 февраля 1627 года был принят важный указ царя и патриарха о запрете раздачи дворцовых земель, так как Приказ Большого дворца уже не справлялся с растущими нуждами «государева обихода» и другими дворцовыми расходами, «а исполнять неоткуда». Необычна сама форма указа, в котором «великие государи», видимо, не надеясь, что смогут скоро отказаться от укоренившейся привычки легкой раздачи дворцовых земель, просят напоминать им самим свое распоряжение: «и хотя будет их государской приказ, будет по чьему челобитью велят выписать кому дворцовое село или деревни к отдаче, и сесь их государской приказ памятовать и докладывать их, государей»⁹¹.

Обычно для описания уездов назначалась комиссия из московского дворянина и приданного ему для технических нужд подьячего. Обязательным требованием было отсутствие «конфликта интересов» у писца, который не мог владеть землей в том уезде, куда его посылали для работ. Более того, если какие-то люди имели основания опасаться «недружбы» писца, судились с ними, они подавали челобитную, чтобы их поместья и вотчины переписали писцы соседних уездов. Писец и его помощник давали присягу, «крестное целованье», что будут делать все дела «вправду», в соответствии с государевым наказом.

Наказы о «писме и мере» посадов и уездов выдавались каждой комиссии писцов, содержание этих документов зависело от того, какое ведомство посылало писцов — Поместный приказ, дворцовое ведомство или чети. В однотипные указы вносились иногда небольшие корректировки, отражавшие особенности землевладения в отдельных местах. Обязанности писцов были многообразны. После приезда им предлагалось осматривать описываемые ими посады, уезды, пашни, угодья и леса. В ходе такого осмотра писцы проверяли прежние документы на поместья и вотчины, обмеривали пашню с помощью специальной мерной веревки, сделанной по выданной им в Москве государевой казенной сажени. «А веревку велеть свить длинную 80 сажень, — говорилось в наказе писцам, — а поперечную 30 сажень». Переписчики проверяли сказки о состоянии посадов и числе их жителей, о количестве земли и населении помещичьих и вотчинных владений, монастырских и церковных вотчин. Им нужно было следить, чтобы никто не утаивал за собою людей, не примеривал себе лишней земли, не облегчал тягла. Главный принцип, ярко сформулированный в наказах относительно оброчных земель, — посильность тягла: «чтоб в го-

судареве казне прибыль была, а убытков нигде в государеве казне не было, и крестьяном бы тягости великие в оброках не было, чтоб им как вперед прожить, а государевы оброки и всякие дани платить ежегод сполна беспереводно мочно». Одновременно с описанием, на что обращалось особое внимание, писцы должны были провести размежевание всех земель и угодий, в том числе спорных. Для контроля писцы обязаны были представлять в Поместный приказ перечневые книги, содержавшие краткую информацию о проведенных описаниях и полученных результатах сошного письма.

Сознавая сложность задач, стоявших перед писцами, правительство включило в наказ много норм, требовавших дополнительного рассмотрения и решения по докладным выпискам самими «великими государями». Так, если писцы обнаруживали «лишка» в чьих-нибудь поместных землях, они не имели права отдавать найденные дополнительные земли в «роздачу», без «государева указу». Все такие поместные излишки отписывались «на государя», и об этом извещался Поместный приказ. Писцы могли примерно расписывать, на сколько лет — пять, десять или пятнадцать — можно получить льготу на необрабатываемые «переложные» земли, но, приехав в Москву, они обязаны были «доложити государя... и государь... указ учинит». В отношении поместий писцам прямо запрещалось «рописывать» их без государевых грамот (то есть если у владельцев отсутствовали соответствующие документы на поместные земли или оброчные угодья).

Вмешательства государя больше всего требовали вотчинные дела. Писцы должны были следовать порядку, установленному по «уложению» царя Ивана Грозного с «89 года», то есть указам об отмене тарханов, состоявшимся, если быть точным, 15 января 1580 года⁹². С этого времени церкви было запрещено приобретать каким-либо способом, в виде купли или вклада, земли служилых людей. На самом деле вотчинники и монастыри находили способы обойти этот закон, и практика пополнения монастырских владений за счет приобретения земли служилых людей продолжалась. В отношении таких нарушений царь Михаил Федорович объявлял амнистию, в случае если не было каких-либо челобитных до его воцарения. Считалось, что «те вотчины застарели в монастырех многими леты». Отдельно решался вопрос о монастырских вотчинах, если на них были челобитчики со времени воцарения Михаила Федоровича. Писцы должны были собрать информацию и написать о таких спорных владениях в своих писцовых книгах отдельной статьей. Дальше во-

прос решался самим государем («о тех вотчинах велит указ учинить»). Вообще Поместный приказ больше заботила практика, установившаяся со времени избрания царем Михаила Федоровича. Поэтому должен был состояться пересмотр пожалований монастырям вотчин служилыми людьми, не имевшими наследников. Очень характерно для политики царя Михаила Федоровича, что речь не шла о конфискации таких земель, полученных монастырями в обход «уложения» царя Ивана Грозного. Вотчины должны были выкупаться, а монастыри получить компенсацию из государственной казны «по своему государеву указу и по новому уложению».

По усмотрению царя Михаила Федоровича должны были решаться дела о вотчинах, конфискованных когда-то «в опричину з городом, а вотчинники высланы в земское, и раздаваны те их вотчины в поместье». В Москве хорошо знали, что вслед за опричными переселениями последовало запустение многих опричных земель и постепенный процесс возвращения вотчинников на свои земли, как законного, так и незаконного. Со временем создалась ситуация, когда у владельцев вотчин имелись старые грамоты на них, но не было царского указа об отдаче им назад таких вотчин, ставших «порозжей» землею уже после отмены опричнины. Таких владельцев с неявными правами на землю писцы обязаны были высылать за порукой в Москву «в государеве пене и во владенье». Старым вотчинникам необходимо было вместе с писцами «встать перед государем», а тот должен «им в тех землях указ учинить». Доклад царю Михаилу Федоровичу требовался и в других спорных случаях владения вотчинами без крепостей или по таким крепостям, где земля обозначена поместной, а не вотчинной. Самостоятельно писцы отписывали земли тех людей, у кого не было права на приобретение вотчин: «неслуживые люди, попы не к церквам и торговые мужики, и монастырьские служки, или холопы боярские». Напротив, писцы должны были принять меры, чтобы сохранить в составе землевладельцев атаманов и казаков, «сдававших» свои поместья и распродававших вотчины, чтобы избыть государственной службы.

Новые описания отменяли также прежние дозоры, запись в дозорных книгах первых лет царствования Михаила Федоровича переставала быть основанием для владения землей. В наказе писцам ссылались на то, что «дозорные книги погорели», и справедливо опасались, как бы предприимчивые дельцы не начали искать прежних дозорщиков и уговаривать их написать заново выписи из книг своего дозора,

которые невозможно было бы проверить («станут... промышлять новыми выписями и крестьян и бобылей и угодыя учнут воровски приписывать, и от тово будет в земле смута великая, бедным обида»). Так завершилась более чем десятилетняя история дозоров послесмутных лет, к которым у московского правительства так и не возникло большого доверия. Одновременно утратили свое значение сыскные десятины первых лет царствования Михаила Федоровича. По указу 8 декабря 1627 года при проверке правильности перевода поместий в вотчину «за московское осадное сиденье» следовало учитывать разборные десятины 1621/22 года⁹³.

Писцы должны были собирать копии документов на земельные владения, переписывать их, составлять обыскные списки при умышленном запустошении тяглых земель, готовить чертежи своего межеванья в спорных случаях и все это, в случае необходимости, «класти перед государем... и государь... в тех земляных делах указ учинит». Согласно наказу, у писцов были полномочия по высылке землевладельцев к ответу в Москву, доправке пошлин и даже проверке состава семей дворян и детей боярских. Дело в том, что со времени общего разбора 1621/22 года появилось немало новиков, претендовавших на обеспечение своей службы поместьями. Отцовские поместья записывались за младшими братьями, а старшие «приискивали» себе тем временем новую землю. Писцовый наказ регламентировал обеспечение земель, когда единственные сыновья в семье верстались окладами «от отцов». В этом случае они должны были дожидаться вступления в свои права на поместье до окончания службы отца («ждать под отцом поместья»). Забота об учете новиков отразилась не только в наказе переписчикам. В 1627/28 году было организовано общее верстание новиков в Москве и по городам⁹⁴.

Наличие широких полномочий у писцов, естественно, создавало почву для злоупотреблений, и поэтому писцы ставились в определенные условия работы. Они должны были как можно быстрее составить чистовой вариант своих книг («и писцом начисто велети в книги писати перед собою часа ж того»). Первичную же документацию («полевые книги») требовалось хранить запечатанными «для береженья».

Надо сказать, что каждый день пребывания переписчиков на местах обходился очень недешево тяглым «мирам», платившим за их постой и обеспечивавшим их кормом и подводами. Поэтому, например, 14 октября 1627 года ряд писцов, которые описывали только уезды, а не посады, были отозваны в Москву, чтобы не создавать дополнительного

напряжения тяглым людям («чтоб уездным людем от писцов продажи не было в кормех»)⁹⁵. Не давалось писцам отсрочки в их собственных земельных и судебных делах, чтобы они скорее завершали свою работу и не использовали ее в качестве предлога для судебной волокиты.

В наказе перечислены и известные Поместному приказу проступки писцов, за которые им грозило серьезное наказание: «А учнут писцы... писати и мерити и отделяти кому в поместье через землю и выбором не сряду, или кому лишек дадут через государев указ, или добрую землю за среднюю и за худую землю, или среднюю и худую землю за добрую землю учнут писати не прямо, другом учнут дружити, а не другом мстити, а живущее в пусто, а пустое в живущее учнут писати, а от того учнут посулы и поминки имать, и государь... тех мест велит послать досматривать и описывать иных писцов, да в чем писцы солжут, и им от государя... быть в великой опале и в казни»⁹⁶.

Описательные работы продвигались по-разному. Все зависело от размеров уездов и посадов, опытности тех или иных писцов, количества земельных споров в уездах. Бывало даже так, что писцы не знали тонкостей порученного им дела, но легко соглашались на службу. Один из таких гореписцов Фока Дуров, посланный в 1623—1625 годах описывать Тотемский посад и уезд, едва не разорил Тотьму, перепутав большую соху с волостными сошками. В декабре 1632 года дело разбиралось в Устюжской четверти, где Фока Дуров свалил все ошибки на подьячего, а сам без тени стыда признался: «А он де, Фока, сошного письма не знает и класть не умеет»⁹⁷.

Правилом было составление писцовых книг в течение нескольких лет, например, из начатых в 1627 году описаний писцовые книги по Бежецкому Верху были составлены 14 мая 1632 года, Деделовского уезда — не ранее 1632 года, Каширского уезда — в начале 1633-го, Муромского уезда — не ранее 1631-го, Тульского уезда — не ранее 1633 года. Иногда описание растягивалось на пять — семь лет и многие работы не были еще окончены ко времени Смоленской войны 1632—1634 годов.

Вина в этом лежала отчасти на московском правительстве, постоянно корректировавшем ход описательных работ на посадах и в уездах. Для царя и патриарха составление писцовых описаний по всем уездам Московского государства стало серьезным поводом для наведения порядка с разными формами собственности на землю, с учетом государева тягла. Начиная с 1627 года в доклад царю и патриарху вноси-

лось много дел о поместьях и вотчинах. После этого следовал какой-нибудь указ, естественно, не отраженный в наказах писцам, потому что требовалась дополнительная переписка с ними, а иногда и внесение изменений в уже проведенную работу.

Например, целое уложение о родовых и выслуженных вотчинах, выданных за московское осадное сидение «в королевичев приход», было рассмотрено в Крестовой палате царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом Никитичем 3 декабря 1627 года. Все началось с извета патриарха Филарета Никитича о противоречии формуляра жалованных грамот, выданных за осадное сидение, «правилам святых апостол и святых отец»: «А в государевых жалованных вотчинных грамотах, каковы даны вотчинникам за московское осадное сиденье королевичева приходу и за царя Васильеву осаду, написано не по правилу святых апостол и святых отец: те выслужные вотчины после вотчинников женам их»⁹⁸. Патриарх настаивал на том, что остававшиеся бездетными вдовы лишались права на распоряжение вотчинами: «до тех выслужных вотчин вотчинниковым женам, которые останутца бездетны, дела нет». Вместо этого предлагалась другая норма — наследование по мужской линии в роду: «те вотчины отдавати после умершаго брата, родным и двоюродным, и в род тово умершаго, ково не станет, хто кому в род ближе». Результатом отдельного совещания царя и патриарха стало исправление формуляра жалованных грамот. В целом предложения патриарха были приняты, но дополнительно потребовалось обсудить еще девять статей по спорным делам и принять по ним решения, записанные думными дьяками Федором Лихачевым и Ефимом Телепневым. Царь и патриарх решали, применять ли те же нормы, что и к бездетным вдовам, к матерям, дочерям, сестрам, внукам и правнучкам умерших вотчинников. Дополнительные коллизии создавались в случае пострига матерей и вдов, владевших вотчиной или поминавших душу вотчинника за счет проданного имущества.

Работы писцам прибавили и указы о «дворовой чети». Необходимо было дополнить итоги сошного письма переводом четверти живущей пашни в дворовое число. Суть этой реформы С. Б. Веселовский определил следующим образом: «Живущее, то есть пашню паханую, полагаемую в сошное письмо, стали определять (вычислять) по числу крестьянских и бобыльских дворов, по объективным нормам, а не по силам тяглых людей, не по усмотрению писцов и приказов, как было раньше»⁹⁹. Другими словами, появилась точная

счетная мера — двор, положившая предел произволу писцов. Теперь все подсчеты зависели не от размеров запашки и качества земли, а от населенности владения, что можно было точнее проконтролировать и проверить. Эта техническая по сути операция, на самом деле имела очень серьезные последствия для земельного кадастра и финансовой системы Московского государства. В результате экспансии служилого землевладения сошное письмо разрушалось. Оно не устраивало владельцев вотчин и поместий, во многом из-за произвольного понимания писцами принципа посильности тягла. Объективность двора как «отвлеченной нормы оклада»¹⁰⁰ позволила реанимировать сошное письмо и удержать его в качестве основы налогообложения до конца XVII столетия.

Дворовый счет не был новшеством. Его применяли еще в описаниях времени Ивана Грозного. Более того, нормы количества дворов на живущую четь применялись для ряда описаний первой половины 1620-х годов. Видимо, в том, сколько крестьянских и бобыльских дворов считать на живущую четверть, и была основная проблема. Московскому правительству, естественно, хотелось сделать как можно прибыльнее для казны. Поэтому по первому указу, принятому в 1620 году, когда число дворов на четь было определено для 8 замосковных городов, нормы составляли 4 крестьянских и 3 бобыльских двора на четь в служилых землях и 3 крестьянских и 3 бобыльских в монастырских и церковных. Если учесть, что в большой сохе для служилого землевладения было 800 четвертей, а для церковного — 600, то последнее обложение получалось тяжелее. Эта тенденция — более льготного обложения поместий и вотчин дворян и детей боярских — сохранилась и при всех последующих изменениях дворового счета. В 1620-е годы Поместный приказ искал единую норму и она колебалась значительно для разных уездов от 2 крестьянских и 2 бобыльских до 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Пересчет живущей четверти в дворовое число писцам можно было произвести и позднее, поэтому указ о введении дворовой чети так опоздал и первые распоряжения, коснувшиеся новых описаний, были сделаны по докладу царю и патриарху 19 марта 1630 года. Тогда нормы были установлены для 69 городов, точнее, они повторяли установленное ранее количество крестьянских и бобыльских дворов на живущую четь для этих уездов.

Но как только началось применение указа, правительство столкнулось с валом коллективных челобитных от всех землевладельцев уездов об облегчении этих норм. Уже

17 апреля 1630 года в Поместный приказ поступила коллективная челобитная из Мосальска, который положили в живущее по самому тяжелому окладу: «по 2 крестьянина да по 3 бобыля в четверть». Ничем, кроме обычного для бюрократов плохого знания своей страны, решение написать Мосальск в одном окладе вместе с Тулой объяснить нельзя. Самы мосальские землевладельцы имели все основания считать, что их оклад должен быть ближе к разоренным, а не благополучным, хорошо охраняемым уездам: «А по государеву де указу положены в живущее украинные разоренные города: Мещеск, Медынь, Вязьма, Ржева, Ноугородские пятины и Белоозеро, по 12 человек крестьян да по 8 бобылей в четверть, а Мосалеск де ближе тех всех городов к литовскому рубежу и разорен без остатку». Думный дьяк Ефим Телепнев пометил на этой челобитной решение царя Михаила Федоровича: «Государь пожаловал, велел, выписав, доложить себя государя, х которым городом приверстан». 3 августа 1630 года челобитную царю Михаилу Федоровичу подали брянчане, также жаловавшиеся на близость к литовскому рубежу: «Из одной пролуби с литовскими людьми во многих местех воду пьют». Спустя несколько месяцев брянчане подали новую челобитную, указав на начало очередного этапа в работе писцов: «И ныне, государь, им письма своего и меры книги писать, в живущем положить». Брянчане описывали тяжелую ситуацию в уезде из-за близости к Речи Посполитой, осуществлявшей политику перемаивания крестьян из государства в государство, и просили облегчить дворовое число по примеру другого порубежного города — Торопца. «И наши, государь, вотчинки и помещейца от войны литовских людей и крымских и от русских воров запустели, — жаловались челобитчики, — а которые, государь, от войны крестьянишка остались, и мы, богомольцы и холопи твои, теми своими помещейцы и вотчинками мало владеем, потому что на литовском рубеже на серпеском, и на смоленском, и на рословском, и на крычевском, и на почепском, на трубческом рубеже, обаполь всего Брянского уезда обошла Литовская земля, и крестьянишка, государь, наши до писцов и после писцов, которые имены писаны в писцовых книгах, слыша прелесть литовских людей, выбежали из-за нас за рубеж к Литве; а литовские люди прельщают: людем и крестьяном нашим дают льготу на 15 лет, а иным на 20»¹⁰¹. На обороте этой челобитной имеется помета о решении царя Михаила Федоровича: «Государь пожаловал, будет им в том указ не учинен, и по тому делу велел доложить себя государей». 13 октября 1630 года челобитная

была взята «к делу», которое стало быстро пополняться. За два месяца число таких коллективных просьб достигло девяти. Царю Михаилу Федоровичу били челом дворяне и дети боярские калужских и тульских служилых «городов» — Лихвина, Воротынска, Перемышля, Каширы, Тулы, Алексина, пограничных с Литовской Украиной — Зубцова, Торжка, Ржевы Пустой, разоренных от крымцев «польских» уездов — Воронежа и Ливен. Воронежцы, например, говорили о частых татарских приходах и пленении своих крестьян и бобылей: «и пуши, государь, нам, худые земли». Так, начиная с 10 ноября 1630 года служилые люди смогли добиться от царя Михаила Федоровича уступок в обложении, которые продолжались и дальше, пока указами 18 января и 21 апреля 1631 года нормы дворовой четверти не были унифицированы и составили в основном два разряда: 12 (8 крестьянских... 4 бобыльских) — 20 (12 крестьянских... 8 бобыльских) дворов в служилых землях и 9 (6 крестьянских... 3 бобыльских) — 15 (9 крестьянских... 6 бобыльских) в монастырских и церковных¹⁰². Все это было далеко от намерений начала 1620-х годов и хорошо показывает, что правительство в своем стремлении обложить живущие земли по самому выгодному окладу, упустило время. Сработали главные принципы налоговой системы Московского государства: положить на население столько тягла, сколько оно вынесет, а на уступки идти только в том случае, когда требовалось обеспечить его лояльность.

Сложная история введения дворовой чети показывает, что описательные работы в уездах породили немало толков и разговоров. Там, где дело касалось общих интересов, жители уездов отстаивали их коллективно. На такие обращения власть смотрела как на законные, в отличие от частных челобитных, грозивших авторам серьезными карами за «докуку», если они не будут признаны достойными внимания власти. Е. Д. Сташевский разыскал и опубликовал одну из таких челобитных — некоего Федора Федоровича Уварова патриарху Филарету Никитичу о составлении «земляного списка», рассмотренную в августе 1630 года. В обоснование своего обращения челобитчик ссылался «на многую непрестанную в народех молву», о которой он и решил донести: «што все бутта не пожалованы, а ваша государская жалованья, поместья и вотчины за собою скрывают, а иныя туды ж такают». Чтобы исправить предложение, Уваров предлагал составить «земленной списак, сколка за кем поместей и вотчин и сколка за кем крестьян». Получив в руки такой документ, московское правительство, по мысли Уварова, могло

бы противостоять толкам и умерить аппетиты служилых людей, утаивавших свои поместья и вотчины: «и тогда, государь, от такая молвы престанут и служит неоплошна и безсловна станут, доведетца, государь, будет на иных и на сомих взят, а не токмо дати».

По указу царя и патриарха рассмотреть дело было поручено боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому и думному дьяку Федору Лихачеву, однако государей интересовало не совсем то, что автора челобитной. Им нужно было знать: «какая молва и от ково именем и какими обычеи, исчево зделат земляной список и иное за ним какое дело есть ли, то б все сказал имянно про што в челобитной в твоей написано скрытно». В расспросе Уваров мало что мог добавить к тому, что он уже написал. Предложение Уварова патриарха тогда не заинтересовало, потому что противоречило существовавшей практике: «не по писцовым книгам и не по дачам земляново списка наперед сево не делывали, а толко по ево скаске земляной список велет делат, и в том будет смута и им государем в челобите болшая докука».

Федор Федорович Уваров, именуя себя в «сказке» «тмотысячным холопом» и соглашаясь на «злую смерть», в случае, если решат, что он писал об этом «для своей чести или пожитков», видимо, сумел соблюсти необходимый политес в обращении к власти. Во-первых, его выслушали, а во-вторых, хотя и пожурили, но не сильно, «што он то извещал не делом»¹⁰³. Его идея была реализована царем и патриархом через пару лет, в 1631—1632 годах, в указах о сборе сказок о землевладении с московских дворян и жильцов¹⁰⁴.

Пожар 1626 года и последовавшее за ним приведение в порядок учета земельных владений, подтолкнуло решение и другой застарелой проблемы — организации суда, тем более что значительная часть судебных дел была связана со спорами помещиков и вотчинников между собою. 28 декабря 1627 года состоялся указ по одному частному делу, в соответствии с которым запрещалось пересматривать дела, решенные «до пожару»¹⁰⁵. Судебная система Московского государства основывалась на нескольких основополагающих принципах, выработанных Судебником 1550 года и приговорами о разбойных делах 18 января 1555 года, татевных (воровских) делах 28 ноября 1555 года и губных делах 22 августа 1556 года¹⁰⁶. Когда после Смуты приводили в порядок дела в московских приказах, в 1616/17 году была составлена так называемая Вторая указная книга Разбойного приказа, нормы которой в значительной мере повторяли предыдущую указную книгу, написанную при царе Иване Грозном¹⁰⁷.

Губная реформа 1627 года, призванная улучшить дело сыска разбойников и рассмотрение дел по мелким преступлениям, показала намерения правительства царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича привести старое законодательство в соответствие с изменившейся структурой форм собственности в уездах и населения в них. Когда речь шла о несложных делах, в которых истцами и ответчиками выступали жители одного посада или уезда, то губное дело помогало суду воевод, пришедшему на смену наместничьему суду. Однако когда речь заходила о челобитных служилых людей городских чинов и московских дворян друг на друга, или об исках к патриаршим и дворцовым крестьянам, имевшим судебные льготы, то суд переносился в Москву. Общим правилом в этом случае было решать дела в том приказе, суду в котором был подведомствен ответчик. Не случайно главы приказов в это время назывались судьями.

Вопрос о совершенствовании суда рассматривался 11 января 1628 года, когда было принято особое «уложение». 17 ноября 1628 года царь и патриарх еще раз вернулись к рассмотрению статей о суде, представленных судьей Челобитного приказа окольным князем Григорием Константиновичем Волконским¹⁰⁸. В этих законодательных актах речь шла как о судах воевод, так и о судах в Москве, руководствовавшихся одними нормами организации процесса. Царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич решали, как поступать с истцами и ответчиками, если они не приезжали на суд, давая повод искам о «проести» и «волоките», что делать с отдельными категориями истцов и ответчиков. В частности, для городских дворян, которым почти каждый год давали отсрочку для службы, существовала норма, по которой они обязаны были «стать на Москве к суду, как воеводы с конь ссядут, месяц спустя». При этом многие игнорировали это правило, поэтому было принято решение дополнить его посылкой специальных грамот о вызове к ответу в московские приказы. У служилых иноземцев была другая проблема, они отводили повальный обыск («а иноземцы шлютца в обыск в послушество») в своих спорах с боярами, окольными и московскими дворянами, полагая, что население поддержит не их, а «сильных людей» и «всяк по них скажет». Здесь царь и патриарх не стали отказываться от повального обыска, как от давно утвердившегося способа следствия в спорных делах о беглых людях и недвижимом имуществе. Участие нескольких десятков, а то и сотен местных жителей, связанных клятвенными обещаниями говорить правду, лучше помогало решать проблемы, чем приказной суд.

Ряд статей, рассмотренных в 1628 году, касался сыска беглых крестьян и холопов, возмещения нанесенного ими ущерба, организации правежа по кабальным искам и по делам, решенным судом. Более подробно было расписано, как организовывать крестное целование, правеж по большим искам «во сте рублех и больше». Срок правежа в таких исках был установлен в месяц, а если ответчик не платил деньги, то у него отписывали дворы и лавки в Москве. Сложнее было с помещиками и вотчинниками из разных городов, так как поместье давалось в обеспечение службы, а вотчина жаловалась «в род» без права изъятия, кроме царской опалы. Царь и патриарх приняли компромиссное решение и не согласились на выкуп вотчин «по цене» в обеспечение иска, предложив взамен взыскивать деньги на крестьянах ответчика.

Статьи, принятые в 1628 году, были разосланы из основных судебных приказов — Разбойного, Московского судного — «в города, которые по государеву указу в котором приказе где ведают... к воеводом и к приказным людем, чтоб тот государев указ и в городех был ведом»¹⁰⁹. Следовательно, еще за двадцать лет до принятия Соборного уложения 1649 года было разработано достаточно подробное процессуальное законодательство. Как и в случае с земельными описаниями, разработка его пришлась на продолжавшееся время земского «устроенья» во второй половине 1620-х годов.

ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ

Торговля и таможенное дело имели ключевое значение для бюджета Московского государства. До времени совместного управления царя и патриарха в основном осуществлялась нехитрая политика изъятия запросных и пятинных денег, обескровливавшая торговлю. Посадские люди страдали из-за отсутствия достаточных оборотных средств. Еще и поэтому такой остротой отличались конфликты людей, торговавших на посаде. Те, кому это положено было делать по статусу, платили тяжелые налоги, а осуществлявшие торговую деятельность монастырские крестьяне и закладчики сохраняли и приумножали свои капиталы. Правительство царя Михаила Федоровича только продвигалось к идее прикрепления к посадам их жителей по торговле и промыслам, реализованной в Соборном уложении 1649 года. Для фискальных целей не столь уж и важно было, где и как торгует тот или иной человек, главное, чтобы его товары про-

ходили по учету через внутреннюю таможенную и чтобы он платил налоги за торговые места.

В едином Московском государстве существовал давний механизм создания привилегированных корпораций гостей и купцов гостиной и суконной сотен, выделявшихся своими капиталами и размахом торговли от всей массы посадских людей. Гостиной и купцов «гостиной сотни» часто путают, ставя между ними знак равенства. На самом деле это не так. В древности гости делились на «сурожан», торговавших с Востоком, и «суконников», чей интерес был связан с рынками Западной Европы. Торговые люди «гостиной» и «суконной» сотни появились позднее, в царствование Ивана Грозного, и первоначально набирались из числа жителей Москвы.

Гости и купцы гостиной сотни — это элита купечества всей страны, отделенная тяглом от посадских людей и когда-то выделенная для уплаты в особую «гостиную соху». В царствование Михаила Федоровича по всем делам их ведал Казенный приказ. Об их статусе красноречиво говорит то, что только гостям было позволено владеть вотчинами наряду со служилыми людьми. Гости постоянно участвовали в деятельности земских соборов, присутствовали на приемах иностранных купцов и посланников в Кремле. Иногда гостей принимали в службу в дьяки. Наряду с преимуществами статуса гостей и купцов гостиной сотни у этих торговых людей были и обязанности службы в таможенных, кабаках и промыслах по назначению государя. Гости и купцы гостиной сотни были крупнейшими частными кредиторами царя, от которого, в свою очередь, зависело их благосостояние¹¹⁰.

С возвращением патриарха Филарета Никитича становится заметным поворот в политике по отношению к гостям и остальному купечеству. По патриаршим кормовым книгам заметно, что отец царя приблизил многих купцов, принимая их у себя на праздничных столах¹¹¹. Обычно в этом видят более «декоративную сторону», чем стремление власти устраивать совещания с гостями и особенно посадскими людьми¹¹². Однако не стоит забывать, что поводом для приглашения к патриарху Филарету Никитичу не обязательно были деловые вопросы. Так, весьма примечательно, что один из частых гостей на патриарших столах, гость Надея Светешников, в 1620—1622 годах построил первый каменный приходской храм на ярославском посаде, до сих пор называющийся по его имени — церковь Николы Надеина. Это не единственный пример начавшегося по инициативе гостей и торговых людей строительства каменных храмов, открывший замечательную и своеобразную страницу русского зодчества XVII

века. Гости и торговые люди известны как щедрые вкладчики в монастыри, заказчики икон, церковной утвари и даже собиратели первых частных крупных рукописных библиотек. Словом, у классического русского меценатства были глубокие исторические корни.

Большая роль иностранных купцов, нередко приезжавших из Англии, Голландии, Швеции и немецких земель не только торговать в Московском государстве, но и исполнять дипломатические поручения, заставляла правительство обратить внимание и на свое купечество. Тем более что русские торговые люди не являлись исключением из общеевропейской практики и также выполняли деликатные поручения московского правительства, а то и прямо собирали разведывательную информацию, особенно в приграничных областях Литвы и Швеции. В 1620-е годы шло последовательное увеличение корпораций гостей и купцов гостинной сотни. В последнюю стали набирать не только москвичей, но и «прожиточных» людей из других городов, вызывавшихся для службы в столицу и выписывавшихся из посадского тягла. Наибольшей численности корпорация гостей за всю первую половину XVII века достигала в 1625—1626 годах. По подсчетам Н. Б. Голиковой, она насчитывала в это время 34—35 человек по сравнению с 15 гостями в самом начале царствования Михаила Федоровича и 28 — в 1619 году. Приписка людей из посадских слобод в гостиную и суконную сотню началась в 1621 году, но особенно заметными были групповые пожалования 1624/25, 1627/28 и 1630 годов. Всего за 1620-е годы в гостиную сотню было записано около 300 человек, а ее общая численность достигала в это время 434—444 человек¹¹³.

Торговые люди, назначенные московским правительством охранять финансовые интересы государства, смогли выработать единые требования в своей челобитной, поданной царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу не позднее 13 июля 1627 года. Касались они одного главного вопроса: конкуренции с иностранными купцами на внутреннем рынке. Челобитчиками были «холопы ваши гости и торговые люди, москвичи и казанцы, и ярославцы, и нижегородцы, и костромичи, и вологжане, и всех ваших государевых городов». Очень показательны именование гостей себя холопами государевыми, наравне со служилыми людьми «по отечеству», а также представления самих торговых людей о значимости их городов, отраженные в порядке их перечисления после столицы: Казань, Ярославль, Нижний Новгород, Кострома. Действительно, посадки этих городов

были самыми крупными и насчитывали каждый от тысячи до 1500 дворов; лишь упомянутая последней Вологда значительно уступала им. Судя по рукоприкладствам, инициатива принадлежала гостям Надеи Светешникову, Григорию и Максиму Твердиковым, первыми подписавшим эту челобитную. Всего под нею оставили подписи 27 человек.

Купцы и торговые люди жаловались «на торговых немец, на галанцов и на амбурцов, на иноземцов, oprичь аглинских гостей, и Кизилбашские и Бухарские земли на тезиков» (среднеазиатских торговцев) и даже приложили к челобитной имена известных им «голанских торговых людей». Русские купцы просили защитить внутренний рынок и запретить приезды иностранных купцов для торговли внутри страны и в Москве. Кроме того, они просили для себя монополии на розничную торговлю: «И тех немец на Руси умножилось, а нам холопом и сиротам вашим, от них скудость великая, что торги от нас всякие отняли». Речь шла о том, что иностранные купцы стали не только привозить и торговать своими товарами в портовых городах, но и вторгаться в традиционные сферы внутренней торговли солью и хлебом. Иностранцы, торговавшие в Московском государстве, через своих агентов узнавали в Сибири цены на товары русского экспорта и, договариваясь между собою, сбивали на них цены, одновременно устанавливая завышенную цену на свой товар. Во всяком случае, так виделось дело русским купцам: «И вашим государевым товаром, шолку, икре и соболям, и сукнам, и всяким руским товаром те немцы, на Руси вызнав цену... и зимою посылают в свою Неметцкую землю по двожды, и про руские товары у них ставитца ведомо, по чему какой товар на Руси купят; и приехав те торговые немцы на Русь, меж себя заговором своим немецкие товары продают, не торопясь, болшою ценою»¹¹⁴.

Московские гости и торговые люди рисовали тяжелую картину. Но их аргументы о снижении таможенных платежей по причине того, что товары иностранных купцов ставятся в их дворах, а не на Гостином дворе, и даже о голоде на Севере из-за тайного вывоза «хлеба всякого», ржи, конопли и гороха, не были учтены при рассмотрении челобитной. Царь и патриарх распорядились оставить прежний порядок в зависимости от того, кому какое было выдано разрешение на торговлю — в Москве или у Архангельского города. «Тезикам» разрешали торговать в Казани, а в Москву пропускали только персидских купцов (их отличали от «тезиков» — таджиков и узбеков), приезжавших «по шаховым грамотам». Единственная уступка гостям и торговым

людям состояла в сборе имен тех иностранных купцов, которым было «не велено торговати на Москве», кроме англичан, которым в 1626 году утвердили привилегии на беспошлинный ввоз и продажу своих товаров, и тех, кто получил царское разрешение или жалованную грамоту¹¹⁵.

Дело в том, что сфера внешней торговли тесно соприкасалась тогда с военными нуждами Московского государства. Наиболее интересовавший европейских купцов транзитный путь в Персию был для них закрыт. Отказали даже английскому купцу и дипломату Джону Меррику (Ивану Ульянову) в 1620 году, несмотря на все оказанные им услуги по заключению мира со Швецией. В течение 1629—1631 годов были отклонены аналогичные предложения Франции, Голштинии и Дании. Главный интерес Московского государства заключался в усиленной закупке вооружений, в чем помогала Швеция, которой в обмен продавали хлеб, позволявший соседям обеспечивать свою армию и еще наполнять излишками европейский зерновой рынок¹¹⁶. В это время, с 1626 года, значительно повысились цены на Амстердамской зерновой бирже¹¹⁷, и все, кто торговал хлебом с Россией — Швеция, Дания, Англия и Голландия, — получали значительную выгоду.

О важности шведского направления внешней торговли свидетельствуют строительство шведского торгового двора в Москве в 1629 году¹¹⁸ и государственная монополия на продажу и вывоз хлеба, введенная с 1 сентября 1631 года. Контроль за закупкой хлеба осуществлялся в Казенном приказе, которым тогда управляли боярин князь Иван Борисович Черкасский, Тимофей Васильевич Измайлов, дьяки Назарий Чистой и Степан Кудрявцев. Рожь, пшеницу и ячмень закупали по твердым ценам специальные хлебные «уговорщики» и отвозили в Архангельск, где продавали, преимущественно в Швецию, по цене, заранее установленной Казенным приказом. Монополия просуществовала до начала Смоленской войны¹¹⁹.

С исключительным положением Швеции на русском зерновом рынке пытались бороться голландцы, но неудачно, так как они не имели на руках такого сильного козыря, как война с Речью Посполитой. Кроме того, предложения голландцев, мягко говоря, не отличались стремлением к взаимной выгоде. Нидерландские посланники Альберт-Конрад Бург и Иоганн ван Фелтдриль предлагали в 1631 году прислать своих колонистов для освоения новых земель, а взамен хотели получить право на закупку значительного количества русского хлеба. Образно об этом предложении

сказали их шведские конкуренты: «Привезли оне в дарех яйцо, а хотят взять быка».

Правительство царя Михаила Федоровича смогло извлечь значительные выгоды из разгоравшейся среди западных купцов и даже целых государств конкуренции вокруг русского зерна. Московские государи иногда даже вынуждали западных купцов делать значительные закупки по тем ценам, которые сами же и устанавливали. Тех, кто принимал правила игры, потом награждали. Как, например, голландца Андрея Винууса, который из такого «подневольного» торговца хлебом превратился в 1632 году в монополиста по заведению чугунных и железных заводов между Тулой и Серпуховом. Голландские послы будто почувствовали, что пришло время для приглашения иностранцев в Россию, но их опередил шведский агент в Москве Яган Меллер, предложивший другую «модель» — помощь в наборе специалистов, имевших отношение к производству оружия, строительству укреплений, и других мастеров военного дела¹²⁰.

Таким образом, царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич не шли на поводу у своих торговых людей. Увеличивая число гостей и членов гостинной сотни в 1620-е годы, правительство не пошло по пути протекционизма и закрытия своих рынков для иностранцев, а, напротив, стало активным игроком в европейской торговой политике. Все это, вместе с веротерпимостью по отношению к протестантам, делало Россию уже в первой половине XVII века привлекательной для иноземцев.

СМЕТА РУССКОГО ВОЙСКА

Перед Смоленской войной на русскую службу с помощью Швеции снова пригласили опытных наемников и знатоков военного дела. С их помощью была сделана первая попытка реформирования поместной армии и организации постоянных солдатских полков. Полковник Александр Лесли, шотландец по происхождению, был поставлен во главе регулярных полков, набранных из служилых людей разных чинов, в том числе из беднейших детей боярских, не имевших поместий, новокрещеных и казаков. Такие солдатские полки, занимавшиеся постоянными военными упражнениями, были тогда новшеством даже для Европы.

В конце 1620-х годов произошла реформа Государева двора. В первых составленных после пожара боярских книгах и списках по-прежнему вслед за служилыми людьми

«московского списка» записывали выборных дворян. Около 1629 года «выбор» перестает быть частью Государева двора¹²¹. Следствием этого стало оседание уездного дворянства на местах и превращение его в «правлящие группы» в своих служилых «городах».

В 1630/31 году в Государеве дворе служили представители более 570 родов, около 500 фамилий упоминается в жилецком списке. Общее число служилых родов верхнего, элитного слоя русского дворянства составляло около 800 (некоторые родственники служили как в московских дворянах, так и в жильцах). Потомки княжеских и старомосковских родов, входившие в Государев родословец еще в середине XVI века и представлявшие аристократический слой Двора в царствование Михаила Федоровича, насчитывали около 70 фамилий. Подавляющее число родов — около 90% — разными путями, в том числе из числа уездного дворянства, вошло в двор в XVI — начале XVII века.

Дальнейшему расслоению дворянства способствовал новый разбор уездного дворянства, проведенный в 1630—1631 годах. Снова, как и в 1622 году, рассылались разборщики для смотров провинциального дворянства и последующей раздачи жалованья. Сделать это важно было еще и потому, что предыдущий разбор 1622 года после пожара потерял свое значение из-за существенных утрат в документах. Надо было учесть и накопившихся новиков, поступавших на службу. Имело значение и одновременное проведение описания земель в государстве, и получение сведений о личном составе дворянского войска, записанном в разборные десяти в соответствии с тем, кто как «конен, люден и оружен».

В одном из первых наказов о разборе, выданных воеводе Великих Лук Федору Васильевичу Клепикову-Бутурлину 25 декабря 1630 года, прямо указывалась цель грядущей войны с Речью Посполитой. Приводя сведения о нарушениях Польшей и Литвой договора («нашу землю подседают»), царь и патриарх говорили о своем желании отомстить своему врагу, несмотря на то, что еще не кончилось время перемирия: «И мы, великий государь, советовав о том с отцем своим... и говорили о том з бояры, что от полских и от литовских людей чинятца задоры многие, а перемирные лета выходят, и дворян бы и детей боярских всех городов пересмотрев, розобрать и в статьи росписать к нашему денежному жалованью»¹²².

В 1630, 1631 и 1632 годах составлялась Смета русского войска. Подготовка к Смоленской войне вступала в завершающую стадию и от всех приказов, ведавших служилыми

людьми и управлением городов, затребовали информацию о количестве воевод и ратных людей. Благодаря этой сводной работе мы можем узнать точную численность всех разрядов служилых людей «по отчеству» и «по прибору» накануне войны. «Сметный список» 140 (1632) года, а также «памяти», присланные из Посольского, Стрелецкого, Пушкарского, Казачьего приказов, Приказа Казанского дворца, Устюжской и Новгородской четей сообщают следующие цифры о служилых людях «московского списка»: 14 бояр, 7 окольных, 286 царских стольников, 532 патриарших стольника, 100 стряпчих, 947 московских дворян, 777 жильцов — всего 2769 человек. Численность уездных дворян была в десять раз больше и составляла 24 714 человек, служивших примерно по 80 уездам. Самыми крупными были служилые «города» Рязани (1865 человек) и Новгорода (1658 человек). В остальных уездах служило от нескольких десятков до нескольких сотен дворян и детей боярских, составлявших полки сотенного строя. Общее количество стрельцов во всех городах Московского государства — 33 775 человек, казаков — 11 471 человек, пушкарей — 3573 человека. В составе русской армии учитывались татары, новокрещены, литва, черкасы и «ясашные инородцы» (чуваши и черемиса). Вместе с ними в войско одновременно могло быть мобилизовано 98 596 человек¹²³. Правда, реальная цифра была все-таки меньше из-за того, что одновременный вызов на службу всех боеспособных сил по соображениям охраны границ и содержанию внутренних гарнизонов был невозможен.

По сметному списку 139 (1631) года, по подсчетам ее публикатора И. Д. Беляева, «состояло на службе» 66 690 человек¹²⁴. Эта цифра ввела в заблуждение Х.-И. Торке, ошибочно посчитавшего ее за численность солдатских полков, которых якобы готовили «2500 шведских и других завербованных западных офицеров»¹²⁵. Память из Иноземского приказа, присланная после составления сметного списка 139 года, показывает, что иноземцев «начальных людей» на русской службе насчитывалось всего несколько десятков человек. Все они носили офицерские звания, с которыми в царствование Михаила Федоровича впервые познакомилась русская армия. Перечисляя иноземцев, бывших «у ученья ратново дела», дьяк Иноземского приказа еще путается в названиях и пытается найти им русское соответствие: 4 человека полковников, 3 человека подполковников, 4 человека «маеоры по руски сторож[е]ставцы», 1 человек квартирмерст, 15 человек ротмистров, 24 человека капитанов, 29 человек поручиков, 25 человек прапорщиков¹²⁶. Еще 87 человек служили в ниж-

них чинах. В двух полках к учению ратного дела в 1632 году было набрано всего 3323 человека, и, конечно, такая часть войска, сформированная на регулярной основе, еще не могла оказать решающего влияния на изменение системы организации поместной армии Московского государства.

Глава десятая СМОЛЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

**Победы и поражения. —
«Измена» боярина Шеина. —
Смоленский синдром**

Война, к которой Московское государство готовилось несколько лет, началась с известия о смерти в Речи Посполитой старого «недруга» романовской семьи короля Сигизмунда III 20 апреля 1632 года¹²⁷. В Москве решили не дожидаться окончания срока Деулинского перемирия и использовать период бескоролья — очевидно, надеясь, что он может оказаться таким же удачным для России, каким для ее врагов был период русского «междоусобия». В июне 1632 года состоялось решение земского собора о посылке войска под Дорогобуж и Смоленск для войны с польским и литовским королем. Официальная цель войны с Речью Посполитой была сформулирована на страницах разрядных книг: «Над города, которые ныне за Литвою, а отданы были на время, а наперед того были Московского государства, промышлять, и те города государь и великий государь святейший патриарх указали очищать к Московскому государству по прежнему»¹²⁸.

Смоленская война потребовала мобилизации всего государства. Служилые люди вызывались в полки; те, кто не мог служить, поставляли даточных людей, собирали деньги и запасы для войны¹²⁹. По «наряду» было образовано три полка: главный — «большой полк» боярина Михаила Борисовича Шеина и окольного Артемия Васильевича Измайлова, направленный под Дорогобуж и Смоленск, передовой полк окольного князя Семена Васильевича Прозоровского и князя Михаила Васильевича Белосельского, формировавшийся в Ржеве Владимировой и Белой, сторожевой полк стольника Богдана Михайловича Нагого, собиравшийся в Калуге. Передовой и сторожевой полки, захватив Белую, должны были соединиться с главным войском под Смоленском. Отдельно был организован полк воевод Федора Кирилловича Смердова-Плещеева (в ноябре 1632 года он умер

на службе и его сменил Иван Федорович Еропкин) и Баима Федоровича Болтина, отправленных в Северский поход. Все эти силы вступили в войну 10 августа 1632 года.

В приговоре о начале войны и посылке бояр и воевод «с многой ратью» под Смоленск, на Ржеву, в Калугу и на Северу цель похода формулировалась более прямо: как возмездие польскому королю и особенно королевичу Владиславу, чье имя упоминалось подчеркнуто оскорбительно, с пропуском титула: «Чтоб польскому и литовскому королю и сыну его Владиславу и польским и литовским людям их неправды отомстить и города Смоленск и иные города, которые они взяли неправдою, поворотить по прежнему к Московскому государству»¹³⁰. В наказах воеводам писали, чтобы всем им «промышляти... государевым и земским делом вместе собча за один»¹³¹.

Желание поквитаться с Речью Посполитой за поражения Смуты и потерю городов, особенно Смоленска, было настолько велико, что в Московском государстве забыли об очевидных вещах. Нельзя было воевать на два фронта, а уже весной — летом 1632 года на южных границах появились татарские отряды, уводившие в плен многих людей в Мценском, Новосильском, Орловском, Карачевском, Ливенском уездах. Эти столь несвоевременные для Московского государства набеги положили начало многолетней татарской войне.

Основу русского войска составляли городовые дворяне и дети боярские, чьи поместья в южных уездах прежде всего и разоряли крымцы. Поместная конница была расписана на сотни. Командовали ими головы — наиболее опытные воины, в том числе выборные дворяне из «городов». Наряд на службу, обычно связанный с иерархией полковых воевод, отражает в этом случае и степень значимости «городов». Владимирцы, традиционно служившие в большом полку Украинного разряда, попали под непосредственное командование главного воеводы боярина Михаила Борисовича Шеина, в полку которого их насчитывалось 151 человек. Кроме них, такой же чести удостоились 356 смолян, 207 суздальцев, 102 юрьевца, 115 муромцев, 1013 рязанцев «всех станов», 359 тулян, 265 каширян, 206 нижегородцев, 364 арзамасца, 52 дорогобужанина, 122 вязмича, 36 лушан¹³². Сравнение этих цифр со сведениями Сметы русского войска 1631/32 года показывает, что большинство дворян и детей боярских, служивших по замосковным и смоленским уездам, было мобилизовано на полковую службу всем «городом».

Грамоты «городам» о готовности к высылке на службу в полк боярина Михаила Борисовича Шеина стали рассылаться из Разрядного приказа, начиная с 25 июня 1632 года. Сохранилась грамота тульскому воеводе Федору Ивановичу

Философову об объявлении тулянам дворянам и детям боярским, «которым по розбору для службы наше денежное жалованье дано», готовности к выходу на службу в Вязьму. Отдельная грамота была непосредственно послана тульскому «городу» с обращением «дворяном выборным и детем боярским дворовым и городовым туляном, которым по розбору для службы наше денежное жалованье дано». От них требовалось быть готовыми к походу с боярином Михаилом Борисовичем Шеиным и окольным Артемием Васильевичем Измайловым: «а однолишно бы вам дворяном и детем боярским на нашу службу в Вязьму быть готовым тотчас со всею службою против розбору, а сю нашу грамоту прочитая посылали б есте меж себя, чтоб вам всем наша служба была ведома»¹³³. Такие же грамоты рассылались и в другие «города», назначенные на службу под Смоленск.

С воеводами главного полка находилось на службе около 5 тысяч уездных дворян и детей боярских, 2700 «райтар», солдат «нового строя», вербовавшихся из беднейших детей боярских и бывших «в наученье» у немецких полковников, 323 белозерца (бывших атаманов и казаков, почти сравнивавшихся по своему социальному статусу с детьми боярскими) и 289 дворян и детей боярских из «Понизовых городов». Общая численность полков боярина Михаила Борисовича Шеина и окольного Артемия Васильевича Измайлова, по разрядной росписи, составляла 26 331 человек¹³⁴.

Согласно наказам, выданным полковым воеводам 9 августа 1632 года, они должны были проделать обычную для русского войска процедуру: записать приехавших на службу дворян и детей боярских в книги приездов («писать в приезды, кто которого числа на государеву службу приедет»), а затем устроить смотр («пересмотрети всех налицо») и отослать смотренные списки и списки нетчиков («ести и неты») в Москву. Особенность смотра состояла в том, что его следовало проводить по недавно составленным разборным спискам и сверять, чтобы запись в нем соответствовала реальной годности служилого человека к полковой службе: «А дворян и детей боярских смотреть по разборным списком, каков кто на государеву службу приедет, конен, и люден, и оружен»¹³⁵.

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Получив указы, воеводы Михаил Борисович Шеин и Артемий Васильевич Измайлов прибыли в Можайск 18 августа и стали ожидать служилых людей, назначенных с ни-

ми в полки. Первыми в поход явились рязанцы, каширяне и туляне. Остальные медлили, а у воевод не оказалось даже списков тех, кто должен был явиться на службу («смотреть и росписывати дворян и детей боярских не по чему»). Только 19 августа из Разрядного приказа были отосланы списки, по которым надо было провести смотр и «роспись замосковных и украинских городов».

Во второй половине августа и начале сентября дворяне и дети боярские продолжали подъезжать на службу. Боярин Михаил Борисович Шеин вынужден был отослать целую роспись «городов», не приехавших на службу до 21 августа. В нее вошли Владимир, Смоленск, Муром, Нижний Новгород. 23 августа в отписке воевод говорилось о том, что в Можайск приехали «немногие люди» дворяне и дети боярские замосковных городов: «А иные, государь, города арзамасцы, дорогобужаня, лушане, галичане, мещерене, вологжане, звенигородцы, гороховляне, алатарцы, курмышские, и казанские, и всех понизовых и мещерских городов дворяне, и дети боярские, и князи, и мурзы, и новокрещены, и тотарове, и атаманы, и казаки на твою государеву службу к нам холопом твоим в Можаяск августа по 23-е число не бывали»¹³⁶. Дольше всех задерживались служилые люди понизовых «городов», еще 8 сентября отсутствовавшие в Можайске. Причины такого промедления были обусловлены крайне неудобными для служилых людей сроками вызова. Обычно служба начиналась весной, а в середине сентября их, наоборот, распускали из полков Украинного разряда. Чтобы подготовиться как следует к зимнему походу, дворяне и дети боярские должны были выезжать с запасами, и многие явно дожидались нового урожая.

Первый смотр в Можайске был проведен 27 августа, а 16 сентября войско выступило в поход к Вязьме. Те, кто не явился на службу или уехал из полков, «отметившись» во время смотра, попадали в разряд «нетчиков». Согласно грамоте, отправленной из Разрядного приказа 27 сентября, нетчиков предлагалось подвергнуть самым тяжелым репрессиям. Их должны были выслать в Москву и бить там кнутом «без всякие пощады» «за их воровство, что они быв у розбору и взяв наше денежное жалованье, на нашу службу не пошли». Не приехавших в полки и беглых со службы ожидало еще одно наказание — понижение в ранге, причем не временное, а до конца их служилой карьеры: «Которые служили по выбору, тех написать по дворовому списку, а которые служили по дворовому списку, и тех написать с городом по прежнему и вперед их в выбор и в дворовый список не писати»¹³⁷.

На начальном этапе Смоленской войны в августе—декабре 1632 года русское войско достигло больших успехов на всех направлениях своих действий и овладело Серпейском (12 октября), Дорогобужем (18 октября), Белой (10 ноября), а также Себежем, Красной, Невелем, Рославлем, Почепом, Стародубом, Новгород-Северским, Трубчевском. Был совершен поход «в литовскую землю», где русские воевали под Полоцком, Велижем и другими городами.

Следующий этап войны начался с 5 декабря 1632 года, когда войско боярина Михаила Борисовича Шеина двинулось к Смоленску и осадило его. Вместе с ним находился большой наряд (артиллерия), которым командовал Иван Арбузов. В состав этого наряда входили именные пищали, доходившие весом до 450 пудов, как, например, пищаль «Инрог» (единорог). Для ее транспортировки требовалось 64 подводы, да еще десять подвод для «стана с колесами». Одно ядро такой пищали весило больше пуда. Как записал составитель разрядных книг, под Смоленск были отправлены пищали «Пасынок», «Волк», «Кречет», «Ахиллес», «Грановитая», «Гладкая», всего 140 пищалей и три «пушки верховых». Позднее из Белой под Смоленск подошли основные силы полка князя Семена Васильевича Прозоровского, и начались многочисленные приступы. Служилые люди, приезжавшие в Москву с отписками, рассказывали об устройстве войска боярина Михаила Борисовича Шеина, которое стояло «у Духа Святого на прежнем табаре, где стоял боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской и острог поставлен и ров выкопан и во всем укреплен, а в остроге стоят дворяне и дети боярские и казаки и всякие люди»¹³⁸. Из этих таборов, куда русское войско вернулось после неудачной попытки отвоевать Смоленск в первые годы царствования Михаила Федоровича, дворяне и дети боярские, а также солдаты и казаки ходили на приступ к городу.

Организованная Шеиным по правилам военного искусства того времени осада растянулась на долгие месяцы. Служилые люди, как и всегда во время войны, получили возможность отличиться и быстрее, чем в мирное время, получить прибавку к поместным и денежным окладам, жалованье за «головство», рану, сеунч, за пойманных «языков» или убитых в бою врагов. Специальным указом были установлены размеры придач за убитых литовских людей: «на котором написано в послужном списке побитых 10 человек или болше, тем всем придачи по 50 чети, денег за семь мужиков за убитых по рублю; а на которых убитых семь мужиков, и тем семь рублев, помесной придачи 50 чети; а будет на кото-

ром написан один, помесной придачи нет, придать один рубль за один мужик»¹³⁹. Таким образом, храбрость и доблесть городских дворян помогала им увеличить оклады и перейти на службу по дворовому списку и в выбор. Но, как всегда, у войны была и другая, куда менее привлекательная сторона. Многие служилые люди погибли под Смоленском даже не на поле боя, а от ран и болезней.

Летопись сражений под Смоленском полна разнообразными событиями. В первый период осады главной задачей войска боярина Михаила Борисовича Шеина было приступать к Смоленску и не пропустить в город подкрепления. По «послужным спискам» служилых людей выясняются основные вехи боев. Так, ряд дворян и детей боярских отличился в бою 21 февраля 1633 года при посылке на Покровскую гору, «как шли литовские люди на проход в Смоленск». Радостные вести о победах рати Шеина приносили сеунщики; как правило, ими становились сотенные головы, отличившиеся в этих боях. 24 февраля с сеунчом в Москву приехал сын одного из воевод Семен Артемьевич Измайлов, сообщивший подробности упомянутого сражения 21 февраля, в котором со стороны польских и литовских людей участвовало около трех тысяч человек, а 327 из них было взято в плен «в языцах». 29 апреля из-под Смоленска приехал сеунщик арзамасец Юрий Ерофеевич Бахметев с известием, что воеводы «посылали... от себя под Красное голов с сотнями и милостию Божьею, а его государевым счастьем литовских людей побили и языки поймали, а в языцах взяли 47 человек». Боярин Михаил Борисович Шеин писал в Москву о приступе к Смоленску в начале лета 1633 года: «Июня в 10 день, как был к городу к Смоленску приступ, и подкопом взорвало городовую стену». 12 июля был бой, на котором взяли 36 языков и двух изменников казаков. В Москву извещать об этом был прислан голова ярославский дворянин Михаил Федорович Мотовилов. Сеунщики приезжали и после боя с Александром Госевским, пытавшимся 30 июля провести в Смоленск новых людей с запасами: «приходил Гасевской на Покровскую гору и хотел в город пройтить, и они его не пропустили, и побили и языков поймали»¹⁴⁰.

Вскоре, однако, события начали меняться в худшую сторону. 25 августа 1633 года на помощь осажденным смолянам пришло войско нового короля Речи Посполитой Владислава IV, которое встало на реке Боровой, неподалеку от Смоленска. 28 августа и 11 сентября поляки дали несколько сражений русским, а 18 сентября 1633 года заставили отойти со своих позиций на горе Покровской полк воеводы князя Се-

мена Васильевича Прозоровского. Позднее кашинец Павел Постников Секиотов бил челом о пожаловании его за службу и упоминал среди своих заслуг то, что он зажег острог и взорвал пороховую казну в Троицком остроге, во время оставления его полком воеводы князя Семена Васильевича Прозоровского¹⁴¹.

Одновременно в «украинные города» вторглись татары. Узнав об этом, дворяне и дети боярские южных уездов стали самовольно разъезжаться из войска под Смоленском для защиты своих поместий. Если в 1632 году татары действовали на свой страх и риск, используя внутренние неурядицы в Турецкой империи и борьбу за власть султана Мурада II, то в 1633 году опустошительный поход татар стал следствием дипломатических усилий Речи Посполитой. Канцлер Радзивилл признавался в своих записках: «Не спорю, не спорю, как это по богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо»¹⁴². Все эти неудачи изменили ход военных действий в пользу Речи Посполитой.

К тому же 1 октября 1633 года умер патриарх Филарет, во многом влиявший на организацию военных действий. Его смерть на праздник Покрова была внезапной настолько, насколько может быть внезапной смерть старого человека. Согласно книге записей «выходов государей», фиксировавшей все публичные появления царя в связи с церковными праздниками, приемами послов и т. д., 1 октября 1633 года, в самый день смерти патриарха, царь Михаил Федорович «ходил... к обедне, к празднику, к Покрову ж Пречистые Богородицы, что на Рву». Источник сохранил описание одежды царя в этот день: «А на государе было платье, однорядка гвоздичная, чистая, подпушка камка мелкотравая лазорева, ферези и зипун комнатные, шапка бархатная другая». В этом «платье» царь после обедни навещал отца... Следующий после Покрова «выход» царь Михаил Федорович совершил 18 октября, когда ходил молиться к вечерне в Архангельский собор. Это был день памяти царевича Дмитрия, в перенесении мощей которого из Углича участвовал умерший патриарх Филарет Никитич. Тогда уже царь носил траур: «однорядка понахидная черная, ферязи и зипун понахидные ж, шапка черная». Михаил Федорович соблюдал траур по отцу до сорокового дня.

Запись о смерти патриарха в разрядных книгах была лаконичной и отнюдь не соответствовала той чуть ли не всемогущей роли в Русском государстве, которая приписывалась ему. В продолжение «Нового летописца» также была

включена совсем небольшая статья: «Во 142-м году преставися патриарх Филарет Никитич и на ево место поставлен в патриархи Иоасав по ево благословению»¹⁴³. Осиротевший царь, потерявший за пару лет до этого свою мать старицу Марфу Ивановну, мог теперь опереться только на свою семью. Из-за Смоленской войны, где как раз назрел очередной кризис, у царя Михаила Федоровича не было времени для переживания своего горя. Но все равно труднообъяснимой выглядит задержка с отсылкой грамот о смерти патриарха Филарета; они были получены ростовским митрополитом Варлаамом только 27 октября 1633 года. Возможно, царь ждал признаков, дававших основание для причисления патриарха к лику святых. Когда же этого не произошло, была отослана грамота с указом поминать патриарха Филарета Никитича: «И в соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы Божественныя литургии служить со всем собором и во всей митрополии своей, в монастырех архимаритом и игуменом и по всем церквам священником». Имя патриарха Филарета Никитича следовало записать «в сенадик», «как и прочих великих святейших патриарх»¹⁴⁴.

Получив известия о смоленском «отходе», в Москве приняли целый ряд мер, призванных укрепить войско. Царь Михаил Федорович, «говоря с бояры», указал «збиратца с ратными людьми в городех», чтобы идти под Смоленск против войска короля Владислава 18 октября 1633 года: в Можайске — боярам и воеводам князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, в Ржеве Владимировой — стольнику князю Никите Ивановичу Одоевскому и князю Ивану Федоровичу Шаховскому, в Калуге — стольнику князю Федору Семеновичу Куракину и князю Федору Федоровичу Волконскому. Главными воеводами новой рати были назначены бояре князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и князь Дмитрий Михайлович Пожарский, к которым должны были идти «в сход» остальные воеводы и служилые люди. Дополнительно «с Северы» было указано идти под Смоленск стольнику Федору Васильевичу Бутурлину. Туда же были направлены служилые люди, находившиеся с начала военной кампании под началом Богдана Михайловича Нагого в Калуге¹⁴⁵. Как видим, все эти распоряжения в основном повторяли расстановку полков, принятую на начальном этапе Смоленской войны.

Сбор войска затронул большее количество служилых людей, чем в 1632 году. В войско бояр князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и князя Дмитрия Михайловича Пожарского назначались на службу члены Государева двора —

стольники, стряпчие, московские дворяне и жильцы. Провинциальные служилые люди из замосковных и украинских городов, по каким-либо причинам «съехавшие» со службы из полков боярина Михаила Борисовича Шеина или лечившиеся от ран, должны были возвратиться под Смоленск. Были мобилизованы даже дворяне и дети боярские Новгорода, Пскова, Торопца, Великих Лук, из которых велено было, выбрав «лутчих людей», отослать их в полки под Смоленск. По всему государству искали нетчиков и отсылали в полки собранных даточных людей. Сбор даточных людей коснулся дворянства, не служившего полковую службу, находившихся «у дел» или «на приказах», отставных, вдов и недорослей. Согласно указу 19 июня 1633 года велено было собрать даточных, в том числе «с губных старост, и с городских приказчиков, и с дворян и с детей боярских с городских, которые дворяне и дети боярские за старость и за увечье от службы отставлены, и которые дворяне и дети боярские в городех у дел, в головах, и в сотниках у стрельцов и казаков и у татар... а поместья и вотчины за ними есть, и со вдов, и с недорослей, за которыми есть поместья и вотчины»¹⁴⁶. Решение о посылке ратных пеших людей «вприбавку» к войску в Можайске и Калуге было принято 19 декабря.

По наказам воеводам нового войска, собиравшегося в трех центрах — Можайске, Ржеве Владимировой и Калуге, — было предписано провести денежную раздачу служилым людям. Те, кто направлялся на службу непосредственно с боярами князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, должны были получить жалованье в Москве. Сами воеводы тоже получили деньги — оклад своего жалованья, соответственно 600 и 400 рублей. На жалованье всем служилым людям выделялось 50 тысяч рублей.

Наказ воеводе князю Никите Ивановичу Одоевскому 1 декабря 1633 года подробно регламентирует проведение раздачи денежного жалованья и верстанья новиков. Служилые люди были разделены на несколько групп: тех, кто служил под Смоленском до отхода «из своего табора» «в большой обоз» воеводы князя Семена Васильевича Прозоровского 18 сентября 1633 года, кто уехал со службы до этого «отхода», и тех, кто не был под Смоленском. Проводившим раздачу денежного жалованья воеводам предлагалось выбрать окладчиков для замены находившихся под Смоленском или убитых на службе и вместе с ними выдать деньги по двум статьям: 25 и 20 рублей. При этом предлагалось «давать государево жалованье... примерясь для службы к прежним к розборным

и денежные роздачи к десятням 139 (1631) и 140 (1632) году». Однако тем, кто еще не был на службе под Смоленском или был «на приказах», жалованья не полагалось. Изъятия были сделаны и для детей боярских, служивших солдатскую и рейтарскую службу под Смоленском, а также оставленных на службе в Белой. По наказу полковым воеводам было велено: «Тем государева денежного жалованья ныне с города не давати, и на государеве службе им в полках быти не велети, а в десятню денежные роздачи написать тех себе статьею». Жестко были определены принципы верстания новиков, чтобы условия военного времени не были использованы для злоупотреблений: «А выше указных статей новиков ни которых городов, и не служилых отцов детей не верстати, и в выбор, и в дворовой список без государева указу новиков не писати». Жалованье же предлагалось давать «для нынешние службы наспех днем и ночью безо всякого мотчанья»¹⁴⁷.

Как и в начале войны, войско собиралось медленно. Только 30 декабря 1633 года бояре и воеводы князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и князь Дмитрий Михайлович Пожарский получили наказ идти на службу в Можайск, а затем, через Вязьму и Дорогобуж, в Смоленск. Срок дворянам и жильцам, «которые были на Севере», для выхода на службу был установлен «Крещение Христово», то есть 6 января 1634 года¹⁴⁸. Однако до 28 января смотр войска в Можайске еще не был проведен. В этот день в записных книгах московского стола отметили посылку в Можайск «государевых грамот к бояром»: «Первая грамота: велено всех ратных людей пересмотреть и ести и неты к Москве прислать. Другая грамота: велено сметить, сколько подвод надобно к походу под пушки и подо всякой ратной запас. Третья грамота: что высланы в Можаяск дворяня и жилцы, а срок им учинен стать в Можайску генваря в 30 день; а буде не станут, и им велено чинить наказанье»¹⁴⁹. 29 января провел смотр своих полков другой воевода, князь Никита Иванович Одоевский во Ржеве Владимировой, но на этот смотр не успели приехать новгородцы, их «ести и неты» были посланы отдельно. Боеспособность прибывавших в полки служилых людей, собиравшихся в чрезвычайных условиях, была невысокой. В отписке, полученной в Москве 18 февраля 1634 года, князь Никита Иванович Одоевский писал: «А которые, государь, дворяне и дети боярские на твою государеву службу к нам холопом твоим приехали и с теми мы холопи твои по твоему государеву указу в сход пойдем тотчас, а изо всево, государь, полку собралось с нами

холопы твоими в полку всех городов треть на конех, а две доли бредут сами за своими возишками»¹⁵⁰.

Тем временем боярин Михаил Борисович Шеин слал из-под Смоленска отчаянные отписки в Москву о «утесненье» великом его рати от польских и литовских войск. Кроме того, в русском лагере разразился голод из-за «хлебного оскудения». 2 февраля из Москвы послали окольного князя Григория Константиновича Волконского с особой миссией к воеводам полков, собиравшихся в Можайске, «говорити о походе». Бояре князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и князь Дмитрий Михайлович Пожарский соглашались «походом своим не замешкать» и получили благодарность царя Михаила Федоровича, «что о нашем и о земском деле радете»¹⁵¹. По сути, миссия князя Григория Константиновича Волконского сводилась к одному: передать приказ о скорейшем выступлении к Смоленску. Между тем под Смоленском разворачивалась настоящая драма.

«ИЗМЕНА» БОЯРИНА ШЕЙНА

Новые полки так и не смогли помочь войску боярина Михаила Борисовича Шеина под Смоленском. 16 февраля 1634 года главный воевода принял решение о сдаче своих позиций и артиллерии королевичу Владиславу ценою сохранения самой рати, которой разрешено было отойти к Москве. 19 февраля полки Шеина вышли из-под Смоленска, а 1 марта прибыли в Можайск, где стояли собранные с таким трудом резервные силы во главе с воеводами князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским.

За этой внешней канвой скрыта вся «измена» и трагедия боярина Михаила Борисовича Шеина и окольного Артемия Васильевича Измайлова. Им в вину была поставлена совершенно унижительная процедура сдачи, которую придумали для них стратеги Речи Посполитой. По словам автора польского «Дневника о Смоленской войне», сначала перед королем прошли московские полки, бросавшие к его ногам свои знамена, а затем и сами воеводы, которые «ударил перед королем челом до самой земли, по приказанию короля подошли к нему ближе и стали в шести шагах от него». После речи литовского канцлера и слов самого короля воеводы еще дважды поклонились королю. В Королевском замке в Варшаве посетители и сегодня могут увидеть картину XVII века, на которой к стоящему на вершине горы ко-

ролю Владиславу, проходя сквозь строй польских и литовских войск, подходит и кланяется до земли русский боярин. Чувствительной была и потеря артиллерии, для создания которой (и даже для доставки ее под Смоленск!) было потрачено столько сил и средств. Но тяжелее всего воеводы поплатились за оставление своих позиций без царского приказа. Во все времена это считалось одним из главных воинских преступлений¹⁵².

В Москве о договоре боярина Михаила Борисовича Шеина с польским королем узнали поздно, только 2—3 марта, причем не из отписки из полков, а от воевод войска бояр князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, готовых выступить в поход из Можайска под Смоленск. По сведениям польского пленника, присланного в Можайск 28 февраля, боярин Михаил Борисович Шеин «с полским королем помирился февраля в 16-й день в неделю, в масленое заговейно, и присяга меж ими была... а договорились де на том, что Михайла Шеин с товарищи с государевыми ратными людьми с конными и с пешими, и с неметцкими людьми отпустить к государю к Москве; а пошел де из под Смоленска Михайло Шеин с товарищи, заговев на первой неделе, в среду февраля в 19 день». На следующий день из-под Смоленска в Можайск приехали «посланники» Григорий Горихвостов и подьячий Пятой Спиридонов, подтвердившие все эти известия. Поэтому можайские воеводы обратились к царю, чтобы тот вывел их из создавшейся затруднительной ситуации: им велено было «помочь учинить» войску боярина Шеина под Смоленском, а войско это направлялось уже в сторону Москвы. Кроме того, польский король Владислав, по распросным речам того же пленного, собирался идти вслед за отходящими русскими полками, чтобы встать лагерем между Вязьмой и Можайском и дожидаться царских послов.

4 марта навстречу боярину Михаилу Борисовичу Шеину был послан из Москвы Моисей Федорович Глебов. Он должен был выяснить у бывшего предводителя смоленской рати подробности того, что сообщили «в розпросе» царю и Боярской думе Григорий Горихвостов и Пятой Спиридонов. Первое: что это за шестнадцать статей договора, на которых боярин Михаил Борисович Шеин помирился с королем Владиславом и целовал ему крест? Второе: какова судьба наряда и запасов? И третье: сколько людей возвращалось с боярином Шеиным и сколько осталось под Смоленском? Царя Михаила Федоровича также интересовало, кто остался «на королевское имя», а кто возвращался в Москву. Всего

из-под Смоленска ушло 8056 человек, больных осталось 2004 человека, а к польскому королю ушло служить только восемь человек, из которых шестеро были донские казаки.

Войско не винили в отходе, а наоборот, объявляли ему благодарность за службу: «А дворяном и детем боярским, и неметцким полковником, и руским и неметцким салдатом, и иноземцом, и атаманом и казаком сказать, что служба их, и раденье, и нужда, и крепкостоятельство против полского короля и против полских и литовских людей, и что с ними бились не щадя голов своих, государю и всему Московскому государству ведомо»¹⁵³.

Боярина же Михаила Борисовича Шеина и других воевод ожидало, напротив, серьезное разбирательство, «для чего Смоленской острог покинули». Разбирательство это сразу же по получении вестей в Москве было поручено боярам князю Ивану Ивановичу Шуйскому, князю Андрею Васильевичу Хилкову, окольниковому Василию Ивановичу Стрешневу и дьякам Тихону Бормосову и Дмитрию Прокофьеву¹⁵⁴. Если победителей, как известно, не судят, то с побежденными не церемонятся. Для боярина Шеина наступило самое тяжелое время, когда, оставшись без заступничества умершего патриарха Филарета, он был выдан на расправу всем своим недругам в Боярской думе. 18 апреля 1634 года царь Михаил Федорович «слушал со всеми бояры дело о Михайле Шеине с товарищи, и указал государь, а бояре приговорили Михайла Шеина, да Артемья Измайлова с сыном его с Васильем, за их воровство и измену, казнити смертью»¹⁵⁵.

Десять дней узники провели в томительном ожидании, надеясь на помилование. Но 28 апреля 1634 года их привели в Приказ сыскных дел, где дьяк Тимофей Бормосов в присутствии бояр зачитал им и другим обвиняемым приговор. Решение было окончательным: казнить М. Б. Шеина, А. В. и В. А. Измайловых, а воевод князя С. В. Прозоровского и М. В. Белосельского сослать в Сибирь. При этом царь Михаил Федорович, «по упрощению» царицы Евдокии Лукьяновны, заменил сыну боярина Шеина Ивану Михайловичу смертную казнь на ссылку с матерью и женой в Понизовые города. Дрогнуло ли его сердце, когда он должен был обречь Ивана Шеина на те же страдания, которые сам переживал в детстве, неизвестно. Сын казненного воеводы не перенес позора и умер по дороге, едва выехав из Москвы, своей смертью еще больше усугубив трагизм ситуации. Главных же обвиняемых в тот же день 28 апреля «повели к казни за город на пожар», где дьяк Дмитрий Прокофьев «чел измену по списку». Обвинение, зачитанное боярину Шеину

перед казнью, содержит не просто перечень преступлений на службе под Смоленском, а подробности боярских обид, которые в другое время бояре молча терпели. Тут ему припомнили все: «И ты, Михайло Шеин, из Москвы еще на государеву службу не пошед, как был у государя на отпуске у руки и вычитал государю прежние свои службы с большою гордостью, а говорил, будто твои Михайловы и прежние многие службы были к нему государю передо всею твоєю братьею бояры, а твоя де братья бояре будто в то время, как ты служил, многие по-запечью сидели и сыскать их было не мочно, и поносил всю свою братью пред государем с большою укоризною, и службою и отечеством никого себе сверстником не поставил». Не должны ли были судьи, бояре князь Иван Иванович Шуйский и князь Андрей Васильевич Хилков посчитать, что это их называли «запечными» боярами? Интересно, что далее говорится о реакции царя Михаила Федоровича на этот демарш боярина Шеина на отпуске перед началом кампании: «И государь, жалуя и щадя тебя Михайла для своего государева и земскаго дела и не хотя тебя на путь оскорбить, во всем тебя умолчал». Также промолчали бояре, опасаясь «роскручинити» государя. Но, как видим, не забыли «такие грубые и поносные слова, чего было кому от тебя и слышати не годилось»¹⁵⁶.

Вообще с назначением воевод смоленского войска выходили грандиозные скандалы. Еще в 1631 году в будущий поход под Смоленск планировали отправить бояр князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и князя Бориса Михайловича Лыкова, страшно разругавшихся друг с другом. Князь Борис Михайлович Лыков жаловался патриарху Филарету Никитичу на то, что его назначили в товарищах с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским: «говорил в Соборной церкви ему государю такие слова, что всякий человек, кто боится Бога и помнит крестное целованье, и тот таких слов говорить не станет»¹⁵⁷. Второй воевода обвинял первого в том, что у него «нрав тяжелой и прибыли, как ему быти с боярином в государеве деле, не чает». Отказ от службы дорого стоил боярину князю Борису Михайловичу Лыкову, «наряжавшемуся на государеву службу год» и в итоге заплатившему за бесчестье двойной оклад боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому — 1200 рублей. Однако теперь, когда решалась участь боярина Шеина, он должен был понимать, что штраф оказался для него меньшим злом.

Главные обвинения воевод боярина Михаила Борисовича Шеина и окольничего Артемия Васильевича Измайлова касались, конечно, их службы. Вспомнили и о медленном

продвижении рати к Смоленску, и о плохом информировании царя и патриарха о ведении боевых действий и положении в войске, и об отсутствии совета с русскими ратными людьми и немецкими полковниками, и о «корыстовании» лучшими смоленскими селами и деревнями. Ключевой пункт обвинения касался самовольного договора с королем и отдачи наряда и запасов (кроме 12 пушек, которые все равно оказались у польского короля). Воеводы Михаил Борисович Шеин и Артемий Васильевич Измайлов, отходя из-под Смоленска, отдали на расправу несколько десятков русских людей и выходцев из Литвы, перешедших на службу московскому царю и казненных после того, как их бросили царские воеводы. Больнее всего для самолюбия царя и Боярской думы был сам порядок отхода: «А как вы, Михайло с товарищи, шли сквозь полские и литовские полки, и ты, Михайло, велел все государевы знамена свертеть и положить перед королем на землю, и, положа знамена, кланялся ты, Михайло с товарищи своими, королю в землю, и тою своею явною изменою государскому имени учинили болшую нечесть, а Московскому государству учинили болшую укоризну и убытки многие»¹⁵⁸. «Низкий поклон» королю от русских воевод польская сторона включила в текст условия о сдаче, так что это не было самостоятельной выдумкой боярина М. Б. Шеина¹⁵⁹.

Причины «измены» Шеина видели в присяге, которую он, находясь в плену в Литве, якобы дал королю Сигизмунду III и королевичу Владиславу «на всей их воле» и о которой не объявил царю Михаилу Федоровичу при возвращении из плена. Следованием этому тайному крестному целованию и объясняли преступления воеводы под Смоленском. На самом деле, последний аргумент нужен был только для того, чтобы хоть как-то бросить тень на геройское поведение Михаила Борисовича Шеина во время смоленской обороны 1609—1611 годов. Отменить этой службы было нельзя, а вот очернить, оказалось, можно. Между тем все объясняется просто. Как давно заметил С. М. Соловьев, «защищать город и осаждать — две вещи разные»¹⁶⁰.

Обращает на себя внимание спешка, с которой была совершена казнь боярина Михаила Борисовича Шеина и окольного Артемия Васильевича Измайлова с сыном Василием: как только «измена» была «прочтена», приговоренных «того ж часу вершили, отсекли им всем трем на пожаре головы»¹⁶¹. Судьба крепко связала их общей службой под Смоленском. Так называемый Хронограф Пахомия, отразивший боярскую трактовку событий, писал, что боярин

Шейн под Смоленском «от гордости своея на всех воевод и на немецких полковников нача злобиться и их бесчестити, ратных же людей оскорбляти... и аще не бы стайбницы его околничей Артемей Измайлов и сын его Василей кривой удержеваше от гнева того, и он бы, Михайло, в кручине и в гордости своей вскоре скончался»¹⁶². Сыновья второго воеводы Василий и Семен Измайловы, согласно обвинительным статьям, вели под Смоленском вольготную жизнь, приглашали к себе на стан литовских людей и перебежчиков на службу к польскому и литовскому королю Захара Заруцкого (брата известного предводителя казаков), смольнянина Юрия Потемкина, Ивана Мещеринова. «А ты, Василий, будучи под Смоленском, воровал государю, изменял болше всех», обвиняли старшего из сыновей Артемия Измайлова, с изменниками «пировал и потчевал и дарил и от них подарки с братом своим с Семеном имал и ночевать их у себя унимал, и они... у тебя Василья были и ночевали, а приезжали к тебе с своим кормом и с питьем и провожали тебя Василья до стану и разговаривал с ними о всем, что годно было литовскому королю». Конечно, такие пиры не могли остаться тайной в войске, да и сам Василий Измайлов подливал масла в огонь своей несдержанностью. Еще находясь под Смоленском, и потом, когда царское войско отошло от этой крепости, он во всеуслышание заявлял о непобедимости короля Владислава: «Как де против такого великого государя монарха наше московское плюгавство бьется, каков был царь Иван, и тот де против литовского короля сабли своей не выимывал и с литовским королем не бивался». В этих речах было еще одно преступление, которое царь Михаил Федорович не мог простить Василию Измайлову — глумление над памятью патриарха Филарета: «Да ты же, Василей, услыша про великого государя, блаженныя памяти святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русии смерть, разговаривал многое воровское непригожее слово, чего и написать не уметь»¹⁶³.

Остальные воеводы тоже пострадали. Уже 18 апреля 1634 года, в день объявления приговора царя и Боярской думы о наказании смоленских воевод, были посланы дворяне и дьяки переписывать «опалные дворы» Михаила Борисовича Шеина и Артемия Васильевича Измайлова, а также воевод князя Семена Васильевича Прозоровского, князя Михаила Васильевича Белосельского, а заодно и родного брата Артемия Васильевича Измайлова — Тимофея, ведавшего во время Смоленской войны Казенным двором и не участвовав-

шего в военных действиях. Но таковы были московские порядки: в случае царской опалы весь род отвечал за деяния провинившегося. Был бит кнутом и отправлен в Сибирь Семен Измайлов. Воевод князя Семена Васильевича Прозоровского и князя Михаила Васильевича Белосельского помиловали, потому что все засвидетельствовали «раденье» к службе одного и болезнь другого.

Это единственная за все время царствования Михаила Федоровича казнь членов Боярской Думы. Произошедшее настолько не было свойственно характеру царя, что сложилась легенда о том, что Шеина и Измайлова обманом заставили признать свои вины, обнадежив воевод тем, что государь помилует их. Рассказ об этом содержится в книге Адама Олеария «Описание путешествия в Московию». Немецкий путешественник впервые приехал в Москву несколько месяцев спустя после описываемых событий, в августе 1634 года. Он пишет о том, что в столице сложилась ситуация, близкая к бунту: «Вернувшиеся в жалком состоянии из-под Смоленска солдаты стали сильно жаловаться на измену генерала Шеина». Чтобы отвести подозрение от «более высокого лица» (здесь Олеарий, вероятно, подразумевает патриарха), «приказано было обезглавлением Шеина дать народу удовлетворение». Естественно, что такой поворот событий устроил бы многих, кроме самого боярина, которого убедили в том, что его сначала поведут на казнь к плахе, а потом помилуют: «Лишь бы видел народ желание великого князя, а как только Шеин ляжет, сейчас же явится ходатайство за него, а затем помилование, и простонародье будет удовлетворено». Однако в рассказе Адама Олеария есть некоторые детали, не позволяющие с доверием отнестись к приведенному им известию. Так, патриарх, на которого якобы надеялся «генерал Шеин», был к тому времени уже в могиле, а сын Шеина вовсе не был засечен кнутом до смерти «по требованию народа»¹⁶⁴.

Но легенда оказалась живучей, и ее в начале XVIII века воспроизвел историк Василий Никитич Татищев в набросках к своей (кстати говоря, первой по времени создания) работе по истории царствования Михаила Федоровича. В. Н. Татищев писал, что хотя боярин Михаил Борисович Шеин был «от его величества весьма немилостивно принят», он «в допросе пред боярами имел некакие письменные к своему оправданию доказательства». Однако какие-то «скрытые злодеи» «столько сумели обольстить и уверить, что ежели они тех писем не объявят, то они уверивали, что их старанием ни до какова зла не дойдет». Как

видим, в известии В. Н. Татищева акцент сделан не на гипотетическое восстание московской черни, как у Олеария, а на происки врагов воевод, поэтому эти известия можно рассматривать как независимые друг от друга. Дальше, по рассказу В. Н. Татищева, начали разыгрываться настоящие страсти. Естественно, что воевод обвинили и «немедленно велели их, у Архангела исповедовав и причестя, на площадь вести». Увидев «плаху и топор», приговоренные к казни «узнали оной обман и опаметовались», попытавшись все-таки предъявить свои оправдания, но было уже поздно. «Злодеи» не дремали и довели дело до конца, прислав подтверждение палачу, чтоб «казнил не мешкая». Посланный же от «Сената» (то есть, вероятно, от Боярской думы), «прибежал поздно».

Самое интересное, что В. Н. Татищев точно указывает место погребения тела М. Б. Шеина в Троице-Сергиевом монастыре: «Их невинность потом довольно истинна явилась, и для того немедленно тела их велено в Троицкий монастырь свести, с честью погresti и в вечное поминовение написать. А наследникам их даны грамоты, чтоб тем их никто не порицал»¹⁶⁵. Источником этого известия, скорее всего, были сами наследники М. Б. Шеина — современники В. Н. Татищева. Однако от внимания потомков, заинтересованных в реабилитации своего предка, ускользнула одна важная деталь: разрешение на погребение тела М. Б. Шеина в Троице-Сергиевом монастыре было дано не «немедленно», а семь лет спустя, в ноябре 1642 года. Именно тогда, согласно вкладным книгам Троице-Сергиева монастыря, был «погребен в дому живоначальные Троицы боярин Михайло Борисович Шеин, да сын ево Иван Михайлович». Внук казненного боярина Семен Иванович Шеин дал богатый вклад и деньги на погребальные и поминальные столы. Одновременно с ним 30 ноября 1642 года сделал вклад по боярине М. Б. Шеине еще один участник этих событий — боярин Борис Михайлович Лыков¹⁶⁶, что можно рассматривать как запоздалый жест человека, не поддерживавшего казнь, но не сумевшего предотвратить ее. Впрочем, посмертное прощение боярина М. Б. Шеина показательно и для царя Михаила Федоровича.

Бои с королем Владиславом IV еще продолжались под Белой. Сидевшие там в осаде служилые люди не позволили полякам развить смоленский успех. Рассказывали, что литовский канцлер Радзивилл предлагал даже переименовать город Белую в Красную, по цвету пролитой осаждавшими крови. Бельский воевода князь Федор Федорович

Волконский был пожалован за свою службу из стольников в окольничие¹⁶⁷.

Из Москвы в сторону Вязьмы отправилось посольство во главе с боярами Федором Ивановичем Шереметевым и князем Алексеем Михайловичем Львовым. Предстояло снова договариваться о мире между двумя странами и решать старые споры о титулах и городах. Символично, что съезд послов состоялся на том самом месте, где когда-то разменивали пленных. Но Московское государство и Речь Посполитая должны были теперь учитывать результаты недавней Смоленской войны.

3 июня 1634 года был заключен Поляновский мирный договор, по которому из всех территориальных приобретений начала войны Россия получила лишь Серпейск с уездом. Договорились, что король Владислав возвратит избирательную грамоту, выданную ему в 1610 году и увезенную гетманом Станиславом Жолкевским в Речь Посполитую. Как всегда, много крови попортил вопрос о титулах, так как польские и литовские представители пытались навязать своим московским коллегам именование царя Михаила Федоровича царем *своея Руси*, а не *всея Руси*. Естественно, что московские послы наотрез отказались обсуждать этот пункт. Когда дело дошло до территориальных споров, польская и литовская сторона оказалась в выигрыше. Польский комиссар Якуб Жадик, епископ хелмский, всегда мог посоветоваться со своим королем, расположившимся на отдых неподалеку, у речки Поляновки. Московские послы постепенно сдавали одну позицию за другой. Не удалось отстоять ни Дорогобуж, ни Новгород-Северский, ни Трубчевск. Разве что сумма уплаченной Россией компенсации была снижена со 100 тысяч до 20 тысяч рублей.

На съезде послов была сделана попытка разработать статьи «вечного dokonчания». Предложения Речи Посполитой создавали условия для будущей унии двух государств, формальным выражением которой должно было стать изготовление двух корон при коронации польских королей и венчании на царство московских царей. У глав обоих государств появлялась возможность претендовать на избрание, соответственно, в Речи Посполитой и Московском государстве. Даже оговаривалось, что если царь будет избран в короли, то два года он должен будет жить в Польше и Литве, а один год — в Москве. Московские послы благоразумно уклонились от ответа на большинство статей, отделываясь однотипной фразой: «Пусть государи перешлются между собой»¹⁶⁸.

СМОЛЕНСКИЙ СИНДРОМ

Война, длившаяся полтора года, закончилась, но ее последствия еще долго ощущались в московском обществе, определив его развитие по крайней мере на пятнадцать последующих лет. Главным следствием Смоленской войны 1632—1634 годов стал глубокий внутривластный кризис, особенно затронувший служилые «города». Военные поражения и ставшее роковым промедление со сбором сначала войска боярина Михаила Борисовича Шеина, а потом князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, неудачи с экспериментом по набору в солдатскую службу беднейших детей боярских, ненадежность иноземных наемников показали необходимость реформирования войск сотенного строя. Тем более что их боеспособность была подорвана разорением служилых людей под Смоленском, а также запутанностью земельных отношений в уездах из-за конфискаций поместий дезертиров-нетчиков и раздачи выморочных владений.

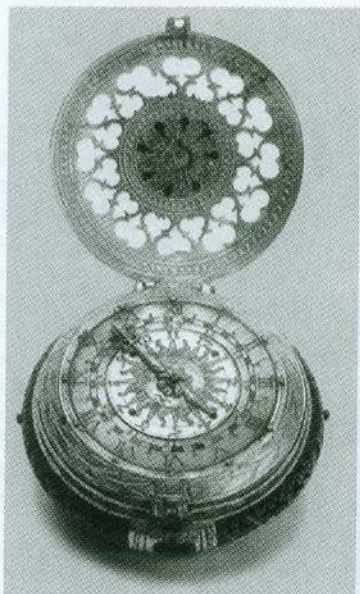
Война подорвала бюджет Московского государства. Представление о тратах на Смоленскую войну дает роспись денег, посланных на жалованье ратным «немецким людям», солдатам, казакам и даточным людям. С сентября по ноябрь 1632 года было отослано свыше 80 тысяч рублей, в декабре — 30 тысяч рублей, и далее каждый месяц — 25—30 тысяч рублей, вплоть до сентября-октября 1633 года, когда ежемесячные посылки возросли в полтора раза и составили 46—47 тысяч. Всего за год было истрачено, таким образом, полмиллиона рублей¹⁶⁹. Отсылки денег прекратились только со смертью патриарха Филарета в октябре 1633 года. Но и это не все. Война коснулась каждого. Со всей страны были взяты даточные люди, собран хлеб для войска и организован подвоз вооружения и запасов на поставленных населением подводах.

На усиление гнета население отвечало традиционным способом. Под Смоленском поднялось казачье движение Балаша, сначала воевавшего на стороне царя Михаила Федоровича, а потом повернувшего свои станицы против правительственных войск. Московское государство снова вспомнило о земских соборах и пятине. Последняя собиравалась по решению собора 28 января 1634 года¹⁷⁰.

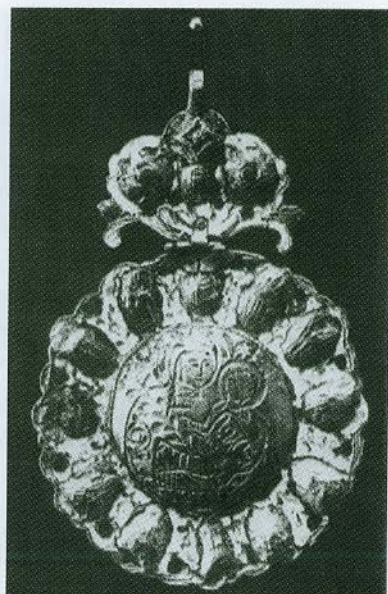
Общее нестроение ощущалось во всем Московском государстве. У людей снова развязались языки, увеличилось количество расследований о «слове и деле» государевом, когда кто-нибудь неодобрительно высказывался о власти. Появи-

Царь Михаил Федорович. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Часы патриарха Филарета.

Панагия патриарха Филарета.

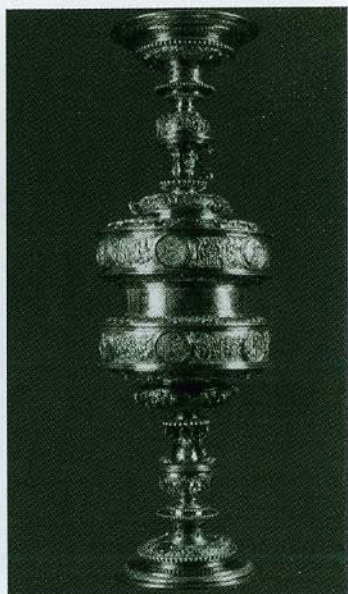
Письмо патриарха Филарета царю Михаилу Федоровичу. Автограф.

Божіе милосердіє і вродило і в роду муско
вскомъ и в Федоровичъ и в Сидоренко и в рѣ
чѣхъ и в тайнъ и в томъ и в Архидіаконовъ
и в Соавъ и в Кавказъ и в Архидіаконовъ и в
и в Англии и в звѣстехъ и в конвѣнцїахъ
и в тождѣхъ и в свѣдѣніахъ и в похвалѣхъ и в по
хвалѣхъ и в свѣдѣніахъ и в похвалѣхъ и в по
хвалѣхъ и в свѣдѣніахъ и в похвалѣхъ и в по
хвалѣхъ и в свѣдѣніахъ и в похвалѣхъ и в по
хвалѣхъ и в свѣдѣніахъ и в похвалѣхъ и в по

Саккос патриарха Филарета.

Посольский двор в Москве.
Гравюра из книги Адама Олеария.

Серебряный кубок.
Подарок английского купца
Фабяна Ульянова
царю Михаилу Федоровичу.

Преп. Макарий Унженский и преп. Иаков Железоборский. Икона XVII в.

Икона Казанской
Божией Матери.
Келейный образ
царя Михаила
Федоровича
во время
его пребывания
в Макарьевско-
Унженском
монастыре
в 1619 г.

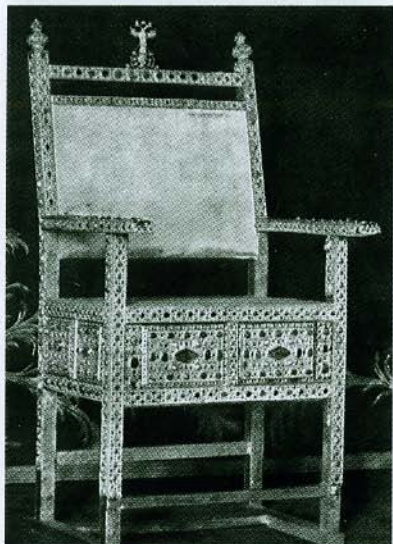
Макарьевский Унженский монастырь.

Венец, скипетр и держава царя Михаила Федоровича.

Тронное кресло
царя Михаила Федоровича.

Государственная печать
царя Михаила Федоровича.

Русская знать. Гравюра из книги Адама Олеария.

Теремной дворец в XVII в. Реконструкция А. Новицкого (XIX в.).

Царь Михаил Федорович.

Царица Евдокия Лукьяновна
Стрешнева.

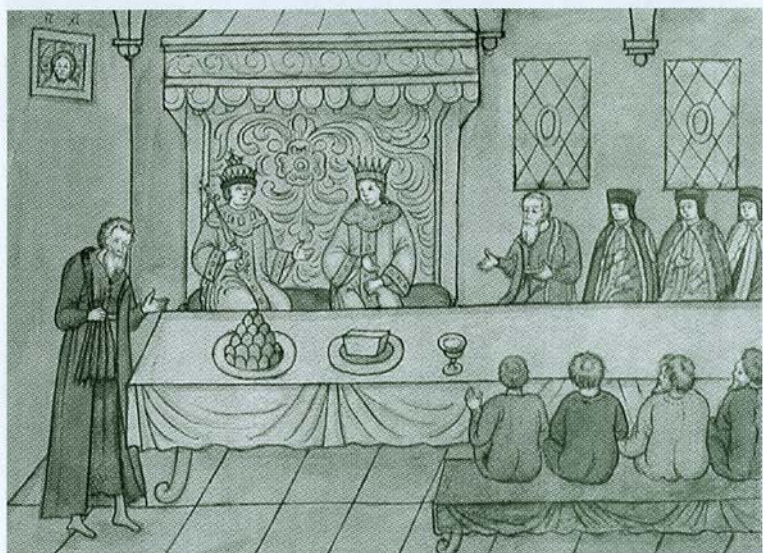
Наречение царской невесты. *В. Г. Шварц.*

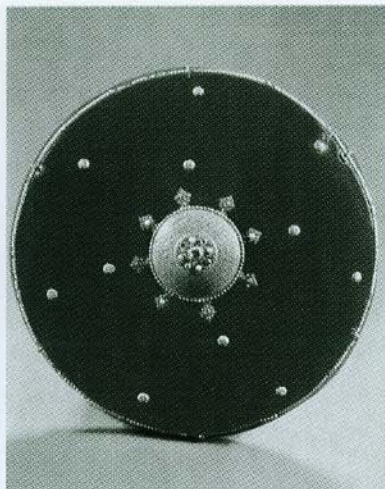

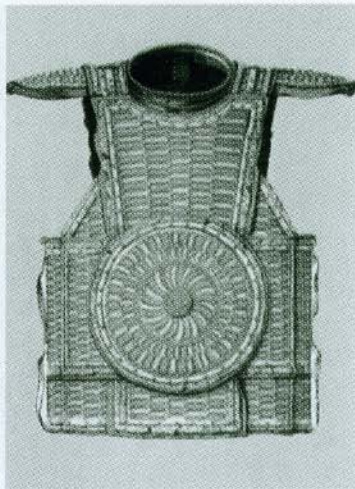
Царь Михаил Федорович и патриарх Филарет. Миниатюра из «Описания в лицах свадьбы царя Михаила Федоровича». XVII в.

Царь и царица на свадебном пиру. Миниатюра из «Описания в лицах свадьбы царя Михаила Федоровича». XVII в.

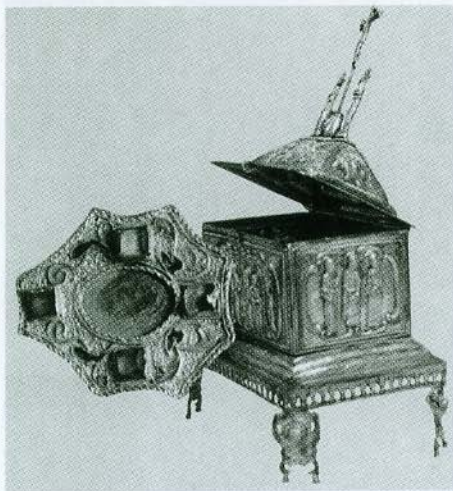
Парадный щит царя Михаила Федоровича, подарок шаха Аббаса.

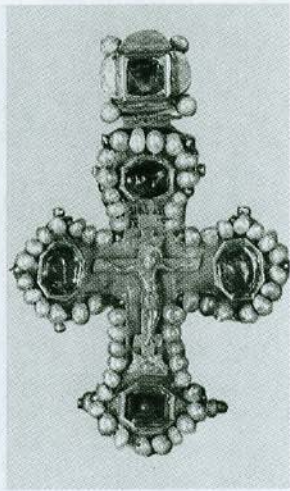
Доспехи царя Михаила Федоровича.

Объезд царем московских монастырей. Миниатюра из «Описания в лицах свадьбы царя Михаила Федоровича». XVII в.

Частица Ризы Господней в серебряном ковчеге из церкви Ильи Пророка в Ярославле. Атрибуция Е. В. Бурдаковой.

Крест-можевик царя Миханла Федоровича.

Поднесение Ризы Господней. Фреска Ризоположенского придела церкви Ильи Пророка в Ярославле.

Владислав IV.
Неизвестный художник. XVII в.

Монета с изображением
Владислава IV.
Лицевая и оборотная стороны.

Вид Смоленска. 1610 г. Г. Келлер.

План осады Смоленска в 1632—1634 гг. Гравюра В. Хондиуса. 1634 г. Фрагмент.

Капитуляция боярина Шенна перед Владиславом IV в 1634 г. Неизвестный художник. XVII в.

Михаил Федорович и Алексей Михайлович.
Икона московского Новоспасского монастыря. XVII в.

Церковь Троицы в Никитниках
в Москве. 1635—1653.

Памятник Михаилу Федоровичу
в Костроме. В. И. Демут-
Малиновский. 1851. Фото XIX в.

Крестный ход во время празднования Вербного воскресенья.
Гравюра из книги Адама Олеария.

Михаил Федорович с князем Д. М. Пожарским и К. Мининым.
Памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. *Фрагмент.*

лись и доморощенные реформаторы, желавшие поделиться с властью своими рецептами выхода из кризиса. Но система, созданная в Московском государстве первой половины XVII века, еще не была готова к частным инициативам своих подданных, если только они не имели источником царское распоряжение.

Одним из таких забытых реформаторов был стряпчий Иван Андреевич Бутурлин. После поражения под Смоленском, когда в Речь Посполитую было отправлено посольство боярина Федора Ивановича Шереметева, Бутурлин по дороге присоединился к посольским шатрам, чтобы рассказать государю о его «недоброхотах». Был учинен допрос, в ходе которого выяснилось, что Иван Андреевич Бутурлин собирался говорить о боярине Михаиле Борисовиче Шеине, который «думал де один с Измайловыми; а с князь Семеном (Прозоровским) и с Богданом (Нагим) ни о чем не думывал». Кроме того, Бутурлин намеревался жаловаться на боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, использовавшего стояние в Можайске не только для сбора рати: «Да в Можайске ж многие кабаки, уйму от бояр нет, и у боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарскова заведены свои кабаки в многих местех; и от того дешевова питя разошлись многие ратные люди, и пешия и конные, пропився». Иван Андреевич Бутурлин имел в голове целую программу, в которой, во-первых, обосновывал необходимость организации рейтарских полков из русских людей, чтобы не трать зря казну на немецких людей — «начальных людей много не к делу». Предложение это возникло, конечно, под впечатлением низкой боеспособности и прямого предательства некоторых наемных офицеров. В проекте Ивана Андреевича Бутурлина слышны отзвуки традиционных представлений служилых людей о соблюдении одинаковых условий службы для всех (как это было еще в челобитных Ивана Пересветова при Иване Грозном). Поэтому начальственный состав предполагаемых русских рейтарских полков Бутурлин предлагал заполнять «старослужащими», а в рядовые набирать без жалованья «из городов молодых воевод и всяких приказных людей, которые избывают от службы», кажется, путая обязанность службы с наказанием. Еще один совет Бутурлина касался организации особого полка в Северских городах, для того чтобы отвоевать города, остававшиеся в Литве. Время для этого предложения наступит позднее, во второй половине XVII века, когда с организацией регулярной армии придут и к необходимости размещения таких полков поблизости от предполагаемых мест ведения боевых

действий. Но главной в проекте реформатора Ивана Андреевича Бутурлина была идея организации в Москве постоянного учреждения с выборными от служилых людей и «из черных, по человеку, а не из больших городов». Эти люди, составлявшие своеобразный постоянно действующий земский собор, должны были осведомлять государя «про всякие дела», потому что «недоброхоты» из числа бояр скрывают от царя Михаила Федоровича нужды «бедных людей».

Проект реформ стряпчего Ивана Андреевича Бутурлина — неординарное явление для московских порядков. В Московском государстве очень не любили нововведений, не освященных стариной, поэтому у реформаторов было мало шансов на успех. Стали обсуждать не суть того, что предлагал Бутурлин, а совсем другое — в каких отношениях находится он со своим «дядею» — окольным Федором Леонтьевичем Бутурлиным, старшим на местнической лестнице в роду Бутурлиных. Тому инициатива племянника тоже не сулила ничего хорошего, поэтому он решил спрятаться за спасительное объяснение: дескать, Иван Бутурлин «не в целом уме». В дальнейшем карьера стряпчего Ивана Андреевича Бутурлина развивалась обычным порядком: он остался при Дворе и со временем даже получил чин московского дворянина. А значит, все наветы на него в связи с челобитной 1634 года и обвинения в сумасшествии не имеют под собой основания. Просто в глазах тогдашнего общества именно так воспринимались поступки людей, решившихся высказывать свои суждения о необходимости изменений в Московском государстве¹⁷¹.

Вопрос о том, называть ли политическую систему 1619—1633 годов «двоевластием», является, по крайней мере, дискуссионным. У названной проблемы существует не только политический, но и личный аспект. Обычно отношение царя Михаила Федоровича к своему отцу не принимается в расчет в построениях историков, что и приводит их к фундаментальному непониманию и узости трактовок. Между тем в совместной деятельности царя и патриарха по управлению государством было прежде всего взаимное движение к гармонии чувств отца и сына, которая так часто и жестоко нарушалась раньше внешними вторжениями. В источниках нельзя отыскать ни одного распоряжения патриарха Филарета, сделанного против воли царя или без совета с ним. И — наоборот. Если это называть «двоевластием», тогда можно принять и такой термин. Однако в характеристике

политической системы Московского государства в 1620-е годы большей частью подразумевается другое: доминирование патриарха Филарета над якобы безвольным и лишенным реальной власти сыном.

А это, на наш взгляд, не так. Анализ так называемой «программы патриарха Филарета» показал, что в первые годы после его возвращения можно говорить не об осуществлении какого-то заранее продуманного плана реформ, но лишь о самых общих целях, движение к которым и диктовало власти принимаемые решения. Указы царя и Боярской думы чаще всего зависели от челобитных или выписок по делам, рассматриваемых на думских заседаниях, и следовали заведенному прежде приказному порядку. Это не значит, что власть московских государей не была инициативной, что Михаил Федорович вместе сотцом не продумывали своих действий или не учитывали последствий тех или иных поступков. Но им совсем не обязательно было заниматься для этого какой-то идеологической подготовкой. На всю их деятельность сильнейшее влияние оказывали фундаментальные ценности; достаточно было того, что царь и патриарх издавали указы во имя восстановления прежнего порядка вещей, установленного «прироженными государями», и защищали православие. Лучше патриарха Филарета Никитича никто не мог олицетворять такую преемственность с прошлым веком. Правда, современникам было понятно и другое: опыт Смутного времени тоже нельзя было отменить, как нельзя было уйти от решения проблем, рожденных им.

Поступали ли челобитные, выходил ли на улицы «мир», приходили ли «вести» о появлении врагов на границах, — все это сразу же запускало механизм рассмотрения «дел». Нет никаких признаков того, что патриарх Филарет Никитич вникал во все тонкости управления; наоборот, распоряжения судьям московских приказов шли от царя и Боярской думы. В этот период царствования Михаила Федоровича Боярская дума в основном сохранила свое первенствующее значение, хотя ее роль коллективного советчика перешла теперь к патриарху Филарету. Уже ни один «сильный человек» в Думе не мог влиять на царя Михаила Федоровича, как раньше, поскольку все такие влияния нейтрализовались патриархом. Показательно и то, что в 1620-е годы прекращается практика земских соборов, так как в присутствии патриарха становился лишним любой мирской совет, даже «всей земли».

Суть происходивших изменений состояла в том, что с приездом патриарха Филарета Никитича утвердилось и

развивалось *самодержавие*, а не двоевластие московских государей. Е. Д. Сташевский заметил, что при новой династии стала складываться своя общественная философия, но не совсем удачно назвал ее философией «общего блага». Если же обратиться к источникам, то можно увидеть достаточно простую, даже банальную вещь. «Философской системой» патриарха, ради которой он трудился более всего, была самодержавная власть московских государей¹⁷². Формально это нашло отражение во введении новой государственной печати после 25 марта 1625 года, когда в титул царя Михаила Федоровича было добавлено слово «самодержец», а над головами орлов появилась «коруна»¹⁷³. Но главное состояло в том, что именно патриарху Филарету Никитичу удалось убедить царя Михаила Федоровича воспринять философию власти, идущую от Ивана Грозного, а не от традиций Смуты. С одним «маленьким», но важным уточнением, которое внесли время и, возможно, характер самого царя Михаила Федоровича. Самодержавная власть перестала казнить и тиранить собственных подданных.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Глава одиннадцатая «СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ»

Правительства царя Михаила Федоровича. —
При дворе государя. —
Государевы великие дьяки

За тридцать с лишним лет царствования Михаила Федоровича сменилось несколько так называемых «правительств». И в каждом из них рядом с царем находились бояре Иван Никитич Романов, князь Иван Борисович Черкасский, Федор Иванович Шереметев, а также Борис Михайлович и Михаил Михайлович Салтыковы (за исключением опалы, пережитой ими в 1623—1633 годах). Все они были связаны родством с Романовыми и составляли «ближний круг» царя. Но при этом нити управления оставались в руках Михаила Федоровича. Только от царского слова зависели основные решения Думы и соборов, разрешение местнических счетов внутри знати. Если на что и повлияло существование такой обширной «семьи» Романовых—Черкасских—Шереметевых—Салтыковых, то не на формирование особого правительства, подобного «Избранной раде» времени Ивана Грозного, а на возникновение понятия «сильные люди». «Сильный человек» в Московском государстве — это боярин или просто человек, имевший высокий чин в Государевом дворе, богатый, известный своим родством с царем или его родственниками. Искать управу на таких людей рядовым служилым людям, даже в распространенных делах о свозе крестьян или захвате земли, было бессмысленно. Как было сказано в деле, связанном со слободами боярина Ивана Никитича Романова в Елецком уезде, «в соседстве с таким великим боярином жить невозможно»¹. Дьяки в приказах просто отговаривались и ничего не предпринимали, не желая ссориться с боярами из-за ретивых челобитчиков. Очень показательен в этом смысле спор, случившийся у Ивана Ивановича Арцыбашева с боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым. Даже думный дьяк Иван Гавренев откровенно от-

сылал челобитчика напрямую к царю: «Бей де челом на меня государю, чтоб государь указал доложить себя, государя, мимо меня: а я де не стану от тебя остужатца с боярином с князем Борисом Михайловичем, что де мне боярина обвинить, а тебя оправить»². Тягаться с иными «сильными людьми» не удавалось даже боярам. В 1628 году истец Иван Плещеев в спорном деле о свозе крестьян с одним из «именитых людей» Строгановых, говорил: «А Петр де человек сильной, мочно ему и скупать, нынеча де и бояр скупают»³.

ПРАВИТЕЛЬСТВА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

Если попытаться обрисовать смену правительств в царствование Михаила Федоровича, то мы увидим, что царь отнюдь не был пассивным созерцателем процессов, происходивших внутри Боярской думы. Наоборот, именно он влиял на формирование ее состава. С первых лет нового царствования в Думе заседали разные лица, известные своими заслугами в Смутное время. Уже в коронационных торжествах 12 июля 1613 года была подчеркнута особая роль освободителей Москвы князя Дмитрия Михайловича Пожарского, пожалованного боярским чином, и Кузьмы Минина, которому был дан чин думного дворянина. Последний, как известно, попал в Думу вообще из «торговых мужиков» (небывалый случай в анналах русской истории, если не считать антипода Минина «торгового мужика» Федьки Андропова, заправлявшего делами во время польского владычества в столице и позже казненного). Но ни боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, ни боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, которых современники еще недавно рассматривали как реальных претендентов на царский престол, уже в силу одного этого обстоятельства не могли пользоваться влиянием на молодого царя.

Господствующие позиции занимали в Думе в 1613 году те бояре и окольничие, которые получили свой чин еще до избрания Михаила Федоровича. Только кланы Годуновых и Шуйских, родственники двух недавних царей, уступили свое влияние и положение другим родам. Остальные же смогли удержаться во власти, даже несмотря на недавнее вхождение в одиозную «семибоярщину», правившую страной под диктовку главы польского гарнизона в Москве Александра Госевского, представлявшего интересы короля Сигизмунда III.

Первым по старшинству и давности пребывания в боярском чине, с 1576 года, можно назвать князя Федора Ивано-

вича Мстиславского. Он был признанным главой Думы, и совсем не случайно именно он, а не кто-нибудь другой первым подписал грамоту земского собора об избрании на царство Михаила Федоровича, рассылавшуюся в города 25 февраля 1613 года⁴. Его же имя открывает перечень боярских рукоприкладств (подписей) в «Утвержденной грамоте» об избрании Михаила Федоровича⁵. Однако ни князь Федор Иванович Мстиславский, ни еще один старожил в Думе — князь Иван Михайлович Воротынский, записанный в чин боярина еще в 1590/91 году, не претендовали на активное участие в управлении, довольствуясь своими родовыми привилегиями, обеспечивавшими им почет вне зависимости от любых политических изменений.

Рядом с ними по влиянию в это время можно поставить другого боярина, Федора Ивановича Шереметева, получившего свой чин в 1605 году. Он не скомпрометировал себя службой тушинскому самозванцу, а наоборот, был одним из героев борьбы с «Вором» в царствование Василия Шуйского. Федор Иванович Шереметев, представитель уже не княжеского, а старомосковского боярского рода, происходил из той же среды, что и Романовы, более того, находился с ними в близком родстве (его жена княгиня Ирина Борисовна Черкасская — двоюродная сестра царя)⁶. Он самым активным образом способствовал избранию Михаила Федоровича на царство и даже возглавлял посольство земского собора в Кострому, сумевшее 14 марта 1613 года уговорить Михаила Федоровича принять царский венец.

Боярину Ивану Никитичу Романову (в чине с 1605 года) первенствующая роль в Думе была уготована также по происхождению — как дяде нового царя. Он действительно занял самое почетное место при дворе Михаила Федоровича, однако тень еще одного несостоявшегося кандидата на царский венец нет-нет да и набегала на отношения дяди и племянника. Действительно, трудно было забыть неосторожные слова Ивана Никитича Романова во время избирательного собора, которые записал автор «Повести о земском соборе 1613 года»: «Тот есть князь Михайло Федорович еще млад и не в полне разуме»⁷.

В Думе к моменту коронации Михаила Романова в 1613 году, по подсчетам американского исследователя Роберта Крамми, насчитывалось 29 человек, из них 19 бояр, 8 окольничих, 1 думный дворянин и 1 думный дьяк⁸. Расстановка сил и очертания будущего правительства зависели от нескольких обстоятельств. Во-первых, от вхождения в Думу новых лиц, во-вторых, от назначений полковых воевод и

тех, кто ведал отдельные приказы или был послан на воеводскую службу в города.

Все те, кто получил боярский чин в первые годы царствования Михаила Федоровича, по сути, и составили элиту нового царствования, ту самую когорту «сильных людей», чье положение на общественной вершине было абсолютно неоспоримым. Кроме князя Дмитрия Михайловича Пожарского и Кузьмы Минина, чье пожалование в Думу объяснялось благодарностью освободителям Москвы, в состав Боярской думы уже в 1613 году вошли князь Иван Борисович Черкасский (двоюродный брат царя), князь Иван Никитич Одоевский и Борис Михайлович Салтыков. В 1615 году царь Михаил Федорович пожаловал в бояре князя Афанасия Васильевича Лобанова-Ростовского, князя Юрия Яншевича Сулешева, князя Ивана Андреевича Хованского, князя Алексея Юрьевича Сицкого, Петра Петровича Головина. Накануне возвращения из ссылки Филарета Романова, в 1619 году, в Думу вошел боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. Об этих назначениях в Боярскую думу в первые годы правления нового царя С. Ф. Платонов писал: «Если припомним, что за этими наиболее заметными “зятьями”, “племянниками” и “шурьями” Романовской семьи потянулись во дворец их менее заметные родственники из князей Черкасских, князей Сицких, Головиных, Салтыковых, Морозовых и других, — то мы поймем, что расположение государя быстро наполнило дворец новою придворною знатью»⁹.

Полковыми воеводами, получившими самые ответственные назначения в 1613 году, были бояре князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, отправленный воевать под Новгород, и боярин князь Иван Никитич Одоевский, избавивший новое царствование от угрозы еще одного самозванства, исходившей от Ивана Заруцкого и удерживавшихся им Марины Мнишек с сыном. Боярин Василий Петрович Морозов отличился под Псковом в 1615 году, отстояв город от нашествия шведских войск. Боярин князь Борис Михайлович Лыков расправился с «вольным казачеством», бунтовавшим в Московском государстве в 1613—1619 годах. Лавры освободителя Новгорода достались князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому, награжденному боярским чином. Наконец, в один из самых критических моментов царствования Михаила Федоровича, когда в начале осени 1618 года к Москве подступил с войском польский королевич Владислав, главными воеводами русского войска оказались князь Дмитрий Михайлович Пожарский, князь Борис Михайлович Лыков и князь Иван Борисович Черкасский.

В начале царствования Михаила Федоровича появилась конфигурация того, что можно назвать «правительством» применительно к Московскому государству послесмутного времени. П. П. Смирнов обратил внимание на то, что глава такого правительства обычно сосредоточивал в своих руках должности по управлению финансами (Приказ Большой казны), московским гарнизоном (Стрелецкий приказ) и заведование Аптекарским приказом, оберегавшим здоровье государя. Важнейшими по своим функциям Разрядным и Посольским приказами ведали думные дьяки, чтобы не создавать конфликта между приближенными царя, естественно, мечтавшими о контроле и за этими ведомствами. Первым таким правителем историк считал боярина князя Ивана Борисовича Черкасского, ставшего главным советником царя после смерти патриарха Филарета в 1633 году.

Посмотрим, как работает формула П. П. Смирнова для начала царствования Михаила Федоровича. Тогда контроль за Аптекарским приказом находился в руках кравчего Михаила Михайловича Салтыкова, Стрелецким приказом управлял боярин князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский, а должность казначея исполнял Никифор Васильевич Траханиотов. Родственники царя, активно участвовавшие в его избрании, контролировали и другие приказы: тот же кравчий Михаил Михайлович Салтыков ведал еще одним важным инструментом управления — Оружейной палатой, боярин Борис Михайлович Салтыков возглавлял Приказ Большого дворца, князю Алексею Юрьевичу Сицкому был поручен Приказ Казанского дворца. Несмотря на невысокий чин постельничего и управление не самым «престижным» Приказом царской мастерской палаты, к кругу первых правителей России при царе Михаиле можно причислить и Константина Ивановича Михалкова.

Изменения в первоначальном составе правительства, где основную роль играли Салтыковы, близкие к матери царя «великой старице» инокине Марфе Ивановне Шестовой, происходили по мере взросления царя Михаила Федоровича. Причиной охлаждения царя к Салтыковым стал внутренний, семейный конфликт, расстроивший царскую свадьбу с Марией Хлоповой. Активное противодействие планам женитьбы царя со стороны Салтыковых положило определенный предел их влиянию при дворе. Хотя Михаил Федорович был послушен воле матери и оставил ее племянников в покое, при дворе стала восходить яркая звезда боярина князя Ивана Борисовича Черкасского. С его именем связаны назначения в так называемые сыскные приказы, ставшие ос-

новой новацией первых лет царствования Михаила Федоровича. Характерно, что князь Иван Борисович Черкасский был призван помочь царю Михаилу Федоровичу решать наиболее сложные и запутанные дела, затрагивавшие интересы разных влиятельных сил. Пробным камнем стало назначение Черкасского в 1617 году в приказ по отмене тарханов, то есть всевозможных льгот, записанных в жалованных грамотах монастырям и торговым людям. В 1618 году его приглашают к царским столам, где ему отведено почетное первое место среди приглашенных бояр. В этом же году князю Ивану Борисовичу поручили впервые созданный Приказ «сыскных дел», целью которого должен был стать разбор дел с «сильными людьми». Важной была его роль в отведении угрозы захвата Москвы войском королевича Владислава в 1618 году.

Необходимость решать сразу несколько тяжелейших внутренних и внешних задач после 1613 года, да к тому же в государстве, основательно разоренном Смутой, привела к тому, что на первом этапе деятельности «правительства» Михаила Федоровича оно вынуждено было делить власть с земскими соборами. П. П. Смирнов вообще называл время с 1613 по 1619 год периодом «соборного управления»¹⁰. В любом случае, говоря о «сильных людях», нужно помнить, что наиболее важные решения в это время принимались на соборах сообща Боярской думой и представителями Государева двора, уездного дворянства и посадских людей. Земские соборы по-прежнему олицетворяли участие «всей земли» в управлении, продолжая традицию, сложившуюся в деятельности подмосковных ополчений в 1611—1612 годах.

При патриархе Филарете, вернувшемся в Москву в 1619 году, произошли значительные изменения в системе власти. Дело здесь не только в известном «двоевластии» царя и патриарха, тем более что сын добровольно уступил отцу приоритеты решений о текущих делах. Стоящая рядом с сыном фигура 66-летнего отца Филарета, наоборот, должна была стать символом торжества справедливости по отношению к ветерану московской политики, нагло оттесненному когда-то Борисом Годуновым от заветной цели — Московского царства. Во-первых, изменилась роль земских соборов, существовавших при Филарете только в первые два-три года после его возвращения. Во-вторых, в состав Думы вошли люди, вернувшиеся из польского плена одновременно с патриархом. Особенно был приближен к престолу и поставлен над «новой знатью» боярин Михаил Борисович Шеин, герой смоленской обороны 1609—1611 года. Его высокомерное

пренебрежение амбициями других членов Думы, как мы знаем, дорого обошлось старому воеводе: никакие прежние заслуги не спасли его от казни за самовольное оставление Смоленска в феврале 1634 года. Думный дьяк Томило Луговской, также выехавший из плена вместе с патриархом Филаретом, был поставлен во главе Разрядного приказа. Произошли и другие перестановки в Думе. «Во время Филарета, — писал С. Ф. Платонов, — заметнее становятся некоторые князья Сицкие, князь А. М. Львов, князь Б. А. Репнин — из той же дворцовой знати, которая сложилась при новой династии»¹¹.

В годы соправления царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета было немного боярских назначений. Люди «младшего» романовского круга слишком долго ждали признания своих заслуг, поэтому им обычно недолго удавалось побыть в боярских чинах. 12 марта 1620 года в бояре был пожалован князь Иван Федорович Троекуров, но чуть больше чем через год он скончался. Пожалованные в чин в 1622 году бояре князь Андрей Васильевич Сицкий и князь Иван Иванович Одоевский и в 1623 году князь Иван Федорович Хованский также ушли из жизни раньше Филарета.

В связи с особой ролью патриарха Филарета Никитича в управлении страной повысился статус патриарших служилых людей. В 1624 году получил боярский чин князь Андрей Васильевич Хилков, управлявший Двором патриарха Филарета Никитича, в составе Государева двора появился новый чин патриарших стольников. Приближенных к патриарху людей ждала поэтому неплохая карьера на «лестнице» чинов российской элиты. Но зато и от патриаршего гнева могли пострадать любые «сильные» люди, как это произошло с Салтыковыми, влияние которых на управление было безусловным в первые годы новой династии. С 1623 года и до самой смерти патриарха они были полностью извергнуты из московской политики, что, конечно, укрепило позиции других близких родственников Романовых, оставшихся у престола. От опалы Филарета пострадали и думные дьяки: выдвинутый им же глава Разрядного приказа Томило Луговской, а также руководитель Посольского приказа Иван Грамотин¹². Несмотря на то что распоряжение об опале исходило от обоих «великих государей», сами опальные могли не сомневаться в происхождении своих бед. Совсем не случайно Салтыковы и другие «сильные люди», попавшие в опалу, смогли вернуться в Москву только после смерти царского отца.

В годы перед Смоленской войной продолжалась и естественная убыль состава Боярской думы, сократившей свой

состав почти вдвое, по сравнению с 1616—1618 годами. Ко времени Смоленской войны 1632—1634 годов вместо 27—28 бояр насчитывалось только 14—15 человек. Из главных потерь Думы можно назвать смерть князя Федора Ивановича Мстиславского в 1622 году, князя Ивана Михайловича Воротынского в 1627 году, князя Ивана Васильевича Голицына в 1626 году и князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого в 1625 году. При этом князь Иван Васильевич Голицын и князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, представлявшие в Думе остатки княжеских кланов, конкурировавших когда-то с Романовыми, были перед смертью удалены из Москвы, попав в опалу: один — в Пермь, а другой — на дальнейшее воеводство в Тобольск. После их ухода из жизни просто не оставалось никакого, даже условного, местнического противовеса правлению Романовых и их родственников. В этих обстоятельствах в 1620-е годы особенно заметно продвинулся к контролю за ключевыми приказами боярин князь Иван Борисович Черкасский. С 1621/22 года он встал во главе Приказа Большой казны, а с 1622/23 года управлял Аптекарским и Стрелецким приказами. Не случайно внимательные шведские наблюдатели с середины 1620-х годов уверенно отводили этому боярину основную роль в управлении Московским государством¹³.

Но окончательно круг приближенных царя Михаила Федоровича формируется после 1633 года, когда царю исполнилось 37 лет и он, почти одновременно, лишился обоих своих родителей. Тогда-то и становится понятным, что царь Михаил Федорович умел быть самостоятельным, что он был постоянен в своих пристрастиях к людям, даже если их раньше отправлял в опалу сам патриарх. Хотя царь Михаил Федорович был сторонником другого образа правления, чем отец, резкого поворота в политике не случилось и преемственность с прежним временем была сохранена. Во второй половине 1630-х годов уже вполне отчетливо обозначилась первенствующая роль князя Ивана Борисовича Черкасского, правившего в Думе и в важнейших приказах в 1634—1642 годах, и Федора Ивановича Шереметева, вставшего во главе правительства после смерти своего предшественника. Не случайно отдельная статья с известием о смерти князя Ивана Борисовича Черкасского и переходе власти к Федору Ивановичу Шереметеву в 1642 году вошла и в продолжение «Нового летописца». С именем Федора Ивановича Шереметева был связан наиболее важный «прорыв» в замирении с Речью Посполитой и заключение с нею Поляновского мирного договора в 1634 году.

Как только назначения в Думу стали зависеть от самого царя, буквально за полгода ее состав обновился достаточно радикально по сравнению с предшествующим временем. Первым, еще 6 января 1634 года, в чин боярина был пожалован воспитатель наследника царевича Алексея Михайловича Борис Иванович Морозов (именно ему предстоит впоследствии сменить Федора Ивановича Шереметева во главе московского правительства). 2 февраля 1634 года боярский чин был пожалован князю Ивану Андреевичу Голицыну, тоже человеку родственного романовского круга (на его тетке когда-то был женат царский дядя Александр Никитич Романов), а также представителю одного из самых заметных русских аристократических родов. Боярином стал отец царской жены Лукьян Степанович Стрешнев. Правда, это назначение было скорее данью уважения и носило почетный характер, так как невысокий по происхождению дворянин не мог реально претендовать на значительное участие в управлении страной. Гораздо более преуспел в продвижении по административной лестнице глава Оружейной палаты Василий Иванович Стрешнев, пожалованный в окольные чины в один день с Борисом Ивановичем Морозовым 6 января 1634 года. Михаил Федорович явно заботился о том, чтобы никто из родственников не чувствовал себя забытым или оскорбленным, поэтому возвратились из опалы Салтыковы. Хотя тот факт, что им пришлось забыть о прежней роли при дворе, а также отсутствие новых «фаворитов» показывают, что царь Михаил Федорович уже крепко держал бразды правления в своих руках.

ПРИ ДВОРЕ ГОСУДАРЯ

Определить влияние тех или иных «сильных людей» на царя Михаила Федоровича можно также по косвенным признакам, учитывая придворные и церемониальные назначения. Еще по воцарении Михаила Федоровича возобновилась древняя традиция государевых столов на главные церковные праздники, по поводу больших побед, приемов послов и других важных событий в Московском государстве. При патриархе Филарете эта традиция еще больше упрочилась. В 1622 году по его приказу было составлено «Сказание действенных чинов святых соборных церкви Успения Пресвятой Богородицы, матере церквам царствующаго града Москвы и всея Великия Руси», устанавливавшее порядок и церемониал церковных праздников, служб и крестных ходов в

Москве с участием царя и патриарха¹⁴. В разрядных книгах появились упоминания об отдельных патриарших столах, например, на день Петра митрополита (21 декабря) и Успение Богородицы (15 августа). Обычно же в году, начинавшемся в Семенов день (1 сентября), во дворце обязательно устраивали «стол» на двенадцатые праздники, такие, как Рождество Богородицы (8 сентября), Рождество Христово (25 декабря), Богоявление (6 января), Сретение (2 февраля), Благовещение (25 марта), Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье), Пасха и «вторник на Светлой неделе», Троица и Преображение Господне (6 августа). Особо отмечались также день иконы Костромской Федоровской Богоматери 14 марта (в воспоминание о принятии Михаилом Федоровичем царского венца), именины царя (12 июля) и царицы (1 марта), рождение и крещение царских детей. Традиционными были государевы столы во время поездок в Троице-Сергиев монастырь на память преподобного Сергия Радонежского (25 сентября). Таким образом, складывался своеобразный календарь приемов у государя, во время которых формировалась своя иерархия влияния.

На каждый из государевых «столов» приглашались обычно по два-три боярина и окольничих, заслуженные московские дворяне и другие лица. По тому, кто и в какой очередности приглашался на праздничные церемонии, можно судить о степени приближенности к царю. Хотя царь Михаил Федорович стремился никого не обидеть и чередовал приглашенных, нельзя не заметить, что кто-то все равно чаще присутствовал за столом у государя и занимал более высокие места в придворном церемониале.

Особое значение имело шествие «на осляти» в день Вербного воскресения. В записных книгах московского стола сохранилось известие о распределении бояр на этой церемонии в 1620-е годы. Оказывается, что с 1623 по 1627 год «входу осля вели под патриархом» по очереди князь Иван Борисович Черкасский (1623, 1625, 1627 годы) и Иван Никитич Романов (1624, 1626 годы)¹⁵. Патриарх Филарет вернулся в 1619 году, и первая Пасха при его патриаршестве праздновалась 16 апреля 1620 года; вероятно, тогда и сложилась эта традиция чередования бояр Ивана Никитича Романова и князя Ивана Борисовича Черкасского по четным и нечетным годам. Во всяком случае, именно князь Иван Борисович Черкасский был приглашен к столу патриарха Филарета 25 марта 1621 года, когда совпали день Благовещения с Вербным воскресением, и запись об отдельном патриар-

шем столе была внесена в разрядные книги. Особое положение бояр князя Ивана Борисовича Черкасского и Ивана Никитича Романова было подчеркнуто также во время свадебных торжеств 5 февраля 1626 года, когда на свадьбе царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой один боярин был тысяцким и вел государя под руку, а другой — сидел «в отцово место».

Сама процессия «шествия на осляти» была публичным действием. В ней участвовал царь, а наблюдать ее могли простые московские посадские люди, для которых в этом случае не требовалось никаких других признаков, чтобы определить, какую роль во дворце играл тот боярин, который шел рядом с царем, ведшим под уздцы патриаршую лошадь¹⁶. Описание такой церемонии, состоявшейся 10 апреля 1636 года, сохранилось в записках Адама Олеария. Царь Михаил Федорович не только разрешил посмотреть иноземным посланникам и их свите на церковную процессию, но еще и распорядился отвести им «просторное место» «против ворот Кремля». По словам Олеария, великий князь был облачен в великолепные одежды, а его голову украшала корона. «Его вели под руки знатнейшие государственные советники, как то: князь Иван Борисович Черкасский и князь Алексей Михайлович Львов. Сам он вел за длинную узду лошадь патриарха. Лошадь была покрыта сукном; ей были приделаны длинные уши для сходства с ослом»¹⁷. Кстати, во время этого шествия произошел весьма показательный случай, ярко характеризующий благосклонное отношение царя Михаила Федоровича к иностранцам. Проходя крестным ходом мимо послов, он остановил процессию и послал спросить послов «о здоровье их», на обратном же пути снова задержался, чтобы объявить им о посылке кушаний с царского стола¹⁸.

Также невозможно ошибиться, когда мы говорим о приглашениях во дворец на день государева ангела 12 июля (память святого Михаила Малеина), который имел еще дополнительный смысл как очередная годовщина царствования Михаила Федоровича. За первые годы правления Михаила Федоровича записи об этом отсутствуют. Новая династия, вероятно, опасалась, что такой праздник мог использоваться для местнических счетов. Стол «на государев ангел» упоминается в разрядных книгах в 1613 и 1619 годах, и очень симптоматично, что тогда гостями царя были все члены Боярской думы (в 1613 году — «у стола были бояре и околничие, все без мест», в 1619 году — «ели бояре, все без мест»). Но уже в 1620 году «на государев ангел» были

приглашены сначала самые знатные члены Боярской думы: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Воротынский, а также князь Иван Иванович Одоевский и князь Алексей Юрьевич Сицкий. Правда, традиция пировать в этот день всей Думой оставалась. «А после стола, — как записано в «Дворцовых разрядах», — государь послал по бояр, и по околничих по всех, и по думных дворян, и пировали у государя в передней избе»¹⁹. В 1621 году в разрядах впервые выделены имена бояр, приглашенных к царю «на государев ангел». В 1620-м — начале 1630-х годов, когда на том же «столе» присутствовал патриарх Филарет, чаще всего чести поздравлять государя Михаила Федоровича удостоивались бояре князь Иван Борисович Черкасский (1621—1622, 1624, 1626—1629, 1631—1633) и Михаил Борисович Шеин (1622, 1624—1627, 1629—1632). Гостями во дворце в этот день неоднократно становились также Федор Иванович Шереметев (1621, 1628, 1633), князь Иван Иванович Шуйский (1623, 1625, 1630), князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1624, 1625, 1627, 1633). Всего по одному-два раза присутствовали князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский (1621), князь Григорий Петрович Ромодановский (1622, 1626), князь Владимир Тимофеевич Долгорукий (1623). В последние годы перед смертью патриарха Филарета постоянно на день «государева ангела» приглашался Семен Васильевич Головин (1628—1632), хотя его имя всегда упоминалось вслед за другими «великими» боярами.

С середины 1630-х годов состав приглашенных к государеву столу на день святого Михаила Малейна меняется. В первый же день ангела, который царю Михаилу Федоровичу пришлось встречать без родителей в 1634 году, кроме князя Ивана Борисовича Черкасского, были приглашены князь Юрий Яншевич Сулешев, а также Борис Михайлович и Михаил Михайлович Салтыковы, прощенные государем. А дальше в этот день чаще всего за государевым столом сидели князь Иван Борисович Черкасский (1637, 1639, 1640) и князь Юрий Яншевич Сулешев (1637, 1640), а также князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1637, 1639, 1640), Иван Петрович Шереметев (1639, 1642, 1643) и Михаил Михайлович Салтыков (1642, 1643). Следует, правда, учесть, что за ряд лет сведения о боярах, приглашенных на государев стол 12 июля, отсутствуют, но, кажется, что приведенные перечни имен не пропустили ни одного из «сильных людей» во все время царствования Михаила Федоровича.

В последние годы царствования Михаила Федоровича виден уже закат деятельности тех, кто составлял московское правительство с 1613 года. Главной потерей для царя стала смерть князя Ивана Борисовича Черкасского, умершего 4 апреля 1642 года, на другой день после Вербного воскресенья. Управление важнейшими приказами было передано по старшинству Федору Ивановичу Шереметеву. Но его положение не было таким же устойчивым. Мы можем судить об этом по косвенным свидетельствам, хотя бы по тому, что его имени нет в перечне приглашенных праздновать «царский ангел» в 1642 и 1643 годах. Впрочем, может быть, все объясняется преклонным возрастом Федора Ивановича. Возможно, правы те исследователи, которые считают, что он отошел от активных дел уже в 1644—1645 годах. В любом случае, только слабостью боярина Федора Ивановича Шереметева можно объяснить то, что он заслужил нелестную характеристику неизвестного автора продолжения «Нового летописца»: «В 150-м году преставися боярин князь Иван Борисович Черкасской. А на ево места в тех приказах, что он ведал, приказал государь ведать боярину Федору Ивановичю Шереметеву. Сей Федор был жестоко нравен, а в делах неискусен»²⁰.

Для характеристики «сильных людей» последних лет царствования Михаила Федоровича стоит пристальней присмотреться к другому боярину из этого рода, Ивану Петровичу Шереметеву, получившему свое боярство 2 февраля 1634 года, но остававшемуся в тени своего дяди. Хотя скорее это была не тень, а мощная защита, в которой Иван Петрович Шереметев, бывший в 1612 году воеводой в Костроме и активно противодействовавший пришедшему туда ополчению князя Дмитрия Михайловича Пожарского и Кузьмы Минина, несомненно, нуждался. Со временем эти его «подвиги» были забыты, но задержка с пожалованием в боярский чин при жизни патриарха Филарета весьма красноречива, да и князь Иван Борисович Черкасский, видимо, не жаловал его. Среди малоприятных страниц биографии Ивана Петровича Шереметева корыстование из опальных «животов» Андрея Измайлова, сына казненного окольного А. В. Измайлова, присвоение имущества первого мужа своей жены Богдана Нагого, который приказал после своей смерти продать все свое добро и на вырученные деньги распisać Троицкую церковь в Троице-Сергиевом монастыре. Вот такого человека, для которого ничего не было свято, поставили во главе важнейшего Приказа сбора ратных людей в 1639 году. Как писал А. И. Яковлев, «было совершенно ясно, какие следст-

вия могло иметь допущение к столь сложному, трудному и щекотливому делу, как сбор, порученный Приказу сбора ратных людей, такого дельца, каким был И. П. Шереметев». И дальше историк, хорошо изучивший внутреннюю политику рубежа 1630—1640-х годов, пишет: «Посадить такого опасного и хищного паразита в Приказ сбора ратных людей значило, как это, без сомнения, понимали все, кто был посвящен в интимную жизнь правящих кругов, — пустить щуку в пруд с рыбой. Результаты не замедлили сказаться»²¹. Но результаты сказались еще и в усилении московской судебной волокиты, так как Иван Петрович Шереметев ведал в те же самые годы и Судным Владимирским приказом. Видимо, именно он спровоцировал несколько коллективных челобитных служилых людей, требовавших более справедливого судеустройства и, в определенном смысле, «приблизил» принятие Соборного уложения в 1649 году. На склоне лет Федор Иванович Шереметев вынужден был жаловаться на Ивана Петровича Шереметева уже новому царю Алексею Михайловичу: «Боярин Иван Петрович с братьею своею и с детьми и с племянники, умышляет на меня, холопа твоево, с советники своими, и с друзьями, и с такими ж, каков сам обычаем, всякое зло и разоренье домишку моему и вотчинкам ныне и по смерти моей...»²² Оказалось, что «советником» Ивана Петровича Шереметева, ретиво вмешивавшегося в деление намечавшегося наследства своего дяди, был не кто иной, как думный дьяк и глава Разрядного приказа Иван Афанасьевич Гавренев, дочь которого была замужем за одним из Шереметевых. Так создавался порочный круг кумовства, справиться с которым трудно было даже самим «сильным людям», не говоря о тех, кто страдал от их произвола.

Еще несколько бояр, получивших свои чины исключительно из рук царя Михаила Федоровича, выдвинулись в последний период его царствования. Престарелый глава правительства боярин Федор Иванович Шереметев, видимо, чувствуя недоброжелательство племянника, поддерживал карьеру своего любимого внука (сына дочери) князя Никиты Ивановича Одоевского. Будущий составитель Соборного уложения получил боярство 12 января 1640 года, а с 1643 года ведал Приказом Казанского дворца и Сибирским приказом. Дворецкий князь Алексей Михайлович Львов, служивший в чине боярина с 5 июля 1634 года, кроме долголетнего управления Приказом Большого дворца, известен своими дипломатическими успехами на очень чувствительном для Михаила Федоровича польско-литовском направлении. Боярин (с 15 мая 1638 года) князь Юрий Андреевич Сицкий

служил во главе Разбойного и Сысского приказа до своей смерти в 1644 году. Боярин (с 6 января 1640 года) князь Борис Александрович Репнин управлял Оружейной палатой. Впрочем, все упомянутые бояре, хотя и контролировали какие-то важные для внутреннего управления ведомства, никогда не имели такого положения, которое занимали при дворе князь Иван Борисович Черкасский и Федор Иванович Шереметев.

Таким образом, мы видим во дворце и реальных руководителей московского правительства, и разные группировки сильных людей во власти, менявшиеся трижды: в 1613—1619, 1619—1633, 1633—1645 годах. При этом власть царя Михаила Федоровича оставалась достаточно сильной и даже самые приближенные бояре не играли роли «канцлера», подобной той, какую исполнял, например, Борис Годунов при царе Федоре Ивановиче.

Ведение текущих дел в Москве во время царских походов на богомолье после Смоленской войны доверялось, как правило, боярину Федору Ивановичу Шереметеву и боярину князю Ивану Андреевичу Голицыну. Вместе с ними в комиссию назначали еще одного-двух бояр и окольных, а также думных дьяков. Но царь оставлял Москву не только на упомянутых бояр. Осенью 1637 года, когда из-за тяжелых обстоятельств войны с крымцами традиционный царский поход на богомолье в Троице-Сергиев монастырь задержался до 4 ноября, в Москве были оставлены бояре Иван Петрович Шереметев и князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Когда 15 декабря царь поехал на охоту, «тешиться в село Тонинское на лоси», в Москве были оставлены бояре князь Иван Андреевич Голицын, князь Андрей Васильевич Хилков и окольный Степан Матвеевич Проестев²³. Сохранившаяся переписка царя со своими боярами конца 1630-х — начала 1640-х годов отличается от тех писем, которыми царь обменивался со своим отцом. В них совсем не обсуждаются особо важные дела, подготавливавшие важные решения для политики Московского государства. Вся переписка носит «технический» характер, просто в разных ситуациях необходимо было информирование царя либо получение его распоряжения. Бояре сообщали обо всем важном, что происходило в столице и государстве, от пожара в Москве в Трубничей слободке до присылки арбузов «свежих самых добрых» из Астрахани, как это было в отписках бояр Федора Ивановича Шереметева, князя Андрея Васильевича Хилкова и окольного Степана Матвеевича Проестева 25—26 октября 1638 года. В этом году царь продолжил свой

осенний Троицкий поход в сторону Александровой слободы и Переславля-Залесского, где молился в Никитском монастыре. 27 октября царю, уже возвращавшемуся с богомолья, поднесли в селе Воздвиженском десять арбузов, посланных заботливым боярином Федором Ивановичем Шереметевым «наспех днем и ночью». В царской грамоте 28 октября сохранились распоряжения о встрече его под Москвой. В документе, обращенном к членам Государева двора, содержится очень красноречивая правка. Сначала в нем было просто сказано: «Приехать к нам с Москвы». Затем этот текст зачеркнули и написали строже и определеннее: «а для встречи указали быть».

О том, что к документам, исходившим от самого царя, относились с большим пиететом, нежели к тем, что вышли из приказов, свидетельствует также точное указание на время получения царских указов, доставлявшихся в Кремль в любой час, независимо от дня и ночи. Так, 27 октября «за полтора часа до света» была получена грамота царя Михаила Федоровича о запечатывании Оружейной и Иконной палат вместе с их архивом государственной печатью. Причинами стали внезапная смерть подьячего Оружейной палаты Богдана Юрьева и необходимость охраны имущества палаты до передачи дел другому лицу. Распоряжение царя быстро выполнили, выяснив, что «в Оружейной де палате в большой государева большая казна, а у ней двои двери железные». Одни двери запечатывались (но не закрывались) главой приказа стольником князем Борисом Александровичем Репниным, другие закрывались на ключ, хранившийся «в суконном мешечке» тоже за печатью руководителя Оружейной палаты. В Большой Оружейной палате находилась одна «казенка деревянная с красками иконново дела, да со ртутью» и другая «казенка ж деревянная с приходными и с расходными книгами, и ящик с росписми, и со всякими государевыми делы и з денгами». Там же упоминаются «государевы оправные сабли», хотя в основном оружие хранилось в «другой Оружейной палате», где были опечатаны «мушкеты», «пистолы», «карабины», «шпаги», «пансыри». Часть вооружения оставалась «у Старой Оружейной палаты» — «мушкеты», «пистолы», «латы», «шишаки», «пансыри» и «стрелы».

Вопросы управления дворца и дальше встречаются в переписке царя и бояр, причем в этих документах можно найти любопытные подробности об интересах царя Михаила Федоровича. В столбце с царскими грамотами и отписками бояр хранится скромная челобитная царского потешника

Ивашки Ермиса, который учил «государевых трубников из дворца дватцать человек, да из Иноземского приказу девятинатцати человек». Кроме того, ему дали совершенно неподъемное распоряжение одному «учить ратному строенью» 600 человек стрельцов приказа Ивана Головленкова. 15 июня 1642 года по царскому указу этим стрельцам был назначен смотр на Покровском поле. В результате Ивашке Ермису пришлось просить царя Михаила Федоровича о «подмоге»: «И русский язык мне не весь сполна за обычей, а преж, государь, сего был я холоп твой не у такого великого дела. Толко учил робят ходить по канату и метальники метатца, и мне, государь, к тому делу дан был особой толмач». Интерес к «потешным» зрелищам и полкам, как известно, проявится и у внука царя Михаила Федоровича, царя Петра I.

Чаще всего в переписке с боярами в Москве встречаются царские распоряжения по ратным делам. Например, 20 июня 1642 года, когда царь Михаил Федорович ходил в село Покровское, он получил пять отписок от воеводы Большого полка стольника князя Алексея Ивановича Воротынского с товарищами. После чего царь извещал бояр: «И мы тех отписок слушали и наш указ на тех отписках подписали» (впоследствии оказалось, что этот воевода, один из самых родовитых князей, умер на службе в Туле 19 июня). Содержится в переписке грамота на Тулу с похвалою полковнику Александру Краферту за службу против войск крымского царевича. Царю доносили об образце «земляного города», построенном за Чертольскими воротами в Москве немецким драгунским капитаном И. Фанзандерном. Город предназначался для Крапивны, разоренной крымцами. Делались распоряжения людям, находившимся на засеках, о михайловских черкасах, устроенных на житье в Московском государстве еще при Иване Грозном, об укреплении Венева²⁴. Словом, никаких особых сенсаций в переписке царя Михаила Федоровича с боярами, остававшимися в Москве, не имелось. Это тоже по-своему показательно, так как и тогда, по-видимому, не любили доверять бумаге государственные тайны.

ГОСУДАРЕВЫ ВЕЛИКИЕ ДЬЯКИ

Присмотреться к дьякам важнейших Разрядного и Посольского приказов действительно стоит, иначе наше представление о «сильных людях», окружавших царя Михаила

Федоровича, останется неполным. У дьяков этих приказов была важнейшая функция: подготовка документов своего ведомства в доклад государю и Боярской думе. Они чаще, чем кто-либо другой, виделись с царем и исполняли его поручения²⁵.

Ключевое положение в системе управления Московского государства занимал Разрядный приказ, представлявший собой своеобразную канцелярию Боярской думы. В Разряде учитывали служилых людей из Государева двора и служилых «городов», вели переписку с полковыми воеводами, решали местнические счета бояр и дворян между собою, рассматривали дела политического сыска о «слове и деле государевом». В функции приказа входило управление рядом приграничных и украинских городов, наблюдение за засеками и оборонительными сооружениями, военными и стратегическими запасами (хлеба и соли) в городах, сбор ведомостей для составления бюджета и многое другое.

В начале царствования Михаила Федоровича с 1613 года главою Разрядного приказа был думный дьяк Сыдавной Васильев. Это назначение олицетворяло преемственность с деятельностью подмосковных ополчений, в которых Сыдавной Васильев получил думное дьячество и начал руководить Разрядным приказом. Именно такой человек, с репутацией последовательного сторонника земства, больше всего нужен был в Разряде после избрания царя. Ему пришлось сдерживать аппетиты многих служилых людей, стремившихся, по обычаю Смутного времени, воспользоваться переменами во власти, чтобы увеличить свои оклады и поместья, опираясь на реальные или мнимые заслуги в боях ополчений под Москвой в 1611—1612 годах. Назначение нового главы Разрядного приказа произошло только с возвращением из плена патриарха Филарета в 1619 году. Как уже говорилось, эту должность получил думный дьяк Томило Луговской. Смена высшего должностного лица в Разрядном приказе не была следствием какой-то «новой политики», очень скоро после оставления своего поста Сыдавной Васильев умер, и патриарх дал богатый вклад на помин его души в Троице-Сергиев монастырь. А вот преемнику Сыдавного Васильева — Томиле Луговскому действительно довелось испытать на себе «опальчивый» нрав патриарха Филарета.

С 1623 года Разрядный приказ возглавил думный дьяк Федор Лихачев. Он начинал свою карьеру дьяком Поместного приказа в ополчении князя Дмитрия Михайловича Пожарского и Кузьмы Минина в 1612 году, поэтому с назначением Федора Лихачева сохранялась общая земская

преемственность в деятельности Разряда. Федор Лихачев оставался во главе приказа до 1630 года, после чего получил неожиданное назначение возглавить Посольский приказ. С 15 августа 1630 года управление в Разрядном приказе перешло в руки поверстанного в дьяки из кашинских дворян Ивана Гавренева. Последний действительно оказался незаурядным администратором и оставался во главе этого ведомства более тридцати лет, уйдя в отставку в чине окольного. Именно осторожный и расчетливый Иван Гавренев мог олицетворять тип московского приказного дельца, народившийся в царствование Михаила Федоровича.

Исторически сложилось так, что еще большее влияние на управление государством оказывали думные дьяки, стоявшие во главе Посольского приказа. Уже сама специфика работы приказа, подготовка и прием посольств, обсуждение текущих задач внешних сношений требовали конфиденциальности. В распоряжении дьяков Посольского приказа находился архив московского великокняжеского дома и первых русских царей²⁶. Не случайно поэтому Посольский приказ ведал многие тайные дела до образования специального приказа уже в следующее царствование.

Целая плеяда имен дьяков была связана с этим ведомством при Михаиле Федоровиче²⁷. Первым должно быть названо имя Петра Третьякова, создававшего внешнюю политику Московского государства в начале правления новой династии. Поддерживаемая им политика установления мира со Швецией и союза с нею против Речи Посполитой определила стратегию в этом ключевом пункте международных отношений Московского государства. Ему лично в переговорах с ногайскими татарами в 1615 году удалось снять опасность татарских набегов на юг государства. Важна для русской политики была поддержка думным дьяком Петром Третьяковым союза с Англией, предоставление льгот английским купцам в России. О его благосклонном отношении к англичанам говорил голландский резидент в Москве Исаак Масса, отправляя своему правительству донесение о смерти Петра Третьякова в 1618 году: «Сегодня получено известие, что в Москве скончалась Большая страусовая птица, то есть великий канцлер, всегда большой приятель англичан, а наш противник»²⁸.

Назначение на смену Петру Третьякову думного дьяка Ивана Грамотина, ранее называвшегося в официальных документах изменником, «первым всякому злу начальником и Московского государства разорителем», можно объяснить

как незаурядными качествами самого Ивана Грамотина, так и тем, что для заключения мира с Речью Посполитой (без чего невозможно было возвращение из плена патриарха Филарета) понадобился человек с определенной репутацией сторонника польского короля Сигизмунда III. В 1618—1619 годах уже не было ничего удивительного, что полку бывших «тушинцев» прибыло в окружении царя Михаила Федоровича, но курс, предложенный Иваном Грамотиным, в итоге разошелся с представлениями о целях внешней политики патриарха Филарета, активно готовившего и начавшего-таки войну с Речью Посполитой. С 1626 по 1633 год Иван Грамотин находился в опале в Алатыре, в эти годы приказ ведали думные дьяки Ефим Телепнев, Федор Лихачев (им тоже не удалось избежать патриаршего гнева) и Иван Грязев. Царь Михаил Федорович вернул Ивана Грамотина из ссылки сразу же после смерти отца и снова поставил во главе Посольского приказа, указал ведать ему печать и пожаловал в печатники. Основными событиями «грамотинского» периода в истории Посольского приказа стали два мирных договора с Речью Посполитой в 1618 и 1634 годах. Упомянутый выше Исаак Масса считал, что Грамотин «похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем и многому научился в плену у поляков и пруссаков»²⁹.

С 1635 по 1643 год Посольским приказом управлял думный дьяк Федор Лихачев, сменивший Ивана Грамотина не только в этом ведомстве, но и в чине печатника (с 1639 года). Когда 1 сентября 1643 года Федор Лихачев попросился в отставку, то управлять приказом оставили служившего вместе с ним дьяка Григория Львова, пожалованного по этому случаю «в Думу». Уже упоминалось о службе Федора Лихачева во главе Разрядного приказа в 1620-е годы, новый поворот его биографии выглядит поэтому несколько неожиданным. Может быть, это назначение было сделано не без связи с общим отказом от активной внешней политики и сосредоточением на внутренних делах после поражения в Смоленской войне. Главными направлениями дипломатических отношений в последний период царствования Михаила Федоровича на рубеже 1630—1640-х годов стали урегулирование территориальных споров с Речью Посполитой и противостояние с Крымским ханством, постоянно тревожившим опустошительными набегами южные границы государства³⁰. Вряд ли случайным было то, что деятельность Федора Лихачева во главе Посольского приказа совпала с возобновлением деятельности земских соборов, обсуждав-

ших в 1636—1639 и 1642 годах проблемы взаимоотношений Москвы и Крыма. Федор Лихачев, который должен был прекрасно помнить о земских традициях времен Смуты, «объявлял» соборам дела о конфликте с крымцами, в том числе на известном «Азовском» соборе 1642 года. Указ царя Михаила Федоровича об этом соборе 3 января 1642 года прямо говорил о роли Посольского приказа в организации соборных заседаний: «А о каком о государеве и о земском деле выборным людям говорить и мыслити и тому... по государеву указу велено... выборным людям дати письмо Посольсково приказу дьяком»³¹.

Таким образом, думные дьяки, стоявшие во главе Разрядного и Посольского приказов, по праву могут быть отнесены к числу самых влиятельных людей царствования Михаила Федоровича. Внешним выражением этого влияния были огромные дьяческие денежные оклады, сопоставимые по размерам с окладами самых высоких чинов Государева двора, личные и родственные связи с правящей верхушкой, умение использовать выгоды своего должностного положения. Выступления на земском соборе 1642 года против дьяков, «обогадивших многим богатством», были совсем не беспочвенными. Когда в годы Смоленской войны собирали хлеб для отправки в войско, то по «розметному списку», составлявшемуся думным дьяком Иваном Гаврениным, больше всех должны были заплатить в казну Томило Луговской, Федор Лихачев, Иван Грамотин³². Не удивительно, что именно думных дьяков постоянно встречаются в числе первых землевладельцев в государстве.

Итак, вокруг царя Михаила Федоровича за годы его царствования сложился сплоченный родственный круг правящих «сильных людей». Как выяснил С. Ф. Платонов, в нем очень большую роль играли бывшие «тушинцы», по сути, реабилитированные после 1613 года. Но даже в этом ближнем круге царя выделяются фигуры двух правителей — бояр князя Ивана Борисовича Черкасского и Федора Ивановича Шереметева. Их авторитет держался как на родстве с царем Михаилом Федоровичем, так и на большом военном и административном опыте. Наиболее талантливым администратором был князь Иван Борисович Черкасский, заслуживший одобрительные отзывы современников: «Как боярин князь Иван Борисович Черкасской ведал Поместной приказ, да у боярина ж у князя Ивана Борисовича были многие приказные люди и в то время у него в приказах все делалось добро и волокиты в приказах у боярина у князя Ивана Борисовича никаким людям не было»³³. Но в том-то и дело,

что «московская волокита» была правилом, а не исключением. И «сильный человек», судя по коллективным протестам служилых людей, чаще всего был грабителем, а не защитником.

Глава двенадцатая

ЧЕЛОБИТНЫЕ «ВСЕЙ ЗЕМЛИ»

Дворянские протесты. —
Сыск закладчиков. —
Жалобы на новые сборы

В представлениях жителей Московского государства XVII века царский суд воспринимался как высшая, абсолютная власть, отдельно от суда боярского и других «сильных людей». Царь Михаил Федорович был арбитром во всех делах, в том числе в спорах между боярами, с одной стороны, и «землею» и «миром» — с другой. Особенно заметными противоречия внутри «всей земли» стали во второй половине 1630-х — начале 1640-х годов, когда постоянно возникали коллективные протесты дворян и детей боярских, торговых и посадских людей, недовольных своим положением. С возобновлением практики земских соборов после Смоленской войны челобитные как форма коллективного и индивидуального протеста не только не исчезли, а стали преобладающей формой обращения к власти в целях решения разных проблем. Более того, соборное представительство было в упадке, и московское правительство с трудом собирало выборных людей на земскую службу, ассоциировавшуюся теперь не с общественным долгом, а с дополнительной службой и нагрузкой на «мир»³⁴. «Чины», по которым было организовано представительство на соборах, понимали, что скорее могли добиться своих целей в челобитных, посвященных их собственным делам, а не отвлеченным государственным целям.

Основной мотив дворянских протестов — борьба за отмену срока сыска беглых крестьян. Именно здесь самым кардинальным образом расходились интересы рядового дворянства и «сильных людей», заинтересованных в том, чтобы «закрепить» за собою тех крестьян и холопов, которые уходили от своих «бедных и разоренных» хозяев в экономически процветающие боярщины. Посадские люди продолжали борьбу с беломестцами на посаде. Ко всему прочему, во второй половине 1630-х — в 1640-е годы стали последовательно увеличиваться оклады разных сборов, дополненные новыми

налогами в связи с организацией Приказа сбора ратных людей. Все это заставляло людей разных «чинов» отстаивать прежде всего свои экономические интересы.

ДВОРЯНСКИЕ ПРОТЕСТЫ

«Сильные люди», по условиям придворной службы, находились большей частью в Москве, где заседали в качестве судей в приказах и участвовали в деятельности Боярской думы. Служилая мелкота редко появлялась в столице, разве только во время ежегодного вызова служилых «городов» в апреле на службу в Украинный разряд. Если же вдруг у кого-то случался спор с приказчиками крупных боярских вотчин в разных уездах государства, то решать его необходимо было в Москве. Московское приказное судопроизводство оказывалось достаточно разорительным мероприятием — «всяк подьячий любит калач горячий», как об этом сказано в пословице. И даже тогда, когда истец был уверен в своей правоте, ему для начала предстояло добраться до стольного города к определенному сроку, который у служилых людей совпадал всего один раз в году со временем, свободным от службы, — к Рождеству Христову, 25 декабря. Но Святки не самое благоприятное время для сутяжничества. Не случайно именно против неравенства в сроках суда восстали челобитчики из разных уездов, собравшиеся в Москве в конце декабря 1636 года и впервые обратившиеся к царю с коллективной челобитной от дворян многих уездов: «волоча нас, холопей твоих, московскою волокитою, на твои государевы власти и на монастыри дают нам... суд на Москве в год на три срока... а в тое пору мы... бываем на Троицын день, да на Семен день на твоей государеве службе, а на Рождество Христово мы... приезжать не успеваем за розореньем от сильных людей»³⁵.

Не следует думать, что социальная рознь была определяющей в отношении к боярам и «сильным людям». У каждого из них был свой «двор», в котором, подобно дружине средневекового князя, кормилось немалое число людей, находивших себя в управлении боярскими вотчинами и охране своего господина. Эта «клиентела» была распространенным явлением в Москве. Как показывает исследование романовского двора на Варварке, проведенное А. В. Лаврентьевым, в состав двора царского дяди Ивана Никитича Романова входило тридцать-сорок человек³⁶. Эти слуги были дворянами по происхождению, но свое сытное житье в боярском дворе они предпочли «тяготам и лишениям» обыч-

ной полковой службы в поместной коннице. С подобным положением дел уездное дворянство боролось по-своему, включая в коллективные челобитные пункты о запрете верстать в холопы неслужилых детей боярских. И такое требование вполне совпадало с государственным интересом, поэтому правительство Михаила Федоровича несколько раз издавало запретительные указы, чтобы искоренить «избывание» полковой службы в дворах «сильных людей».

Комплекс коллективных дворянских челобитных хорошо известен исследователям и давно введен в научный оборот С. В. Рождественским, П. П. Смирновым и Е. Д. Сташевским³⁷. Ко второй половине 1630-х годов появилось новое поколение служилых людей, родившееся после Смуты. И. Л. Андреев пришел к выводу, что «большую роль в переломе настроений помещиков сыграла Смоленская война 1632—1634 годов»³⁸. Подтверждения этому действительно многочисленны, так как челобитчики 1630—1640-х годов постоянно обращались к власти с напоминанием о своих службах в это время. Служилым людям, узнавшим друг друга в боях, легче было объединиться для коллективных ходатайств. Если положенной выслуги челобитчики добивались в одиночку, то свои проблемы они стали решать вместе. Хорошо это видно на примере нетчиков, потерявших свои поместья. Оказалось, что среди них было немало дезертиров поневоле или по ошибке: «В походе были до ево государева указу и до отпуску... толко они были з бедности ходили по запас и по волостям для конского корму купить, а иные по полкам лежали болны, а сказать было у смотру про них некому, и в те поры их написали в неты, и по тем нетам отнято у них государево жалованье помесья без сыску». По челобитной состоялся доклад, и царский приговор 1 мая 1635 года оставил без изменений решения по таким делам. Единственное, что было «позволено» служилым людям, так это заслужить новые поместья службой: «Государь пожаловал, приискав инде, бити челом. А у которых помесье отнято, и вы захотите и добра, будет хотите поместей, и вы служите»³⁹.

Вал челобитных о поместьях и вотчинах привел к накоплению спорных дел. 17 декабря 1636 года царем Михаилом Федоровичем были рассмотрены целых четырнадцать указов, о чем сохранилась запись в Указной книге Поместного приказа. Несколько указов, касавшихся раздела поместий между вдовами и недорослями, старшими и младшими братьями, опять-таки были следствием событий Смоленской войны⁴⁰. Дата составления статейного списка из четырнадцати указов отнюдь не случайно совпадает с предпразднством

Рождества Христова (25 декабря), когда дворяне и дети боярские обязаны были приезжать в Москву для решения своих дел.

В конце 1636-го — начале 1637 года была выработана коллективная челобитная уездных дворян, решивших обратиться к царю с просьбой об изменении существовавших порядков. Список коллективной челобитной, опубликованный П. П. Смирновым, сохранился без начала, но в изложении документа для царского доклада приведена его преамбула: «В челобитной дворян и детей боярских разных городов написано: “Были они на государеве службе под Смоленском, а ныне служат государевы службы в Украинных городех с воеводами по полком безпрестанно по вся годы”»⁴¹. Следовательно, обращение городских дворян вызвано прежде всего надеждой на удовлетворение их боевых заслуг, особенно во время Смоленской войны.

Перечень требований городского дворянства традиционно сводился к двум основным моментам. Во-первых, отставка «урочных лет» срока сыска беглых крестьян и людей. Во-вторых, организация справедливого суда: приближение его к уездам («суд в городех») и принятие единого для всех законодательства («судить в городех по своему государеву указу и по своей государеве улаженной судебной книге»)⁴².

На коллективную челобитную служилых «городов» об отмене урочных лет и справедливом суде в разных делах с монастырями и служилыми людьми московских чинов правительство ответило малосущественными для дворян и детей боярских послаблениями в феврале 1637 года. Срок «сыска» беглых был увеличен до девяти лет по примеру Троице-Сергиева монастыря⁴³. Однако, если посмотреть на последующее законодательство с точки зрения требований, выраженных в челобитной городского дворянства, можно увидеть как прямые, так и косвенные следствия этого обращения.

Служилые «города» были заинтересованы в ограничении числа уездов, на которые распространялось землевладение служилых московских чинов, они стремились закрепить земли одного уезда в коллективном пользовании дворянской корпорации с целью устранить конкурентов на осваивавшиеся поместья. Первый указ такого рода был издан еще в 1575/76 году, когда по государеву указу было «велено детей боярских спомещивать хто откуда служит»⁴⁴. Однородный характер поместного землевладения в уездах «снял» главную основу конфликта с «сильными людьми»: приказчики крупных вотчин теряли возможность переманивать крестьян и холопов из небогатых владений.

До середины 1630-х годов предпринимались попытки запретить землевладельцам других сословных категорий получать поместья городского дворянства. Несколько указов, изданных в начале царствования Михаила Федоровича в 1614—1617 годах, касались «городов» Смоленска и Белой, но это была сомнительная «льгота», так как эти уезды находились в зоне боевых действий, а их землевладельцев приходилось в то же время испомещать на севере государства⁴⁵. Еще один указ, более широкого действия, касался поместий убитых, попавших в плен или пропавших без вести дворян и детей боярских. В отношении их устанавливалось правило: «мимо родства и мимо того города кто учнет бити челом, никаким людем не отдавать»⁴⁶. Однако дата документа, принятого 27 августа 1618 года, перед началом осады Москвы войском королевича Владислава, заставляет относиться с настороженностью к этому источнику. Указ принимал во внимание только бесспорные заслуги служилого человека, ничего не говоря о поместьях рядовых дворян и детей боярских. Отписка некоторых крупных вотчин и поместий на юго-западе государства в 1620-е годы помогала обороне границы, но не могла решить проблемы противостояния «городов» с «сильными» людьми. На этом фоне достаточно решительной выглядит мера с установлением списка «заказных городов». По указу 1 апреля 1637 года в двенадцати «украинных» и «полских» городах — Воронеже, Ельце, Осколе, Курске, Новосили, Ливнах, Рыльске, Карачеве, Болхове, Орле, Мценске, Лебедяни запрещалось приобретать поместья и вотчины боярам и другим служилым людям московских чинов⁴⁷.

Но самым противоречивым оказался указ 29 июня 1639 года, запретивший московским и городским чинам обменивать свои поместья и вотчины. Спустя восемь лет указ был отменен. Причина возвращения к существовавшему порядку объяснялась следующим образом: «Потому что с тех мест у многих людей меж собою в соседстве ссоры и вражды были многие, и вдовам и девкам зговаривать в городах было не за ково, что у вдов и у девок в своих городех свойство со многими ближнее, а московских чинов городских поместей давати не велено»⁴⁸. Таким образом, оказалось, что изоляция городских чинов от московских не отвечала их общим интересам, указ признавал, что «многие московские люди» были «с городскими одних родов» и вмешательство власти не снимало, а обостряло внутрисословное напряжение.

Новая коллективная челобитная «городов» в 1639 году касалась еще одного важного для уездного дворянства вопроса: о детях боярских, поступавших на службу в холопы⁴⁹.

Правительство царя Михаила Федоровича было вынуждено принять меры для консолидации городского дворянства. Еще в 1638 году был наложен запрет на переход верстанных служилых людей в холопы, «чтоб на то смотря, иным неповадно было воровать, от государевы службы избегать». Эта уравнивательная мера была обоюдовыгодной как для правительства, так и для городской корпорации в целом, но не для отдельных ее членов, решавшихся на смену социального статуса и поступавших «служить во дворе» у крупных вотчинников. Была сделана попытка вернуть из холопов детей боярских, служивших в солдатах и драгунах в годы Смоленской войны (указ 9 мая 1638 года: «Писати в салдаты детей боярских и старых салдат верстаных изо всяких волных людей, за которыми поместных и вотчинных дач нету»). Но уже в указе 29 июля 1640 года, как писал исследователь холопства первой половины XVII века В. М. Панеях, «власти фактически сделали исключение для тех ветеранов Смоленской войны, которые хотя и были верстаны за участие в ней, но на практике оказались без поместий и вотчин»⁵⁰. Общее направление, связанное с проведением более четких сословных границ между детьми боярскими и холопами было подтверждено указом 1640/41 года об оформлении служилых кабал и других записей, с одной стороны, давших дворянам и детям боярским привилегию владеть холопами и крепостными крестьянами, а с другой — запретивших переход в холопы детей боярских⁵¹.

Еще одним следствием коллективных дворянских челобитных конца 1630-х годов стал указ 3 февраля 1639 года, призванный смягчить издержки судопроизводства для отдельных «городов», «чтоб дворяном и детем боярским в судных делех волокиты не было». Из юрисдикции Владимирского судного приказа были изъяты Кострома, Галич, Арзамас, их было велено судить судьям Челобитного приказа, а из Московского судного приказа — Рязань «с пригороды», Рязск, Кашира, переданные в Ямской приказ, и Тула с Мценском, которые велено было судить окольному князю Андрею Федоровичу Литвинову-Мосальскому, ведавшему Пушкарским приказом⁵². Все это были меры, которые не меняли кардинально порядок рассмотрения судных дел и затрагивали только часть уездного дворянства. Оставалась неизменной система взяток и посулов в московских приказах, а также боярский суд в Москве, до которого из уездов трудно было достучаться.

К весне 1641 года относится из ряда вон выходящее дело, дающее представление о том, что могли позволить себе

в отношении других лиц «сильные люди». Как выяснилось, один из них, кравчий (первый придворный чин после бояр и окольников) князь Семен Андреевич Урусов «у себя на дворе муромца сына боярсково бил и медведем травил». Это вызвало волнение собравшихся в Москве служилых людей. По словам автора продолжения «Нового летописца», «ходили по Москве кругами (имеется в виду круг как форма самоорганизации. — В. К.) и о крестьянех и о иных своих обидах учинили челобитье на бояр». Упомянутая здесь челобитная сохранилась и дает очень четкое представление о характере недовольства уездных дворян и детей боярских, чьи требования стали много определеннее и серьезнее, чем за четыре года до этого.

Новая коллективная челобитная служилых «городов», собранная в Москву «по крымским вестем», была напрямую направлена против «сильных людей». Боярский приговор по ней состоялся 23 июля 1641 года. Требования дворян и детей боярских, выраженные в челобитной, были развернуты в целую программу, в которой традиционная жалоба на небольшой срок урочных лет хотя и стояла на первом месте, но была лишь одним из пунктов. Челобитная 1641 года сохранилась в изложении, поэтому нет возможности восстановить конкретные имена ее составителей. Впрочем, это не столь существенно, так как представители «городов» объединялись для челобитной об общих нуждах. Разделы об урочных летах и справедливом суде в основном повторяли аналогичные требования челобитной 1637 года. Но появились и новые смысловые оттенки, и даже «историческое обоснование». Дворяне и дети боярские настойчиво напоминали «прежние годы и прежних государей», при которых не было урочных лет и существовала отдельная боярская палата для разбора дел с «сильными» людьми. Такую палату предлагалось воссоздать и судить в ней дела по Судебнику Ивана Грозного. Приказ «сыскных дел» князя Ивана Борисовича Черкасского и князя Даниила Ивановича Мезецкого просуществовал недолго, но в нем, как показывают документы, действительно можно было отыскать правду в спорах рядовых людей из уездов с боярами. Иначе бы двадцать лет спустя не вспоминали о том, «как де бояре по сто дватцать осмой год (1620-й. — В. К.) в полате сидели, и им о своих обидах и о всяких делех бити челом было незаборонно»⁵³. В «Дворцовых разрядах» есть свидетельство о назначении в «приказ, что на сильных бьют челом и у приказных дел» Федора Ивановича Шереметева в 1639 году⁵⁴. Но если через два года последовала новая челобитная о его воссоздании, зна-

чит, этому важному для обычных служилых людей учреждению никак не удавалось утвердиться в приказном строе Московского государства.

Уездных дворян не устраивали сроки рассмотрения не только дел о беглых крестьянах со служилыми людьми других чинов, но и дел «в обидах и насильствах». В челобитной обращались к царю с просьбой судить допускаящих злоупотребления судей и искоренить взятки: «А которые судьи учнут судить не по правде и с теми б судьями в ых неправедных суждех велел бы государь перед бояры давати очные ставки. И со всякими людми велел бы их государь судить на Москве и в городех безсрочно, а на них бы велел государь искати где хто судим. И посулы бы государь велел вывезть». Еще одно требование дворян и детей боярских касалось принятия указа о детях боярских, поступавших в холопы: «И государь бы их пожаловал, о тех детях боярских, о верстаных и о неверстаных, которые были у розбору и в салдатцкой службе, и покиня поместья свои и вотчины, и которые породились после розбору, а отцы их побиты и померли, и они, не бив челом государю об отцовских поместьях и не хотя служить, били челом в боярские дворы и к своей братьи, велел свой государев указ учинить»⁵⁵.

Челобитная городовых дворян и детей боярских в основном была удовлетворена 23 июля 1641 года, когда было принято пять указов: 1) о возвращении насильно захваченных крестьян; 2) об установлении 10-летнего срока сыска беглых людей; 3) о введении новых правил суда с духовенством и установлении 15-летнего срока сыска вывезенных крестьян и 10-летнего — беглых; 4) о запрете проезжих пошлин и сносе построенных без указа мельниц; 5) о возвращении верстанных детей боярских и недорослей, владевших поместьями и вотчинами, на службу с «городами» и об окончательном запрете на похолопление уездных дворян⁵⁶. Не был забыт и самый щекотливый пункт коллективной челобитной — об искоренении взяточничества, причем служилым людям предлагалось самим начинать такие дела: «А хто посулы емлет, и на тех бити челом и извещати имянно. И будет сыщетца, и им от государя быти в опале ж и в большом наказанье»⁵⁷. Возможно, что в то же время планировалась новая раздача денежного жалованья. Как отмечал П. П. Смирнов, в марте и июне 1641 года боярин Федор Иванович Шереметев и дьяк Григорий Нечаев собирали с какой-то целью в Приказе приказных дел списки и десятици денежных раздач дворянам и детям боярским разных городов⁵⁸. Более определенно можно сказать о состоявшемся

тогда же по указу 12 января 1641 года общем верстании новиков всех городов окольным Федором Васильевичем Волынским и дьяками Василием Яковлевым и Никифором Демидовым⁵⁹.

Начало 1640-х годов было действительно трудным временем для уездного дворянства. Дворяне и дети боярские проводили время в беспрестанной службе по обороне южных границ, поглощавшей все их силы и средства. Городовые дворяне разорялись, тем более что на их положении сказывались «хлебный недород» и «скотский падеж», охватившие многие уезды Московского государства в 1640—1644 годах. Чтобы хоть как-то облегчить свое положение, служилые «города» продолжали обращаться к власти с коллективными челобитными. Но новые челобитные составлялись уже не в Москве, как в 1641 году, а в полках. Чаще всего для челобитных о своих нуждах объединялись дворяне и дети боярские из одного, а не многих уездов, и пределом требований «городов» было послабление в службе.

Несколько таких челобитных было подано, например, в полках Украинного разряда в 1644 году. Они достаточно красноречиво показывают, с какими повседневными проблемами сталкивались «города». В августе 1644 года была подана коллективная челобитная белозерских помещиков Ивана Веригина, Агея Шепелева (будущего первого русского генерала), Кирилла Кобыльского, Лариона Алексеева, Сергея Ступишина с товарищами от имени всех дворян и детей боярских этого «города», бывших на службе в Одоеве. Они просили об отпуске их со службы из-за дальнего пути, неурожая и падежа скотины: «Испомещены мы, холопи твои, в Белозерском уезде за Белым озером верст по пятьдесят и по сту и больши за болоты и за ржавцы ж непроходимыми, за реками безперевозными, за озерами и за грязми многими, а приезжаем мы, холопи твои, на твою государеву службу з замосковными ближними и с пожалованными людьми вместе, а служим мы всякие твои государевы полковые службы с ними с пожалованными ближними людьми вровеньстве в подъезде и в проезжей станице ездим.

А из-за Бела-озера мы, холопи твои, едучи на твою государеву службу, через болото и через ржавцы пеши ходим и седла и всякую служилую рухледь на плечех носим и лошади у нас, холопей твоих, в тех болотах и в ржавцах многие помирают, а за умножение грех ради наших хлеб у нас не родитца по многие годы и от морозов позябает, потому что места студеные...

А мы, холопи твои, живучи на твоей государеве службе,

одолжали великими долгами, помираем голодною смертью, скитаючись по дворянским станам»⁶⁰.

Дворяне и дети боярские замосковных «городов» Нижнего Новгорода, Бежецкого Верха, Вологды и других, назначенные в 1644 году на службу в Крапивну, били челом одновременно со служилыми людьми одоевского полка. Свои беды и разорения они вели от смоленской службы (десять лет спустя!): «По твоему государеву указу, по наряду, были мы, холопи твои, на твоей государеве службе во Ржеве и на Белой под Смоленским в осаде многие сидели с окольным со князем Семеном Васильевичем Прозоровским и от тое, государь, мы бедные и беспомошные холопи твои смоленские службы оскудали и одолжали великими долги, да мы ж, холопи твои бедные и беспомошные, по твоему государеву указу после смоленские службы стоим ежегодно на твоей государевой службе на береговой от крымских и от нагайских людей и от тое, государь, твоей государевой береговые службы мы, бедные и беспомошные холопи твои, вконец погибли...»

Далее в челобитной содержится просьба о досрочном отпуске со службы, так как уже начала действовать новая система обороны по засечной черте: «А милостью, государь, Божьею и твоим государевым повеленьем от тех крымских и нагайских воинских людей по сокмам и по перелазам по границам города и остроги поставлены и крепости деревянные и земельные многие учинены и люди в тех городех и острогах многие построены и теми, государь, тотарскими сокмами и немалыми людьми проходу в твою государеву вотчину в украинные города не бывает, а нас, государь, холопей твоих бедных и безмочных, высылают на твою государеву береговую службу по весне рана да конских кормов, а отпуски, государь, нам, бедным холопом твоим, с твоей государевой береговые службы бывают позно и от той, государь, вешные высылки и познова отпуску службы нас, бедных безмочных, служилые клячи на дороге весною без кормля, а в осень от груды помирают на дороге».

Большой интерес представляет также просьба о денежном жалованье, являющаяся новым мотивом таких челобитных. Тем более что в ней раскрываются существовавшие на рубеже XVI—XVII веков особенности раздачи денег из четвертей и «с городом». «А денежна, государь, жалованья, — писали челобитчики, — нам, холопом твоим бедным безмочным, после смоленские службы не бывала, а при прежних государех, которая наша братья дослужились службою свою и кровью имались твое государево денежное жалованье из

четверти и тем, государь, нашей братьи довали ежегод, а годовым в третей год, а ныне, государь, нам, холопом твоим бедным и безмочным, твоево государева денежнава жалованья не бывает, а твои государевы службы ежегодные».

В челобитной служилых людей крапивенского полка подробно раскрываются трудности, с которыми столкнулись землевладельцы: в 1642/43 году скотина «у многих пала без аstatку», «и мы, государь, холопы твои, у ко(то)рых было платишка свое и женишок испродав кляченка и скотинишка для заводу прикупили и нынеча, государь, к нам, холопом твоим, из розных городов из наших деревнишак пишут, что волею Божию и грех ради наших те клячонка и всякая скотинишка выпала без аstatку ж и у тех, у которых в прошлом году Бог помиловал, да у нас же, государь, холопей твоих, со 148 (1639/40) году хлебной недород и во многих городех морозом хлеб била»; и в 152 (1643/44) году снова «рожь не родилась, а еровой хлеб всякой морозом побила во многих местех без аstatку», в результате чего «побрели розна» и те крестьяне, которые еще оставались в поместьях. «А нам поить и кормить людишак своих нечем и крестьянишак подмогать нечем, — жаловались дворяне и дети боярские, — потому у нас наши поместьишка и водчинишка стовятца пусты, а к тому жа, государь, нам, бедным безмочным, твои государевы службы частые, а денежнава, государь, жалованья нам, холопом твоим, после смоленские службы не бывала»⁶¹.

Даже с учетом этикетной формы многих жалоб просьба о пожаловании «для наших кровоточных, сердешных слез» не могла не тронуть царского сердца. По записи на приведенных челобитных «государь приказал выписать в котором числе приехали» и 24 августа 1644 года «учинить по помете»⁶². Вообще по многим челобитным, обращенным к царю Михаилу Федоровичу, заметно, что почти все они, если доходили до царского рассмотрения, в той или иной степени удовлетворялись.

Уездное дворянство пыталось бороться с нестроениями, накапливавшимися в русском обществе со времен Смоленской войны. Но не случайно на земском соборе 1634 года вспоминали «тишину» и «покой» прежних лет, когда «во всех своих животах люди пополнилися гораздо»⁶³. Больше «благословенных» 1620-х годов, во всяком случае для дворян и детей боярских, не повторилось. Как показывают коллективные дворянские челобитные 1637 и 1641 годов, а также другие известные источники того же типа 1645 и 1648 годов, повседневным уделом большинства уездных дворян были нищета и многие службы, усугублявшиеся побегами крестья-

ян, судебной волокитой, хлебным недородом и падежом скотины. Поэтому-то городское дворянство целенаправленно продвигалось к принятию общего Соборного уложения, что и осуществилось при сыне царя Михаила Федоровича — царе Алексее Михайловиче в 1649 году.

СЫСК ЗАКЛАДЧИКОВ

О своих правах после Смоленской войны снова заявили гости и торговые люди гостиной сотни. В 1635, 1637 и 1639 годах они последовательно пытались устранить иностранных конкурентов с русских рынков. За основу была взята уже известная нам челобитная 1627 года. Однако результат оказался прежним: выданные ранее льготы иностранным купцам оставались незыблемыми⁶⁴. Более того, рухнула тщательно оберегавшаяся при патриархе Филарете монополия на торговлю с Персией одним из основных экспортных товаров Московского государства — шелком-сырцом. Счастливыми оказались не десятилетиями добивавшиеся этого англичане или голландцы с датчанами, а голштинские купцы. В результате за уплату ежегодно в казну 600 тысяч ефимков они получили право свободного и беспошлинного проезда в Персию для торговли шелком-сырцом. Кстати, секретарем того голштинского посольства был Адам Олеарий, автор одного из лучших описаний Московского государства в царствование Михаила Федоровича⁶⁵.

Гораздо дальше продвинулись в удовлетворении своих требований об устранении конкуренции с беломестцами тяглые люди посадов Московского государства. Они возобновили свою борьбу, так же как и служилые люди, сразу же после окончания Смоленской войны. Успеху их борьбы способствовала связь нового посадского «строенья» с нуждами обороны страны. В условиях продолжавшегося строительства и обновления городских укреплений, в создании которых участвовали посадские люди, московское правительство не могло допустить «избывания» оборонных повинностей. Поэтому едва ли не первые сыщики для возвращения людей в посадское тягло были посланы по челобитной жителей Ростова 1635 года, конфликтовавших с крестьянами ростовского и ярославского митрополита Варлаама, а также с жившими на посаде закладчиками за ростовскими монастырями. В 1624 году ярославский посад уже добивался рассмотрения их дела с гостями Никитниковыми, Гурьевыми и Светешниковыми и закладчиками, избывавшими от посадского тягла,

лично царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом Никитичем. 11 ноября 1636 года из Разрядного приказа в Ростов и Ярославль был направлен специальный сыщик Иван Кузьмич Совин с наказом сыскивать тяглых людей. О намерении правительства свидетельствует и указ Земскому приказу, выданный не позднее 10 апреля 1636 года. Согласно этому указу, царь Михаил Федорович, ссылаясь на поступавшие челобитные, распорядился перевести всех оброчных людей, живших в Кремле и Китай-городе на подворьях митрополитов, архиепископов и епископов, монастырей и на другой церковной земле, в тяглые слободы.

9 мая 1637 года в ответ на челобитную посадских людей состоялся указ об общем сыске закладчиков в Москве. Дело было поручено Владимирскому судному приказу во главе с боярином князем Иваном Андреевичем Голицыным и дьяком Тимофеем Агеевым. Особенность этого распоряжения состояла в том, что в нем впервые был сформулирован общий принцип сыска, начиная с момента воцарения Михаила Федоровича в 1613 году. Еще в законодательстве 1620-х годов, когда пытались установить десятилетний срок сыска посадских людей, речь шла о времени с 1608/09 по 1619 год. Это время, видимо, рассматривалось как определенный завершенный период (15-летний срок сыска дворцовых и черносозных крестьян тоже считался от 117 (1608/09) года и «московского разоренья» 119 (1610/11) года)⁶⁶. Тем интереснее формулировка наказа, выданного для сыска беглых посадских людей боярину князю Ивану Андреевичу Голицыну, где устанавливалась новая веха: «Как он государь царь и великий князь Михайло Федорович воцарился, которые тяглые люди при нем государе в тягле были, или у тяглых людей сиделцы или наймиты, а сидели в лавках и торговали от них, а объявятца на них какие крепости со 121-го году и посямест, или у ково во крестьянстве и в писцовых книгах те тяглые люди написаны, и те люди по тем крепостям тем людям не крепки; имать их указал государь за себя государя, на их тяглые двory, где хто живал, по-старому»⁶⁷. Попутно в этом наказе сформулирована еще одна важная для сыска закладчиков мысль. Все посадские люди считались жившими «за государем», поэтому конфликт посадских общин с патриаршими, архиерейскими и монастырскими властями и «сильными людьми» приобретал дополнительный оттенок нанесения ущерба интересам государя, а не одних тяглых людей.

По сохранившимся материалам сыска князя Ивана Андреевича Голицына в Москве, в качестве истцов по делам о

сыске закладчиков выступали сотские и старосты, представлявшие в приказ росписи бывших тяглецов. По этим спискам боярин князь Иван Андреевич Голицын рассматривал и решал дело в присутствии закладчиков, старост и управляющих церковных и светских вотчин. Боярский суд был выше разнообразных документов и записей в писцовых книгах, поскольку речь шла уже только о делах царствования Михаила Федоровича. Так, в Москве насчитывалось 448 закладчиков, кроме 1221 тяглого двора. Следовательно, решение вопроса в пользу московского посада обещало более чем на треть увеличить число черных дворов в Москве.

Дело сыска посадских людей было постоянным предметом внимания царя Михаила Федоровича, слушавшего доклады князя Ивана Андреевича Голицына об этом 5 июня, 10 июля и 14 сентября 1637 года. Каждый раз государевыми указами уточнялись отдельные детали сыска и рассмотрения дел бывших посадских людей, вышедших из тягла. Оказалось, что они не только уходили в закладчики, но и меняли свой статус, поступая в пушкарки, стрельцы, садовники и другие чины. На первом докладе царю 5 июня 1637 года боярин князь Иван Андреевич Голицын говорил о таких бывших тяглецах, живших «в Басманной слободе, в Садовниках, в Кадашеве, в пушкарях, в стрельцах, во псарях, в станошниках, и в седельниках, и в подковщиках, и в зелейщиках, в мельниках, в печатных и в денежных мастерах, в солдатах, в Красном селе, в воротниках, в кузнецах и в сторожах по приказом»⁶⁸. Всех их было предписано вернуть в тягло, хотя быстро найти замену не представлялось возможным. Не случайно, большую часть возвращенных на посад составили тяглецы, жившие в Москве за патриархом, митрополитами и монастырями (73 человека из 89 упомянутых в росписях посадских старост и сотских), в то время как из 277 человек, живших в Садовниках и Кадашеве, а также служивших в приказах, обратно в тягло вернули только 42 человека.

По докладу боярина князя Ивана Андреевича Голицына царю Михаилу Федоровичу «в комнате в вечеру» 10 июля 1637 года, для сыска закладчиков ему было придано из Разрядного приказа десять человек дворян. Им было велено сыскивать дворников и «всяких рукодельных и промышленных людей», живших на осадных дворах в Китай-городе и Белом городе. Между тем даже если боярин князь Иван Андреевич Голицын и находил закладчиков, и возвращал их по своему суду обратно в тягло, то на этом споры на посаде не заканчивались. Можно только подивиться той изобретательности,

с какой умели обходить царские указы монастырские стряпчие и приказные люди боярских вотчин. Иногда создается впечатление, что они могли найти выгодный для себя ответ на любой царский указ, придумав какие-нибудь хитроумные ходы. Правда, нередко вся хитрость состояла в пущенных в ход угрозах и насилии.

По словам челобитной «москвичей черных розных сотен и слобод сотцких и старост», рассмотренной царем Михаилом Федоровичем 14 сентября 1637 года, закладчики, «стакався» (сговорившись) «вместе з боярскими стряпчими», стали выдавать на себя задним числом заемные памяти и ссудные записи на деньги, которые они не брали! На первый взгляд совершенно глупо обременять себя никогда не существовавшими долгами. Но комбинация была многоходовой, ее целью было воспрепятствовать возвращению боярских людей в тягло. Такие записи, вопреки наказу, выданному боярину князю Ивану Андреевичу Голицыну, не объявлялись перед ним, зато должны были появиться позднее, когда приходило время возвращения людей в посадское тягло. Тогда-то перед сотскими и старостами вставал вопрос, брать или нет в новые члены посадской сотни человека, обремененного крупным «долгом», с опасением, что он будет взыскан с них по принципу круговой поруки. Добиться же того, чтобы судья Владимирского судного приказа боярин князь Иван Андреевич Голицын снова вернулся к решенному положительно делу, было проблематично. Свои уловки находились и у «патриарших и властелинских стряпчих», которые, не стесняясь, обещали затаскать сотских и старост черных сотен в судах по духовным делам: «А патриархов и властелинские стряпчеи похваляютца на них, на сотцких и на старост, поклепными духовными делами и розными всякими ж напрасными продажами»⁶⁹. Если же дело не получалось выиграть никаким способом, то закладчиков попросту грабили, отбирали у них все дворы и постройки и так возвращали на посад. Естественно, что во всех таких вопиющих случаях произвола царь Михаил Федорович вставал на сторону обиженных посадских людей, запретив рассматривать иски по ложным памятям и распорядившись рассматривать в патриаршем суде одни духовные дела, без приписки к ним денежных исков.

К царю со своими нуждами наряду с жителями столичного посада обращались и жители других городов. Летом 1637 года челобитную о сыске закладчиков подал во Владимирский судный приказ боярину князю Ивану Андреевичу Голицыну ярославский земский староста Иоанникий Скри-

пин: «Чтоб государь нас, сирот своих, пожаловал, не велел бы в Ярославле торговым и ремесленным людям ни за кем жити в закладчиках, а велел бы в Ярославле торговым и ремесленным людям всем жити за собою государем на посаде»⁷⁰. Эта челобитная от жителей второго по величине посада в Московском государстве характерна тем, что в ней четко сформулирован принцип отнесения к посадским людям любого человека, торговавшего и «промышлявшего» на посаде, реализованный позднее в Соборном уложении 1649 года. Однако решение, принятое царем Михаилом Федоровичем по докладу князя Ивана Андреевича Голицына 5 января 1638 года, еще не пошло по столь радикальному пути. В царском указе почему-то вновь вспомнили про дозорные книги «122 года», сделав запись в них основанием для определения статуса живших на посаде людей. Возвращению в тягло подлежали только те, кто не был внесен в эти книги. В целом в это время правительство царя Михаила Федоровича лишь реагировало на поступление отдельных челобитных и запросов, доверяя сыск закладчиков разным приказам и четвертям.

Новый этап борьбы посадков с беломестцами наступил с образованием специального Приказа сыскных дел боярина князя Петра Александровича Репнина и дьяка Тимофея Голосова, учрежденного 12 сентября 1638 года. Этот приказ в прямом и переносном смысле продолжал дела Владимирского судного приказа по возвращению на посад закладчиков (в том числе в Москве и Ярославле). Во все города была отправлена грамота об образовании Приказа сыскных дел: «Сыскывать на Москве и в городех... тяглых людей, которые вышли из черных сотен и из слобод и в городех с посаду с тягла, с московского разоренья, как мы великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси воцарились»⁷¹. В справках самого Приказа сыскных дел впоследствии говорилось о целях его создания: «В прошлом во 146-м году государь... указал закладчиковы дела ведать и про закладчиков сыскывать на Москве и в городех»⁷². С 25 мая 1639 года Приказом сыскных дел, организованным к тому времени боярином князем Петром Александровичем Репниным, стал заведовать его брат боярин князь Борис Александрович Репнин.

Особенностью нового приказа стал сыск в городах, сначала порученный воеводам, а потом переданный особым сыщикам. Исследовательница архива Приказа сыскных дел Н. Д. Шаховская обнаружила сведения о сыске закладчиков не менее чем в сорока городах, в основном Замосковского края, а также Тулы, Калуги, Мценска, Пскова и Великих

Лук, Устюга Великого. Специальное исключение было сделано для городов Нижнего Поволжья: «А с Астрахани и из Саратова в верховые города посадских людей имать не велено»⁷³. Указом царя Михаила Федоровича аналогичная льгота была дана Великому Новгороду, в котором разрешили остаться беглым людям из разных городов⁷⁴. Но это не являлось большим отступлением от принципа сыска, так как речь в указе шла о новгородцах, уже записанных в посадское тягло. Государству же было важнее не разорить Новгород, с таким трудом населенный после войны со шведами.

Приказ сыскных дел князя Бориса Александровича Репнина, функционировавший в 1638—1642 годах, использовал иные методы и принципы сыска закладчиков, чем те, что были установлены в 1637 году. Новый приказ не столь безоговорочно шел на поводу требований посадских людей. Если боярин князь Иван Андреевич Голицын во Владимирском судном приказе в 1637 году просто собирал росписи закладчиков от старост и сотских посадских сотен, то боярину князю Б. А. Репнину предписывалось наказом проверять эти сведения «по старине и по писцовым книгам». Иначе приказом решались дела о тех нетяглых людях, кто жил на посадах в качестве наймитов и сидельцев в лавках посадских людей — их уже не писали в тягло. Больше послаблений стало приборным служилым людям: стрельцам, пушкарям, зятинщикам, воротникам, кузнецам. Удалось отстоять своих мастеров дворцовому ведомству и Оружейной палате. Если посады добивались выдачи кого-нибудь, то для этого требовался особый доклад царю: «Указал государь докладывать себя, государя, имянно, как о тех мастеровых людех он, государь, укажет». Не повезло только одним псарям, подлежавшим безусловному возвращению в посадское тягло.

Указы, принятые для обеспечения деятельности Приказа сыскных дел боярина князя Бориса Александровича Репнина, как это бывало в истории московского законодательства, попутно утвердили важнейший принцип наследственной посадской крепости по писцовым книгам. «А которые посадские тяглые люди, — говорилось в указе по докладу боярина князя Б. А. Репнина в 1639/40 году, — а написаны на посадах в писцовых книгах, а дети их от них отходили, и от братьяв братья родные, и тех детей и братью имати на посад, для того, что отцы их написаны в тягле в писцовых книгах со 121-го году»⁷⁵. Не случайно многие нормы указов, выданных боярину князю Борису Александровичу Репнину, вошли впоследствии без изменений в текст Соборного уложения 1649 года.

А пока с 1642 года деятельность Приказа сыскных дел была приостановлена, его руководитель князь Борис Александрович Репнин получил замысловатое поручение искать золотую руду в Тверском уезде. Остановка сыска закладчиков случилась сразу после смерти 4 апреля 1642 года фактического руководителя правительства царя Михаила Федоровича боярина князя Ивана Борисовича Черкасского. 22 апреля 1642 года царь Михаил Федорович, «слушав из городов от свозщиков из отписок выписки», указал отозвать тех из них, «которые живут в городах за малыми посацкими людьми за строеьем»⁷⁶. Михаил Федорович руководствовался вполне благими пожеланиями не напрягать тягловые силы небольших посадков. Однако отзыв сыщиков и устранение от дел боярина князя Бориса Александровича Репнина были на руку тем, кто не поддерживал тенденции борьбы с «сильными людьми», явно выраженной во всей деятельности правительства Черкасского. С 14 сентября 1642 года по царскому указу перестали выдавать в тягло посадских людей, живших в Москве, что стало наиболее зримым выражением политики по отношению к сыску закладчиков, точнее, ее полного отсутствия.

Сыскной приказ по инерции просуществовал еще какое-то время, в нем разбирались дела о дворах и лавках посадских людей, перешедших к беломестцам. В 1642/43 году царь Михаил Федорович издал указ о возвращении в тягло лавок и амбаров, перешедших к беломестцам после 132 (1623/24) года. Однако еще неизвестно, кому был выгоден этот указ, устанавливавший 20-летнюю исковую давность. Ведь основной захват бесхозного посадского имущества пришелся как раз на первые годы после избрания царя Михаила Федоровича. Этим исчерпываются известные указы, относящиеся к деятельности Приказа сыскных дел, судья и дьяк которого были переведены в 1642/43 году на другие службы, а архив растворился в бумагах другого ведомства — Владимирской и Галицкой четвертей⁷⁷.

ЖАЛОБЫ НА НОВЫЕ СБОРЫ

Наряду с рассмотренными коллективными требованиями служилых и посадских людей, на имя царя Михаила Федоровича поступало громадное количество частных жалоб и просьб. По установленному формуляру, все челобитные начинались с обращения к царю. «Бьет челом холоп твой», — писал служилый человек «по отечеству». «Плакались» о сво-

их бедах «горькие сироты» — посадские люди и «крестьяншишки». «Богомолец твой государев» — так обращался к царю в челобитных человек духовного чина. Для принятия разных просьб существовал Челобитный приказ, распределявший обращения к царю по разным приказам и решавший спорные дела. Судьей в этом приказе во второй половине 1630-х годов был боярин Борис Михайлович Салтыков. Чтобы челобитная дошла до государя, она сначала должна была быть подписана приказным судьей или дьяком, потом включена в доклад приказа царю, после чего по ней мог состояться царский указ. Но обычно для решения частных дел хватало рассмотрения в приказе или на местах воеводами и губными старостами. По ряду небольших дел у дворян существовал третейский суд, выбранный по полюбовному соглашению сторон. Ходить «за делами», особенно в Москве, было большим искусством и требовало значительных затрат. Не случайно в сказках служилых людей знаменитая «московская волокита» сравнивается с разорением от прихода крымских татар.

В годы после Смоленской войны было более чем достаточно поводов для обращения к власти, чему способствовали финансовый кризис и послевоенное разорение многих земель. Правительство царя Михаила Федоровича давно уже перестало ослаблять налоговый гнет, постепенно увеличивая нагрузку на тяглые силы государства, повышая оклады кабацких и таможенных сборов. Но настоящий шлейф челобитных вызвала деятельность Приказа сбора ратных людей, созданного 25 ноября 1637 года в условиях тяжелых набегов крымцев, разоривших южную окраину Московского государства. Этому приказу был поручен сбор даточных людей по нормам дворового числа, а не сошного письма, как это было ранее: «По крымским вестем взять даточных пеших людей с бояр, с окольных, и с думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и с дьяков, и с жильцов, и со вдов, и с недорослей, и со всяких чинов людей с их поместий и вотчин с 20 дворов по человеку по писцовым книгам»⁷⁸. Если кто-то не укладывался в эту норму, тогда с него взимали деньги по рублю с двора или 20 рублей за даточного человека. Как видно из указа о создании Приказа сбора ратных людей, он прежде всего коснулся высшего слоя служилых людей думных чинов и московского дворянства, часто занятых административной деятельностью, в отличие от городского дворянства, почти поголовно несшего военную службу (естественно, за исключением упомянутых в документе вдов и недорослей). Интересно, что возглавля-

ли этот приказ те же бояре, которым был поручен тогда же сыск посадских людей-закладчиков, — князь Иван Андреевич Голицын (его сменил брат князь Андрей Андреевич Голицын) и князь Петр Александрович Репнин.

Посмотрим, что же волновало членов Государева двора и родственников городских дворян при этом сборе, тем более что история Приказа сбора ратных людей подробно изучена А. И. Яковлевым. Он выявил несколько излюбленных мотивов в жалобах служилых людей — на бедность и разоренье в связи с «внешними нападениями», на столкновения «со своей братьей», «разброд крестьян» и тяжесть повинностей. В ряде челобитных содержатся замечательные бытовые подробности, позволяющие погрузиться в атмосферу повседневных забот служилых людей в последние годы царствования Михаила Федоровича.

Татарские набеги, начавшиеся в годы Смоленской войны, самым тяжелым образом сказывались на этом сборе. Из челобитных служилых людей выясняется катастрофическая картина разорения Новосильского уезда и огромный размер уведенного оттуда полона. Из одной только вотчины Андрея Артемьевича Измайлова в Новосильском уезде было взято 425 человек вместе с женами и детьми. Карачевцы недоросли Юрасовы вспоминали о приходе крымского царевича под Карачев: «...в те годы у нас, холопей твоих, людишек и крестьянишек наших всех в полон поймали».

Служилые люди не могли упустить лишнего повода пожаловаться на «сильного человека». Так бил челом на разорение от боярина Ивана Петровича Шереметева уже упоминавшийся Андрей Измайлов, сын казненного окольного Артемия Васильевича Измайлова. Его тяжба с Иваном Петровичем Шереметевым о вотчине селе Слободском Нижегородского уезда тянулась больше пяти лет. «А сам я, холоп твой, — жаловался Андрей Артемьевич Измайлов, — помираю голодной смертью от боярина Ивана Петровича Шереметева, от его разоренья». По иронии судьбы в марте 1639 года боярин Иван Петрович Шереметев сменил боярина князя Петра Александровича Репнина в качестве судьи Приказа сбора ратных людей. Тяжелое положение было у вдов, с которых также взимали даточных. Вдовьи прожитки были лакомым куском для алчных родственников. Причем горькая участь не обходила даже некоторых вдов бояр, как, например, Арины Нагой, жаловавшейся на своего пасынка Богдана Нагого, вывезшего крестьян из ее романовской вотчины: «Не проча себе, крестьянишек моих вывозил в подмосковную свою вотчину в село Царево и в иныя свои вотчины».

Тяжелым бременем на служилых людей ложились дополнительные военные повинности их крестьян при строительстве новых городов, засек и других оборонительных сооружений. Из Рязани шли челобитные вдовы Ульяны Чевкиной, крестьяне которой «с дыму стоят у засеки безпрестани», детей боярских Денисьевых, чьи люди тоже «всякие засечные поделки делают и рвы чистят». Недоросли Богатищевы из Орла жаловались на бедность («хлеб-соль пьем и едим одну»), упоминая о своем участии в «городовой поделке»: «Рвы копали, и частняк пилили, и надолбы ставили с городом вряд... и каменя на острог носили». Определенно писал о причине запустения поместья З. Ратиловский: «От дела твоего, государь, города Тамбова».

Подытоживая наблюдения над жалобами служилых людей, А. И. Яковлев писал: «В громадном большинстве челобитья служилых людей строго деловиты и совершенно безличны со стороны своего отношения к власти. Масса их, вполне воспроизводя общий этикет обращения служилого человека к государю, не дает возможности угадать, что под этими формулами скрывается: слепая ли покорность, сознательная ли готовность идти по прокладываемому правительством на ощупь пути, или же сдержанное и скрытое недовольство и негодование на ход московской политики»⁷⁹.

Впрочем, ожидать от частных челобитных какого-то политического подтекста не нужно. Для этого служилое сословие использовало другие, выработанные им формы обращения к власти — коллективные челобитные, а также выступления на земских соборах, возобновивших свою деятельность после Смоленской войны.

Глава тринадцатая АЗОВСКИЙ СОБОР

Соборы 1636—1639 годов. —
Повесть об Азовском сидении. —
Земский собор 1642 года

Неожиданным для современников следствием Смоленской войны 1632—1634 годов стало возобновление практики земских соборов. Новые соборы собирались по традиционным вопросам, касающимся чрезвычайных налогов и ведения военных действий. Они должны были продемонстрировать, что царь не отказался от идеи земского представительства, занимавшей важное место в политической системе

Московского государства в первые годы его царствования. Казалось, что земские соборы возвращались из опалы, куда они попали, скорее всего, по воле патриарха Филарета. Теперь они должны были занять прежнее место в делах внутреннего и внешнего управления страной. И надо сказать, что такой «соборный» совет лучше всего соответствовал духу царя Михаила Федоровича, который и сам был избран на царство земским собором.

Однако царь не всегда мог учесть то обстоятельство, что одного его желания было недостаточно, чтобы собор действительно состоялся, а его решения оказались реальными, а не создавали видимость участия «земли». Тут сказывались и привычное нежелание населения участвовать в выборах, и лукавая игра опытных придворных, заранее готовивших соборные заседания, и принимаемые на них решения. В целом, история соборов второй половины 1630-х — начала 1640-х годов показывает, что этот инструмент власти по-прежнему был необходим прежде всего в чрезвычайных условиях.

СОБОРЫ 1636—1639 ГОДОВ

В октябре—декабре 1636 года состоялся вызов новых выборных на земский собор. Судя по сохранившимся записным книгам московского стола Разрядного приказа, грамоты были отправлены не менее чем в 40 городов. На собор предлагалось выбрать «лутчих и в уме неоскудных людей». При этом выборы касались исключительно уездного дворянства, для которого была установлена новая норма представительства: по два человека из каждой сословной группы внутри служилых «городов» — выборных дворян, дворовых и городовых детей боярских — всего шесть человек. Впоследствии по той же норме проводились выборы на соборы 1637 и 1639 годов⁸⁰.

Стремление московского правительства обеспечить как можно более широкое представительство местных дворянских корпораций несколько опередило готовность самих служилых «городов». Уездные дворяне привыкли, что в служилых «городах», по точному определению А. А. Новосельского, существовали «правлящие группы», в основном из выборного дворянства. Эта была своя местная, уездная «элита», из которой преимущественно назначались окладчики при разборах и верстаниях, головы на полковой службе. Поэтому логично было доверить именно им представление своих уездов. Более «демократическую» норму,

введенную правительством царя Михаила Федоровича в 1636 году, уездное дворянство поначалу не приняло. Судя по сохранившимся материалам о выборах в Галиче, к воеводе по грамотам из Москвы приехало всего 20 человек, или примерно каждый двадцатый из галичских дворян и детей боярских, остальные же «ослушались» царского указа. Эти «немногие» люди и выбрали представителей от Галича на собор, дав на них воеводе свой «выбор» (документ об избрании)⁸¹.

Выборных вызывали в Москву для «государева и земского дела» на Рождество Христово, к 25 декабря 1636 года. Программа собора (как, впрочем, и то, состоялся ли он вообще) остается невыясненной. Сроки его проведения были достаточно удобны для провинциального дворянства, так как многие из дворян и без дополнительного царского вызова съезжались в Москву для решения своих судебных дел. Скорее всего, все вместе съехавшиеся дворяне составили коллективную челобитную служилых «городов», помета на которой сделана 20 февраля 1637 года. Вопрос же о том, связана эта челобитная с проведением земского собора или нет, остается открытым.

В том же 1637 году началась долгая эпопея, вызванная захватом донскими казаками Азова. Принадлежавшая Турции крепость была осаждена 21 апреля и взята штурмом 18 июня 1637 года. Цель казаков была очевидной: взятие Азова создавало возможность для выхода в море казацких стругов и ликвидировало угрозу наступления на казачьи городки, которую постоянно нес в себе Азов. О том, что в результате создалась сложная дипломатическая ситуация, казаки думали меньше всего. Между тем Турция обвинила в поддержке казаков царя Михаила Федоровича. Это грозило новой войной. Поэтому дипломатам царя приходилось отстаивать свою позицию: казаки — люди вольные, действуют по своему усмотрению, если им и посылаются жалованье, то за их прежние службы.

Турецкий султан, занятый как внутренними неурядицами, так и внешними проблемами — военными действиями в Кизылбашах против персидского шаха, предоставил решение азовской проблемы своему вассалу крымскому царю. Азов входил в большую область управления, подчиненную крымским татарам. В сентябре 1637 года, немедленно после захвата Азова, был организован карательный поход татарского войска во главе с братом крымского царя Сафат-Гиреем, опустошивший южные уезды Московского государства. Особенно пострадал Новосиль.

В Москве предприняли ответные меры. Еще 14 сентября 1637 года боярин князь Иван Андреевич Голицын делал доклад царю Михаилу Федоровичу о сыске закладчиков, а уже 24 сентября он был назначен собираться с войском в Москве: «по крымским же вестем указал государь быть на Москве бояром и воеводам против крымскаго царевича нурадана». Одной из мер в этом ряду был созыв земского собора, проведение которого Л. В. Черепнин считал возможным приурочить «к одному из чисел, близких к 24 сентября»⁸². Однако то, что сведения о проведении этого собора сохранились в грамоте в Устюжну Железопольскую от 12 декабря 1637 года, заставляет усомниться в такой датировке соборных заседаний.

Выборным на соборе 1637 года предлагалось ответить на самые острые вопросы: «как против такового недруга крымскаго царя стояти», «какими обычаи ратных людей собирать», как собрать войско, потому что «без прибавочных людей с земель быти не мочно»? Думается, что ключевым для всего собора был последний вопрос, требовавший мнения «всей земли». Было принято решение о сборе даточных людей с боярских и дворянских вотчин и поместий, церковных, монастырских и дворцовых земель, а также о сборе денег на жалованье ратным людям «с городов, с посадов и с уездов с черных волостей». Осталось вспомнить, что Приказ сбора ратных людей был организован 25 ноября 1637 года. Примерно этим временем и должно датироваться проведение земского собора.

Еще раз крымские дела стали предметом рассмотрения на земском соборе, открывшемся 19 июля 1639 года. Дело о земском соборе 1639 года было открыто А. А. Новосельским, поэтому дата и программа его проведения известны теперь очень хорошо⁸³. Поводом к созыву собора стало беспрецедентно жестокое обращение в Крыму с московскими посланниками Иваном Фустовым и Иваном Ломакиным. Они были ограблены и подвергнуты пыткам, после чего крымцы прислали в Москву своего посланника взыскивать деньги по «вымученным» кабалам. Кроме того, крымский посланник потребовал придачи «поминков» и подарков хану Бегадыр-Гирею и его приближенным. «Поминки» — этот пережиток отношений с Золотой Ордой — дорого стоил правительству царя Михаила Федоровича. Суммы, уплачивавшиеся каждый год в Крым деньгами и рухлядью (мехами), достигали во второй половине 1630-х годов 11 638 рублей. Выплаты крымских «поминок» не было только в 1619 и в 1644—1645 годах из-за крымских набегов. Фактически, по подсчетам

А. А. Новосельского, средние годовые траты на отправку крымского посольства достигали 26 тысяч рублей⁸⁴.

7 июля 1639 года царь Михаил Федорович решал с Боярской думой, что делать с «неправдами» крымского хана. Дело о крымских посланниках, видимо, получило широкую огласку; во всяком случае, царя достигали челобитные «всяких чинов людей», чтобы «великий государь за такие злые неправды в Крым с казною посланников своих не посылал». Было решено собрать и записать мнения об этом деле на соборе. 19 июля 1639 года собор открылся речью думного дьяка Федора Лихачева, изложившего сведения «о позоре и о мученье, что делают в Крыме государевым людям». Лихачев предложил собору решить, как поступить с новыми требованиями крымцев — «о казне, о посылке, и о многом запросе, и о кабальном платеже». По сути, собор опять собирался в преддверии возможного разрыва и войны с крымским царем, но решение об этом ни царь Михаил Федорович, ни Боярская дума единолично на себя не брали.

Сначала собор выслушал представителей отдельных чинов, начиная с патриарха Иоасафа и освященного собора, а затем, по их просьбе, постановил собрать в недельный срок заручные «письма», подписанные представителями чинов. И в выступлениях на соборе, и в поданных «письмах» звучал протест против действий крымцев. Патриарх Иоасаф советовал прекратить сношения с Крымом и лучше укреплять украинные города. Служилые люди говорили о том же: что они «против крымского царя за такие злые неправды стоять готовы». Практичные гости и торговые люди гостинной сотни также возмущались действиями крымского царя: «За что ему давать твое государево жалованье?» Они предлагали организовать сбор средств для службы и «положить на всю землю», заботясь о том, чтобы «никто в государстве всяких чинов люди в избылых не был».

Скорее всего, правительству царя Михаила Федоровича достаточно было одного совета с выборными от «всей земли», потому что окончательное решение было принято вопреки мнению, высказанному на соборе. Посылка «поминков» была продолжена, здравый смысл возобладал над горячими головами. Очевидно, царь Михаил Федорович не считал, что пришло время для открытого столкновения с Крымом, так как еще не была завершена программа укрепления южной границы и строительства новой засечной черты. Кроме того, война с Крымом означала и войну с Турцией, отношения с которой и так балансировали на грани разрыва из-за азовского вопроса.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ СИДЕНИИ

Что же произошло в Азове? В конце июля 1637 года Посольский приказ получил отписку от атамана Михаила Иванова и всего войска донских казаков, извещавших царя о своем походе и взятии Азовской крепости, «потому что оне азовские люди на нас, холопей твоих, умышляли, крымскому царю писали для рати, чтоб нас, холопей твоих, з Дону перевести и Дон реку очистить». В отписке говорилось о том, что казаки совершили упреждающий удар: «И мы, государь, не дожидая на себя их бусурманского приходу и видя к себе твою государскую милость, пошли под Азов апреля в 21 день, конные и судами, все без выбору». 5 июня 1637 года был убит турецкий посол грек Фома Кантакузин, неоднократно начиная с конца 1620-х годов ездивший с посольствами к царю Михаилу Федоровичу. Казаки давно подозревали его в интригах, направленных на уничтожение вольного казачьего войска, а теперь, получив в свои руки веские доказательства — тайные письма посла об организации помощи Азову, «изрубили» посла и его свиту в войсковом кругу. «И в тех винах наших, ты, государь, волен над нами», — только и нашли что добавить казаки. Дальше говорилось о взятии Азова 18 июня 1637 года, когда «ни одного человека азовского на степь и на море не упустили, всех без остатку порубили»⁸⁵.

В Посольском приказе решили проверить сведения казачьей отписки, расспросили атамана и казаков, привезших ее, и специально отправили за «вестями» людей на Дон. Так были выяснены некоторые важные детали азовского взятия. Казаки стояли под Азовом девять недель, помогло им взять казавшуюся неприступной крепость хорошее умение пользоваться подкопами (оно пригодится им затем еще при обороне Азова), ну и, конечно, их безудержная храбрость, родная сестра казачьей жестокости. «Как подкоп взорвало, и они в то ж время приступили к городу со всех сторон с лесницами и в город вошли и азовцев побили всех». Азовский паша и многие другие знатные люди умерли от ран. Впрочем, подобная участь постигла не всех. Как настоящие воины, казаки умели ценить чужую доблесть, и небольшой турецкий отряд в 30—50 человек, в течение двух недель оборонявший последнюю башню Азовской крепости, был отпущен в Крым.

Уже в этих первых известиях заметно, что казаки пытались представить свою борьбу с врагом, угрожавшим их жизни на Дону, как защиту всего христианства от «басурман». Их поход начался после Пасхи, на Светлой неделе. В

самом Азове казаки расправились только с «азовскими людьми», то есть с иноверными подданными Турции, оставив в живых греков-христиан. Объясняя причину, по которой они действовали без царского указа, казаки говорили, что пришли в Азов спасти христианских пленных, вняв их мольбам. Этот аргумент не мог не тронуть душу православного царя Михаила Федоровича.

3 декабря 1637 года в Москву была доставлена еще одна отписка казаков с более развернутым объяснением и «идеологическим» обоснованием своих действий. Казаки хотели «Азов город взяти, и в нем утвердити по прежнему наша крестьянская вера». Вот как изображена была осада крепости: «И стоя, государь, под ним восемь недель, многие умыслы нат тем городом Азовом умышляли. И башни многие и стены ис пушек порозбивали. И окопались, государь, около всего града, и подкоп подводили, и твою, великого государя... прежнюю и нынешнюю пороховую и ядерную козну изхарчили. И голов своих преж сего и ныне мы, государь, холопи твои, под тем городом Азовом, за истинную православную и непорочну веру положили. И тот град мы, холопи твои государевы, взяли июня в 18 день». Против посла Фомы Кантакузина выдвинуты были новые обвинения — теперь уже в волшебстве: посольский толмач Охреян Асанка якобы «сверху по Дону на низ, в наши таборы, нарядные чары деючи пушал». Это было серьезное обвинение, в которое легко могли поверить все — от царя до простолюдина. Решение судьбы Азова казаки отдавали в руки царя Михаила Федоровича, ожидая, что он вознаградит их за службу: «А живем, государь, мы, холопи твои, в городе в Озове, ожидаем Божии милости и твоего, государь, милостивого жалованья». Теперь казаки просили московского царя о поддержке вооружением и хлебом. В Азове было освобождено «пленных православных крестьян тысячи з две», и многие из тех, кого не могли отправить домой в украинные города, голодали вместе с казаками. Все это грозило тем, что казаки могли разбрестись и уйти жить обратно на свои места. «А се, государь, у нас люди самовольной. Терпети в городе голоду и всякие нужи не хотят, идут розна по своим юртам и по речкам, где хто прежде жили. И будет тебе, праведному государю, тот город Азов годен, и тебе б, праведному государю, станицу нашу опять к нам, холопям, отпустить и свой государской указ к нам, холопям твоим, о городе Азове, учинит»⁸⁶.

В Москве прекрасно понимали те преимущества, которые давало обладание Азовом. Но Михаил Федорович должен был рассчитать и негативные последствия, с которыми

было сопряжено удержание этой крепости. Война с Крымом и Турцией грозила немалыми издержками для казны и серьезными потрясениями для государства. Поторопиться с решением Москву заставили тяжелые последствия похода крымского царевича Сафат-Гирея в сентябре 1637 года: «...пришли татаровя на Украйну, в Новосильские места, и войну распустили». По этой причине царь даже вернулся в Москву из начавшегося осеннего Троицкого похода, доехав только до Братошина, «а у Троицы не был». На следующий, 1638 год были приняты чрезвычайные меры, чтобы не допустить нового прихода войск крымского царя. В наряд на государеву «береговую» службу с 1 апреля 1638 года назначили первостепенных бояр и окольничих. Князь Иван Борисович Черкасский командовал главным полком в Туле, а с ним «без мест» были по городам воеводы князь Иван Андреевич Голицын в Одоеве, Иван Петрович Шереметев в Крапивне, князь Семен Васильевич Прозоровский в Веневе, князь Дмитрий Михайлович Пожарский в Переславле-Рязанском, князь Михаил Петрович Пронский в Мценске⁸⁷.

Московские дипломаты предпочли занять выжидательную позицию и предоставить казакам самим расхлебывать начатое дело с Азовом. Посольский приказ больше испугался убийства турецкого посла, сурово выговорил за это казакам и послал извинительные грамоты турецкому султану, отказавшись на словах от поддержки казаков: «А присланного из-под Азова того вашего посла гречанина Фому Кантакузина со всеми людьми побили неведомо за што... А убив посла и Азов взяли воровством... Мы за них не стоим, хотя их воров всех, в один час, велите побить»⁸⁸. В то же время уже в 1638 году казакам в Азов были посланы хлеб и необходимые запасы пороха и свинца. Более того, о намерении поддержать казаков свидетельствовала посылка икон и книг для азовских церквей. Тогда же казаки получили государеву знамя. Формально Азов не был включен в число городов Московского государства, туда не послали царского воеводу, но сделали все для того, чтобы город, хотя бы на время, остался в руках казаков.

Турецкий султан Мурад IV, вопреки опасениям Посольского приказа, не слишком озаботился судьбой убитого посла, к тому же грека (для деспота судьба одного подданного не имеет никакого значения). Узнав, что русский царь не поддерживает казаков, султан успокоился, правда, тоже лишь на словах. Посланник турецкого султана с одобрением и несколько витиевато говорил в Москве про царя Михаила Федоровича, «что вы государя нашего другом друг еси,

а недругом ево недруг еси». Виновным в потере Азова султан посчитал крымского хана Бегадыр-Гирея, которому не помог и отчаянный рейд в русские земли в сентябре 1637 года. Бегадыр-Гирей был смещен, и на его место султан поставил хана Мухаммед-Гирея IV. Мурад IV занялся в это время главным направлением своей политики — войной с Ираном и во главе своего войска двинулся на Багдад, который был взят штурмом в 1638 году.

Летом 1638 года новый крымский хан стал готовиться выступить со своим войском под Азов. Вполне вероятно, что его поход продолжился бы дальше в Русскую землю. Но тут-то и оказалось, что казаки, постоянно воюя с турками и крымцами, многому научились и были не самыми худшими стратегами. Пока Азов был в их руках, войско крымских татар не могло идти большой войной на русские земли без опасения немедленного возмездия от мобильных казаков, легко достигавших на своих стругах из Азова берегов Черного моря. Поход крымцев успеха не имел.

Но ситуация менялась быстро. Возвратившийся из «Кызылбаш» турецкий султан Мурад IV освободил силы для похода под Азов, назначенного на весну 1640 года. 7 октября 1639 года в отписке от азовского войска казаки вновь просили помощи у царя Михаила Федоровича: «А теперь, государь, у нас около твоего государева Азова города в ыном месте стены оболились, а башни все не покрыты. А город, государь, старой, покрепить города и башни поновить нам нечем. Козны, государь, у нас своей войсковой нету. Да и самим нам, государь, к осадному делу или не к осадному тоже есть и носить нечева. Всем скудны. Акромя Бога и тебя, праведного государя, надежи держать не на ково»⁸⁹. Только неожиданная смерть 31-летнего султана 1 марта 1640 года помешала осуществлению турецкого «похода возмездия».

Решающая битва за Азов состоялась в 1641 году. Сначала, 1 марта 1641 года, под стенами Азова появились крымские послы (они же и разведчики), начавшие торг о выкупе пленных: «Крымский царь нашим казакам, которые у него были в полону, и своим людем, которые были на окупу, велел нам говорити всему донскому войску, чтобы мы, холопи твои, у него, крымского царя, взяли казну великую и нашу братью, которые на боях взяты, без окупу, для того, чтоб мы ему Азов город отдали. И мы, государь, холопи твои, ему, крымскому царю, отказали». Вместо этого казаки, которых находилось тогда в крепости всего около тысячи человек, приняли решение об общем сборе своего войска под Азовом. Опять, как и в год взятия Азова, срок службы был

установлен с Пасхи: «А последний срок учинили, что всем атаманом и казаком в Азов собратца на Светлое Воскресенье. А которые де люди на этот срок в Азов не будут, а останутца на Дону, и тех приговорили грабить и побивать до смерти и в воду метать». Так в Азове собралось около 7500 казаков. И вовремя! 7 июня 1641 года объединенное турецкое и крымское войско подошло к Азову. Началось знаменитое Азовское осадное сидение донских казаков.

По турецким источникам, в армии, осадившей Азов, насчитывалось около 240 тысяч человек. То есть она превосходила осажденных в 30 раз! В это огромное войско были собраны турки, крымские и ногайские татары, черкесы, греки, сербы, албанцы, венгры, молдаване и даже два наемных полка во главе с немецкими полковниками численностью в шесть тысяч человек. Командовал турецким войском губернатор Очакова Хаджи-Гурджи Канаан-паша вместе с губернатором Румелии. По-восточному изощренным представляется назначение командующим войска крымцев бывшего царя Бегадыр-Гирея, которому предоставлялась возможность искупить свою вину. Забегая несколько вперед, скажем, что вместо этого в Турции на него свалили чувствительную для султана неудачу осады Азова. В грамоте султана Ибрагима I, привезенной в Москву через год после азовского провала, говорилось: «А прошлым летом ходил под Азов прежней крымский Багадур-Гирей царь, не со многими людьми и не со многими каторгами (морскими судами. — В. К.), не прося у нас многих ратных людей. И промышлял нерадением»⁹⁰.

Основные подробности азовской осады описаны ее непосредственными участниками в составленных ими документах и в «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков»⁹¹. 28 октября 1641 года в Москву приехали казачий атаман Наум Васильев, есаул Федор Иванов и еще 24 азовских сидельца. Они привезли «ропись» азовской осады, развернутую в целую поэтическую «Повесть...», автором которой считается один из членов этого казачьего посольства есаул Федор Иванович Порошин. Казаки описали приход многих десятков и даже сотен тысяч людей под Азов 24 июня 1641 года: «Тех собрано людей на нас черных мужиков многия тысяши, и не бе числа им и писма...», «где у нас была степь чистая, тут стали у нас однем часом, людьми их многими, что великия непроходимыя леса темныя». Сведения о численности турецкого войска — 256 тысяч человек, полученные осажденными от «языка», близки к турецким источникам. Хотя казаки и называют себя «черными мужиками», сказано это в ироничном контексте. Казаки осознавали се-

бя государевыми слугами и в челобитных царю писались «холопы твои», как и служилые люди по «отечеству». При этом казачество помнило о своем происхождении от беглых людей, избывших «Доном» свою неволю, и понимало, что никогда оно не будет поставлено в один ряд с родовитыми людьми.

Осада Азова турецкими войсками началась со своеобразной «психической атаки»: «Почали у них в полках их быть трубли болшие в трубы великия, игры многия, пiski великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрельба мушкетная и пушечная великая...» Автор «Повести...» пишет, что от такой стрельбы даже солнце померкло в ясный день. Защитники Азова по-настоящему испугались в этот момент: «Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно и несказанно на их стройной приход бусурманской было видети». Янычарские полки вместе с солдатским полком под командой немецких полковников окружили город. Вечером 24 июня от турков пришли послы: «Почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турецкого и от четырех пашей и от царя крымского речью гладкою». Турки обвиняли казаков в убийстве посла Фомы Кантакузина, захвате Азова и жестокой расправе с его жителями, а также в том, что казаки тем самым «разделили государя царя турецкого со всею ево ордою крымскою». Взятием Азова был нанесен удар и по стратегическим интересам Турции на морском побережье. «Разлучили вы его с корабельным пристанищем, — говорили послы. — Затворили вы им Азовым городом все море синее». В случае капитуляции казакам обещали простить все вины и принять на службу турецкого султана: «Пожалует наш государь, турецкой царь, вас, казаков, честью великою. Обогатит вас, казаков, он, государь, многим неизреченным богатством. Учинит вам, казакам, он государь, во Цареграде у себя покой великий... Станут вас называть вовеки все орды бусурманские, и енычены, и персидские, светорускими богатыри». Ну а чтобы казаки соглашались быстрее, им напомнили о недавней победе турок над персидским шахом. Казаки не прельстились на посулы турецкого султана, понимая, что вряд ли его обещания будут выполнены. Их ответ представляет собой настоящий гимн казачеству: «А мы люди Божии, надежа у нас вся на Бога, и на Мать Божию Богородицу, и на их угодников, и на свою братью товарищей, которые у нас по Дону в городках живут. А холопы мы природные государя царя христианского царства Московского. Прозвище наше вечное — казачество

великое донское безстрашное». Казаки и впрямь осознавали свое бесстрашие, грозя туркам ни больше ни меньше как «крестовым» казачьим походом для освобождения всей христианской земли: «А все то мы применяемся к Ерусалиму и Царюграду».

Турецкие посланники убеждали казаков, что Михаил Федорович не окажет осажденным никакой поддержки. Казаки и сами понимали это, но у них наготове был свой удалецкий ответ: «И мы про то сами и без вас, собак, ведаем: какие мы в государстве Московском на Руси люди дорогие и к чему мы там надобны! ... Не почитают нас там на Руси и за пса смердящего. Отбегохом мы из того государства Московского из работы вечныя, от холопства полного, от бояр и дворян государевых, да зде вселилися в пустыни непроходные. Живем, взирая на Бога... А запасы к нам хлебные не бывают с Руси николи... Питаемся яко птицы небесные: ни сеем, ни орем, ни збираем в житницы. Так питаемся подле моря синяго. А сребро и золото за морем у вас емлем. А жены себе красные любые, выбираючи, от вас же водим. А се мы у вас взяли Азов город своею казачьею волею, а не государьским повелением, для зипунов своих казачьих, да для лютых пых ваших». И все же казаки соглашались исполнить волю царя Михаила Федоровича: «Нешто ево, отняв у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Федоровичь, всеа России самодержец, да вас им, собак, пожалует по прежнему, то уже ваш будет. На то ево воля государева!»

На следующее утро начался штурм Азова. Турецкая армия надеялась быстро овладеть городом, поэтому в бой сразу же были пущены ударные силы янычар, двадцать две с половиной тысячи которых, по подсчетам казаков, были убиты в первый же день осады. Так же без остатка был истреблен солдатский полк, погибли и два немецких полковника. Несмотря на то что подкопы, выведенные казаками из крепости, обвалились под тяжестью тел наступавших («не удержала силы их земля»), осажденным удалось взорвать подготовленный в них «наряд», набитый «дробом сеченым». На казачьей вылазке из крепости было захвачено «большое знаме... царя турскаго, с коим паши ево перво приступали к нам турские».

Уже через день после неудачного штурма турецкая армия изменила тактику и решила попробовать тот способ, которым она брала города в войне с персидским шахом: насыпать земляной вал выше стен крепости, поставить на него артиллерию и бить из пушек по городу. «Зачали же их люди пешие в тот день, — пишет автор «Повести...», — вести к

нам гору высокую, земляной великой вал, выше многим Азова города». За три дня вал был подведен к Азовской крепости, и казаки готовились уже проститься с жизнью. Помогло им только отчаяние обреченных, с которым они вышли из крепости на не ожидавшую нападения пехоту, строившую вал. Захватив восемь бочек пороха, казаки заложили его в подведенную к Азову земляную гору и разметали ее. Сила взрыва была такова, что часть осаждавших — 1500 янычар — еще живыми «кинуло» через стены Азовской крепости.

При строительстве следующего вала турецкая армия учла прежние ошибки, и все получилось, как и было задумано: «И почели с той горы из наряду бить оне по Азову городу день и ночь беспрестанно... Шеснацать дней и шеснацать ночей не премолк наряд их ни на единой час пушечной». В городе все было разрушено, казаки могли отсиживаться только в землянках и продолжать свои подкопы. Удивительно, но каждый раз казакам помогали именно «подкопные мудрые осадные промыслы». Так, даже когда обстрел Азова не прекращался ни на минуту, они выходили по ночам через свои земляные ходы на вылазки и терзали турецкую пехоту. Попытки турок, по примеру казаков, использовать свои подкопы, не увенчались успехом, так как казаки «устерегли» их и взорвали в то время, когда по ним в город пытались пройти турецкие войска. «Постыли уж им те подкопные промыслы», — писал автор «Повести...».

После шестнадцатидневного обстрела Азова начался его непрерывный штурм. Днем и ночью к городу приступали сменявшие друг друга янычарские полки, которые едва не одолели казаков: «И от такова их к себе зла и ухищренного промыслу, от бессония и от тяжких ран своих... изнемогли болезнями лютыми осадными. А все в мале дружине своей уж остались, переменитца некем, ни на единый час отдохнуть нам не дадут... Язык уш наш во устнах наших не воротитца на бусурман закрычать. Таково наше безсилие: не можем в руках своих никакова оружия держать!» Все опять решила внезапная вылазка казаков, вышедших на бой с иконами: «...подняв на руки иконы чудотворныя — Предотечеву и Николину — да пошли с ними против бусурман на выласку... побили мы их на выласке, вдруг вышед, шесть тысящей».

Снова начались попытки переговоров, хотя у казаков не оставалось сил даже ответить толмачам. Турецкие представители «на стрелах почали ерлыки метать» и предлагать выкуп за оставление крепости: «Просят у нас пустова места азовского». Казаки уже почувствовали перемену в настроении турецкого войска, также страдавшего от войны и болез-

ней. Поэтому стояли до конца: «В головах ваших, да костях ваших складем Азов город лутче прежнева!» 93 дня длилась осада, и наконец 26 сентября 1641 года, в преддверии наступавших холодов, грозивших закрыть морской путь, турецкая армия внезапно, ночью, сняла осаду. Казаки, не верившие в то, что им удалось удержать Азов, сделали еще одну вылазку, взяли одних «языков» 400 человек и нашли две тысячи больных и раненых, оставленных турками.

Сохранение Азова казаки могли приписать только небесному заступничеству. Описание видений, бывших казакам во дни осады, пожалуй, больше чем что-либо другое, должно было поддержать мольбу азовских сидельцев, обращенную к царю Михаилу Федоровичу: «Чтобы пожаловал и чтобы велел у нас принять с рук наших ту свою государеву вотчину — Азов город, для светого Предотечина и Николина образов, и што им светом годно тут». Ибо только обладание Азовом, напоминали казаки, могло навсегда избавить Московское государство от татарских набегов: «Сем Азовым городом заступит он, государь, от войны всю свою украину, не будет войны от татар и во веки, как сядут в Азове городе».

Теперь от царя Михаила Федоровича зависело, поддержать или нет не просто ратную удачу, а еще и подвиг благочестия донских казаков, обещавших после азовской осады «принять образ мнишески» в монастыре в честь Иоанна Предтечи. А такой выбор был для царя много сложнее, чем решение одних военных и дипломатических дел.

Поэтическая «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» — главный, но не единственный источник наших сведений об осаде крепости. Если обратиться к делопроизводственным документам, то в них можно найти некоторые дополнительные сведения. Например, сохранилась отписка донских казаков, привезенная ими в Москву 28 октября 1641 года. В ней приведена другая дата начала осады Азова турецкими войсками — 7 июня. Выясняется также, что казаки просили в случае принятия Азова «прислать своего государева воеводу к Рождеству Христову»⁹².

Правительство продолжало придерживаться осторожной политики в отношении Азова. 2 декабря 1641 года вместо воевод в Азов были посланы Афанасий Григорьевич Желябужский и подьячий Арефа Башмаков с наказом осмотреть город и крепость и определить, можно ли восстановить городовые укрепления и ликвидировать («разорить») земляные «валы», подведенные турками к Азовской крепости. Кроме того, требовалось начертить чертеж и привезти его в Моск-

ву как можно быстрее, «безо всякого мотчания». Афанасий Желябужский привез первый ответ казакам на их «посольство» в Москву. Царь Михаил Федорович хвалил казаков за службу, но ответа на главный вопрос о судьбе Азова пока что не давал. Казаки могли лишь догадываться о миссии Афанасия Желябужского. Но, в отличие от царя Михаила Федоровича, они не знали о проекте русско-османского соглашения, переданного турецким султаном при посредничестве молдавского господаря Василия Лупуллы. Молдавский посланник Исай Остафьев был принят царем Михаилом Федоровичем в Москве 30 декабря 1641 года и просил немедленного ответа.

Вот тогда-то для решения судьбы Азова и ответа донским казакам был созван земский собор. На основе сведений казаков была подготовлена смета, «что им надобно в Азов для осадного сидения». По докладу царю Михаилу Федоровичу оказалось, что для удержания Азова требовалось не менее 10 тысяч людей и 221 тысячи рублей на покупку запасов, оружейного зелья и мушкетов («что дати государева жалованья ратным людям и что положено за запас хлебной, и за порох, и за свинец, и за ручные самопалы»). Но у земского собора была еще одна дополнительная цель, не афишировавшаяся царем Михаилом Федоровичем, Боярской думой и Посольским приказом, — решить, принимать или нет условия соглашения с Турцией⁹³.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1642 ГОДА

Время подготовки к проведению нового земского собора — конец 1641-го — начало 1642 года — совпало с внутриполитическим кризисом, вызванным коллективным протестом служилых людей. Традиционные челобитчики по судным делам оказались в Москве вместе с выборными представителями от уездных дворянских обществ и посадов в конце 1641 года. Воздух столицы был наэлектризован недовольством, выход которого грозил погромами боярских усадеб, забытыми со времен Смуты. Представление о происходивших в Москве событиях дает грамотка рядового нижегородского сына боярского Прохора Колбецкого к своему отцу в деревню, неосторожно отправленная им с ненадежным человеком. В результате письмо Прохора Колбецкого, написанное 15 декабря 1641 года, попало сначала в руки думного дьяка Ивана Гавренева, а затем было передано царю Михаилу Федоровичу. Из грамотки государь узнал, что в Москве «сме-

тенье стало великое». Был организован сыск, в результате которого выяснилось, что Прохор передавал слухи «про бояр, что боярам от земли быть побитым», отнюдь не по умыслу, а «спроста мирскою молвою»⁹⁴. Все это не могло не обеспокоить власти, тем более что и других симптомов нестроения в государстве и столице было предостаточно.

Указ о проведении земского собора состоялся около 3 января 1642 года. По докладу Боярской думы предлагалось «...выбрать из властей духовного чину и из всяких чинов людей лутчих и с ними поговорить о том же деле, что их мысль о Азове, — держать ли Азов и кем держать, охочих ли людей называть или послать ково государь укажет и не охочих, и на тот на весь подъем деньги как збирать со властей и со всяких чинов людей, а деньги надобны не малые». Следовательно, на соборе традиционно решался вопрос о возможной войне и об организации сборов денег и запасов для войска. Порядок организации выборов и представительства на соборе представляет собой запутанную исследовательскую проблему, потому что из сохранившихся источников не вполне ясны сроки указа и проведения собора (получается, что они могли совпадать и приходиться на одну дату — 3 января 1642 года). Судя по речи посольского дьяка Федора Лихачева на соборе, в Разрядном приказе составлялись какие-то списки представителей от выборных людей (практика, до этого времени не встречавшаяся на соборах). Подсчитано, что в целом в работе собора приняли участие «10 стольников, 22 дворянина московских, 4 стрелецких головы, 12 жильцов, 115 дворян и детей боярских из 42 городов, 3 гостя, 5 торговых людей гостиной сотни, 4 торговых человека суконной сотни, 20 посадских людей московских сотен и слобод»⁹⁵.

При открытии собора дьяк Федор Лихачев прочитал заготовленную Посольским приказом речь, сообщавшую о планах турецкого султана «послать войною на Московское государство, осадя Азов». Затем выборным людям раздали письмо «об Азовском деле и о войне», с тем чтобы они письменно сообщили свое мнение (возможно, с этим связаны дополнительные выборы представителей от «всяких чинов»). В течение января 1642 года продолжался сбор коллективных «сказок» выборных людей — ответов на письмо правительства. Затем материал этих «сказок» был обобщен в докладную выписку и доложен на заседании царю Михаилу Федоровичу и Боярской думе.

Большинство ответов по главному вопросу об Азове заранее утверждало любое решение, принятое царем единолично или вместе с Боярской думой: «...в том волен госу-

дарь, как изволит»; «в том волен государь и его государевы бояре». Но из сказок служилых людей и гостей складывалось общее мнение о необходимости принять Азов. Главный аргумент привели подавшие свои отдельные сказки московские дворяне Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский: «С тех мест, как Азов взят, татарской войны не бывало, а государевы украинные города были от них безмятежно в покое и тишине немалое время». Азов предлагалось удерживать силами тех же донских казаков, а также набранных к ним в прибавку «охочих людей», стрельцов и «старого сбора солдат». Обсуждение порядка сбора средств для ратных людей превратилось в репетицию бурных парламентских дискуссий в России последующих веков.

Одни дворяне и дети боярские вспоминали злоупотребления «сильных людей» в суде и московскую волокиту, разорявшую их «пуще турских и крымских бусурманов», другие подобострастно называли бояр «вечные наши господа промышленники». Особенно яркие «сказки» подали на соборе 1642 года представители Нижнего Новгорода Василий Федорович Приклонский и Степан Васильевич Онучин (их имена были записаны еще в боярской книге 1627 года), а также муромцы А. Г. Монастырев, Савва Иванович Мертвый, Иван Петрович Власьев. «А ныне при тебе государе, — писали они, — твои государевы бояре и ближние люди пожалованы твоим государским жалованьем... многими поместьи и вотчинами, а твои государевы диаки и подьячие... будучи беспрестанно у твоих государевых дел и обогатев многим богатством неправедным своим мздоимством, и покупали многия вотчины, и дома свои строили многие, палаты каменные такие, что неудобь-сказаемая, блаженные памяти при прежних государех и у великородных людей таких домов не бывало, кому было достойно в таких домах жити»⁹⁶. Нижегородские и муромские дворяне предложили собрать деньги на службу ратным людям со всех землевладельцев по представленной ими росписи крестьянских дворов. Традиционно служилые люди поглядывали в сторону церковной казны, предлагали заново обложить сборами гостей и торговых людей, предъявляли счет к тем дворянам, кто «избывал» полковой службы, находясь «в отсылках» по приказам и воеводствам. О своих нуждах не упустили случая напомнить гости и торговые люди, писавшие об «обнищании» от «государевых беспрестанных служб и от пятинных денег», о «насильствах» городовых воевод и конкуренции иностранных купцов, мешающей их торговле («многие торжища у них отняли иноземцы — немцы и кизылбашцы, которые

приезжают к Москве и другие города со своими большими торгами»).

«Мнения», высказанные выборными людьми на «Азовском» соборе 1642 года, так и не были учтены при окончательном принятии решения царем Михаилом Федоровичем и Боярской думой. 5 февраля 1642 года из Москвы был отправлен молдавский посланник Исай Остафьев, увозивший согласие московского царя на османские условия. Вскоре до Москвы дошли сведения о еще одном неприятном инциденте, еще более осложнившим русско-турецкие отношения. 29 января 1642 года запорожские казаки убили при переправе через реку Донец турецкого посла Мегмет-чеуша и несколько человек из его свиты, ехавших в Москву из Константинополя с русским гонцом Богданом Лыковым. Исполнение задач посольства взял на себя брат убитого турецкого посла Мустафа-челибей, приехавший в Москву 19 февраля 1642 года. В посольских грамотах, забранных казаками в качестве трофея, содержалось требование турецкого султана дать прямой ответ о судьбе Азова, поэтому Мустафа-челибей подал записку об этом в Посольский приказ. Вскоре снова явился посланник молдавского господаря, также передавший устное предложение султана очистить Азов и обещание запретить крымскому хану набеги на русские земли. 8 марта 1642 года возвратились Афанасий Желябужский и Арефа Башмаков, нарисовавшие в своем отчете картину полного разрушения Азова, восстановить который не представлялось возможным из-за полного отсутствия поблизости подходящего материала. Смету о постройке города и чертеж, вопреки наказу, они привезти не смогли, так как с ними не было послано ни горододельца, ни чертежника.

8 апреля 1642 года с посланником молдавского господаря передали известительную грамоту об убийстве турецкого посла, в которой московское правительство по-прежнему убеждало турецкого султана, что оно не поддерживает донских казаков: «Донские казаки город Азов взяли воровством, без нашего царского позволения. То вам брату нашему великому государю и самому подлинно ведомо. Того у нас, великого государя, чтоб Азов взять и в мысли не бывало. И помочи мы, великий государь, донским казакам деньгами и запасами не чинили и за тех воров никак не стоим. Хотя их воров всех в один час велите побить и нам, великому государю, то будет не досадно». Это была капитуляция. В Московском государстве предпочли явные выгоды мира с Турцией неясным преимуществам обладания тем местом, где стояла Азовская крепость. Видимо, тогда еще в Москве не

очень хорошо понимали, что на Востоке действия московского царя будут истолкованы однозначно — как проявление слабости.

Оставалось дать ответ донским казакам, уже полгода находившимся в Москве. 27 апреля 1642 года их пригласили на заседание Боярской думы и объявили решение царя Михаила Федоровича. Увы, оно оказалось совсем не таким, на какое рассчитывали казаки, поддержанные земским собором. Казаков мягко, но настойчиво убеждали вернуться «жить на прежних своих местах»: «Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, жалея об вас атаманех и казаках и о всех православных крестьянех, велел вам атаманом и казаком сказать, что ныне вам в таком разоренном месте сидеть от воинских людей не в чом... А ныне де у вас Азова принять государь не указал. И воевод и ратных людей послати не к делу и быть не в чом». 30 апреля 1642 года донскому казачьему войску была направлена грамота с указом оставить азовские укрепления из-за вестей о готовящемся походе турецких и крымских войск «и иных государств многих ратных людей больше прежнего» не только под Азов, но и на украинные города. В случае возвращения на свои места казакам обещали прежнее жалованье. Царский указ был исполнен сразу по получении этой грамоты. Собранное султаном войско подошло к Азову три дня спустя после отхода донских казаков⁹⁷.

Как известно, снова завоевать Азов сумел только внук царя Михаила Федоровича Петр I. Случилось это более чем полвека спустя, в 1696 году. Но «азовская история» имела и более близкие последствия. Именно после нее окончательно утвердилось значение донских казаков на службе русских царей. Самым зримым выражением этого стала посылка и принятие на Дону 2 ноября 1644 года государева знамени войска Донского.

Глава четырнадцатая **МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ**

Засечная черта. —

Новая граница. —

Дело королевича Вальдемара

Московское государство, вышедшее из Смуты тяжелым путем территориальных потерь, должно было зорко следить за тем, где теперь находятся его друзья и враги. Постепенно у царя Михаила Федоровича формировалась картина мира, в ко-

тором он сам выступал как государь и обладатель столетиями создававшейся государственной территории. По дипломатической терминологии, союзники и друзья московского царя считались его братьями, то есть равными ему по царскому статусу. Имелись у царя Михаила Федоровича и «недрузи» и «враги», не признававшие его титула и существовавших границ. Постоянной угрозой с востока были набеги крымского царя, войною утверждавшего исторически сложившиеся со времен ордынского ига даннические отношения с Московским государством. На западе тоже продолжался исторический спор о русских землях, в течение нескольких веков находившихся в составе Великого княжества Литовского. Особенно наглядно жители Московского государства могли увидеть, насколько далеко заходили территориальные притязания короля Сигизмунда III, во времена Смуты. Вокруг оси Варшава — Бахчисарай в основном и крутилась внешняя политика царя Михаила Федоровича. На внешнеполитические предпочтения также серьезно влияли вопросы веры. Тяжелее всего у Московского государства складывались отношения с католическими и мусульманскими странами, протестантские же государства, напротив, имели статус наибольшего благоприятствования в международных делах и торговле.

О первых послых, отправленных с известием о воцарении Михаила Федоровича в 1613 году, сообщают «Дворцовые разряды»: «Того же году в розных числах, от государя посланы были в окрестные государства обестить, что он государь учинился на своих превеликих государствах царем и быть бы с ними впредь в братской дружбе и любви навеки: в Кизылбаши к шаху Аббасу — князь Михайло Петрович Борятинской, да Иван Иванов сын Чичерин, да дьяк Михайло... к Турскому салтану — посланники Соловой Протасьев да дьяк Михайло Данилов. К цысарю крестьянскому (императору Священной Римской империи. — В. К.) к Максимиану — Степан Михайлович Ушаков да дьяк. К Аглинскому королю Якубу ж — наместник Шатцкой Алексей Иванович Зюзин да дьяк Алексей Витовтов. К Датскому королю Христианусу — князь Иван Михайлович Борятинской да дьяк Гаврило Богданов». Здесь верно перечислены страны, куда были отправлены первые посольства, хотя в деталях составитель разрядов ошибался, и иногда даже очень сильно. Одними из первых, в июне 1613 года, с посольством в Вену были отправлены Степан Ушаков и дьяк Семей Заборовский. Они ездили к римскому цесарю, но не к Максимилиану II, а к Маттиасу (Матьяшу в русских источниках). Видимо, в Москве настолько привыкли к имени Максимилиан у римских цесарей, что имя собствен-

ное стало звучать уже как имя нарицательное. На обратном пути русские посланники исполнили аналогичную дипломатическую миссию в Голландии. Тогда же, в июне 1613 года, в Константинополь к султану Ахмеду I были направлены Соловой Протасьев и Михаил Данилов, а в Англию к королю Якову I — Алексей Зюзин, пышно поименованный по посольскому обычаю шацким наместником. В Персию к шаху Аббасу I в 1613/14 году ездили не те, кто упомянут в разрядной записи, а другие посланники — Михаил Тихонов и подьячий Алексей Бухаров. Посольство к датскому королю Христиану IV датировалось в посольской документации 121 (1613) годом. Не упомянута в разрядах посылка князя Григория Константиновича Волконского в Крым для уплаты «поминков» и приведения крымского хана к шерти (присяге) о ненападении на Московское государство⁹⁸.

Во внешней политике ко времени воцарения Михаила Федоровича не было ничего особенно нового, за исключением того, что теперь, после Смуты, московское правительство более ревниво смотрело на признание царского титула Михаила Федоровича в грамотах других держав, еще сильнее требовало оберегать «государскую честь» в тонкостях дипломатического протокола и любыми средствами противодействовать Литве, то есть Речи Посполитой (куда тоже был направлен посланник Д. Аладьин с известием о воцарении Михаила Федоровича). Не случайно в «Новом летописце» помещена специальная статья «О послех по государствам», в которой подчеркивалось: «Государи же розных государств послов прияша с честью и опять отпустиша ко государю к Москве и своих послов ко государю прислаша с великими дары. И приидоша ко государю послы от турсково царя, и от кизыльбажсково, и от аглинсково, и от иных государств со многими дары»⁹⁹.

С возвращением патриарха Филарета, как уже говорилось, произошли некоторые изменения во внешней политике. В частности, был обретен новый союзник из числа бывших заклятых врагов — Швеция. Взаимная дипломатическая любовь двух государств была замешена на таком сильном чувстве, как взаимная ненависть к польскому и литовскому королю. Ею она держалась, но опасность как раз и состояла в том, что только ею она и могла держаться. Между тем утвердившийся в 1620-е годы мир и удачная для России экономическая конъюнктура с ценами на европейском хлебном рынке, привлекательные условия для найма военных специалистов, мастеров и ремесленников из протестантских стран, возможности торговли для иностранных купцов — все это повлияло на отношение к Московскому государству

в других странах. Некоторые из них, как, например, Франция, впервые прислали свои посольства в Россию. Особые дружеские отношения складывались также с Персией, откуда в 1625 году, в знак подтверждения союза с Московским государством, шах Аббас I прислал великую христианскую святыню — Ризу Господню¹⁰⁰.

Неудачная Смоленская война 1632—1634 годов и смерть патриарха Филарета, активно влиявшего на все внешнеполитические дела, заставили Московское государство если не пересмотреть, то скорректировать свои отношения с другими странами на востоке и западе. С Речью Посполитой был заключен Поляновский мир в 1634 году. Крымские набеги в годы войны показали, что другие страны могли заплатить за вторжение татарской конницы в украинные земли или повлиять на турецкого султана, который распоряжался крымскими делами. Стала очевидной и изолированность Московского государства в Европе, где ближайшие союзники, Англия и Голландия, думали лишь о конкурентной борьбе друг с другом за обещавшие сказочные прибыли русские рынки и торговые пути.

ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА

Во второй половине 1630-х годов в связи с продолжавшимися разорительными набегами крымских татар на южные окраины государства было принято решение о реконструкции старой и строительстве новой оборонительной линии — засечной черты¹⁰¹. Этот успешно опробованный Русским государством способ обороны в борьбе с татарами сложился в основном в последней четверти XVI века. Тогда строительство городов на юге России и одновременное создание сторожевой и станичной службы на засеках, преграждавших известные пути крымцев на Русь, помогли на какое-то время смягчить последствия внезапных татарских набегов¹⁰². Адам Олеарий стал свидетелем приема крымских посланников 12 декабря 1634 года. Упомянул он и о стратегическом значении старой «черты». «Эти народы, — писал он о крымских татарах, — жестоки и враждебны. Они живут в обширных, далеко разбросанных местах к югу от Москвы. Великому князю (царю Михаилу Федоровичу. — В. К.) у границ, особенно близ Тулы, они доставляют много вреда, грабя и похищая людей. Правда, раньше царь Федор Иванович построил там в защиту от их нападений вал более чем на 100 миль, срубив леса и прокопав каналы; однако теперь мало

от этого пользы»¹⁰³. Каждый год на борьбу с татарской угрозой мобилизовывали дворянскую конницу, расписывая ее в полки «берегового» разряда: Большой полк стоял в Серпухове, а остальные — передовой, правой и левой руки и сторожевой — располагались в Калуге, Алексине, Кашире и Коломне. Строительство новых городов, выдвинутых к границам Дикого поля, позволило изменить расстановку полков русской армии и с 1582 года выставить полки дополнительно в Туле и Деделове, а остальные построить на линии Новосиль — Одоев — Крапивна. Таким образом и просуществовала до 1598 года двойная линия обороны, состоявшая из полков большого «берегового» разряда и малого «украинного» разряда. К ним примыкали полки, состоявшие из рязанских дворян, несколько раз в 1580-е годы выходившие на службу в Переславль-Рязанский. Под этим прикрытием были выстроены Ливны и Воронеж (1586), Курск (возобновлен в 1587), Елец (1592), Валуйки (1594), Кромы (1595), Белгород (1598), Оскол (1598). С 1599 года «береговой» разряд исчезает из разрядных книг и остается только Украинный, который иногда, по инерции, продолжали называть «береговым». В 1599—1605 годах Украинный разряд состоял из Большого полка в Мценске (в 1600 году в Туле), передового — в Новосили, сторожевого — в Орле. В Смутное время полковая организация русского войска на юго-восточной границе была разрушена, и ее восстановление началось только после воцарения Михаила Федоровича.

В 1613 году возобновились назначения в Украинный разряд: Большой полк — в Туле, передовой — в Мценске, сторожевой — в Новосили. С 1617 года в источниках упоминается Рязанский разряд: полки в Переславле-Рязанском, Михайлове и Пронске. В 1620-е годы, по словам А. А. Новосельского, «оборонительные меры» на юге были ограничены «самым необходимым», так как главной идеей внешней политики стал «реванш против Польши», а татарские набеги несколько поутихли¹⁰⁴. Лишь смоленский провал заставил правительство царя Михаила Федоровича пересмотреть прежнюю тактику «штопанья» отдельных прорех в засечной черте (выражение А. И. Яковлева)¹⁰⁵.

Засечная черта — это своего рода «Великая Китайская стена» на русский лад. Только сделана она была не на века из камня, а из ближайших подручных средств — леса и земли путем устройства завалов и засек, охраняемых специально назначаемыми засечными головами и сторожами, а также окрестным населением. Для усиления мощности засечной черты использовались особенности рельефа, устра-

ивались дополнительные сооружения: валы, рвы, частоколы, сторожевые крепости. Служба на охране засек напоминала пограничную, и ее целью также было не пропустить «безвестно» никакие вооруженные отряды, прежде всего татарской конницы. В XVI—XVII веках система засек, как писал их исследователь А. И. Яковлев, шла по «ломаной линии»: Шацк—Рязск—Рязань—Тула—Одоев—Белев—Козельск. Засеки существовали и на исторических границах с Казанским ханством на линии Арзамас—Темников—Алатырь, откуда также ожидали возможного прихода крымских людей. Вся засечная черта Московского государства растянулась более чем на тысячу верст, но ее одной оказалось недостаточно. «Черта» располагалась все-таки слишком близко к Москве, и многие украинные города оставались неприкрытыми со стороны степи. Поэтому в 1630-е годы, сразу после Смоленской войны, началось возведение новых городов, выдвинутых еще дальше на юг к рекам Северскому Донцу, Осколу и Дону, рядом с которыми шли известные пути татарских набегов на Московское государство — Ногайский, Калмиусский, Изюмский и Муравский шляхи.

Сложность задачи состояла в том, что кроме организации строительства нужно было еще населить служилыми людьми новые города, становившиеся форпостами вековой борьбы со степняками. Города возникали как раз там, где могли пройти крупные отряды крымцев и ногаев. Со стороны Ногайского шляха в 1636 году были возведены Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы. В следующих 1637—1638 годах новые города появились со стороны Калмиусского и Изюмского шляхов — Усерд, Яблонов, Короча и Ефремов. Самым дальним оказался построенный в 1639 году между Изюмским и Муравским шляхами город Чугуев. К этому перечню надо добавить превращение Чернавска из «стоялого» острожка в «жилой» город в 1635 году и возобновление Орла в те же годы. Как заметил А. А. Новосельский, «все строительство было оборонительным, а не наступательным»¹⁰⁶.

Означало ли строительство новых городов, что правительство царя Михаила Федоровича полностью переключалось на южное направление внешней политики или цели борьбы с Речью Посполитой по-прежнему оставались неизменными? Ответить на этот вопрос сложно, поскольку результатами оборонительной политики царя Михаила Федоровича воспользовались уже его потомки, которым можно было не опасаться одновременных войн на западе и на юге.

Строительство первых городов — Козлова и Тамбова — показало, что выбранный путь достаточно эффективно по-

могает «от татар войну отнять». Но до полного строительства второй оборонительной линии — Белгородской черты — еще было далеко, эта работа завершится в царствование Алексея Михайловича. Поэтому правительство царя Михаила Федоровича одновременно занялось досмотром и ремонтом существовавшей засечной черты. В 1635 году в «Дворцовых разрядах» появляется запись о посылке дворян «розных засек досматривать, и делать им же». Воеводы были направлены к Арзамасской, Темниковской и Алатырской засекам организовать там сторожевую службу «для приходу крымских людей»¹⁰⁷. Приказ Казанского дворца через казанского воеводу организовал службу на Тетюшской засеке, куда были мобилизованы служить даже монастырские крестьяне. Недавняя практика чрезвычайного военного времени грозила стать постоянной повинностью. По челобитной старцев Тетюшского Покровского монастыря, предлагавших переложить эту службу на ясачных чувашей, живущих «в избыли», в Приказе Казанского дворца был организован целый сыск. В этом территориальном приказе, вообще мало знакомом с деталями засечной службы, выяснилось, что в наказах засечным головам действительно была записана норма «стояти на засеках уездным людям з десяти дворов по человеку». Однако окончательное решение было возложено на воевод, которые должны были выяснить, служили или нет раньше на засеках уездные люди со служилыми людьми¹⁰⁸.

К чему могло привести промедление с устройством новых городов и капитальным ремонтом засечной черты, показал тяжелый по своим последствиям поход царевича Сафат-Гирея в 1637 году. Поэтому, когда весной 1638 года, в ожидании прихода войска во главе с самим крымским царем, была собрана целая русская армия, ее главному воеводе боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому и воеводам других полков поручили досмотреть и возобновить строительство засек. Текст наказа сохранился в разрядной книге, так называемом «подлиннике» 1637/38 года: «Боярину же и воеводе князю Ивану Борисовичю Черкасскому, бояром и воеводам, которым велено быть по местом, велети у засек, у которых пригоже, осмотрить с рускую сторону в которых местех им, боярам и воеводам, в приход крымского царя и царевичей, и больших воинских людей быть со всеми ратными людьми с конными и с пешими и с нарядом. А, осмотря, велети в тех местах бояром и воеводам устроить остроги, чтоб... ис тех острогов на засеках... государевым делом промышлять безстрашно и надежно». Все засечное дело царь Михаил Федорович «положил на нем, боярине и вое-

воде на князе Иване Борисовиче». С этой целью к боярину князю И. Б. Черкасскому были посланы «роспись засекам всем» и «чертеж подлинной»¹⁰⁹.

26 марта 1638 года воеводы и головы были посланы также «к тульским, х коширским, к резанским, к лихвинским, х козельским, к веневским засекам». Все засечное дело оставалось в руках боярина князя Ивана Борисовича Черкасского, который из Тулы, в соответствии с выданной ему росписью, командовал, из каких городов высылать на засеки «сошных людей» и кто из служилых людей должен был служить с воеводами и головами. Начальные люди у засек должны были, в свою очередь, извещать главного воеводу войска: «засеки у них по государеву указу совсем ли укреплены, и какие крепости учинены, и на кольких верстах и на саженьях». Если находились неукрепленные засеки, то требовалось «наспех» укреплять их, «чтоб засечными крепостями воинских людей не пропустить и у засек над воинскими людьми поиск учинить»¹¹⁰.

Отдельные наказания, выданные засечным воеводам и сторожам, требовали от них «на засеках досмотрить и описать подлинно, что которые засеки вдоль и поперег, и что на засеках всяких крепостей, и по всей ли засеке лес, и тем лесом мочно ли по всей засеке учинить лесной завал? И нет ли в которой засеке пропаши, и сенных покосов, и всяких полых мест? И что у которой засеки с обеих сторон рек, и колодезей, и озер, и болот, и ржавцов, и топких мест и всяких крепостей?». Объем работ, которые должны были выполнить воеводы на «засечном строенье», был велик. Так, например, один из воевод Тульской засеки Семен Васильевич Щепин-Волынский, посланный к «Заупской» части (за рекой Упой) «в Малиновые ворота», должен был «учинить... на всей засеке середи засечново лесу в черте вдоль на одиннадцати верстах, на семисот на трех саженьях завал лесной, а поперег по засеке на дватцати на пяти саженьях», то есть устроить непроходимое ограждение из поваленных деревьев длиной около 18 километров и шириной 50 метров. «А велеть в завале лес сечь с одного, и нижние колны (?) у лесу сеченые велеть оставливати на пнях, чтоб засечной завал был крепок и вперед прочен, и татарсково приходу через него не было». Засечному воеводе для этой работы разрешалось мобилизовать «сошных людей», то есть крестьян из ближайших к засеке поместий и вотчин, «не дожидаясь» сбора «даточных людей» на эту службу¹¹¹. Вообще, создается впечатление, что на «валовое дело» по строительству земляных укреплений и засек были мобилизованы все, кто мог. Так, например, сохранилось немало жалоб уезд-

ных дворян на то, что их назначают на всякие земляные работы на засеках или в новые города, что плохо сочеталось с дворянскими понятиями о «честности» службы.

Решение чисто военных задач, связанных со строительством оборонительной линии, действительно заставляло правительство царя Михаила Федоровича жертвовать многим во имя этого дела, в том числе социальным покоем. Основная сложность при строительстве новых городов состояла не в том, чтобы их построить, а в том, чтобы найти людей, которые бы стали жить в таких опасных местах и нести тяжелую сторожевую службу. Колонизация юга, как и прежде, шла двумя основными путями. Во-первых, была использована сила государственного принуждения и часть людей попросту «сводилась» из других городов, особенно это касалось служилых «по прибору». Во-вторых, обращались к «вольным и охочим людям», вместо которых нередко в новые города приходили беглые крестьяне и посадские люди. Ни для кого это не было секретом, но из высших соображений правительству приходилось закрывать глаза на такие необычные способы переселения.

НОВАЯ ГРАНИЦА

Поляновский мир с Речью Посполитой, заключенный в 1634 году, не принес особенной выгоды Московскому государству, за исключением того, что еще на 20 лет русские и поляки забыли о войне друг с другом. Начиная с этого времени, из Москвы в Варшаву и обратно, одно за другим, отправляются посольства с разными поручениями. Договаривались в основном по двум пунктам: о царском титуле и о границах. Но сначала надо было закрыть некоторые страницы Смуты, продолжавшие отрицательно сказываться на отношениях двух стран. В начале 1635 года в Речь Посполитую был отправлен великий посол князь Алексей Михайлович Львов-Ярославский для подтверждения мира, заключенного на реке Поляновке. Он должен был присутствовать на присяге короля Владислава IV, а также привезти в Москву подлинник договора о его избрании на русский престол в 1610 году, заключенный гетманом Станиславом Жолкевским. С договором вышел большой конфуз, поскольку королевские послы не смогли сдержать обещание о возвращении столь важного для московской дипломатии документа. Московским послам понадобилось обратиться к царю Михаилу Федоровичу, принявшему «соломоново» решение и уступив-

шего королю Владиславу IV с условием извещения окрестных государств о пропаже гетманского договора. 23 апреля 1635 года состоялась королевская присяга, подтвержденная письменно, по настоянию московских послов. Все это окончательно убедило подозрительную московскую сторону, что наступило время настоящего мира. Действительно, едва ли не впервые за все время царствования Михаила Федоровича король Владислав IV, передавая грамоту о присяге послу князю А. М. Львову, назвал русского царя своим «братом».

Впрочем, дипломатический язык, как известно, лукав. Московские послы, не знавшие латыни и потому не понимавшие смысл происходившего во время королевской присяги, вызывали снисходительную улыбку литовского канцлера Альбрехта-Станислава Радзивилла и польских сенаторов. Чтобы как-то образовать «москву», им показали театральные спектакль — «потеху» на библейскую тему о Юдифи и Олоферне. Но послы Московского государства не имели склонности к таким развлечениям, и представление им не понравилось.

Московским послам предстояло выполнить еще одно деликатное поручение, опять связанное со старыми обидами. В Речи Посполитой помнили свой триумф в годы Смуты, когда на сейме 1611 года гетман Станислав Жолкевский «продемонстрировал» сверженного с престола русского царя Василия Шуйского. Увезенный против своей воли в Речь Посполитую, царь Василий Шуйский умер там в 1612 году, и теперь у послов было тайное поручение возратить царские останки на родину, а вместе с ними тела брата князя Дмитрия Ивановича Шуйского и его жены¹¹². Для исполнения этого трудного дела послам были выделены значительные суммы денег, но им удалось ограничиться одними «поминками» польскому канцлеру Якубу Жадику и другим панам-рады. Как далеко прошли две страны к миру за короткое время, показывает участие в этом деле Александра Госевского, того самого начальника польского гарнизона в Москве в 1611—1612 годах. Сообщая послу князю А. М. Львову о королевском решении отдать тела бывшего русского царя и его брата, он не преминул вспомнить прошлое и заметил, что король Сигизмунд III ни за какие бы «палаты» золота не отдал бы москвичам «ни одной кости».

«10 июня с утра в Кремле московском загудел реут, и народ повалил к Дорогомилову навстречу телу царя Василия» — так со сдержанным драматизмом написал С. М. Соловьев об этом событии¹¹³. Царь Михаил Федорович, бывший стольник царя Василия Шуйского, встречал траурную процессию у Успенского собора в Кремле вместе с Боярской думой, все

члены которой были в подобающем случае «смирном платье», то есть в траурных одеждах. На следующий день, 11 июня 1635 года, тело царя Василия Шуйского с подобающими почестями погребли в царской усыпальнице в Архангельском соборе в Кремле. Старое поражение Смуты, прошедшее очищение трауром, стало победой новой династии.

Оставались еще рутинные, но неприятные проблемы пограничных «задоров». В отличие от царя Михаила Федоровича и короля Владислава IV, их подданным было не так легко «перестроиться» на мирный лад. Продолжались обидные «описки» в пограничных листах; то в царском титуле писали «державца», вместо «самодержца», то с явным умыслом ошибались в имени — «Михаил Филаретович», «Федор Михайлович». Все это сходило с рук, хотя русские власти справедливо обращали внимание на то, что они разослали всем своим воеводам пограничных городов образец написания титула короля Владислава IV. На этом недружественном фоне сложнее решались технические вопросы межевания земель, так как по-прежнему ни одна сторона ничего не готова была уступать другой и всеми средствами пыталась удержать то, что было захвачено в Смуту, или «приписать» новые земли к своей территории.

В польских архивах сохранилась межевальная запись, которую удалось составить межевым судьям стольнику и алатырскому наместнику Григорию Гавриловичу Пушкину, Григорию Андреевичу Алябьеву и дьяку Первому Неронову 10 октября (20-го — по новому стилю, принятому в Речи Посполитой) 1637 года¹¹⁴. В ней содержится упоминание о первом съезде о межевании в 1634 году дворянина и курмышского наместника князя Романа Петровича Пожарского с подстолием мстиславского воеводства Хриштофом Тихоновичем Тихоновецким. Согласно Поляновскому мирному договору, они должны были размежевать земли «меж царского величества города Брянского уезду» и «меж королевского величества города Рославля и иных городов». Однако тогда межевые судьи «за некоторыми мерами разъезжались, межевого дела не делав нисколько». Известно, что дальше последовала посылка в Речь Посполитую Юрия Телепнева с жалобой на межевых судей, не желавших очищать русские земли от поселившихся там людей. Кроме того, опять возникли обидные дела по поводу умалений царского титула, для чего в феврале 1637 года с дипломатической миссией в Речь Посполитую ездил князь Семен Иванович Шаховской¹¹⁵.

В 1636/37 году съезды межевых судей возобновились. Русскую сторону представляли Григорий Гаврилович Пуш-

кин и Григорий Андреевич Алябьев, а польскую комиссию возглавляли Хриштоф Тихоновецкий и Я. Каменский. Поначалу «для того, что застало зимнее время, межевать было не мочно». Поэтому межевые судьи договорились съехаться в более удобное время 20 июня 1637 года «меж царского величества города Брянского уезду Вороницкой волости села Кошкина и меж королевского величества города Рословского уезду слободы Горловы на речке на Воронице и меж тех городов земли размежевать на обе стороны вправду по сыску старожильцев». За несколько месяцев отношения между Московским государством и Речью Посполитой заметно потеплели, а в разгар межевых дел на границе, в июле 1637 года, в Москву приехали польские посланники с дружественным поручением известить царя Михаила Федоровича о намерении короля Владислава IV вступить в брак с Цецилией Регатою. В итоге к 10 октября (20-го — по новому стилю) 1637 года с помощью старожильцев граница была установлена между Брянском и Комарицкой волостью, с одной стороны, и Рославлем, Кричевом, Стародубом, Почепом и Трубчевском — с другой. «На обе стороны» были расписаны «земли и реки и озера и всякие угодыя». Межевание было подкреплено разметкой рубежа специальными межевыми гранями «на знатных деревьях», а также другими «признаками». Одним из способов обозначения границы стало закапывание разных предметов в определенных заметных местах. Например, где-то в верховьях малоприметной речки Лошенки, на границе Смоленской, Брянской и Рославской земель, до сих пор могут находиться курганы, внутри которых межевые судьи в 1637 году насыпали уголье и железную руду, а также положили большой камень и сковороду. После того как граница была установлена, местным жителям указывалось: «...через рубеж не осваивать и не вступатись», не допускать никаких насильств в отношении друг друга и следить за тем, чтобы никто не владел угодыями “через рубеж”».

Это была лишь одна из станций на трудной дороге к установлению границ, устраивавших Московское государство и Речь Посполитую. Продолжался спор о литовских городах, селах и слободах, поставленных в Путивльской земле. Никак не удавалось достичь окончательного согласия в употреблении титулов. Стали проявляться злоупотребления отдельными статьями Поляновского договора со стороны литовских купцов, приезжавших в Москву в свите гонцов Речи Посполитой для тайной торговли вином и табаком. У польского короля Владислава IV был свой счет к царю Михаилу Федоровичу, связанный с тем, что запорожские казаки, воевавшие с

королем, уходили и селились на Русской земле, где в украинских городах и на границе Дикого поля шло активное строительство оборонительной черты. В мирных условиях весь этот комплекс вопросов потребовал бы созыва земского собора, однако с осени 1637 года, после похода крымского царевича Сафат-Гирея, наступили чрезвычайные времена. Почти все главные члены Боярской думы были отправлены из Москвы на полковую службу. Поэтому царь Михаил Федорович поручил боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому прежде всего собрать письменные «мнения» бояр о всех проблемах русско-польских отношений, разослав им 16 июня 1638 года докладную выписку из статейного списка послов «в Литву» окольного Степана Матвеевича Проестева и дьяка Гаврилы Леонтьева и ответного письма панов-рады¹¹⁶. В ответ, как и на соборах, царь Михаил Федорович получил больше верноподданнических заверений, чем советов. Интересно, что бояре, не привыкшие к новому для них способу выражения своих мнений, почти все отговаривались, подобно Ивану Петровичу Шереметеву: «Как государю угодно, так и делает, теперь о таком великом государственном деле, не при государских очах будучи, и без своей братьи мыслить больше того не уметь, а за государскую честь должно нам всем умереть». Но некоторые бояре высказывали свои предложения, например известный своими заслугами князь Дмитрий Михайлович Пожарский, хотя и его смущала необходимость выступать от своего имени. «Мне, князь Иван Борисович, — обращался он к боярину князю И. Б. Черкасскому, — одному как свою мысль отписать? Прежде всего нужно оберегать государское именованье; о гонцах и купцах написано в утвержденных грамотах, а про межеванье и про писцов его государская воля, как ему, государю, годно и как вы, бояре, приговорите; а хорошо, если б межевое дело Бог привел к концу, чтоб ему государю было годно и бескручинно и всем бы православным христианам быть в покое и тишине»¹¹⁷.

После этих советов царь Михаил Федорович отправил в Речь Посполитую гонца с новым предложением о том, как решить пограничный спор. Речь шла о том, чтобы измерить и поделить пополам спорные земли. Однако польская сторона на это опять не согласилась. Простые решения только кажутся самыми очевидными, а на самом деле редко достигают своей цели. Прорыв произошел позднее, когда в Речь Посполитую приехали «великие послы» боярин и суздальский наместник князь Алексей Михайлович Львов-Ярославский, думный дворянин и алатырский наместник Григорий Гаврилович Пушкин и дьяк Михаил Волошенинов. 18 сен-

тября 1644 года им наконец-то удалось составить договорную запись (ее подлинник также сохранился в Польше), решавшую проблемы, остававшиеся камнем преткновения в отношениях двух государств даже десять лет спустя после заключения между ними мирного договора¹¹⁸.

Во-первых, московские послы договорились «о их обоих великих государей о чести и о титлах, как им обоим великим государем меж себя свои государские именованья и титлы с обе стороны описывати и всего Московского государства людем, так же и всей Речи Посполитой коруны полские и великого княжества литовского писати и держати во веки». Во-вторых, предметом договора было «размежеванье земель». Оба эти вопроса не решались один без другого. Польская сторона понимала, что таким образом она может добиться для себя хоть каких-то уступок.

Посольство князя Алексея Михайловича Львова дало согласие на то, чтобы писать в титуле короля Речи Посполитой «наияснейший», несмотря на то, что этой части королевского именованья не было в Поляновском мирном договоре и других документах. Обе стороны согласились на изменения в титулатуре и употребление краткого именованья титулов в порубежных отсылках без подробного перечисления подвластных земель и городов, «чтоб вперед меж обоими великими государями нашими братцкая дружба и любовь множилась, а меж бы их великих государств покой и тишина была». По второму пункту о межевании послы согласились отставить уже достигнутые договоренности и провести новую границу «меж царского величества Брянского уезда Комаритцкия волости и города Путивля, и меж королевского величества коруны полские городов Новагородка Северского, Чернигова и Черкас».

Согласно этому новому межеванию «в царского величества сторону» отходило село Лешковичи (Олешковичи) с деревнями Комарицкой волости. Еще одним важным приобретением царя Михаила Федоровича за согласие послов на титул «наияснейшего» для короля Речи Посполитой стало возвращение города Трубчевска «с нарядом, и с людми, и с волостми, и со крестьяны». Кроме того, послы договорились о том, чтобы в сторону Московского государства «отмежевать городища, а именно Недригайловское, Городетцкое, Каменное, Ахтырское, Ольшанское, на которых было полские и литовские люди вновь поселились, так же села и деревни за рекою Клевенью, которые к Путивлю отошли, уступили». После этого важно было не только организовать передел территории, но и расселить подданных. Поэтому

послы договорились, что в Московское государство с литовской территории возвратятся только «русские люди Московского народу», которые «там живут». Польских и литовских подданных следовало отпускать из переданных поселений «безо всякие хитрости и зацепки от царского величества людей». С другой стороны, и Речь Посполитая брала на себя обязательство, чтобы оставлять передаваемые «городища и деревни... не жгучи и не пустоша». Окончательно спорные вопросы должны были разрешить межевые судьи, съезд которых назначался на 14 июня 1645 года.

Территориальные потери на путивльском рубеже Речь Посполитая компенсировала на невелинской границе, о которой также договорился князь Алексей Михайлович Львов. Речь шла о разделе волостей между Великими Луками, Ржевой Пустой и Заволочьем со стороны Московского государства и Велижем, Усвятюм, Невелем со стороны Речи Посполитой. В обмен на Вязовский стан к Невелю были уступлены дополнительные земли «как те волости в землях и в угодьях изстари были».

Посольство князя Алексея Михайловича Львова, оформившее новую границу с Речью Посполитой, было признано в Москве крайне успешным. Главу посольства наградили самым щедрым образом, отдав ему 23 марта 1645 года сбор доходов с богатейших дворцовых и рыбных слобод Ярославля¹¹⁹. Григорий Гаврилович Пушкин стал окольным, а дьяк Михаил Волошенинов был пожалован в Думу. Дело, возможно, объяснялось тем, что посольство князя Алексея Михайловича Львова выполняло в Польше еще и другую, секретную миссию, добываясь выдачи в Москву Ивана Лубы (Ивана Фаустина Дмитровича), которого некоторые польские шляхтичи и вельможи пытались воспитать в убеждении, что этот сирота является московским царевичем. История с ложным сыном Марины Мнишек началась давно, под влиянием успешной истории самозваного царевича Дмитрия Ивановича, вступившего на русский трон в 1605 году. Не случайно говорят, что история повторяется в виде фарса. В новую эпоху отношений между царем Михаилом Федоровичем и королем Владиславом IV несчастный Иван Луба был мало кому интересен в Речи Посполитой и готовил себя к карьере ксендза. Однако в Московском государстве однажды усвоенные уроки Смуты забыть уже было невозможно, и князь Алексей Михайлович Львов с товарищами настаивал на выдаче Ивана Лубы в Москву, опасаясь, чтобы он не сговорился с запорожскими казаками, как когда-то Лжедмитрий I. В Речи Посполитой хорошо понимали,

что ждет этого несчастного обедневшего шляхтича в случае его выдачи, да и лишние причины для «рокоша» внутри страны тоже были ни к чему. Поэтому князю Львову было дано обещание привезти Ивана Лубу в составе следующего посольства Речи Посполитой в Москву, но с условием, что, рассмотрев его дело и увидев его безобидность, царь и бояре отпустят несчастного на родину. Чтобы понять, насколько серьезно в Московском государстве смотрели на всю эту историю, нужно сказать, что князь Алексей Михайлович Львов добился письменного подтверждения обещания, и от его выполнения стала зависеть судьба всех с таким трудом достигнутых договоренностей и о титуле, и о межевании.

В ноябре 1644 года в Москву для подтверждения достигнутых договоренностей приехало ответное великое посольство Речи Посполитой во главе с брацлавским каштеляном Гаврилой Стемпковским. Он выполнил обещание панов-рады об Иване Лубе. Но дальше начались мучительные препирательства и о Лубе (в итоге его вернут в Речь Посполитую, но под страхом смертной казни и под поручительство короля Владислава IV запретят называть московским царевичем), и о том, что не выполняется договор об отдаче Трубчевска. Все это совпало с начавшейся болезнью царя Михаила Федоровича.

ДЕЛО КОРОЛЕВИЧА ВАЛЬДЕМАРА

Судьбе Романовых и Годуновых суждено было еще раз переплестись самым причудливым образом. В 1637 году в Москву из Дании прибыло посольство с просьбой отпустить на родину «кости» королевича Иоганна, несчастного жениха Ксении Борисовны Годуновой, приехавшего в Москву в сентябре 1602 года и вскоре умершего в России. То ли эта старая история, поднятая датскими дипломатами, то ли какие-то другие соображения подтолкнули царя Михаила Федоровича к размышлениям о судьбе своей старшей дочери Ирины Михайловны. Как отец, он должен был сам «сговорить» жениха для своей дочери. Но, находясь на русском престоле, царь Михаил Федорович должен был просчитывать свои шаги в этом, казалось бы, частном деле и учитывать их возможное влияние на династическую ситуацию. В отличие от браков царей и царевичей, женившихся на подданных, свадьба царевны с боярским сыном воспринималась как мезальянс. Более того, она могла привести к лишним проблемам в будущем. Непонятно: как следовало поступать с возможным потомством царевен, как повели бы

себя выросшие дети царской крови, не возникло ли бы каких-нибудь ссор с царским наследником, царевичем Алексеем Михайловичем? Как повлияли бы такие браки на расстановку родов на местнической лестнице и в Боярской думе? Единственным примером в прошлом, на который мог опереться царь Михаил Федорович, всегда искавший в традиции предыдущих царствований ответ на сложные вопросы, был несостоявшийся брак Ксении Годуновой и датского королевича Иоганна.

К ситуации в датском королевском доме приглядывались много лет, привлекая к консультациям приказчика датского короля Петра Марселиса. Его спрашивали, сколько детей у короля Христиана IV, каков их матримониальный статус. Когда выяснили, что два сына от первой жены датского короля уже не могут рассматриваться в качестве женихов московской царевны, то обратили внимание на третьего — Вальдемара, родившегося от другой жены, графини Мунк, тоже венчанной, но считавшейся, по изумительному определению русских источников, «с левой руки». Что такое морганатический брак, в Московском государстве не понимали, поэтому приняли меры к тому, чтобы собрать дополнительные сведения о том, как король относится к королевичу Вальдемару и его матери, какие отношения у королевича с датскими вельможами. По возможности, озаботились тем, чтобы заказать изображение королевича.

Датский король, немного встревоженный активностью московских дипломатов вокруг своего, хотя и не прямого, но горячо любимого потомка, послал сказать им напрямую, что если они хотят пригласить королевича Вальдемара «для ратного дела», то король готов отпустить его. В 1641 году королевич Вальдемар, граф Шлезвиг-Голштинский, возглавил датское посольство в Московское государство. Но и тогда еще подлинные намерения царя Михаила Федоровича не были обнаружены. Хотя королевичу и была уготована пышная встреча, но по всем вопросам посольства он получил отказ. Самым чувствительным уколом самолюбию королевича, принятого как обычный посол, был отказ московских властей разрешить ему представляться царю со шпагой. То было дурное предзнаменование для его будущих отношений с русским царем. Между тем известие о приезде королевича Вальдемара во главе датского посольства было включено в продолжение «Нового летописца», где перечислены самые основные вехи последних лет царствования Михаила Федоровича. Летописец также подчеркнул, что «встреча» королевичу «была большая и отпущен был в Дацкое землю»¹²⁰.

В целом, видимо, королевич понравился русскому двору, и в апреле 1642 года уже московские послы окольниковый Степан Матвеевич Проестев и дьяк Иван Патрикеев отправились в Данию с наказом заключить докончание и брачный союз между королевичем Вальдемаром и царевной Ириной Михайловной. Но русские послы встретили очень прохладный прием, а изложенная ими идея заключения брака между отпрысками обоих царствующих домов уже тогда натолкнулась на неразрешимый вопрос о перемене веры. Поэтому снова обратились к посредничеству датского агента Петра Марселиса. Последний исполнил порученное ему дело много лучше московских послов и сумел обговорить все условия приезда королевича Вальдемара в Москву по отдельности как с королем Христианом IV, так и с самим будущим женихом.

21 января 1644 года королевич Вальдемар снова прибыл в Москву для заключения вечного «докончания» (договора) Датского королевства с Московским государством и вступления в брак с царевной Ириной Михайловной. На границу в Псков для его встречи были посланы с дарами боярин князь Юрий Андреевич Сицкий и 30 стольников. Но даже большая охрана не уберегла королевича от первого знакомства с распространенной, но не очень приятной чертой его предполагаемых соотечественников. Кто-то в Опочке срезал кусок бархата с дверцы королевичевой кареты, и надо думать, что мысли об ущербе своей чести, нанесенном этим откровенным воровством, снова должны были нахлынуть на королевича. Следующая торжественная встреча состоялась в Новгороде, и далее, на всем пути, следовали пышные церемонии, включая встречу «болшую» под Москвой «за городом». Необычная процессия, в которой посла сопровождали боярин и стольники, должна была также объяснить жителям Московского государства, что королевич прибыл с особой миссией. 28 января состоялся прием датского посольства в Грановитой палате в Кремле, где королевича, кроме царя Михаила Федоровича, тепло приветствовал царевич Алексей Михайлович. Королевичу отвели бывший двор Бориса Годунова в Кремле (еще одна печальная улыбка истории).

Дальше начались многочисленные встречи царя Михаила Федоровича с королевичем Вальдемаром, а также обмен письмами между ними. Обсуждение всех вопросов упиралось в нежелание королевича менять свою веру. Со стороны стало казаться, что причина кроется еще в чем-то, о чем не хотят говорить. Среди датчан поползли слухи, что бояре слишком усиленно нахваляются красотой царевны Ирины Михайловны,

ее ум и скромность и объясняют, что она никогда не напивается, подобно другим московским женщинам (!)¹²¹. Понятно, что такие суждения могли распускать только злые языки да завсегдатаи московских кабаков, где только и можно было встретить пьяных и гулящих девок. Любой боярин, уличенный в произнесении непригожих слов про царевну, был бы казнен за измену, но он даже помыслить не мог о чем-нибудь подобном. Русские тоже питались слухами, но более правдоподобными — о незаконном происхождении королевича Вальдемара. Слухи эти могли дойти и до царя Михаила Федоровича. В. Н. Татищев, первый историограф XVIII века, сообщал именно эту причину неудачи дела с женитьбой королевича Вальдемара: «Прибыл оной королевич в Москву и принят от государя с великою честью и любовью. За первым публичным столом обедал он с государем за одним столом, токмо с разных блюд, по древнему обычаю. И потом государь у него скрытно неоднова был, и никакова недовольства не было. Шведы ж, видя сие противно их пользы, стали о том стараться, како бы оное разорвать, представили, что он рожден от королевской наложницы, а не от прямаго супружества. Которое учинило в боярех великую противность, и стали государю за непристойное представлять. Государь же, видя сие сам за непристойное, но не хотя учиненных договоров явно нарушить и его обругать, зделали ему предложение от патриарха, чтоб он закон переменял, якобы без того супружеству быть неможно. Он же, уповая на договоры, весьма тому противился, в чем некоторые умышленно обнадеживая, укрепляли. И хотя его ответы патриарху с довольною учтивостию были, однако ж многие слова приняты за оскорбительные. Токмо сие чрез долгое время, даже до кончины царя Михаила Федоровича, ни в чем ином, как в прениях о вере происходило»¹²².

7 мая 1644 года королевич Вальдемар и вся посольская свита потребовали отпустить их домой. Однако им было отказано, причем даже выговорено за попытку давления на царя. Королевич повел себя с горячностью молодости. Он то стремился тайком убежать из Москвы и даже в стычке со стражей убил стрельца, то намекал на то, что готов наложить на себя руки, то сказывался тяжелобольным «сердечною болезнью», но уже на следующий день пировал допьяна и играл в цимбалы со своими дворянами. Все это страшно раздражало консервативных москвичей. Впоследствии безымянный автор «Повести о внезапной кончине государя Михаила Федоровича» с негодованием сообщал, что королевич вместе со своими людьми «повседневно бесновался по своему беззаконному обычаю и вере: в трубы, и органы, и

прочие различные писки не переставали играть на его дворе, а об ином срам и писать». Иноземцев он сравнивал с демонами: «хотя видом, обрядом и составом они люди, но одеянием и волос ращением они как бы демоны, все бесовское и еретическое содевают, во всем бесам угождают»¹²³.

Окончательно почувствовавший себя пленником в Москве, королевич ждал, когда царь Михаил Федорович вступит в переписку с его отцом королем Христианом IV. 29 ноября 1644 года датские послы передали царю Михаилу Федоровичу письмо короля, естественно поддержавшего сына в стремлении действовать по прежним договоренностям. Спустя месяц царь объявил королевичу, что брак не состоится без перекрещивания. В дело вступил прибывший в Москву польский посол Гаврила Стемпковский, брацлавский каштелян. Он должен был помочь королевичу и противодействовать шведским козням. Польскому послу королевич Вальдемар письменно ответил о своей готовности к некоторым компромиссам: он соглашался на крещение по греческому закону своих будущих детей, на соблюдение постов, если они не повредят его здоровью, и на ношение русского платья. Но в остальном королевич оставался непреклонен. Не помогли и организованные московскими богословами прения о вере¹²⁴. Завершилось это дело, много поспособствовавшее развитию тяжелой болезни царя Михаила Федоровича, уже после его смерти, когда ставший царем Алексей Михайлович отпустил с миром несостоявшегося удельного князя Вальдемара Христианусовича, которому так и не суждено было стать мужем его сестры и владельцем Суздаля и Ярославля, а возможно, еще и Новгорода и Пскова.

Уже после кончины царя Михаила Федоровича Алексею Михайловичу пришлось делать выводы из тех уроков, которые получил его отец, пытаясь укрепить Московское государство, стоявшее между Востоком и Западом. В царствование Алексея Михайловича строительство оборонительной черты и создание новых городов на юге и востоке государства продолжатся. Московское государство снова вступит в затяжные войны со Швецией и Польшей, но их результат уже не будет таким катастрофическим, как в Смутное время. Скорее, наоборот. Пройдет время, и уже в царствование Петра I династические браки русских царевен станут обычным делом. Основания же всей последующей политики России как на востоке, так и на западе были заложены в XVII веке царем Михаилом Федоровичем.

Глава пятнадцатая

«БЫТИ ЦАРСТВУ ЕГО ТИХУ...»

«Слово и дело». —
Новые люди. —
Образ власти

Царь Михаил Федорович умер на следующий день после того, как ему исполнилось 49 лет¹²⁵. По меркам семнадцатого столетия, возраст, конечно, почтенный, но не более того. Достаточно вспомнить, что царский отец патриарх Филарет Никитич в год своего 50-летия всего лишь находился во главе ростово-ярославской митрополии и даже не мог помыслить о своей будущей судьбе, об управлении Московским государством вместе с сыном. Следовательно, современники, не посвященные в тайну состояния царского здоровья, не могли быть подготовлены к смерти царя. Так оно и было. Автор «Пискаревского летописца» оставил известие о том, что «лета 7153-го году месяца июля в 12 день с субботы на неделю в 4-м часу ночи преставися государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси... И бысть во граде Москве плач великой и кричанье во всем народе от всяких чинов людей от 4-го часа ночи по 7-й час дни»¹²⁶. Другой московский книжник, автор продолжения «Нового летописца» писал: «В 153-м году июля против 8 числа в 3-м часу нощи внезапно Росискаго царствия великое светило угасе. Преставися государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси. А на царстве был 30 полтретья годы»*. Использованный летописцем образ погасшего «светила» подчеркивает неожиданность произошедшего. Имеется в записи и виршевая эпитафия царю Михаилу Федоровичу:

Имея нрав кроток и незлобив
Упражнялся всегда росправных дел царствия своего благих
И кротких по достоинству снабдевая
Злонравных страхом укротевая
А всем равнения даруя
И в сиклитцкой чин природных людей достойных
тому жалуя
А непородных людей и недостойных тому чину быти
во вся дни царствия своего не допусая
И чин царский уставлен прежними государи крепко сохраняя
И никогда во всем не пременяя.

* В источнике явная описка, объясняющаяся тем, что написание цифры «8» в виде буквы «И» под титлом похоже на написание цифры «13» — сочетания букв «П» под титлом. Счет лет царствования — тридцать два с половиной года (полтретья = 2,5), в целом, верен.

«Видев же преблагий Богъ во всем благие его пребывание повел быти царству ево тиху и безмятежну исполненну всех благих во вся дни царствия ево»¹²⁷.

Тот набор добродетелей, которые современники приписывали царю Михаилу Федоровичу, представлял собой идеал царской власти вообще. Можно заметить, что сложился он по контрасту с эпохой Ивана Грозного и Смутным временем. Первые черты царя Михаила Федоровича, о которых вспоминает современник после его смерти, — кротость и незлобивость, спокойное послушание своему царскому долгу. Царь видится тружеником, действовавшим в интересах достойных людей, но державших в страхе людей злых. Интересно сопоставить эти оценки с отзывом Адама Олеария, писавшего, что царь «был очень благочестив и богобоязнен; отцу своему он, в течение всей его жизни, оказывал великий почет и сыновнее послушание». Застав при вступлении на престол «в стране большие беспорядки», царь Михаил Федорович «постарался поскорее заключить мир с соседними государями, правил кротко и относился милостиво к иностранцам и туземцам; все говорили, что в стране в противность тому, к чему русские привыкли, за целые сто лет не было столь благочестивого государя»¹²⁸. На прижизненном портрете царя Михаила Федоровича, помещенном в книге Адама Олеария, содержится латинская надпись со словами: «В милости не превзойденный»¹²⁹.

Очень своеобразно понимание равенства у автора продолжения «Нового летописца». Оно не в расширении возможностей для представителей служилых, церковных и тяглых «чинов», а в следовании привычному порядку изменений внутри «чина». Нагляднее всего действие принципа равенства именно в таком понимании сказывалось в устройении «сиклитцкого» чина, то есть Боярской думы, состав которой был известен во всем государстве. Похвала летописца касается политики царя Михаила Федоровича, прекратившего практику возвышения неродословных людей. Но главное, что сумел сделать он в своей политике, — это возврат к устоявшимся ритуалам функционирования царской власти. Он соблюдал своеобразный консерватизм формы «царского чина», восходящего к царствованиям Ивана Грозного, Федора Ивановича и даже Бориса Годунова.

Ему ничего не приходилось придумывать. Еще в преамбуле «Утвержденной грамоты» в характеристике прежних правителей наиболее часто встречается мотив сохранения государства «в тишине и покое». Князь Юрий Долгорукий «благочестием просия, и все хрестьянство в покое и в тишине соблюде», великий князь московский Иван Иванович «все

православие в покое и в тишине устрои», князь великий Василий Иванович «всю Рускую землю в покое и в тишине ото иноверных содержаше». И, наконец, особенно важно, что те же самые слова использованы для характеристики царя Федора Ивановича, который «во всем своем великом Росийском царстве благочестие крепче соблюдаше и все православное хрестьянство в покое, и в тишине и во благоденственном житие тихо и немятежно устрои»¹³⁰.

Следовательно, царь Михаил Федорович в восприятии современников продолжил ряд этих правителей. Конечно, нужно учесть, что известие летописи представляет собой панегирик усопшему царю со всеми особенностями этого жанра, и потому его не следует понимать буквально. Достаточно обратиться к современным документам, чтобы увидеть, что в действительности «тишина» и «покой» в царствование Михаила Федоровича оставались только идеалом, о котором мечтали люди Московского государства.

«СЛОВО И ДЕЛО»

Исследователь политической мысли в России XVII века находится в незавидном положении. Ему досталось разбирать не блистающие красотой стилия трактаты, а, по большей части, доносы в «непригожих словах» про царя и бояр. Такие судные дела, называвшиеся о «слове и деле государевом», сохранились в фондах Разрядного приказа и составили целый том документов в публикации Н. Я. Новомбергского¹³¹. Люди всегда судачили о власти, когда остроумно, а когда и не очень. Не будем повторять ошибок советской историографии, которая в любой пьяной ругани в адрес царя готова была увидеть признаки классовой борьбы. Даже если, скажем, переславль-залесский казак Ивашка Панов кричал: «Я царю горло перережу!» Или брянский сын боярский Нехороший Семичев выражал свое недовольство патриархом Филаретом: «Яз на патриарха плюю». В Можайске какие-то люди посмели высказаться следующим образом: «Не умеет государь матушку свою за смутню, в медведную ошив, собаками травить»¹³². Следует ли принимать несдержанность разгулявшихся холопов за что-то серьезное? Конечно же прав С. В. Бахрушин, писавший об этих делах о «слове и деле государеве»: «Главную массу составляют случаи бессмысленной пьяной ругани по адресу высочайших особ, в которых за пьяной выходкой невозможно уловить ни малейшего намека на какую-нибудь политическую мысль»¹³³.

Иногда, правда, доносчикам удавалось подслушать такие «речи», за которыми действительно стояла определенная позиция. Арзамасец Иван Чуфаров слишком надеялся на свою власть над мужиками в разговорах с ними. Так он доходчиво и образно объяснил им неосновательность надежд на возобновление крестьянского выхода в связи с рождением царевича Алексея Михайловича в 1629 году: «Вырежу вам язык, а только де ныне давать выход, и в том государева воля: царь Борис и мудренее был, и того скоро не стало». В последнем выражении и заключалась крамольная угроза в адрес царя Михаила Федоровича. Еще раз и более определенно высказался Иван Чуфаров в 1633 году: «Нынешнего государя и не слышать! Сидел царь Борис и нас не жаловал, ино и того не стало, а был мудр»¹³⁴.

Постоянное сравнение со временами Смуты не случайно. Чем больше длилось царствование Михаила Федоровича, тем быстрее создавался миф о Смутном времени, когда каждый мог действовать как хотел. В 1625 году в ряжском кабаке вспоминали прежние времена: «Как де междуусобная брань, был в Калуге вор... и собрався де Шацкаго уезду мужики коверинцы, колтыринцы и конобеевцы, и говорили де меж себя так: “сойдемся де вместе и выберем себе царя”». При этом все понимали, что «от тех де было царей... которых выбирали в междуусобную брань меж себя, наша братья, мужики, земля пуста стала»¹³⁵.

Постепенно уже обстоятельства правления Михаила Федоровича становились любимой темой для пересудов. В делах о «слове и деле государевом» царь чаще всего характеризуется как человек излишне смирный, находящийся в зависимости сначала от своей матери, а потом от отца. «Дал де Бог смирна, нынешняго государя и не слышит»¹³⁶. Мать царя, великая старица инокиня Марфа Ивановна, была нелюбима из-за действий ее «племянников» Салтыковых — временщиков первых лет царствования Михаила Федоровича. Не стало тайной и ее вмешательство в дело женитьбы царя на Марье Хлоповой, и опять симпатии людей были не на стороне матери царя. Именно в связи с несостоявшейся свадьбой царя, можайский тюремный сторож «советовал» государю поступить с Марфой Ивановной так, как Иван Грозный, травивший собаками несчастных, зашитых в медвежьей шкуры: «Одна де тамо мутит государева матушка...» При этом недовольство это проникало во все сферы общества, пронизывая его снизу доверху. Тобольский воевода князь Федор Андреевич Телятевский, если верить доносу на него, говорил, узнав о смерти Марфы Ивановны: «Ту де мы первую лихую

беду избыли, а надо бы де нам избыть патриарха»¹³⁷. Патриарха Филарета не любили за то же, за что и мать царя — за слишком большое влияние на дела в государстве. По словам михайловского пушкаря Семена Потапова, «патриарх сам ворует и вором спускает»¹³⁸. Не могли простить патриарху и неудачную Смоленскую войну. По словам ссыльного черного попа Галактиона, произнесенным в 1637 году в Тобольске, «послал де ратных людей под Смоленск патриарх да старцев сын». Люди церкви вообще даже более пристрастно относились к патриарху Филарету, не забывая про невольный постриг боярина Федора Никитича Романова. Даже знаменитый новгородский митрополит Киприан публично «прохаживался» по церковным познаниям «святейшего патриарха»: «Прислана де ко мне от патриарха грамота, велено поститься неделю, и в той де грамоте наврано ко мне просто, что к которому игумену можно было написать; ко мне не так, складнее того; яз де сам соборный и келейный чин знаю, старее всех, как поститься». Не случайно подверглся сомнению даже титул патриарха: «Какой де свят, коли де свят будет»¹³⁹.

Семью царя Михаила Федоровича вообще не оставляли в покое. Сначала долго осуждали царя за то, как он поступил с Марьей Хлоповой («обругал и сослал», по словам некоей Прасковьи Лихаревой). Неудача с первой женитьбой царя на Марье Долгорукой лишь подтверждала мнение тех, кто считал, что царю нельзя было жениться ни на ком «мимо Хлоповой». Естественно, что этот сюжет особенно занимал женскую половину дворца. Именно оттуда идет отзыв о царице Евдокии Лукьяновне Стрешневой: «Не дорога она, государыня; знали оне ее, коли хаживала в жолтиках (простой обуви. — В. К.), ныне де ее, государыню, Бог возвеличил»¹⁴⁰.

Рождение первыми царевен, вместо ожидавшегося царевича, — тоже повод для разговоров, и опять бабьих. На Масленице в Курске в 1633 году черная старица Марфа Жилина пошутила на торгу совсем неподобающим для ее чина образом: «Глупые де мужики, которые быков припускают коровам об молоду и те де коровы рожают быки; а как бы де припускали об исходе, ино б рожали все телицы. Государь де царь женился об исходе, и государыня де царица рождает царевны; а как де бы государь царь женился об молоду, и государыня де бы царица рожала все царевичи. И государь де царь хотел царицу постричь в черницы». Прошлась острая на язык старица и по поводу наследника: «А что де государь Алексей Михайлович, и тот де царевич подменный». Так, после Смуты, могли думать многие, да не все высказывались вслух, при чужих «ушах». Разве что в пьяном беспамятстве,

как архимандрит новгородского Хутынского монастыря Федорит, сказавший в 1633 году: «Бог де то ведает, что прямой ли царевич, на удачу де не подметный ли?»¹⁴¹

Какие-то из этих речей в делах о «слове и деле государевом» доходили до царя и, конечно, должны были сильно расстраивать, «кручинить» его. Наказание, и иногда суровое, за неосторожно сказанные слова следовало незамедлительно, но надо обратить внимание и на то, что до смертных казней дело доходило редко.

В архивных документах сохранились рутинные описания техники вынесения и исполнения смертных приговоров. Так, 25 февраля 1614 года, расспросив «черкас, присланных к Москве в языцех», Боярская дума приговорила «вершители» их «втайне в ночи». «Память» о смертном приговоре была послана в Земский приказ, управлявший Москвой, которому предлагалось исполнить решение Думы и казнить семь человек (двое из этого списка были вычеркнуты). Может быть, в том, что с пленными не церемонились, сказывались последствия чрезвычайных времен. К добровольным русским и литовским «выходцам» из «королевичевых полков» относились иначе, хотя тоже сурово, ссылая их по боярскому приговору «в Сибирь и в Понизовые города, для того, что от них чаять лазучества».

Царь Михаил Федорович иногда отменял смертные приговоры, вынесенные Боярской думой. Так, около 1619/20 года четыре князя Шаховских затеяли на пиру опасную игру в «выборы царя» («князя Матвея называли царем», а он, в свою очередь, называл окружающих своими «боярами»). Об этом стало известно, и донос на князей Шаховских едва не стоил им жизни. «И по боярскому приговору, за то воровство велено было вас казнити смертью», — вспоминали в 1634 году, когда князья Шаховские смогли вернуться из ссылки. Лишь заступничество патриарха Филарета Никитича перед царем Михаилом Федоровичем спасло их от гибели.

Нельзя сказать, что Михаил Федорович не принимал смертной казни вообще, но источники со всей определенностью свидетельствуют о том, что он всегда стремился смягчить тяжесть наказания. В законодательстве времен царя Михаила Федоровича смертная казнь применялась только к самым отъявленным разбойникам, торговцам табаком и фальшивомонетчикам. В 1637 году, например, царь помиловал «денежных воров». В грамоте об этом говорилось: «и ныне мы, великий государь, по своему милосердому обычею (выделено мной. — В. К.), тем воров, которые переиманы до сее нашия грамоты, смертную казнь отдали». Вместо вливания в горло раскаленного железа, их клеймили словом «вор» на

щеках. Тогда же были сделаны послабления приговоренным к казни беременным женщинам, которым разрешалось родить и быть с ребенком первые шесть недель его жизни — «для того: то роженное от нее не виновато»¹⁴².

Все это поддерживало в народе доброе отношение к царю, но оно, увы, проявилось только после его смерти. Именно тогда возникает легенда о том, что причиной смерти царя Михаила Федоровича стали происки ближних «сильных людей». В мае 1649 года посадский человек города Галича Зиновий Чекенев говорил: «Как де был на Москве князь Семен Сотыев-Урусов в комнатных, и он де... великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в естве окормил»¹⁴³.

Слухи и пересуды подданных — неизбежная плата за высшую власть. Царь Михаил Федорович не стал здесь исключением.

НОВЫЕ ЛЮДИ

Среди современников царя было немало замечательных людей, представлявших собой совершенно новый тип, появившийся в России в начале XVII века. В первую очередь можно вспомнить авторов публицистических работ о Смутном времени, написавших свои произведения уже в царствование Михаила Федоровича. В этом ряду стоят имена келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, автора «Сказания»; князя Ивана Андреевича Хворостинина, создателя исторического труда «Словеса дней и царей и святителей московских»; дьяка Ивана Тимофеева, составителя «Временника»; князя Семена Ивановича Шаховского, чьему авторству принадлежит целый ряд литературных произведений¹⁴⁴.

Появление таких людей — еще одно последствие Смуты. Пройдя через многие соблазны и искушения, познав себя если не с другими странами, то с представителями других культур и вероисповеданий, жители Московского государства, по крайней мере, задумались. У них появилась точка отсчета, они смогли взглянуть на себя со стороны. Самые умные поняли, что сравнение «не в нашу пользу». Открытие сколь горькое, столь необходимое. Только выводы из этих открытий иногда ломали человеческие судьбы.

Очень характерна судьба князя Ивана Андреевича Хворостинина, бывшего еще в молодые годы «в приближении» у Лжедмитрия I. Этого ему не могли простить, и в царствование Василия Шуйского он попал в опалу, обвиненный в «ереси».

Причины расправы с политическими противниками впоследствии мало кого интересуют, кроме историков. В деле князя Ивана Хворостинина со временем действительно подтвердились мотивы вольнодумства, которые не мог простить ему даже царь Михаил Федорович, а точнее, оба великих государя. Именно «тяжелая рука» патриарха Филарета Никитича видится в тексте указа, объявленного князю Ивану Хворостинину, в котором князь был обвинен в том, что «опять начал приставать к польским и литовским попам и полякам, и в вере с ними соединился, книги и образа их письма у них принимал и держал у себя в чести». Конечно, как это обычно бывало, князь Иван Хворостинин больше всего пострадал от наушников и доносчиков, от которых не укрылись необычные для члена Государева двора поведение и речи. Причем вел себя князь Иван Андреевич самым вызывающим образом. «Ты людям своим не велел ходить в церковь, — обвиняли князя Ивана, — а которые пойдут, тех бил и мучил, говорил, что молиться не для чего и воскресение мертвых не будет». Князь пытался воздействовать на своих людей и «личным примером». В самый строгий пост на Страстной неделе в 1622 году «пил без просыпу, накануне Светлого воскресенья был пьян и до света за два часа ел мясное кушанье и пил вино прежде Пасхи, к государю на праздник Светлого воскресенья не поехал, к заутрене и к обедне не пошел». От этого, по московским понятиям того времени, был один шаг до измены. Князя Ивана Хворостинина стали подозревать в намерении отъехать в Литву, тем более что он сам дал повод к этому в своих разговорах — «на Москве людей нет, все люд глупый, жить не с кем» — и особенно в «писаниях», найденных у него при обыске. Именно в них отыскалась его знаменитая фраза: «Московские же люди сеют землю рожью, а живут все ложью». Особенно опасным казалось властям написание не по чину царского «именованья»: «Да в твоём же письме написано государское именованье не по достоинству: государь назван деспотом русским, но деспота слывет греческою речью — владыка или владетель, а не царь и самодержец, а ты, князь Иван, не иноземец, московский природный человек, и тебе так про государское именованье писать было непристойно»¹⁴⁵.

И все же движение в сторону Запада уже началось, и этому способствовал сам царь Михаил Федорович. Следующие его слова вполне можно было бы вложить в уста Петра Великого, принимавшего на службу очередного иноземца: «Ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен и навычен в астрологии, и географус, и небесного бегу, и землемерию и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам,

великому государю, таков мастер годен». Но это приглашение взято из «опасной грамоты» для ученого путешественника из Голштинии Адама Олеария 1639 года¹⁴⁶.

Запад плохо понимал Московское государство. Но и москвичи плохо понимали иноземцев, превосходство над которыми всегда подчеркивали истинностью своей православной веры. Конечно, в элитарной среде московских богословов и писателей, кружки которых понемногу стали создаваться в 1630—1640-е годы, искали выход из положения. Верх почему-то всегда брала охранительная позиция. Показательна судьба князя Семена Шаховского, с горячей симпатией отнесшегося к идее женитьбы датского королевича Вальдемара на царевне Ирине Михайловне. Князь Семен Шаховской в разговорах с благовещенским протопопом Никитой намекал, что готов помочь разрубить «узел» сложных богословских споров, завязавшихся вокруг нежелания королевича менять веру. Его «письмо», написанное «собою», было затребовано во дворец. Однако вместо помощи делу, о чем думал князь Семен Шаховской, его инициатива стала причиной опалы. Князь пострадал за то, что он «того искал, чтоб королевичу быть в Московском государстве некрещену»¹⁴⁷.

Вектор движения Московского государства в сторону более благоприятного отношения к иностранцам на русской службе и контактам с невраждебными западными странами ощущали лишь немногие лица, посвященные в особенности внешней политики. Для большинства современников царя Михаила Федоровича русский самодержец оставался «незыблемым столпом православия», крепко охранявшим заветы московской старины. В изданной в 1630 году «Триоди цветной», содержавшей пасхальные чтения, о царе Михаиле Федоровиче говорилось как об «изрядном хранителе и крепком поборнике святых православных и правоверных христианских веры, благородном и христолюбивом, Богом венчанном и Богом почтенным, и Богом превознесенном, и благочестием вся вселенная в концех просиявшему». И, несомненно, именно так ощущал себя и сам царь Михаил Федорович.

В его царствование была возобновлена традиция книгопечатания, разрушенная Смутой, издано более ста богослужебных книг. Одним из первых изданий, вышедших на Московском печатном дворе в 1615 году, стала «Псалтырь». Понятно, почему в условиях тогдашней разрухи начали с издания именно этой книги. Дело было не только в том, что по Псалтыри учили детей грамоте. Как сообщалось в предисловии к книге, Псалтырь «больше и выше есть всех книг... и от Псалтыри не оскудевает пение никогда же».

Идея ее напечатания принадлежала лично царю Михаилу Федоровичу. «И таковое сокровище, — говорилось в послесловии, — он, государь, благочестивый царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Росии самодержец, паче тысяч всяческих сокровищ мира сего... подщася предложить и... печатным тиснением предати».

Это не единственная книга, в которой упоминается о прямом поручении царя типографам. Например, в послесловии к «Кирилловой книге», изданной уже в конце царствования Михаила Федоровича в 1644 году, говорилось: «Государьским повелением сия предобрая книга... учинена... Светлым богодухновенным писанием утверждена, по царьскому же паки рачению печатным сим писанием воображена»¹⁴⁸.

В царствование Михаила Федоровича только началась постановка новых культурных вех. Однако они глубоко укоренились в жизни Московского государства. Таким зримым выражением изменения подходов к печатному делу стало появление «Букваря языка славенска, сиречь начало учения детем, хотящим учиться чтению божественных писаний с молитвами и со изложением кратких вопросов о вере» типографа Василия Бурцева. Первые его издания были осуществлены в 1634 и 1637 годах. Некоторые исследователи связывают появление «Букваря», заложившего традицию издания учебных книг, с необходимостью обучения грамоте царевича Алексея Михайловича. В «Предисловии вкратце первоучебней сей малей книжице азбуце» В. Бурцев писал о «словенском» («русском») языке, равном с древнейшими «священными» языками — еврейским, греческим и латинским. В послесловии же он назвал главной целью своей книги ее напечатание «малым детем в научение и познание божественнаго писания, и по всей бы своей велицей Руси разсеяти, аки благое семя в доброплодная земли, яко да множится и растет благочестие во всей его Русской земли». Помимо всего прочего, в бурцевском «Букваре» впервые были напечатаны вирши, содержавшие стихотворное послание от издателя к ученикам, надо думать, с тех пор смутившее немало отроческих душ и подвигнувшее их на писание чего-то подобного:

Ты же, благоразумное отроча, сему внимай,
И от нижня ступени на высшую ступай,
И неленостне и ненерадиве всегда учися
И дидаскала своего во всем наказании блюдися¹⁴⁹.

Для наглядности в издании «Букваря» была помещена известная гравюра с надписью «Училище», на которой изображена сцена наказания розгами учителем («дидаскалом»)

нерадивого ученика. Так ростки новой, светской церковной книжной культуры начали прорасти на русской почве.

Еще раз вспомним, что при царе Михаиле Федоровиче выросли зримые символы династии Романовых, связанные с иконой Казанской Божией Матери (22 октября) и прославлением Покрова Богородицы (1 октября)¹⁵⁰ в воспоминание избавления Москвы в 1612 и 1618 году. В 1619—1626 годах была выстроена церковь Покрова в дворцовом селе Рубцове, тогда же, в 1620-х годах, князь Дмитрий Михайлович Пожарский выстроил Покровскую церковь в своей подмосковной вотчине селе Челобитьеве. В 1636—1637 годах, также «по обещанию» князя Дмитрия Михайловича, на Красной площади появилась Казанская церковь, куда была перенесена икона Казанской Божией Матери. Можно напомнить, что даже в прямом смысле дом московских государей — Большой Теремной дворец в Кремле — был построен при царе Михаиле Федоровиче в 1635—1637 годах. В 1641—1644 годах в Москве «у Спаса на Новом», где находилась усыпальница романовского рода, делали «каменный город»¹⁵¹. Новую ограду в это время получил и Ипатьевский монастырь в Костроме. 10 ноября 1642 года был издан царский указ об обновлении стенового письма Успенского собора Московского кремля¹⁵². В 1643 году царь приказал изготовить серебряную раку для мощей преподобного Александра Свирского, освидетельствование которых также было проведено по его указу. Последними в его царствование были освидетельствованы мощи великого князя Владимирского Георгия Всеволодовича, жившего в XIII веке и принявшего мученическую кончину в битве с татарами на реке Сити. Патриарх Иосиф, по примеру царя, также устроил серебряную раку, положенную во владимирском Успенском соборе. Так царь Михаил Федорович непосредственно влиял на отношение к отеческой старине как у своих современников, так и у потомков.

В то же время все самые актуальные духовные вопросы разрешались в рамках традиционного церковного богословия. Не забудем, что время царя Михаила Федоровича совпало с молодостью тех лиц, кто уже многое успел продумать в спорах, в московских кружках «ревнителей благочестия». Будущий патриарх Никон и протопоп Аввакум, определившие лицо XVII века в России, уже начали свой духовный путь... На них самым непосредственным образом повлияло отношение царя Михаила Федоровича к вопросам веры, связанное с его известной благотворительностью и щедрыми вкладами в монастыри и церкви, с возобновившимся прославлением новых святых, таких, например, как Мака-

рий Унженский, с созданием житийной литературы. Совсем немного царь Михаил Федорович не дожил до выхода в свет первой печатной книги Жития особо почитавшегося им преподобного Сергия, игумена Радонежского, составленного келарем Троице-Сергиева монастыря Симоном Азарьиным в первой половине 1640-х годов.

ОБРАЗ ВЛАСТИ

Отношение к царю Михаилу Федоровичу со стороны его подданных определялось общими представлениями, утвердившимися в России еще в XVI веке, когда был принят царский титул. В «Домострое», представлявшем не только домашний комплекс правил, но и своеобразный «моральный кодекс» современников Ивана Грозного, содержалась статья «Како царя или князя чтити». В ней говорилось: «Царя бойся и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли, и ложно отнюдь не глаголи пред ним; но с покорением, истинну отвещай ему яко самому Богу, и во все повинуйся ему». Всем, кто «тщился» служить царю «лжею и клеветою и лукавством», грозила кара: «Погубит Господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники от народа прокляти суть»¹⁵³.

В царствование Михаила Федоровича приходилось восстанавливать этикет отношения к царю как к власти, освященной Божественным промыслом¹⁵⁴. «Утвержденная грамота» 1613 года прямо называет Михаила Федоровича: «Богом избранный царь». В тексте этого документа содержится присяга всех участников земского собора, подтвержденная их подписями (рукоприкладствами): «Богом избранному и Богом возлюбленному царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии самодержцу, его благоверной царице, и их царским детем, которых им, государем, вперед Бог даст, служити верою и правдою, а зла некоторыми делы на них, государей наших, не думати и не мыслити, и не изменити им, государем, ни в чем»¹⁵⁵. Собственно, эти представления о службе царю «верою и правдою» и превратились в политическую формулу русской монархии.

Со временем забылись сложные исторические обстоятельства избрания на царство Михаила Федоровича, агитация в его пользу вольных казаков, которых с трудом можно было назвать «государственниками». Зато сложилась стройная концепция освященной Божественным промыслом передачи власти по наследству от Рюриковичей к царю Михаилу Романову. Лучшее всего она выражена в «Пискаревском летописце»,

использовавшим известную поговорку: «Глас убо Божий, глас народа!» Автор летописи писал о том, что «во всем народе Руския земля глас глаголющ» об избрании на царство Михаила Федоровича Романова, задолго до того, как свершилось само событие. Как современник, он помнил о роли казачества, но добавлял, что вслед за ними «весь народ на едину мысль уклонися, что быти Михаилу». «Ох, кто разумеет ум Господень, или кто советник ему. Еще нас, христиан, не одоле всяко беззаконие, что нам Бог дал такова благочестива царя»¹⁵⁶.

До сих пор почти ничего не говорилось о вопросе, вызвавшем в свое время огромную научную литературу — об ограничительной записи царя Михаила Федоровича¹⁵⁷. Ряд исследователей, в том числе даже В. О. Ключевский, склонны были принять на веру известие беглого подьячего в Швецию Григория Карповича Котошихина: «Как прежние цари после Ивана Васильевича обираны на царство: и на них были иманы писма, что им быть не жестоким и непалчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всяких делах з бояры и з думными людьми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати». Такую же запись должен был дать царь Михаил Федорович, «хотя “самодержцем” писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»¹⁵⁸. Григорий Котошихин, писавший во времена следующего царя, Алексея Михайловича, вспомнил об этой якобы существовавшей традиции ограничения власти в связи со слухами в придворной среде о возможной записи, которую должен был выдать в 1645 году новый царь, потому что «разумели его гораздо тихим» (по примеру отца). В пользу этого известия свидетельствует также упоминание псковского летописца о «роте» (присяге), которую бояре «лестью» заставили принять царя Михаила Федоровича, посадив его на царство. Но в сказании «О бедах и скорбях и напастях», вошедшем в Псковские летописи, если обратить внимание на контекст, говорится о другом — захвате власти «сильными людьми» в первые годы новой власти: «Но и сему благочестивому и праведному царю, смирения его ради, не без мятежа сотвори ему державу враг диавол древний, возвыся паки владуших на мздоимания, наипаче же насиловаху православным, емлюще в работу силно себе... понеже страх Божий преобидеша и забыша свое прежнее безвремение и наказание, что над ними Господь за их насильство сотвори, от своих раб разорени быша; и паки на то же подвигошася, а царя ни во что же вмениша и не боящися его, понеже детеск сый». Другое вторичное и позднее иностранное свидетельство Ф. И. Страленберга, а также известие В. Н. Татищева — со-

временника несостоявшегося принятия «кондиций» Анной Иоанновной в 1730 году, — вряд ли могут быть приняты к рассмотрению. Молчание же других источников красноречиво. Особенно «Утвержденной грамоты» 1613 года. Понятно, что в условиях существования монархической формы правления в России этот вопрос приобретал дополнительное звучание как мощный раздражитель в спорах консерваторов и либералов. Таков был последний по времени научный спор С. Ф. Платонова и А. А. Кизеветтера в 1913 году. Но похоже, что вопрос об ограничительной записи царя Михаила Федоровича относится к числу тех исторических вопросов, окончательное разрешение которых может быть достигнуто только с находкой самого документа присяги¹⁵⁹.

Между тем крестоцеловальные записи — не такой уж и редкий источник. Только в них говорится о присяге подданных царю Михаилу Федоровичу, а не наоборот. Текст такой «записи целовальной, приводят к государеву крестному целованью бояр, и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и всяких чинов людей нынешняго 135 (1627) года» был опубликован в «Актах Московского государства» еще в XIX веке¹⁶⁰. Генетически текст присяги восходит в своих формулах к тексту «Утвержденной грамоты» 1613 года: «Яз, имярек, целую крест Господен государю своему, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси и его царице и великой княгине Евдокии Лукьяновне и их царским детем, которых им, государем, впредь Бог даст, на том: служити ему, государю своему, и прямити и добра хотети во всем вправду, безо всякия хитрости, и его государева здоровья мне во всем оберегати и никакого лиха ему, государю, не мыслити». После Смуты власть требовала от присягавших царю Михаилу Федоровичу «не хотети» никого другого на русском престоле «опричь государя своего». Присягавший должен был активно противодействовать «подыскиванию» царства другими лицами, сражаться с теми, кто будет вовлечен в «скоп и заговор» или другой «злой умысел». Своей присягой любой человек обязывался быть на службе там, куда его назначат: «А где велит государь быти на своей государеве службе, и мне, будучи на его государеве службе, ему, государю, служити». Крестоцеловальная запись прямо называет государевых «недругов», с которыми следовало сражаться: крымские, ногайские, литовские и немецкие люди — и запрещает отъезд «в Крым, и в Литву, и в Немцы, и в ыныя ни в которыя государства».

К каждой такой общей присяге следовала еще дополнительная «припись», в зависимости от чина присягавшего, указывавшая на необходимость соблюдения государственной

тайны и ответственность за порученные дела. Например, члены Боярской думы должны были дополнительно произнести, что они обязываются «его царския думы и боярскаго приговору никому не пронести, и его государския и земския всякия дела делати... вправду, безо всякие хитрости, и самовольством мне без государева ведома никаких дел не делати». Казначей, постельничие, стольники, стряпчие, шатерничие клялись (видимо, не без влияния знаменитого романовского дела при Борисе Годунове) «зелья и коренья лихаго в платье и в иных ни в каких государевых чинех не положить». Кроме того, постельничий, подобно боярам, налагал на себя клятву «думы его государския не пронести никому». Имея доступ в царскую опочивальню, он обязывался «в их государском платье, и в постелях, и в изголовьях, и в подушках, и в одеялах и в иных во всяких государевых чинех никакого дурна не учинити». На думных дьяков, посвященных во все тонкости управления, налагались еще более серьезные обязательства, чем на бояр и окольных. Особенно следили за их контактами с иностранцами: «...с иноземцы про государство Московское и про все великия государства царства российскаго ни на какое лихо не ссылатись и не думати». От думных дьяков требовалась присяга в исправном ведении дел и справедливом суде: «...и судныя всякия дела делати и судить вправду, по не дружбе никому ни в чем не мстить, а по дружбе никому мимо дела не дружити, и государевою казною ни с кем не ссужатися отнюдь никакими обычаи, и посулов и поминков ни у кого ничего не имати и правити мне государю своему, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, и его государевым землям во всем вправду и до своего живота по сему крестному целованью».

Отдельную присягу принимали патриаршие стольники, которые в свой чин верстались все равно по указу царя Михаила Федоровича. Кстати, отсутствие в тексте крестоцеловальной записи имени второго великого государя — патриарха Филарета Никитича — весьма красноречиво говорит, что формально вся царская власть принадлежала Михаилу Федоровичу и его потомкам. При поступлении в службу и верстании рядовые дети боярские — новики — тоже давали присягу. Поскольку им предстояло служить полковую службу в русской армии, они обещали «ис полков, и ис посылок без государева указу и без отпуску не съехать, и города не здати, и в полках воевод не покинуть»¹⁶¹. Остальные люди Московского государства присягали при смене царя, их имена писались в крестоприводные книги специально присланными дворянами и воеводами на местах.

Таким образом, подданные могли принимать на себя какие-то обязательства перед царем, а царь должен был своим авторитетом охранять порядок правления, установленный до него. Но этому препятствовали «сильные люди», а также вражда «чинов» друг с другом. Об этом говорят многочисленные источники времени царствования Михаила Федоровича. В Сибири в 1630 году передавали разговоры о том, что «делается на Москве нестройно и разделилась де Москва натрое: бояре — себе, а дворяне — себе, а мирские и всяких чинов люди — себе ж, а государь де для того в кручине»¹⁶². Все, что исходило от царя, освящалось божественным авторитетом, отсюда такое стойкое убеждение о разделении царя и земли, тоже устроенной по Божиему замыслу. В этом и состояла суть самодержавия Московского государства, в укреплении которого царь Михаил Федорович сыграл выдающуюся роль.

Царь Михаил Федорович не случайно считается родоначальником романовской династии. В нем уже заметно то, что будет отличать всех без исключения последующих Романовых — и его великого внука Петра I, и отдаленного потомка Николая II. Вольтер, обратившись к изучению истории Петра I, подметил в деятельности его предков стремление к преобразованиям: «Дух семьи Романовых состоит в том, чтобы все время приобщать государство к культуре»¹⁶³. «От “государева батюшки” Филарета Никитича до его великого правнука Петра все первые представители династии Романовых одинаково были проникнуты стремлением к государственному и народному благу», — писали в 1912 году П. Г. Васенко, С. Ф. Платонов и Е. Ф. Тураева-Церетели¹⁶⁴.

О другой фамильной романовской черте очень точно сказал Л. В. Выскочков, автор биографического исследования о Николае I: «Он вел себя так, как должен был вести государь, по крайней мере так, как он должен был вести себя в его представлении»¹⁶⁵. Но, в отличие от потомков, царю Михаилу Федоровичу приходилось доказывать свое право называться государем, трудиться над тем, чтобы построенный им Дом Романовых мог продержаться на долгие столетия. Последующие поколения Романовых лишь укрепляли и ремонтировали возведенное им здание.

Непредвзятое изучение биографии царя Михаила Федоровича, без монархического придыхания или советского уничижения «царизма», показывает нам драму основателя рода, волею судьбы вознесенного на вершину власти, глубоко верившего в свое Божественное предназначение и освя-

шение его царского титула. Прослеженный в книге путь царя Михаила Романова, начавшийся от Ипатьевского монастыря в 1613 году, через возвращение из плена патриарха Филарета Никитича в 1619 году, через десятилетие устройства «земли» в 1620-е годы, через Смоленскую войну и другое «оборонительное» десятилетие 1635—1645 годов, показывает, что царская власть была для него скорее «венцом терновым». В биографии царя Михаила Федоровича было все, что бывает у обычного человека: взлеты и падения, слава и поражения, любовь и разочарование, преданность и неблагодарность близких. Но все эти переживания многократно усиливались, так как не представляли частного дела одного человека, а имели отношение к образу власти. Он — один из тех царей, кто может считаться образцом семейной и христианской добродетели. Его не в чем упрекнуть ни по отношению к своим родителям, воле которых он был послушен, даже находясь на троне, ни к своей жене и детям. Кому-то это может показаться даже скучным, но не стоит торопиться с приговором. Надо вспомнить, что в царствование Михаила Федоровича были живы многие современники более «интересного» для историка царя — Ивана Грозного. Они знавали размах царской кручины и гнев царя, не щадившего ни своих детей, ни своих друзей, ни целые города и страны. Идея «тишины», а не «грозы», исходящая от царя, утверждалась в царствованиях двух «тишайших» государей XVII столетия — Михаила Федоровича и его сына Алексея Михайловича. Увы, осуществилась она только в чаяниях русских книжников, а не в истории XVII века, названного «бунташным».

Царю Михаилу Федоровичу пришлось решать задачу вывода России из Смуты. Ему легко было бы сбиться с пути, проявить пресловутую твердость и при возникшем общем стремлении к устойчивому порядку старины взять на вооружение модель власти Грозного царя. Но выбран был другой, более осторожный путь — не через потрясения, а через собирание сил. Так, наверное, Иван Калита, спрятав уязвленную ордынцами гордость, упрямо собирал земли вокруг Москвы и тратил деньги из своего «мешка» на строительство будущей столицы Русского государства. Смута дала серьезную прививку власти от авантюризма и жестокости, которых так много было в начале XVII века. Новый царь Михаил Федорович сознательно выбирал противоположное направление своих действий. Ему сначала надо было построить Дом Романовых и не дать никому разрушить или изменить задуманный проект. В этом он преуспел, остальное было делом его потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть первая. НАЧАЛО ДИНАСТИИ

- ¹ Цит. по: *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 6.
- ² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 10. СПб., 1885. С. 218.
- ³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 141.
- ⁴ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI века. М., 1988. С. 175.
- ⁵ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 115.
- ⁶ Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГиД). Ч. 2. М., 1819. С. 16.
- ⁷ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории... С. 342—343; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV века. М., 1991. С. 52.
- ⁸ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 218.
- ⁹ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 186.
- ¹⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории... С. 153.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1906. С. 524—525.
- ¹² Пискаревский летописец // *Материалы по истории СССР*. Вып. 2. М., 1955. С. 76. См. также: ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
- ¹³ По мнению Р. Г. Скрынникова, бояре Захарьины возглавили в 1561 году своеобразный «регентский совет»: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 142—144; *он же.* На пороге опричнины // *Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова*. СПб., 1996. С. 368.
- ¹⁴ *Русский фольклор* / Сост. Н. П. Андреев. М.; Л., 1938. С. 294—295.
- ¹⁵ *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 80.
- ¹⁶ *Снегирев И. М.* Новоспасский монастырь в Москве. М., 1863. Прил. XI.
- ¹⁷ *Горсей Д.* Записки о России... С. 107.
- ¹⁸ *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605). СПб., 1992. С. 35.
- ¹⁹ *Горсей Д.* Записки о России... С. 107.
- ²⁰ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 241.
- ²¹ См.: *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 23—24.
- ²² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). Т. 2. СПб., 1841. № 38. С. 34—52.
- ²³ Новый летописец (далее — Новый летописец) // ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 54 (репринт: М., 1965).
- ²⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (далее — ААЭ). Т. 3. № 159. С. 227.
- ²⁵ Цит. по: *Васенко П. Г.* Бояре Романовы... С. 90.
- ²⁶ АИ. Т. 2. № 54. С. 64—65.
- ²⁷ *Богданов А. П.* Краткий ростовский летописец конца XVII в. // *Советские архивы*. 1981. № 6. С. 35—37.
- ²⁸ См.: *Цветаев Д. В.* Избрание Михаила Федоровича на царство. М.,

1913. С. 50. Прил. 1; С. 43—44; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и Роспись русского войска 1604 г. Указатель состава Государева двора по фонду Разрядного приказа / Сост., подг. текста и вступ. ст. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского. М., 1979. Ч. 1. С. 253.

²⁹ *Богословский И. Н.* Филарет Никитич Романов и город Ростов-Ярославский. Ярославль, 1913. С. 8, 20; *Баниге В.* Кремль Ростова Великого XVI—XVII веков. М., 1976. С. 118.

³⁰ *Богданов А. П.* Краткий ростовский летописец... С. 35—37.

³¹ ААЭ. Т. 3. № 24. С. 44 (грамота волжскому казачьему войску 18 марта 1614 года с призывом помочь в поимке Ивана Заруцкого и Марины Мнишек, бежавших в Астрахань).

³² ААЭ. Т. 2. № 215. С. 274; *Цветаев Д. В.* Избрание... С. 59.

³³ Повесть о победах Московского государства / Изд. подг. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 35—36.

³⁴ Один из виднейших специалистов по этому периоду С. Ф. Платонов написал специальную историографическую статью «Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русской исторической литературе» (Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1913, февраль). См. также: *Кизеветтер А. А.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 231—236; *Готье Ю. В.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романова // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1913. Кн. 4. С. 19—34.

³⁵ Цит. по: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 29.

³⁶ *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 4—5.

³⁷ *Латкин В. Н.* Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. С. 285.

³⁸ «Повесть о Земском соборе 1613 года» была опубликована А. Л. Станиславским совместно с Б. Н. Морозовым, нашедшим еще один список этого произведения. См.: Вопросы истории. 1985. № 1. Более подробный разбор «Повести...» см. в изданной посмертно книге А. Л. Станиславского «Гражданская война в России XVII века» (М., 1990). В настоящем издании «Повесть о Земском соборе 1613 года» цитируется по тексту, подготовленному Б. Н. Морозовым. См.: Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 457—459.

³⁹ *Сухотин Л. М.* Четвертки Смутного времени (1604—1617) // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. XXV.

⁴⁰ См.: Дворцовые разряды (далее — ДР). СПб., 1850. Ч. 1. Приложение. Стб. 1041—1217; Разрядная книга 1613—1614 гг. (далее РК 1613—1614) // Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974. С. 210—215.

⁴¹ *Веселовский С. Б.* Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. (далее — Акты подмосковных ополчений) // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. С. 129.

⁴² *Корецкий В. И., Лукичев М. П., Станиславский А. Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612—1613 гг. // Источниковедение отечественной истории, 1989 г. М., 1989. С. 246—251.

⁴³ РК 1613—1614. С. 198.

⁴⁴ СГГид. М., 1822. Ч. 3. № 50. С. 214—215.

⁴⁵ Цит. по: *Севастьянова А. А.* Русская провинциальная историография XVIII века. М., 1998. С. 125.

⁴⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 9—10 // Соловьев С. М. Соч. в 18 кн. М., 1990. Кн. 5. С. 341.

⁴⁷ Уникальность этого известия из единственного сохранившегося сборника впервые отметила Н. В. Поньрко: *Поньрко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (далее — ТОДРЛ). Л., 1990. Т. 43. С. 62.

⁴⁸ См.: *Самарянов В. А.* Палаты бояр Романовых, или дворец царя Михаила Федоровича, в Костромском 1-го кл. Ипатьевском монастыре (Исторический очерк по делам и документам Ипатьевского архива). Рязань, 1892; *Лукомские В. К. и Г. К.* Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины / Послесл. и прим. Л. И. Сизинцевой. М., 2002 (репринтное воспроизведение издания 1913 года). С. 182—184; *Уткин С. А.* Научная концепция создания Романовского мемориала в Костромском объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике «Ипатьевский монастырь» // Краеведческие записки. Вып. VI. Кострома, 2003. С. 156; *Рогов И. В., Уткин С. А.* Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003. С. 108—120.

⁴⁹ См.: *Цветаев Д. В.* Избрание... С. 58.

⁵⁰ Цит. по: *Иванов П. И.* Описание Государственного разрядного архива. М., 1842. С. 95—96.

⁵¹ Там же. С. 98.

⁵² РК 1613—1614. С. 210.

⁵³ *Иванов П. И.* Описание Государственного разрядного архива... С. 98.

⁵⁴ *Рогов И. В., Уткин С. А.* Ипатьевский монастырь... С. 53, 63—65.

⁵⁵ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 64.

⁵⁶ Там же. 127—129.

⁵⁷ Документы Печатного приказа / Подг. к печати Н. К. Ткачева. М., 1994. С. 13, 64, 95.

⁵⁸ *Иванов П. И.* Описание Государственного разрядного архива... С. 130.

⁵⁹ Там же. С. 133.

⁶⁰ РК 1613—1614. С. 242.

⁶¹ См.: *Введенский А. А.* Торговый дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962. С. 130—131; ф. ААЭ. Т. 3. С. 2—4.

⁶² *Веселовский С. Б.* Акты подмосковных ополчений... С. 136.

⁶³ *Сухотин Л. М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа) // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 3—4.

⁶⁴ *Веселовский С. Б.* Акты подмосковных ополчений... С. 156—157.

⁶⁵ Книга сеунчей 1613—1619 гг. / Подг. к печати С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. 1. М.; Варшава, 1995. С. 20.

⁶⁶ См.: *Матвеев А. С.* Книга об избрании на царство великого государя царя и великого князя всея Руси Михаила Федоровича... Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском государственном архиве Министерства иностранных дел. М., 1856.

⁶⁷ См.: Приходо-расходные книги московских приказов / Сост. С. Б. Веселовский // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). Т. 28. М., 1912. Стб. 753.

⁶⁸ *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка (репринтное издание). М., 1989. Т. 1. Ч. 2: Е—К. Стб. 1173—1174.

⁶⁹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 3 // *Ключевский В. О.* Соч. в 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 99.

⁷⁰ *Долинин Н. П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958.

⁷¹ *Долинин Н. П.* Классовая и национально-освободительная борьба в Русском государстве в конце 1610—1614 гг. // ОР РГБ. Ф. 218. Музейное собрание. № 1355 (1—3). (Рукопись указана А. Л. Станиславским.)

⁷² *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича // ЧОИДР. 1909. Кн. 1. С. 44.

⁷³ Новый летописец. С. 135.

⁷⁴ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России... С. 109.

⁷⁵ Новый летописец. С. 135.

⁷⁶ Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные II Отделением собственной е.и.в. канцелярии (далее — КР). СПб., 1851. Т. 1. Стб. 5.

⁷⁷ Новый летописец. С. 135.

⁷⁸ КР. Т. 1. Стб. 6—9.

⁷⁹ Там же. Стб. 14.

⁸⁰ *Станиславский А. Л.* Восстание 1614—1615 гг. и поход атамана Бабовня // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 118.

⁸¹ КР. Т. 1. Стб. 25.

⁸² *Станиславский А. Л.* Документы о восстании 1614—1615 гг. // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 285—307.

⁸³ КР. Т. 1. Стб. 26.

⁸⁴ Там же. Стб. 28.

⁸⁵ Цит. по: *Станиславский А. Л.* Восстание 1614—1615 гг. ... С. 122.

⁸⁶ Там же. С. 125.

⁸⁷ Цит. по: *Станиславский А. Л.* Казацкое движение 1615—1618 годов // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 106.

⁸⁸ КР. Т. 1. Стб. 347.

⁸⁹ Там же. Стб. 349.

⁹⁰ *Станиславский А. Л.* Казацкое движение 1615—1618 годов... С. 109.

⁹¹ *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Об одном «частном» письме XVII века // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 369—370.

⁹² *Станиславский А. Л.* Казацкое движение 1615—1618 годов... С. 110.

⁹³ Новый летописец. С. 147.

⁹⁴ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России... С. 194—241.

⁹⁵ Новый летописец. С. 114.

⁹⁶ Там же. С. 103.

⁹⁷ Там же. С. 132.

⁹⁸ Перевод документа приведен в рукописи 1949 года известного исследователя русско-шведских отношений начала XVII века Г. А. Замятниной, разысканной А. Н. Кирпичниковым. См.: *Кирпичников А. Н.* Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 424, 442.

⁹⁹ Цит. по: *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новгорода конца XV — начала XVIII в. СПб., 1999. С. 41—42.

¹⁰⁰ См.: *Кирпичников А. Н.* Оборона Пскова в 1615 г. ... С. 424—450.

¹⁰¹ *Соловьев С. М.* История России... С. 75—80.

¹⁰² Новый летописец. С. 139.

- ¹⁰³ Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 225.
- ¹⁰⁴ Соловьев С. М. История России... С. 80.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 1. Д. 10—15; Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611—1617 гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997.
- ¹⁰⁶ Соловьев С. М. История России... С. 84.
- ¹⁰⁷ Книга сеунчей 1613—1619 гг. ... С. 11—98.
- ¹⁰⁸ ДР. Т. 1. Стб. 102.
- ¹⁰⁹ Новый летописец. С. 131.
- ¹¹⁰ Там же. С. 131.
- ¹¹¹ ДР. Т. 1. Стб. 197.
- ¹¹² Там же. Стб. 254—255.
- ¹¹³ Новый летописец. С. 135. Неприязненное отношение автора летописца к смольнянину Я. Тухачевскому может быть вызвано еще и тем, что в середине 1618 года он вместе с другими выборными дворянами из «городов» приходил «на бояр с шумом». См. там же: С. 145.
- ¹¹⁴ ДР. Т. 1. Стб. 256—257.
- ¹¹⁵ Там же. Стб. 273.
- ¹¹⁶ См.: Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень—зима 1615 г.) / Подг. к печати Б. Н. Флоря // Памятники истории Восточной Европы. Т. 1. С. 100—124.
- ¹¹⁷ ДР. Т. 1. Стб. 203—204.
- ¹¹⁸ КР. Т. 1. Стб. 242—243.
- ¹¹⁹ ДР. Т. 1. Стб. 299—300.
- ¹²⁰ Там же. Стб. 314—315.
- ¹²¹ Книга сеунчей 1613—1619 гг. ... С. 88.
- ¹²² Новый летописец. С. 145. Разрядные книги говорят о стане казаков Сагайдачного в селе Хорошеве. См.: КР. Т. 1. Стб. 597.
- ¹²³ Новый летописец. С. 145—146.
- ¹²⁴ Там же. С. 148.
- ¹²⁵ Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича... С. 16.
- ¹²⁶ ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 3—5. С. 2—9.
- ¹²⁷ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича // ЧОИДР. 1909. Кн. 1. С. 7.
- ¹²⁸ Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича... С. 17.
- ¹²⁹ Приходо-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 1.
- ¹³⁰ Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича... С. 13.
- ¹³¹ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег... Прил. 1. С. 91—92.
- ¹³² РИБ. Т. 9. С. 16—19; Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег... С. 14—17; Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989.
- ¹³³ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег... С. 14; Соловьев С. М. История России...
- ¹³⁴ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег... С. 27.
- ¹³⁵ Там же. Прил. 15. С. 107.
- ¹³⁶ Там же. С. 108.
- ¹³⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории... С. 219—220.

¹³⁸ Повесть о победах Московского государства / Изд. подг. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 32.

¹³⁹ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег... С. 40; Прил. 49.

¹⁴⁰ *Лихачев Н. П.* Новые данные о земском соборе 1616 года // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 78.

¹⁴¹ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег... С. 77.

¹⁴² Там же. С. 59; ААЭ. Т. 3. № 70. С. 107—108.

¹⁴³ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег... Прил. 53, 54. С. 164—165; *Лихачев Н. П.* Новые данные о земском соборе... С. 69.

¹⁴⁴ *Лихачев Н. П.* Новые данные о земском соборе... С. 73—75.

¹⁴⁵ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег... С. 62.

¹⁴⁶ Там же. С. 65.

¹⁴⁷ Указная книга Поместного приказа / Изд. В. Н. Сторожева. М., 1889. С. 54.

¹⁴⁸ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 431—433.

¹⁴⁹ *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 180—181; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 160—188.

¹⁵⁰ Там же. С. 246, 264, 349.

¹⁵¹ *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Прил. IV. С. VIII.

¹⁵² *Веселовский С. Б.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в Сыскных приказах. М., 1907. С. 1—2; *Смирнов П. П.* Посадские люди... С. 346—347.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 1455. Оп. 2. Д. 7116. 2 лл. Копия XVII в. В давнем коллективном очерке П. Г. Васенко, С. Ф. Платонова и Е. Ф. Тураевой-Церетели говорилось, что Приказ сыскных дел был самым крупным «новшеством» внутреннего управления, введенным по мысли патриарха Филарета для борьбы «с сильными людьми» (*Васенко П. Г., Платонов С. Ф., Тураева-Церетели Е. Ф.* Начало династии Романовых. Исторические очерки. СПб., 1912. С. 199). На самом деле попытка организации приказа относится еще ко времени до возвращения патриарха Филарета Никитича из плена.

¹⁵⁴ См.: *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 78—116.

¹⁵⁵ Новый летописец. С. 146.

¹⁵⁶ Там же. С. 146; *Тарабарина Ю. В.* Церковь Покрова в Рубцове. Реминисценции гоудуновской архитектуры в раннем зодчестве времени царя Михаила Федоровича // Федорово-Давыдовские чтения 1999 года (статья опубликована на сайте <http://www.archi.ru>). О символическом значении «Покрова» см.: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 23—62.

Часть вторая. ДВА ВЕЛИКИХ ГОСУДАРЯ

¹ *Соловьев С. М.* История России... С. 117.

² *Костомаров Н. И.* Филарет Никитич Романов // *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. Вып. 3. СПб., 1874. С. 735 (репринт: М., 1990). В другом очерке о царе Ми-

хаиле Федоровиче Н. И. Костомаров, как и С. М. Соловьев, употребляет термин «двоевластие». См.: *Костомаров Н. И. Царь Михаил Федорович* // Там же. Кн. 2. Вып. 4. СПб., 1874. С. 21.

³ *Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3* // *Ключевский В. О. Соч.* в 9 т. Т. 3. М., 1998. С. 124.

⁴ *Сташевский Е. Д. Очерки...* С. 191, 194.

⁵ ДР. Т. 1. Стб. 490—491.

⁶ Новый летописец. С. 149—150.

⁷ *Пресняков А. Е. Московское государство первой половины XVII века* // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник под ред. В. В. Каллаша. М., 1912. С. 75 (репринт: 1991).

⁸ *Сташевский Е. Д. Очерки...* С. 211—212.

⁹ См.: *Станиславский А. Л. Законодательство о верстанном казачестве в XVII веке* // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1985. С. 164.

¹⁰ *Вовина В. Г. Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов)* // Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 65. Об отсутствии новой программы у Филарета пишет и В. М. Панеях в коллективном труде «Власть и реформы» (Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 106).

¹¹ ААЭ. Т. 3. № 67. С. 104.

¹² *Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви.* Париж, 1959. Т. 2. С. 94—95 (репринт: М., 1991).

¹³ Новый летописец. С. 148—149. ДР. Т. 1. Стб. 395; КР. Т. 1. Стб. 606. Странно, почему такая ошибка вкралась в текст «Нового летописца», редактирование которого, как считается, происходило в окружении патриарха Филарета.

¹⁴ КР. Т. 1. Стб. 606—608.

¹⁵ ДР. Т. 1. Стб. 398.

¹⁶ См.: Новый летописец. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 149.

¹⁸ КР. Т. 1. С. 610.

¹⁹ Там же.

²⁰ КР. Т. 1. С. 611—612.

²¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века (далее — ЗАРГ). Л., 1986. № 87. С. 94.

²² КР. Т. 1. Стб. 612—613.

²³ ААЭ. Т. 3. № 105; КР. Т. 1. С. 614—615; ЗАРГ. № 87. С. 94—95; *Черепнин Л. В. Земские соборы.* С. 232—234.

²⁴ *Седашев В. Землевладение Московского государства.* М., 1911.

²⁵ См. подробнее: *Смирнов П. П. Посадские люди...* С. 368—387.

²⁶ *Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских первой половины XVII в.* М., 1915. С. 42.

²⁷ *Черепнин Л. В. Земские соборы...* С. 235.

²⁸ Приходо-расходные книги московских приказов... С. 7—8.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятиен. Д. 126.

³⁰ Приходо-расходные книги... С. 22.

³¹ Там же. С. 186—188.

³² Там же. С. 140.

³³ Там же. С. 65.

³⁴ *Веселовский С. Б. Сошное письмо.* Т. 1. С. 128, 132—133.

³⁵ Там же. С. 160.

³⁶ Там же. С. 169, 174—175.

³⁷ Там же. С. 238.

- ³⁸ *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Т. 1. С. 39.
- ³⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией. М., 1848. Т. 1. 1526—1658. № 14. С. 16.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ КР. Т. 1. Стб. 774.
- ⁴² Там же. Стб. 775.
- ⁴³ Там же. Стб. 781.
- ⁴⁴ ЗАРГ. № 117. С. 111—112; РГАДА. Ф. 210. Столбцы дополнительного стола. Д. 27.
- ⁴⁵ КР. Т. 1. Стб. 824—831.
- ⁴⁶ ААЭ. Т. 3. № 166. С. 240—242; *Соловьев С. М.* История России... С. 301—305; *Костомаров Н. И.* Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын // *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях... Кн. 1. Вып. 3. С. 705—714; *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 88—96.
- ⁴⁷ *Макарий (Булгаков) митр.* История Русской Церкви. Т. 11. СПб., 1903. С. 30—31; *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 96—98.
- ⁴⁸ См.: *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры 1618—1652 гг. От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М., 2001. С. 236—237.
- ⁴⁹ Сибирские летописи // ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 347.
- ⁵⁰ ААЭ. Т. 3. № 168. С. 246.
- ⁵¹ См.: *Bushkovitch Paul.* Religion and Society in Russia: the Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York; Oxford, 1992. P. 128—149; *Бушкович Пол.* Православная церковь и русское национальное самосознание XVI—XVII вв. // *Ab Imperio.* 2003. № 3. С. 108—110; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- ⁵² Новый летописец. С. 151—152; ААЭ. Т. 3. № 168. С. 245—247; ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 767—822.
- ⁵³ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 269.
- ⁵⁴ Новый летописец. С. 57.
- ⁵⁵ Там же. С. 46, 58, 80—81.
- ⁵⁶ ДР. Т. 1. Стб. 1219—1220.
- ⁵⁷ ДР. Т. 1. Стб. 764.
- ⁵⁸ Письма русских государей... № 7. С. 10. Подлинники писем хранятся в РГАДА (Ф. 142. Оп. 1).
- ⁵⁹ Там же. № 15. С. 23.
- ⁶⁰ Там же. № 9. С. 11.
- ⁶¹ Там же. № 58. С. 60.
- ⁶² Там же. № 50—57. С. 54—59.
- ⁶³ Там же. № 61. С. 62.
- ⁶⁴ Там же. № 182—183. С. 141—142.
- ⁶⁵ Там же. № 14. С. 14.
- ⁶⁶ Там же. № 25. С. 34—35.
- ⁶⁷ Там же. № 49. С. 54.
- ⁶⁸ Там же. № 231. С. 180—181; № 259. С. 203; № 267. С. 209; № 282. С. 222; № 337. С. 263.
- ⁶⁹ Там же. № 351. С. 274.
- ⁷⁰ См.: *Новохатко О. В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001.

⁷¹ Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 350.

⁷² ДР. Т. 1. Стб. 824.

⁷³ КР. Т. 1. Стб. 1259—1260. В другой редакции разрядных книг то же известие выглядит следующим образом: «Того же году мая в 3 день, на Преполовеньев день, Божиим посещением, пожар был на Москве большой, а выгорели два города Кремль да Китай, и хоромы царские, и весь двор государев, и патриархов двор, и монастыри и приказы погорели, и казны государевой погорело безчисленно множество». ДР. Т. 1. Стб. 823—824.

⁷⁴ РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 385—524.

⁷⁵ ДР. Т. 1. Стб. 824.

⁷⁶ Там же. Стб. 845—846.

⁷⁷ Ср. КР. Т. 1. Стб. 1262.

⁷⁸ Ср., напр., наказ воеводе Большого полка в Туле стольнику князю Ю. П. Буйносову с товарищами в марте 1626 года. КР. Т. 1. Стб. 1182.

⁷⁹ ЗАРГ. № 149. С. 127.

⁸⁰ См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... С. 83.

⁸¹ См.: Соловьев С. М. История России... Гл. 3; ДР. Т. 1. Стб. 864—867.

⁸² Соловьев С. М. История России... С. 318; Прения литовского протоппа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катехизиса // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. М., 1859. Т. 2. Отд. 2. С. 80—100; Ильинский Ф. Большой Катехизис Лаврентия Зизания // Труды Киевской духовной академии. 1898. Т. 3. Октябрь. С. 273—277, 281—282, 289—296; 1899. Т. 1. Март. С. 406—413; Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVIII вв. М., 1990. С. 53.

⁸³ Костомаров Н. И. Царь Михаил Федорович... С. 30.

⁸⁴ ДР. Т. 1. Стб. 881.

⁸⁵ См.: Эскин Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.

⁸⁶ ДР. Т. 1. Стб. 899—900.

⁸⁷ Там же. Стб. 913.

⁸⁸ ААЭ. Т. 3. № 121.

⁸⁹ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. С. 210—211.

⁹⁰ Ардашев Н. Древнейший столбец Поместного приказа о заготовке приправочных книг для писцов 135 г. М., 1909; Акты писцового дела / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1917 (далее — АПД). Т. 1. № 248.

⁹¹ ЗАРГ. № 151. С. 128.

⁹² Там же. № 43.

⁹³ Там же. № 162. С. 136.

⁹⁴ Зерцалов А. Н. О верстании новиков всех городов 7136 года // ЧОИДР. 1895. Кн. 4; Козляков В. Н. Служилый «город»... С. 95.

⁹⁵ АПД. Т. 2. № 15. С. 40.

⁹⁶ Там же. № 1. С. 1—19.

⁹⁷ Там же. № 102. С. 243.

⁹⁸ ЗАРГ. № 161. С. 133.

⁹⁹ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. С. 482.

¹⁰⁰ Там же. С. 483.

¹⁰¹ АПД. Т. 2. № 80. С. 179.

¹⁰² Там же. № 81. С. 185; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. Прил. XI. С. 660—661.

- ¹⁰³ *Сташевский Е. Д.* Очерки... С. 367; Прил. XIII. С. XXIII—XXV.
- ¹⁰⁴ См.: *Сташевский Е. Д.* Землевладение московского дворянства. М., 1911; *Изымов А. Ф.* Жилецкое землевладение в 1632 г. М., 1913.
- ¹⁰⁵ ЗАРГ. № 165.
- ¹⁰⁶ Там же. № 6, 10, 16. См. также другие указы конца XVI века о судоустройстве: № 30, 32, 42; Российское законодательство X—XX вв.
- ¹⁰⁷ Там же. № 80.
- ¹⁰⁸ Там же. № 169, 188.
- ¹⁰⁹ Там же. № 188. С. 151.
- ¹¹⁰ См.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998; *Соловьева Т. Б., Володихин Д. М.* Состав привилегированного купечества России в первой половине XVII века. М., 1996.
- ¹¹¹ См.: *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904; *Смирнов П. П.* Классовая борьба. Т. 1. С. 358—361.
- ¹¹² *Смирнов П. П.* Классовая борьба. Т. 1. С. 361.
- ¹¹³ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 113, 115, 248, 297—298.
- ¹¹⁴ ЗАРГ. № 157. С. 130.
- ¹¹⁵ *Смирнов П. П.* Классовая борьба... С. 394—395; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 240—241.
- ¹¹⁶ *Сташевский Е. Д.* Очерки... С. 277—296; Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Сост. М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М.; Л., 1960. № 24—27.
- ¹¹⁷ *Торке Х.-Й.* Михаил Федорович // Русские цари. 1547—1917 / Под ред. Х.-Й. Торке. М.; Ростов н/Д, 1997. С. 137.
- ¹¹⁸ Русско-шведские экономические отношения... № 20—22. С. 51—53.
- ¹¹⁹ *Сташевский Е. Д.* Очерки... С. 284—292.
- ¹²⁰ Там же. С. 278—285.
- ¹²¹ См.: Боярские списки; Боярская книга 1627 года.
- ¹²² Цит. по: *Козляков В. Н.* Служилый «город»... С. 96.
- ¹²³ Смета военных сил Московского государства на 1632 год / Сметный список 140 году / Сообщ. Е. Д. Сташевский // Военно-исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе имп. Русского военно-исторического общества. 1910. № 9—10. С. 49—86.
- ¹²⁴ Сметный список... 139 году / Публ. И. Д. Беляев // Временник МОИДР. 1849. Кн. 4. С. 51.
- ¹²⁵ *Торке Х.-Й.* Михаил Федорович... С. 38.
- ¹²⁶ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 49. Л. 370.
- ¹²⁷ См.: *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919; *Прокофьев В. А., Новосельский А. А.* Международное положение Русского государства в 20—30-х годах и Смоленская война 1632—1634 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / Под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 462—475; *Поршнев Б. Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 112—140; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 244—254; *Жемайтис С. Г.* Источники по истории Смоленской войны (1632—1634 гг.) в собрании П. П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Сб. науч. трудов. Л., 1988. С. 41—50. См. также публикацию «Плана осады Смоленска» Виллема Хондиуса: *Борисовская Н.* Старинные гравированные карты и планы XV—XVIII веков. М., 1992. С. 126—141.
- ¹²⁸ КР. Т. 2. Стб. 380. Рукопись разрядных книг периода Смоленской

войны, см.: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Столбцы. Д. 24. — 585 лл. См. также: Записные книги московского стола Разрядного приказа 7142 г. // РИБ. Т. 9.

¹²⁹ *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632—1634 гг...

¹³⁰ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 51.

¹³¹ КР. Т. 2. Стб. 435.

¹³² Там же. Стб. 385.

¹³³ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 1—4.

¹³⁴ КР. Т. 2. Стб. 386—388. В архивной «Росписи» людей, посланных с воеводами М. Б. Шеиным и А. В. Измайловым, сообщаются несколько иные цифры, хотя и близкие к указанным в разрядных книгах: Владимир 159 (в разрядных книгах — 151), Смоленск 363 (356), Суздаль 240 (207), Юрьев-Польской 124 (102), Муром 117 (115), Рязань 1078 (1013), Тула 410 (359), Кашира 307 (265), Нижний Новгород 298 (206), Арзамас 534 (364), Дорогобуж 55 (52), Вязьма 134 (122) и 11 казаков, Можайск 88 (нет в разрядных книгах), Лух 31 (36); всего дворян и детей боярских, назначенных с М. Б. Шеиным, 3946 человек (3348), с А. В. Измайловым — 1837 (1539), вместе — 5782 (4886). Всего служилых людей: 21 579 (26 331) человек. См.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 53—55, 60, 64.

¹³⁵ КР. Т. 2. Стб. 398—399.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 158—161. По получении отписки М. Б. Шеина на ней была сделана помета: «Отписать, что писали, то ведомо, а ратных людей высылаем» (там же. Л. 159 об.).

¹³⁷ АМГ. Т. 1. № 413. С. 395—396. Как показывает редакторская правка в черновике этой опубликованной грамоты, слова «из выбора и из дворового списка выметать вон» были добавлены позднее. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 76. Л. 368—368 об.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 85. Л. 320—321.

¹³⁹ ЗАРГ. № 220. С. 164.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Столбцы. Д. 49. Л. 1—4, 63—64. Ср. дело о пожаловании за сеунч брянчанина А. Безобразова: АМГ. Т. 1. № 489. С. 450—455; ДР. Т. 2. Стб. 319, 329, 339.

¹⁴¹ См.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 189. Столпик 6. Л. 6.

¹⁴² *Соловьев С. М.* История России... Т. 9. Гл. 3. С. 156; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 204—222.

¹⁴³ *Строев П. М.* Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844. С. 22—23; *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец с продолжением до 1645 г. // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 300.

¹⁴⁴ ААЭ. Т. 3. № 232. С. 342.

¹⁴⁵ КР. Т. 2. Стб. 546; РИБ. Т. 9. С. 534.

¹⁴⁶ КР. Т. 2. Стб. 477. 29 ноября 1633 года был издан специальный указ, запрещавший сбор даточных людей с поместий и вотчин вдов служилых людей, убитых под Смоленском. См.: ЗАРГ. № 208. С. 160.

¹⁴⁷ КР. Т. 2. Стб. 568—578. Десятни денежной раздачи князя Н. И. Одоевского составлялись в основном уже после отвода войска М. Б. Шеина из-под Смоленска. См. сохранившиеся документы в описи дел десятен в РГАДА: Ярославль (д. 63), Углич (д. 164), Тверь (д. 80), Бежецкий Верх (д. 104), Старица (д. 203), Волок и Дмитров (д. 200), Клин и Малоярославец (д. 212).

- ¹⁴⁸ КР. Т. 2. Стб. 559.
¹⁴⁹ РИБ. Т. 9. С. 549.
¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Столбцы. Д. 49. Л. 189—192.
¹⁵¹ КР. Т. 2. Стб. 629.
¹⁵² РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 750—752. О деле Шеина см. также:
Андреев И. Л. Об измене неизменявшего // *Родина*. 1997. № 6; *Володихин Д. М.* Честь воеводы // *Родина*. 1998. № 2. С. 42—43.
¹⁵³ КР. Т. 2. Стб. 636.
¹⁵⁴ ДР. Т. 2. Стб. 366.
¹⁵⁵ ААЭ. Т. 3. № 251. С. 382.
¹⁵⁶ Там же. С. 385; *Соловьев С. М.* История России... Т. 9. Гл. 3. С. 161.
¹⁵⁷ КР. Т. 2. Стб. 376.
¹⁵⁸ ААЭ. Т. 3. № 251. С. 387—388.
¹⁵⁹ См.: Там же. № 246. С. 376.
¹⁶⁰ *Соловьев С. М.* История России... С. 163.
¹⁶¹ ААЭ. Т. 3. № 251. С. 389.
¹⁶² *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 317.
¹⁶³ ААЭ. Т. 3. № 251. С. 388.
¹⁶⁴ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск, 2003. С. 185—186.
¹⁶⁵ *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 160.
¹⁶⁶ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 97, 278.
¹⁶⁷ РИБ. Т. 9. С. 563. См. десятню денежной раздачи в Белой стольника князя Ф. Ф. Волконского: РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Д. 268. — 91 лл. См. также документы о пожаловании за службу князя Ф. Ф. Волконского: АМГ. Т. 1. № 717. С. 658—661.
¹⁶⁸ *Соловьев С. М.* История России... С. 168.
¹⁶⁹ КР. Т. 2. Стб. 445—447.
¹⁷⁰ См.: СГГид. Т. 3. № 99; ААЭ. Т. 3. № 242; *Сташевский Е. Д.* Очерки... С. 378—382; *Яковлев А. И.* Приказ сбора ратных людей. С. 90—109; *Карпачев А. М.* Пятиня 1634 (142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства // Исторические записки. М., 1950. № 33. С. 232—258; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 249—252.
¹⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Д. 80. Л. 69—96. Публикацию см.: Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 8. Н. Новгород, 1909. С. 58—70; *Сташевский Е. Д.* Очерки... С. 366; *Козляков В. Н.* Забытый реформатор (стряпчий И. А. Бутурлин и его «дело» 1634 года) // Отечественная и всеобщая история. Методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993. С. 91—93.
¹⁷² *Сташевский Е. Д.* Очерки... С. 374.
¹⁷³ ААЭ. Т. 3. № 162. С. 229—230; ЗАРГ. № 141. С. 123.

Часть третья. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

¹ *Сташевский Е. Д.* К истории колонизации Юга (Великий боярин Иван Никитич Романов и его слободы в Елецком уезде). М., 1913. С. 92.

² Цит. по: *Сташевский Е. Д.* К истории дворянских челобитных // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 116; см. также: *Андреев И. Л.* «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20—40-е гг. XVII в. // История СССР. 1990. № 5. С. 81.

³ *Сташевский Е. Д.* Очерки... С. 373.

⁴ Любимиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 305—306.

⁵ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 77.

⁶ Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории. М., 1912. С. 385.

⁷ Повесть о земском соборе 1613 года... С. 459.

⁸ Crummeу, Robert O. Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton University Press, Princeton; New Jersey. 1983. P. 175.

⁹ Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых... С. 386.

¹⁰ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. С. 347. См. также: Черепнин Л. В. Земские соборы...

¹¹ Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых... С. 391.

¹² РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 438.

¹³ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. 14. Н. Новгород, 1913. С. 2—22; Сташевский Е. Д. Очерки... С. 361—362.

¹⁴ Макарий. История русской церкви. Т. 5. Отд. 1. Гл. 3.

¹⁵ Там же. Стб. 473.

¹⁶ См.: Crummeу Robert O. Court spectacles in Seventeenth-Century Russia: Illusion and Reality // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus, Ohio. 1985. P. 132—136; Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 442—448.

¹⁷ Олеарий А. Описание путешествия в Московию... С. 135.

¹⁸ См. там же. С. 137.

¹⁹ ДР. Т. 1. Стб. 453.

²⁰ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец с продолжением до 1645 г. ... С. 301.

²¹ Яковлев А. И. Приказ сбора ратных людей 146—161/1637—1653 гг. М., 1917. С. 134.

²² Там же. С. 133.

²³ ДР. Т. 2. Стб. 557—559.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 82. Л. 314—511.

²⁵ См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. СПб., 1906; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.

²⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Подг. к печ. В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1—2.

²⁷ См.: Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... М., 2002. С. 104—139. (Гл. 6: Выдающиеся руководители Посольского приказа.)

²⁸ Там же. С. 119.

²⁹ Там же. С. 129.

³⁰ См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

³¹ Цит. по: Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 265.

³² ДР. Т. 2. Стб. 859—862.

³³ Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 8. С. 65.

³⁴ См. об этом документы конца 1636 года, связанные с выборами на собор в Галиче: Шмелев Г. Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII в. // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 492—493.

³⁵ *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века // ЧОИДР. 1915. Кн. 3. С. 38.

³⁶ *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI—XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1998.

³⁷ *Рождественский С. В.* Из истории отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян в Московском государстве XVII в. // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 153—163; *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских... С. 1—73; *Сташевский Е. Д.* К истории дворянских челобитных... С. 100—124. См. также: *Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 303—343; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 260—262; *Кошелева О. Е.* Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII век) // ВИ. 1982. № 12. С. 171—177; *Высоцкий Д. А.* Коллективные дворянские челобитные XVII в. как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 19. С. 125—138; *Он же.* Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие Русского государства XVII в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1989; *Андреев И. Л.* «Сильные люди» Московского государства... С. 77—88.

³⁸ *Андреев И. Л.* «Сильные люди» Московского государства... С. 82.

³⁹ ЗАРГ. № 224. С. 166.

⁴⁰ Там же. № 234. С. 171—174. Указная книга Поместного приказа / Публ. В. Н. Сторожева // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1989. Кн. 6. Разд. 3. См. также: Памятники русского права. М., 1959. Вып. 5. С. 470.

⁴¹ *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских... С. 40.

⁴² Там же. С. 39. См. подробнее: *Андреев И. Л.* «Сильные люди» Московского государства... С. 77—85; *Высоцкий Д. А.* Коллективные дворянские челобитные... С. 131—132, 135—136.

⁴³ ЗАРГ. № 237—238. С. 176—177.

⁴⁴ См.: там же. № 39. См. также: *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 311; ЗАРГ. Комментарии. Л., 1987. С. 60.

⁴⁵ Там же. № 73—74. С. 83; № 83. С. 92—93. Подобные ограничительные меры обращения поместий касались и отдельных категорий землевладельцев: служилых иноземцев, служилых татар, казаков, патриарших детей боярских. См.: *Люткина Е. Ю.* Государство, церковь и формирование статуса патриарших дворян и детей боярских в XVII в. // Сословия и государственная власть в России... Ч. 1. С. 299—304.

⁴⁶ ЗАРГ. № 85. С. 93.

⁴⁷ См.: там же. № 239. С. 177. См. также: *Важинский В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 77—83.

⁴⁸ ЗАРГ. № 320. С. 218. См. там же указ 29 июня 1639 г. № 271. С. 190.

⁴⁹ Текст челобитной сохранился в изложении в записных книгах московского стола Разрядного приказа: РИБ. Т. 10. С. 161. См. также: *Высоцкий Д. А.* Коллективные дворянские челобитные... С. 134—135.

⁵⁰ См.: ЗАРГ. № 251. С. 182; № 258. С. 184; *Панях В. М.* Холопство в первой половине XVII века... С. 174.

⁵¹ См.: *Панях В. М.* Указ, изданный ранее 30 мая 1641 г. (26 августа 1640 г.?), об условиях и порядке оформления служилых кабал, ссудных крестьянских записей и жилых записей // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. 17. С. 141—155.

⁵² ЗАРГ. № 263. С. 186—187; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 134.

⁵³ *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских... С. 42.

⁵⁴ ДР. Т. 2. Стб. 596.

⁵⁵ *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских... С. 43.

⁵⁶ ЗАРГ. № 277. С. 195—200.

⁵⁷ *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских... С. 47.

⁵⁸ Там же. С. 52.

⁵⁹ ЗАРГ. № 283. С. 193—194; РГАДА. Ф. 210. Дела десятиен. Д. 299. С 1635 года верстание новиков проходило регулярно каждые три года.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 1118. Л. 236. Аналогичную челобитную подали беляне и дорогобужане, испомещенные в других уездах Замосковского края, находившиеся в 152 году на службе в Одоеве. Также били челом «разоренныя украинныя города одоевского полку дворяне и дети боярския колужене, мещане, серпяне, алексинцы, воротынцы, мядынцы, Ярославца Малово» (там же. Л. 237—238).

⁶¹ Там же. Л. 239—241.

⁶² Там же. Л. 236 об., 237 об.

⁶³ КР. Т. 2. Стб. 619—620.

⁶⁴ *Базилевич К. В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 2. С. 110—111.

⁶⁵ *Олеарий А.* О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 3.

⁶⁶ ЗАРГ. № 143.

⁶⁷ Там же. № 242. См. также: АПД. Т. 2. № 177; *Смирнов П. П.* Посадские люди... С. 430.

⁶⁸ Цит. по: *Смирнов П. П.* Посадские люди... С. 436.

⁶⁹ Там же. С. 441.

⁷⁰ Там же. С. 447.

⁷¹ ААЭ. Т. 3. № 279; Акты о посадских людях-закладчиках / Подг. к печати, введ. Н. П. Павлов-Сильванский // Летопись занятий Археографической комиссии. 1909. СПб., 1910. Вып. XXII. С. 1; *Шаховская Н. [Д.]* Сыск посадских тяглецов закладчиков в первой половине XVII в. // ЖМНП. 1914. Кн. 10. С. 259; *Смирнов П. П.* Посадские люди... С. 456.

⁷² *Веселовский С. Б.* АПД. Т. 2. № 177. С. 431.

⁷³ *Шаховская Н. [Д.]* Сыск посадских тяглецов... С. 277.

⁷⁴ ЗАРГ. № 249, 250. С. 181.

⁷⁵ АПД. Т. 2. № 177. С. 432.

⁷⁶ ЗАРГ. № 290. С. 201.

⁷⁷ *Смирнов П. П.* Посадские люди... С. 485; ЗАРГ. № 294, 295. С. 203—204.

⁷⁸ *Яковлев А.* Приказ сбора ратных людей. 146—161/1637—1653 гг. М., 1917. С. 121.

⁷⁹ Там же. С. 235—247.

⁸⁰ См.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 253; *Андреев И. Л.* Дворянские выборные на земских соборах в XVII веке // Научные труды МГПИ им. В. И. Ленина. Серия: Социально-исторические науки. Ч. 1. М., 1994. С. 122.

⁸¹ *Шмелев Г.* Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII в. // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 492—493.

⁸² *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 255.

⁸³ Новосельский А. А. Земский собор 1639 г. // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 14—29; Он же. Борьба с татарами... С. 262—282; Шумилов В. Н. Дело Земского собора 1639 г. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 293—302.

⁸⁴ Новосельский А. А. Борьба с татарами... Прил. С. 438—442.

⁸⁵ Цит. по: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 47—48.

⁸⁶ Донские дела. Т. 1. С. 636—643.

⁸⁷ ДР. Т. 2. Стб. 567—568; Разрядная книга 1637/38 года / Отв. ред. В. И. Буганов; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, А. П. Богданов. М., 1983.

⁸⁸ Цит. по: Смирнов Н. А. Россия и Турция... С. 53.

⁸⁹ Там же. С. 60.

⁹⁰ Там же. С. 63—67.

⁹¹ Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков / Подг. текста Н. В. Понырко; коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 139—154.

⁹² Цит. по: Смирнов Н. А. Россия и Турция... С. 73.

⁹³ См.: Флоря Б. Н. О земском соборе 1642 г. // Чтения памяти В. Б. Кобрин «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма». М., 1992. С. 182—183.

⁹⁴ Акты XVII—XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 13, 20.

⁹⁵ Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 265—266.

⁹⁶ СГГиД. М., 1822. Т. 3. № 113. С. 378—400; Рождественский С. В. О земском соборе 1642 г. // Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому. СПб., 1907. Ч. 1. С. 94—103.

⁹⁷ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция... С. 74—81.

⁹⁸ ДР. Т. 1. Стб. 105—106; Соловьев С. М. История России...; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1—2.

⁹⁹ Новый летописец. С. 132. Всего было отправлено восемь посольств, см.: Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 246.

¹⁰⁰ См.: ДР. Т. 2. Прил.; Новый летописец... С. 151—152.

¹⁰¹ См.: Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 293 и след.; Загородский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986.

¹⁰² Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе. М., 1846.

¹⁰³ Олгарий А. Описание путешествия в Московию... С. 66.

¹⁰⁴ См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 44, 66—67, 159.

¹⁰⁵ Яковлев А. И. Засечная черта... С. 44.

¹⁰⁶ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 293.

¹⁰⁷ ДР. Т. 2. Стб. 486.

¹⁰⁸ Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Казань, 1859. Т. 1. С. 22—24.

¹⁰⁹ ДР. Т. 2. Стб. 560; Разрядная книга 1637/38 года. С. 17.

¹¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹¹ Там же. С. 133—134, 139; см. также: Буганов В. И. Засечная книга 1638 г. // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1960. Вып. 23. С. 181—252.

¹¹² Цветаев Д. В. Царь В. И. Шуйский и места погребения его в Польше. Варшава, 1901.

- ¹¹³ *Соловьев С. М.* История России... С. 175.
- ¹¹⁴ Главный архив древних актов в Варшаве. Архив Радзивиллов. Отдел 1. № 8190.
- ¹¹⁵ *Соловьев С. М.* История России... С. 177—179.
- ¹¹⁶ См. ее текст: ДР. Т. 2. Прил. Стб. 877—932.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России... С. 183—184.
- ¹¹⁸ Главный архив древних актов в Варшаве. Архив Радзивиллов. Отдел 1. № 8209. См. также: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 2. Д. 43, 50, 52, 55; Оп. 3. Д. 68—70.
- ¹¹⁹ ДРВ. Т. 20.
- ¹²⁰ *Вовина-Лебедева В. Г.* Продолжение «Нового летописца»... С. 300.
- ¹²¹ *Соловьев С. М.* История России... С. 230.
- ¹²² *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 169.
- ¹²³ См.: *Голубцов А.* Прения о вере, вызванные делом датского королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 328, 339.
- ¹²⁴ См.: *Соловьев С. М.* История России... С. 230—234.
- ¹²⁵ «Всех лет жития ево, великого государя, было 49 лет». См.: *Богданов А. П.* Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 152. Летописную запись с известием о смерти царя Михаила Федоровича см. также: *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 149.
- ¹²⁶ Пискаревский летописец. С. 144.
- ¹²⁷ *Вовина-Лебедева В. Г.* «Новый летописец» с продолжением до 1645 года... С. 301—302.
- ¹²⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию... С. 217.
- ¹²⁹ Там же. С. 452.
- ¹³⁰ Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 24—26.
- ¹³¹ *Новомбергский Н. Я.* Государево слово и дело. М., 1911. Т. 1.
- ¹³² Там же. С. 16—17, 36—40, 413—414.
- ¹³³ *Бахрушин С. В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 89.
- ¹³⁴ *Новомбергский Н. Я.* Государево слово и дело... С. 71—73.
- ¹³⁵ Там же. С. 584.
- ¹³⁶ Там же. С. 43.
- ¹³⁷ Там же. С. 40; *Бахрушин С. В.* Политические толки... С. 96.
- ¹³⁸ *Новомбергский Н. Я.* Государево слово и дело... С. 421.
- ¹³⁹ *Бахрушин С. В.* Политические толки... С. 96.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 104—105.
- ¹⁴¹ *Новомбергский Н. Я.* Государево слово и дело... С. 74, 106, 109; *Бахрушин С. В.* Политические толки... С. 106.
- ¹⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Д. 8. Столпик 4. Л. 20; Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 13. Л. 75; РИБ. Т. 9. С. 550; ЗАРГ. № 236. С. 175, № 244. С. 179.
- ¹⁴³ *Новомбергский Н. Я.* Государево слово и дело... С. 228.
- ¹⁴⁴ См.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1888; Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // РИБ. 2-е изд. СПб., 1909; «Временник» Ивана Тимофеева / Подг. текста, пер. и коммент. О. А. Державиной. М.; Л., 1951; Сказания Авраамия Палицына / Подг. текста, коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955.

¹⁴⁵ Цит. по.: *Соловьев С. М.* История России... С. 316—317. Текст ука-
за см.: СГГид. М., 1822. Т. 3. № 90.

¹⁴⁶ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России... С. 316.

¹⁴⁷ *Бахрушин С. В.* Политические толки... С. 108—110.

¹⁴⁸ Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.).
Тематика и стилистика предисловий и послесловий / Под ред. А. С. Де-
мина. М., 1981. С. 79—95.

¹⁴⁹ См.: *Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадыкин А. В.* Московский
печатный двор... С. 98, 216; *Панченко А. М.* Русская стихотворная куль-
тура XVII века. Л., 1973; *Сазонова Л. И., Гусева А. А.* Бурцов Василий
Федоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3.
(XVII в.). Ч. 1. А—З / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992. С. 148—153.

¹⁵⁰ О символическом значении праздника Покрова см.: *Плюханова М. Б.*
Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 23—62.

¹⁵¹ *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях...
С. 148.

¹⁵² ААЭ. Т. 3. № 317. С. 465—466.

¹⁵³ Домострой Благовещенского попа Сильвестра / Предисл.
Д. П. Голохвастова // Временник имп. Московского общества истории
и древностей Российских. М., 1849. Кн. 1. С. 7—8.

¹⁵⁴ См.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: семиотические ас-
пекты сакрализации монарха в России // Русская культура и языки пе-
реводимости / Ред. Б. А. Успенский. М., 1987. С. 47—153; *Успенский Б. А.*
Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и
ее русское переосмысление). М., 1998; *Он же.* Царь и самозванец. Са-
мозванчество в России как культурно-исторический феномен [1982] //
Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 154.

¹⁵⁵ Утверженная грамота... С. 47, 70.

¹⁵⁶ Пискаревский летописец. С. 142—143.

¹⁵⁷ См. подробнее: *Сташевский Е. Д.* Очерки... Ч. 1. С. 62—80; *Кизе-
веттер А. А.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романова [Об-
зор журналов] // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 233—236.

¹⁵⁸ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича.
СПб., 1906. С. 126.

¹⁵⁹ Авторы новейшего учебника по истории России для студентов ву-
зов снова возвращаются к историографии вопроса об ограничительной
записи и высказывают мнение о «существенном ограничении власти
московского государя земским собором». См.: *Кузьмин А. Г.* История
России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 2. М., 2003. С. 379—385
(глава написана В. А. Волковым).

¹⁶⁰ Акты Московского государства, изданные имп. Академиею наук /
Под ред. Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол.
1571—1634. СПб., 1890. № 198.

¹⁶¹ См. образец крестоцеловальной записи новиков 1636 года: *Козля-
ков В. Н.* Источники о новичном верстании в первой половине XVII ве-
ка // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрь-
ского периода. Сборник статей. М., 1991. С. 102—104.

¹⁶² *Бахрушин С. В.* Политические толки... С. 95.

¹⁶³ Цит. по: *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII
века о Петре I. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2003. С. 107.

¹⁶⁴ *Васенко П. Г., Платонов С. Ф., Тураева-Церетели Е. Ф.* Начало ди-
настии Романовых... С. 157.

¹⁶⁵ *Высочков Л. В.* Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 587.
См. также: *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2003. С. 607—608.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

- 1596, 12 июля — рождение Михаила Федоровича Романова.
1600/01 — опала отца, боярина Федора Никитича Романова, насильственное пострижение его в монахи с именем Филарет и ссылка в Антониев-Сийский монастырь. Одновременно — насильственное пострижение в монахини матери, Ксении Ивановны Шестовой, с именем Марфа и ссылка ее в Заонежские погосты.
1601, июнь — ссылка Михаила на Белоозеро.
1602, сентябрь — 1605 — перевод в село Клины Юрьев-Польского уезда.
1605 — возведение отца Михаила, Филарета, в сан митрополита Ростовского и Ярославского.
1606/07 — запись Михаила Романова в чин стольника в боярском списке.
1606—1608 — пребывание с отцом, митрополитом Филаретом, в Ростове.
1608 — пленение Филарета тушинским отрядом в Ростове и «наречение» его патриархом.
1610 — участие митрополита Филарета в выработке условий призвания на русский престол королевича Владислава, сына короля Речи Посполитой Сигизмунда III.
1610, август — отправление митрополита Филарета в составе Великого посольства в Речь Посполитую для призвания на царство королевича Владислава.
1610—1612 — пребывание стольника Михаила Романова с матерью в Москве, осажденной войсками Первого и Второго ополчений.
1611 — смерть старшей сестры Татьяны Федоровны, жены князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского.
1612, после 26 октября — отправление Михаила Федоровича с матерью в костромские вотчины Шестовых, пребывание в Костроме.
1612/13, зима — подвиг Ивана Сусанина, крестьянина костромского села Домнина.
1613, 21 февраля — решение земского собора в Москве об избрании на царский престол Михаила Романова.
1613, 14 марта — в Ипатьевском монастыре в Костроме получено согласие Михаила Романова на избрание его на царство.
1613, 19 марта — переезд из Костромы в Ярославль.
1613, 21 марта — середина апреля — стояние царского поезда в Ярославле, в стенах Спасского монастыря.
1613, 2 мая — приезд царя Михаила Федоровича в Москву.
1613, июнь — июль — решающие бои с казачьим войском И. М. Заруцкого, бегство Заруцкого и Марины Мнишек в Астрахань.
1613, 11 июля — венчание Михаила Федоровича на царство в Успенском соборе Кремля.
1614 — сбор первой пятины.
1614 — поимка Ивана Заруцкого и Марины Мнишек с сыном.
1614—1615 — казачья война под предводительством М. И. Баловнева.
1615 — оборона Пскова от войска шведского короля Густава-Адольфа.
1616 — поход Лисовского в Северскую землю.
1616 — земский собор о жалованье служилым людям, находящимся под Смоленском. Составление дозорных книг разоренных земель.
1616 — несостоявшаяся женитьба царя Михаила Федоровича на Марье Хлоповой.

- 1617 — Столбовский мирный договор со шведами, возвращение Новгорода.
- 1618, 1 октября — отражение штурма Москвы войском королевича Владислава.
- 1618 — Деулинское перемирие с Речью Посполитой.
- 1619, июнь — возвращение из польско-литовского плена Филарета Никитича, поставление его в московские патриархи.
- 1619, осень — поход на богомолье в Переславль, Ростов, Ярославль и Кострому.
- 1620 — проведение нового дозора земель Московского государства.
- 1621—1622 — организация сыска поместных и денежных окладов. Разбор служилых «городов».
- 1624, 18 сентября — неудачная свадьба с княжной Марьей Владимировной Долгорукой.
- 1625 — принесение в Москву Ризы Господней.
- 1625 — включение титула «самодержца» в официальное именование царя на государственной печати.
- 1626, 3—8 февраля — свадьба царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой.
- 1626, май — большой пожар в Москве, утрата большей части архивов в Кремле.
- 1626 — начало писцового описания Русского государства.
- 1626 — опала Б. М. и М. М. Салтыковых.
- 1626, 28 декабря — опала думного дьяка И. Т. Грамотина.
- 1627 — рождение царевны Ирины Михайловны (ум. 8 февраля 1679).
- 1628 — рождение царевны Пелагеи Михайловны (ум. 25 января 1629).
- 1629, 19 марта — рождение наследника царского престола царевича Алексея Михайловича (ум. 29 января 1676; царствовал в 1645—1676).
- 1629 — шведское посольство в Москву, поддержка Швеции в Тридцатилетней войне и отказ от совместного нападения на Речь Посполитую.
- 1630, 14 июля — рождение царевны Анны Михайловны (ум. 27 октября 1692).
- 1630—1632 — составление сметы русского войска. Разбор служилых «городов». Набор первых солдатских полков.
- 1631 — смерть матери, великой старицы Марфы Ивановны.
- 1631, 14 августа — рождение царевны Марфы Михайловны (ум. 21 сентября 1633).
- 1632—1634 — Смоленская война.
- 1633, 2 июня — рождение царевича Иоанна Михайловича (ум. 9/10 января 1639).
- 1633, 1 октября — смерть отца патриарха Филарета Никитича.
- 1634, февраль — поставление в патриархи Иоасафа, архиепископа Псковского и Изборского.
- 1634, 28 апреля — казнь боярина М. Б. Шеина, окольничего А. В. Измайлова и В. А. Измайлова за оставление Смоленска без царского указа.
- 1634, 15 сентября — рождение царевны Софьи Михайловны (ум. 23 июня 1636).
- 1634 — посольство Ф. И. Шереметева и князя А. М. Львова. Поляновский мирный договор с Речью Посполитой.
- 1634 — земский собор по вопросу о сборе пятинных денег.
- 1636, 5 января — рождение царевны Татьяны Михайловны (ум. 24 августа 1706).

- 1636 — начало строительства новых городов на юге Русского государства и Белгородской засечной черты.
- 1637, 10 февраля — рождение и смерть царевны Евдокии Михайловны.
- 1637 — захват казаками Азова.
- 1637 — опустошительный набег крымских людей на южные уезды.
- 1637 — создание Приказа сбора ратных людей.
- 1639, 14 марта — рождение царевича Василия Михайловича (ум. 25 марта 1639).
- 1641 — посольство в Москву во главе с датским королевичем Владиславом.
- 1641, ноябрь — декабрь — коллективная челобитная служилых «городов».
- 1641 — посольство казаков, захвативших Азов, в Москву.
- 1642, январь — земский собор по поводу Азова и войны с крымскими татарами.
- 1642, 21 марта — избрание патриархом Иосифа, архимандрита московского Симонова монастыря.
- 1642, 4 апреля — смерть главы Боярской думы князя Ивана Борисовича Черкасского.
- 1643 — заключение договора о границах с Речью Посполитой посольством князя А. М. Львова. Начало пограничного межевания.
- 1643, 28 октября — объявление о переговорах о браке царевны Ирины Михайловны и датского королевича Вальдемара.
- 1644 — заведение железных заводов.
- 1645, 13 июля — смерть царя Михаила Федоровича.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Часть первая НАЧАЛО ДИНАСТИИ

<i>Глава первая.</i> Романовы: путь к трону	9
<i>Глава вторая.</i> Избрание на царство	30
<i>Глава третья.</i> Казачьи войны	53
<i>Глава четвертая.</i> Столбово и Деулино	73
<i>Глава пятая.</i> Сборы, дозор и сыск	94

Часть вторая ДВА ВЕЛИКИХ ГОСУДАРЯ

<i>Глава шестая.</i> «Программа» патриарха Филарета	120
<i>Глава седьмая.</i> Царская семья	143
<i>Глава восьмая.</i> Один год царя Михаила Федоровича	163
<i>Глава девятая.</i> «Государевы дела и земские»	183
<i>Глава десятая.</i> Смоленская трагедия	205

Часть третья ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

<i>Глава одиннадцатая.</i> «Сильные люди»	229
<i>Глава двенадцатая.</i> Челобитные «всей земли»	250
<i>Глава тринадцатая.</i> Азовский собор	270
<i>Глава четырнадцатая.</i> Между Востоком и Западом	288
<i>Глава пятнадцатая.</i> «Быти царству его тиху...»	308
Примечания	325
Основные даты жизни и деятельности царя Михаила Федоровича	343

Козляков В. Н.

К 59 Михаил Федорович. — М.: Мол. гвардия, 2004. — 346[6] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 889).

ISBN 5-235-02699-3

Россия после Смуты — главная тема этой книги. Царь Михаил Федорович, основатель династии Романовых, правившей Россией более трехсот лет, взшел на престол пятнадцатилетним отроком и получил власть над разоренной, истекающей кровью и разорванной на части страной. Как случилось так, что Россия не просто выжила, но сумела сделать значительный шаг вперед в своем развитии? Какова роль в этом царя Михаила Федоровича? Соответствует ли действительности распространенное в литературе мнение, согласно которому это был слабый, безвольный правитель, полностью находившийся под влиянием родителей и других родственников? И в какой мере это было благом или, наоборот, несчастьем для России? Автор книги дает свои ответы на эти и другие вопросы.

**УДК 94(47)«17»
ББК 63.3(2)45**

**Козляков Вячеслав Николаевич
МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ**

Главный редактор **А. В. Петров**

Зав. редакцией **О. И. Ярикова**

Редактор **А. Ю. Карпов**

Художественный редактор **Е. В. Кошелева**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 09.01.2004. Подписано в печать 20.04.2004. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 7000 экз. Заказ 43034.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02699-3